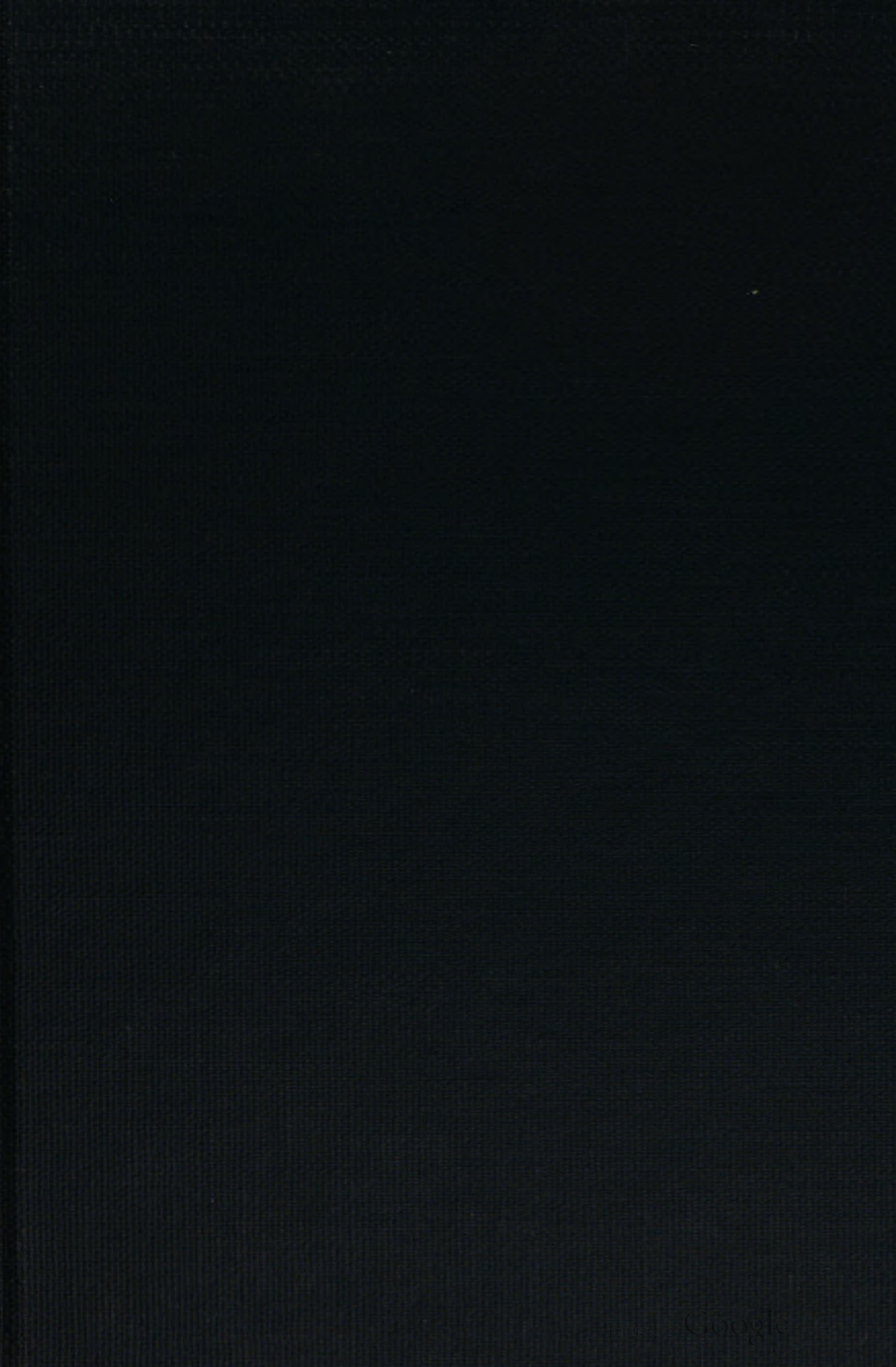
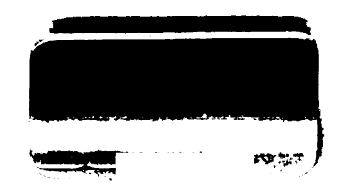

PROPERTY OF
University of
Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Shakhmatov, Aleksiei Aleksandrovich.

А. Шахматовъ.

Изслѣдованія

Izsliedovaniia

въ области

V oblasti

Русской фонетики.

Russkoi Fonetiki

Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
КОРОЛЕВСКАЯ № 13.

1893.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 7 октября 1893 года.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ
въ области русской фонетики.

Настоящее изслѣдованіе посвящено исторіи звуковъ *о* и *е* въ русскомъ языкѣ. Исторію языка и самый языкъ я старался обхватить при этомъ во всемъ ихъ объемѣ, но многія стороны и языка и его исторіи остались незатронутыми въ виду недостаточнаго знакомства моего съ живыми русскими нарѣчіями и древними памятниками. Особенно ощутительно для меня плохое знаніе фактовъ современнаго живого языка: изслѣдованіе мое приняло бы вѣроятно совершенно иной характеръ, еслибы въ моемъ распоряженіи было большее количество фактовъ изъ современныхъ великорусскихъ говоровъ. Не могу не выразить при этомъ глубокой благодарности Е. И. Якушкину, доставившему мнѣ возможность просмотрѣть рядъ отвѣтовъ, полученныхъ отъ учителей и учительницъ Ярославской губерніи, на предложенную имъ программу собиранія данныхъ мѣстныхъ говоровъ Ярославской губерніи. Изъ этихъ программъ я воспользовался очень большимъ количествомъ фактовъ и ниже обозначаю сокращенно словомъ *программа* этотъ богатый источникъ. Поразительно мало сдѣлано еще для изученія великорусскихъ говоровъ, но, долженъ признаться, что я въ этомъ изслѣдованіи не успѣлъ воспользоваться даже всѣмъ тѣмъ, что напечатано.

Я не счелъ удобнымъ включить въ этотъ трудъ указаній на исторію предмета и вообще избѣгалъ всякой полемики, какъ съ отжившими, такъ и съ существующими воззрѣніями на изслѣдуемыя явленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако считаю необходимымъ просить Ѳ. Ѳ. Фортунатова

извинить меня за то, что, повторяя высказанныя впервые имъ положенія, я иной разъ не ссылаюсь на него; но мысли Фортунатова становятся понемногу общимъ достояніемъ, благодаря ученикамъ его, которые не могутъ хранить подъ спудомъ всего того, что знаютъ изъ устныхъ бесѣдъ и изъ лекцій своего учителя.

Изслѣдованіе свое я разбилъ на отдѣльныя главы: первыя четыре главы имѣютъ характеръ вводной части. Извиняюсь передъ читателями за сбивчивое иной разъ изложеніе: въ оправданіе свое приведу, что писалъ спѣша и не имѣлъ времени подвергнуть весь трудъ должной обработкѣ.

Алексѣй Шахматовъ.

Губаревка
Саратовскаго уѣзда
Ноябрь 1892 г.

Глава 1-ая.

О звукахъ о и е въ языкѣ общеславянскомъ.

Звукъ *е* въ общеслав. языкѣ является какъ въ положеніи послѣ согласныхъ, такъ и послѣ гласныхъ (напр. въ сочетаніяхъ ǵе, ае, ѣе и др.). Въ началѣ слова звукъ *е* не былъ извѣстенъ въ общеслав. языкѣ, ибо получалъ передъ собою неслоговое *ĭ*, которое переходило въ такомъ положеніи въ *j* (см. ниже). Звукъ *е* не является также послѣ смягченныхъ согласныхъ (č, ž, š, čt', ǧd', c, s, l', r', n', особаго рода s') и послѣ j, такъ какъ онъ измѣнялся въ такомъ положеніи въ ŏ и ă (см. ниже).

Звукъ ē первоначальное (объ ē позднѣйшаго происхожденія см. далѣе) въ общеслав. языкѣ незадолго до его распаденія измѣнился въ дифтонгическое сочетаніе *ie*, въ которое перешло и *ö* долгое, являвшееся изъ древняго дифтонга *oi*. Но еще до означеннаго перехода звукъ ē въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ и послѣ j переходилъ въ *a* (см. ниже); вслѣдствіе этого послѣ означенныхъ согласныхъ мы не находимъ въ общеславянскомъ языкѣ звука *ѣ* изъ первоначальнаго ē (но *ѣ* изъ первонач. *ö* долгаго = *oi* могло являться послѣ этихъ согласныхъ).

Звукъ *ŏ* краткое — звукъ не первоначальный въ общеславянскомъ языкѣ и являлся, какъ мы увидимъ ниже, при извѣстныхъ условіяхъ изъ звука *е*.

Звукъ *ö* долгое — звукъ также не первоначальный и являясь, какъ сказано, изъ дифтонга *oi*, распался затѣмъ въ дифтонгическое сочетаніе *ie* (объ *ö* долгомъ другаго происхожденія см. далѣе).

Звукъ *ä*, какъ мы увидимъ ниже, являлся въ опредѣленныхъ рѣдкихъ случаяхъ вмѣсто *е* при такомъ же положеніи, при какомъ вм. *е* являлось *ŏ*.

Переходя къ вопросу, какъ звучало *е* въ общеслав. языкѣ — открыто или закрыто, замѣчу, что вѣроятнѣе думать объ открытомъ его произношеніи по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ оно не подверглось удлиненію (см. ниже). Открытымъ же звукомъ было вѣроятно *е* въ дифтонгическомъ сочетаніи *іе*. Передъ звукомъ *е*, также какъ передъ *і*, *іе*, ь (въ его слоговомъ употребленіи), губныя и зубныя согласныя были въ общеслав. языкѣ вѣроятно полумягкими.

Звукъ *о* въ общеслав. языкѣ являлся какъ въ началѣ слова, такъ и въ положеніи послѣ согласныхъ и гласныхъ (напр. въ сочет. *-ио-*). Послѣ смягченныхъ согласныхъ, а также послѣ j и ḭ звукъ *о* не былъ извѣстенъ въ общеслав. языкѣ и вмѣсто него являлся звукъ *е* съ позднѣйшимъ его измѣненіемъ въ положеніи послѣ этихъ звуковъ (кромѣ ḭ) въ *ŏ*: licŏ непосредств. изъ lice, а это изъ liko, jŏγo изъ jeγo, а это изъ joγo, or'ŏmъ изъ or'emъ, а это изъ orjomъ, dobroḭe изъ dobrojo, igraḭemъ изъ igrajomъ и т. д. Звукъ *о*, тамъ гдѣ онъ не подвергся удлиненію, былъ звукомъ открытымъ, не склоннымъ къ *и*.

Что касается долгихъ *е*, *о*, *ŏ* въ общеслав. языкѣ, то долгота ихъ новая; первоначальное долгое *е*, равно и долгое *ŏ* изъ дифтонга *оі*, распались въ общеслав. языкѣ въ дифтонгическое сочетаніе *іе*, въ положеніи же послѣ смягченныхъ согласныхъ вмѣсто ē явилось, какъ мы увидимъ, ā. Долгія *е*, *о*, *ŏ* замѣнили краткія *е*, *о*, *ŏ* въ положеніи ихъ передъ слогомъ съ неслоговымъ ъ и ь, причемъ долгота ихъ—это слѣдствіе удлиненія, которому они подверглись въ зависимости отъ перехода ъ и ь слоговыхъ въ неслоговые. На такія долгія общеслав. *о* и *е* указываетъ между прочимъ сербскій языкъ, гдѣ въ соотвѣтствіи съ общеслав. medъ, ledъ, nosъ, bogъ, находимъ мéд, лéд, нôс, бôг (р. меда и т. д.), а также малорусское нарѣчіе. гдѣ имѣемъ діалект. мјуод, люод, нуос, буог, откуда мід, лід, ніс, біг. Тоже подтверждаетъ польскій языкъ, гдѣ находимъ miód, lód, bóg, vóz и т. д. причемъ, конечно, невозможно объяснять *ó* изъ *о* вліяніемъ конечной звучной согласной и напротивъ вполнѣ естественно предполагать,

что ô, измѣняясь вообще въ *o*, сохранялось (въ качествѣ еще долгой гласной) передъ конечными звучными согласными. Чешское ů въ bůh, dům, nůž и др. можно объяснить поэтому изъ общеслав. ō новаго происхожденія и также словинскія ō въ bôg, môst, nôs, ē въ méd, léd, возводятся въ общеслав. ō и ē.

Объ измѣненіи *e* и ē въ *ö* и ā въ общеслав. языкѣ. Въ извѣстную эпоху жизни общеслав. языка, эпоху предшествовавшую распаденію ē въ *ie*, звуки j и смягченныя согласныя оказывали на слѣдующія нёбныя гласныя (ь, *e*, ē, е носовое, і носовое, ŭ носовое) такое вліяніе, вслѣдствіе котораго эти послѣднія, утрачивая часть своей нёбности, становились звуками менѣе нёбными, болѣе открытыми: *e* измѣнялось въ ŏ, ē измѣнялось въ ā, вѣроятно черезъ посредство ä долгаго, ь измѣнялось въ ŭ ирраціональное, і носовое измѣнялось въ ę (указаніе на это принадлежитъ Ф. Ѳ. Фортунатову, который объясняетъ žędati изъ židati съ і носовымъ), ŭ долгое носовое измѣнялось въ ō долгое носовое (указаніе на такое измѣненіе принадлежитъ Фортунатову, который объясняетъ старосл. оконч. -ѩ, рус. -ѣ въ род. ед. ж. р., в. мн. м. и и ж. р. изъ ŭ носоваго долгаго послѣ *j* или смягчённой согласной черезъ посредство *ö* носоваго долгаго, откуда *ie* носовое). Такъ явилось въ общеслав. языкѣ напр. čāsъ, žālь изъ čēsъ, žēlь, ср. старослав. часъ, жаль; также žŏna, čŏtyre, jŏγo, šŏstь, šŏsti и т. д.

Объ измѣненіи *e* въ *ä* въ общеслав. языкѣ. Указанное выше измѣненіе *e* въ *ö*, ē въ ā и т. д. не стояло въ зависимости отъ слѣдующаго слога. Но тамъ, гдѣ въ слогѣ, слѣдующемъ за слогомъ съ *e*, которому предшествовали j или смягченныя согласныя, стояли въ общеслав. языкѣ звуки *i*, *e*, а также *ie* (ѣ), они ассимировали себѣ это *e*, и вслѣдствіе этой ассимиляціи оно не переходило въ ŏ, или можетъ быть вѣрнѣе *ö* изъ *e* въ положеніи передъ слогомъ съ *e*, *i* не могло сохранять своего

звука, подвергаясь ассимиляціи сосѣднимъ нёбнымъ гласнымъ. Избѣгая такой ассимиляціи, ибо вслѣдствіе пея за смягченными согласными и j снова явился бы звукъ *e*, языкъ прибѣгъ къ диссимиляціи: звукъ *ŏ* переходилъ въ болѣе открытый звукъ *ä*, на который сосѣднія нёбныя гласныя уже не могли оказывать вліянія. Такое *ä* мы находимъ напр. въ общеслав. žälězo изъ želězo, причемъ на *ä*, переходившее, какъ увидимъ, еще въ общерусскомъ языкѣ въ *a*, указываетъ Олон. и Онеж. жалѣзо, Олон. Арх. и Вол. залѣзо (Колосовъ, Замѣтки II, 47), юж. и зап. залѣзо и зализо (Словарь Даля), малорос. залізо, залізны (объ отношеніи этихъ формъ къ формамъ желѣзо, желізо, діал. сѣвернов. жолѣзо и золѣзо см. дальше); такое же *ä* находимъ въ общеслав. žäniχъ, žänitisę; ср. ср. совр. Ол. жанихъ, жаниться, ščämiti ср. Нов. щамить, ščäpiti ср. малор. щапыты при щепыты и т. д. (другіе примѣры см. дальше). Въ положеніи послѣ j звукъ *ŏ* изъ *e* также измѣнялся въ *ä*, если въ слѣдующемъ слогѣ находилась гласная *e* или *i* въ силу указанныхъ выше причинъ; передъ *ä* *j* отпадалъ въ нѣкоторыхъ діалектахъ общеслав. яз. и между прочимъ какъ въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, лежащихъ въ основаніи старослав. языка, такъ и въ тѣхъ нарѣчіяхъ его, которыя отразились въ русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ явились общеслав. jäsetrъ, jäzero, jädinъ и т. д. и діалектическія äsetrъ, äzero, ädinъ, ср. старосл. єзєро, єдинъ при ѥзєро, ѥдинъ. (Указаніе на отпаденіе *j* передъ начальнымъ *e* въ положеніи именно передъ слогомъ съ гласными *e* и *i* — въ нарѣчіяхъ общеслав. яз. принадлежитъ Фортунатову).

О звукѣ *e* въ положеніи послѣ j въ общеслав. языкѣ. Въ числѣ согласныхъ, вліявшихъ на измѣненіе звуковъ *e*, ē и др. въ *ŏ*, ā, находимъ, какъ указано, *j*. Но мнѣ представляется невѣроятнымъ думать, чтобъ подобное же вліяніе на слѣдующія нёбныя гласныя оказывалъ звукъ j. Я принимаю, что въ эпоху, когда имѣли мѣсто указанныя измѣненія нёбныхъ гласныхъ, неслого-

вое *i* сохранялось лишь между гласными и при томъ лишь въ положеніи ихъ въ срединѣ слова въ слогѣ, слѣдующемъ за удареніемъ; въ началѣ же слова и въ слогѣ предшествующемъ ударенію ḭ измѣнялось въ j. Лишь такое предположеніе можетъ объяснить чередованіе звуковъ *j* и ḭ въ общеслав. яз., причемъ ḭ въ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ исчезло (ср. серб. па̂с, чеш. pásek, пол. pas при рус. поясъ). Въ положеніи послѣ ḭ, примыкавшаго въ слоговомъ отношеніи къ предшествующей гласной, звукъ *e* оставался неизмѣненнымъ. На то, что въ общеслав. яз. при jŏmu было dobroḭe указываетъ малор. jому при доброе; равнымъ образомъ сохранялось *e* въ общеслав. рутаḭemъ, krasьnѣḭe, ustroḭeпъ и т. д.

Глава 2-ая.

Звуки е и о въ общерусскомъ языкѣ.

Общеславянскимъ звукамъ *е*, *ŏ*, *ä*, *ѣ*, *ȯ*, соотвѣтствовали въ общерусскомъ языкѣ звуки *е*, *ŏ*, *ä*, *ѣ*, *о*. Но при этомъ имѣли мѣсто нѣкоторыя фонетическія явленія, которыя мы и разсмотримъ въ этой главѣ.

Звукъ *е* являлся въ общеслав. языкѣ въ положеніи послѣ полумягкихъ согласныхъ (см. выше), а также послѣ придыханія *h* (случай, указанный Фортунатовымъ въ мѣстоименной основѣ he-), послѣ гласныхъ слоговыхъ, а также неслоговаго *i̯*. Звукъ *ŏ* являлся въ положеніи послѣ *j* и смягченныхъ согласныхъ. Въ общерусскомъ языкѣ полумягкія согласныя въ положеніи передъ *е*, *i*, *ѣ*, *ь* (слоговымъ), ę становились мягкими, твердыя же губныя и зубныя передъ *ь* неслоговымъ становились здѣсь полумягкими. Законъ этотъ былъ слѣдствіемъ полной ассимиляціи согласнаго звука слѣдующей нёбной гласной и дѣйствовалъ рядомъ съ закономъ о полной ассимиляціи гласнаго нёбнаго звука слѣдующей нёбной согласной. Дѣйствіе обоихъ этихъ законовъ измѣнило полученные изъ общеслав. языка звуки *е* и *ŏ* въ русскомъ языкѣ. Звуки *е* и *ŏ*, ассимилируясь слѣдующимъ мягкимъ и полумягкимъ согласнымъ, измѣнялись въ звукъ *е* склонное къ *i* (*e*ⁱ): nesi переходило въ nⁱeⁱsi, šŏsti въ šeⁱsⁱtⁱi, jŏstь въ jeⁱstь и т. д. И точно также измѣнялось *е* въ положеніи послѣ *h*, послѣ i̯ и послѣ гласныхъ слоговыхъ передъ слѣдующими нёбными согласными: heⁱščŏ, pytaeⁱši, igrai̯eⁱtь и т. д. Между тѣмъ законъ о появленіи звука *ŏ* вм. *е* въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ и *j* оставался въ силѣ и при этомъ распространился и на мягкія соглас-

ныя, которыя стали влiять на слѣдующее *е* (но не е') такъ же, какъ смягченныя согласныя и *j*: звукъ *е* измѣнялся послѣ нихъ въ *ӧ*: n'esu, v'edu, s'elo измѣнялись въ n'ӧsu, v'ӧdu, s'ӧlo. Такимъ образомъ дѣйствiе указанныхъ двухъ законовъ имѣло послѣдствiемъ, что звукъ *ӧ* являлся въ положенiи какъ послѣ мягкихъ, такъ и послѣ смягченныхъ согласныхъ и j только передъ слѣдующимъ твердымъ слогомъ, или точнѣе въ положенiи не передъ нёбной согласной, звукъ же *е'* являлся въ положенiи какъ послѣ мягкихъ согласныхъ, смягченныхъ согласныхъ и j, такъ и въ положенiи послѣ j, слоговыхъ гласныхъ и *h*, передъ слѣдующими нёбными согласными. Впрочемъ измѣненiе звука *е* послѣ мягкихъ согласныхъ не было вполнѣ тождественно съ имѣвшимъ мѣсто въ общеслав. языкѣ измѣненiемъ этого звука послѣ согласныхъ смягченныхъ: въ общеслав. языкѣ измѣненiе *е* въ *ӧ* послѣ указанныхъ согласныхъ было совершенно независимо отъ слѣдующаго согласнаго звука, и ему подверглось также *е* въ открытомъ конечномъ слогѣ; въ русскомъ языкѣ измѣненiе *е* въ *ӧ* не имѣло мѣста передъ нёбными согласными и обусловилось положенiемъ *е* передъ согласной ненёбной; вслѣдствiе этого *е* въ конечномъ открытомъ слогѣ оставалось въ общерус. языкѣ неизмѣненнымъ въ *ӧ* въ положенiи послѣ мягкихъ согласныхъ и сохраняло свой общесл. звукъ (*е* открытое). Такимъ образомъ въ общерусскомъ языкѣ при pol'ӧ, licӧ, našӧ и т. д. являлось je'st'e, bud'e, bojar'e и т. д. Одновременно съ измѣненiемъ звуковъ *е*, *ӧ* въ *е'* передъ нёбной согласной измѣнился звукъ *ь* (слоговой) передъ нёбной согласной въ направленiи къ *i*, а *ъ* слоговое послѣ мягкихъ согласныхъ и передъ твердой согласной измѣнилось въ *ӥ* иррац. подобно какъ послѣ этихъ согласныхъ являлось *ӧ* вм. *е*; ср. общеслав. *ӥ* иррац. вм. *ъ* въ положенiи послѣ смягченныхъ согласныхъ.

Объ общерусскомъ измѣненiи звука *ӧ* въ *о* въ положенiи передъ *l* слоговымъ. Общеславянск. языкъ имѣлъ передъ гласными и согласными звукъ *l* за-

крытый (франц. *l*). Это *l* еще въ общеслав. языкѣ въ зависимости отъ слѣдующихъ нёбныхъ гласныхъ переходило передъ ними въ *l* полумягкое (*le*, *li*, *lь*, *lъ*, *lō* съ полумягкимъ *l*); такое же *l* полумягкое являлось въ общеслав. языкѣ вм. *l* въ положеніи послѣ нёбной гласной ь̑, когда за *l* слѣдовали согласныя гортанныя, губныя или мягкія зубныя, при чемъ звукъ *l* также какъ *r* былъ въ такомъ положеніи слоговымъ въ общеслав. языкѣ. Еще раньше имѣлъ мѣсто, по указанію Фортунатова, переходъ *l* слоговаго въ *l* слоговое въ положеніи послѣ ь̑ и ъ̑, когда этимъ ь̑ и ъ̑ предшествовали зубныя (простыя и смягченныя) и при этомъ ь̑ переходило въ ъ̑ послѣ простыхъ зубныхъ, въ *й* неслоговое ирращ. послѣ смягченныхъ. Въ общерусскомъ языкѣ *l* полумягкое въ положеніи передъ нёбными гласными по общему закону объ измѣненіи полумягкихъ согласныхъ измѣнилось въ *l* мягкое. Полумягкое же *l* (ḷ) въ положеніи передъ нёбными гласными по общему закону объ измѣненіи полумягкихъ согласныхъ измѣнилось въ *l* мягкое. Полумягкое же *l* (ḷ) въ положеніи передъ согласными, а также *l* твердое измѣнились въ общерусскомъ языкѣ въ *l* (ḷ). Въ связи съ этимъ переходомъ ḷ въ ḷ предшествующее ь̑ измѣнялось, ассоціируясь слоговому ḷ, въ звукъ болѣе открытый ъ̑, и такимъ образомъ вмѣсто общеслав. vь̑ḷ'kъ, pь̑ḷnъ, mь̑ḷ'čati являлись vъ̑ḷkъ, pъḷnъ, mъ̑ḷčati (ср. общеслав. переходъ ь̑ въ ъ̑ въ случаяхъ какъ dъ̑ḷgъ, tъḷstъ въ dь̑ḷgъ, tь̑ḷstъ). Равнымъ образомъ измѣнялся передъ ḷ и ḷ звукъ *ō*.

Звукъ *ō* переходилъ въ болѣе открытый звукъ *o* послѣ мягкихъ согласныхъ, при чемъ эти согласныя утрачивали свою мягкость. Такъ переходило общеслав. meḷko въ общер. m'ōḷko и потомъ въ moḷko, откуда moloko; также явились общерусскія połonъ, vołoku, sołom'a, mołoti и т. д. изъ общеслав. peḷnъ, veḷku, seḷmę, meḷti черезъ посредство p'ōḷnъ, v'ōḷku, s'ōḷm'a, m'ōḷti. Переходъ *ō* въ *o*, въ зависимости отъ измѣненія слѣдующаго *l* въ *l*, имѣлъ мѣсто только передъ ḷ слоговымъ и является однимъ изъ указаній на слоговой характеръ *l* и *r* въ поло-

женіи ихъ между гласными *о* или *е* и слѣдующими согласными. Въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ находимъ въ общерус. šolomъ, žolobъ, čolonъ, при чемъ *о* послѣ смягченныхъ согласныхъ звучало вѣроятно какъ ŏ склонное къ *о*.

Объ общерусскомъ измѣненіи начальнаго *ӓ* въ *о*. Звукъ *ӓ*, являвшійся въ общерус. языкѣ въ соотвѣтствіи общеславянскому *ӓ* въ положеніи передъ слѣдующими мягкими согласными (изъ полумягкихъ), за которыми слѣдовали звуки *е*, *i*, *ѣ*, не ассимилировался этимъ нёбнымъ согласнымъ, какъ ассимилировались имъ звуки *е* и *ŏ*. Это объясняется тѣмъ, что звукъ *ӓ* заключалъ въ себѣ мало нёбнаго элемента, будучи весьма близкимъ къ *а*. Въ положеніи послѣ согласныхъ (смягченныхъ) звукъ *ӓ* оставался въ общерус. языкѣ неизмѣненнымъ и о позднѣйшемъ его измѣненіи въ *а* мы скажемъ ниже. Въ положеніи звука *ӓ* въ начальномъ открытомъ слогѣ онъ измѣнялся въ звукъ *ŏ* склонное къ *о* по тому общему закону русскаго языка, по которому всякое начальное *а* измѣнялось въ *о*; звукъ же *ŏ* склонное къ *о* переходилъ далѣе въ *о*. Такое *ӓ* являлось въ общерус. языкѣ въ соотвѣтствіи съ общеслав. діалект. ja изъ je, причемъ отпаденіе *j* имѣло мѣсто еще въ нарѣчіяхъ общеславян. языка. Такъ въ соотвѣтствіи общеславянскимъ äzero, älenь и т. д. явились въ общерусск. языкѣ слова озеро, олень, осень, осетръ, олико (Толк. апос. 1220 г. Воскрес. с. 57), ѡлико (Корм. 1282 Рус. Дост. I, 83), олишьды (Син. Пат. XII в. Св. и Зам. N 85, с. 104), одинъ (Жит. Θеод. XII в.), овинъ и т. д., ср. старослав. езеро, единъ, елико, при ѥзеро, ѥдинъ, ѥлико, ѥлень и т. д. Въ формахъ едной (сѣверновеликор.), одинъ розъедный (сарат.), едэн (малор.), евня (малор.), евня, ёвня, ёвна (бѣлор.), *евъл*[x], *'еви* (Уст. Сигизм. Авг. 1557, Памятники изд. врем. ком. сс. 5, 63), звукъ *je* восходитъ къ общерусскому звуку *je*[1] изъ общеслав. *jŏ* передъ нёбной согласной. Точно также *je* въ великор. ёж, ежáк, малор. Ïж, Ïжак, восходитъ

къ общерус. *je*[1] передъ нёбной согласной, напротивъ *o* въ великорусск. ожище (Орлов. ажище Обзор Колосова 70), ожикъ (ср. бѣлор. вóжик) восходитъ къ общерусскому *o* изъ начальнаго *ä*. Что же касается бѣлорус. ёж, ёжик, а также малор. ёрж, ёржй (вліяніе слова ёрш), то *ё* въ нихъ заимствовано изъ формъ съ *o*, ибо ни въ бѣлор., ни въ малор. *ё* не могло явиться фонетически изъ *e* въ положеніи передъ *ж* (ср. бѣлор. діалект. аде'жа при в.-русск. одёжа), ср. *ё* сходнаго происхожденія въ малорусск. ёдэн, Новг. ёдин (Замѣтки Кол. I с. 17) подъ вліяніемъ одéн, один. Въ ежевика великор., ежэвыка малор., *je* восходитъ къ общерус. je[1] изъ общеслав. jŏ передъ нёбной согласной, причемъ въ общеслав. здѣсь являлось jŏ не jă (откуда *ä*) въ виду именно того, что въ слѣдующемъ слогѣ былъ не звукъ *e* (или *ĭ*), а *ŏ*: jŏžŏvika; напротивъ въ ожына малор., ожына великор., ажина бѣлор. звукъ *o* восходитъ къ общеслав. начальному *ă*. Въ ожевина великор. (Даль s. v. ожина), ежына малор. видимъ *o* вм. *e*, *e* вм. *o* вслѣдствіе смѣшенія основъ ож- и jеж-. Замѣчу, что чередованіе *e* и *o* въ ёлха при ольха, малор. вільха не фонетическое, а представляетъ чередованіе корня съ *e* съ корнемъ съ *o*.— Нефонетическимъ является чередованіе *e* и *o* въ эще и эщо великор. при още великор. и др. рус., еще и ещо великор., іщэ и ещэ малор., причемъ, какъ указываетъ Фортунатовъ, эще восходитъ къ общеслав. формѣ съ he-, още къ общеслав. формѣ съ ho-, jеще къ общеслав. формѣ съ je-. Тоже слѣдуетъ сказать о чередованіи *je* и *o*—въ едва при одва, еже (союзъ) при оже, юсе при осе и *э*—въ это, эстимъ и др.

Діалектически однако какъ въ общеслав. такъ и въ общер. сохранялось начальное jă, переходившее фонетически въ ja. Такое ja мы въ единичныхъ случаяхъ встрѣчаемъ какъ въ великорусскихъ, бѣлорусскихъ, такъ и въ малорусскихъ говорахъ, причемъ въ южно-великор. нарѣчіи—ja въ неударяемомъ слогѣ чередуется съ je[1], ji, и такое же чередованіе какъ подъ удареніемъ такъ и безъ ударенія замѣчается въ сѣверновеликор. нарѣчіи. Срав.

новг. езеро (и лезеро) приводимое въ Замѣткахъ Колосова I, 12, ряз. есень (Даль), тамб. есенясь (Даль), ряз. есенью (источникъ не могу указать). Въ малорус. находимъ *я*, напр. ялына, ялыця причемъ їль и ель, елка (откуда и їлына) замѣняется черезъ яль, ялка, ср. также яло́вый, яловець (= смол. еленецъ juniperus communis); бѣлор. елина можетъ восходить какъ къ je'лина (подъ вліяніемъ jель), такъ и къ ялина; точно также имѣемъ малор. я́сэтр (слов. Желех.) при осэ́тр.

О звукѣ *ѣ* въ общерусскомъ языкѣ. Общеславянскій звукъ *ѣ* (*ie*) сохранился какъ *ѣ* (*ie*) и въ общерусскомъ языкѣ, но при этомъ, въ силу указаннаго выше закона, звукъ *е* въ дифт. сочетаніи *ie* передъ нёбными звуками переходилъ въ *е'*: такимъ образомъ въ открытомъ конечномъ слогѣ и передъ твердыми согласными являлся звукъ *ie* съ *е* открытымъ склоннымъ къ *а*, а передъ нёбными согласными и ј сочетаніе *ie* имѣло звукъ *е* закрытый склонный къ *i*: viera, но vie'riti, vie'rie. Открытое *е* въ *ie* въ положеніи передъ *а* рано измѣнилось въ общер. яз. въ *а*: отсюда *iaa* вм. *ѣа*: xot'aaxu вм. xotѣaxu, причемъ *i* исчезало послѣ смягчившейся согласной.

Явленія, описанныя въ настоящей главѣ, имѣли мѣсто въ древнѣйшемъ періодѣ общерусскаго языка; процессъ того или другаго измѣненія, о которыхъ мы здѣсь говорили, нельзя поэтому прослѣдить по памятникамъ или по даннымъ современныхъ живыхъ говоровъ. Указаніе на то, что дѣйствительно въ общерусскомъ языкѣ имѣли мѣсто эти явленія, извлекается изъ разсмотрѣнія въ совокупности всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ исторія языка. Мы сказали во первыхъ, что въ общерусскомъ языкѣ согласныя, бывшія въ общеслав. языкѣ полумягкими въ положеніи передъ звуками *е*, *i*, *ѣ*, *ę*, *ь* (слоговымъ) становились мягкими. Указаніе на полумягкость согласныхъ передъ этими нёбными гласными въ общеслав. языкѣ находимъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ общеслав. яз.:

такъ переходъ *k* и *g* въ *c* и *з*, имѣвшій мѣсто въ діалектахъ общеслав. языка передъ *v*, за которымъ слѣдовали звуки *ѣ* или *i*, можно объяснить, только допустивъ, что *v* въ такомъ положеніи, т. е. передъ нёбными гласными *ѣ* и *i* становилось полумягкимъ (cvětъ, svězda при květъ, gvězda); говорю полумягкимъ, а не мягкимъ потому, что изъ славянскихъ нарѣчій, въ которыхъ *e* и *i* не смягчаютъ предшествующей согласной, видно, что согласныя эти, отвердѣвшія въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, восходятъ именно къ полумягкимъ звукамъ, ибо мягкія согласныя не могли отвердѣть, какъ видно изъ тѣхъ же нарѣчій: дѣйствительно мягкія *r*, *l*, *n* изъ согласныхъ смягченныхъ (восходятъ къ *rj*, *lj*, *nj*) остались здѣсь мягкими и напр. при серб. небо, низак, находимъ к нему, нива, при чеш. nebe, nit' kněmu, kněha (при kníha съ долгимъ *i*, ср. níva). Въ виду этого русскую и польскую мягкость согласныхъ передъ нёбными гласными нельзя возводить къ общеслав. эпохѣ и ее слѣдуетъ признавать развившеюся изъ полумягкости на русской и польской почвѣ. Но что эта мягкость развилась еще въ общерусскую эпоху видно, какъ изъ сопоставленія великорусскаго съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, такъ и изъ указаній нарѣчія малорусскаго. Въ соврем. малорусскомъ являются не мягкія согласныя, а твердыя передъ звуками, замѣнившими общерусскія *i* и *e* (*ы* и *э*), и при этомъ сочетаніе согласная твердая + *ы* или *э* безразлично замѣняетъ какъ сочетаніе, восходящее къ общеслав. сочетанію полумягкая согласная + *i* или *e*, такъ и общесл. сочетаніе мягкая (изъ смягченной) согласная + *i* или *e*: ср. нэбо, нызкый, ныть при кнэму, кныга, ныва, полэ и т. д. Что мы имѣемъ дѣло не съ отвердѣніемъ согласныхъ, а съ переходомъ гласныхъ *i*, *e* въ *ы*, *э*, передъ которыми должны были отвердѣть согласныя, видно изъ того, что передъ *o*, замѣнявшимъ въ единичныхъ случаяхъ *ŏ*, согласныя мягки: лён, пенёк, тёмный. Если бы мы имѣли дѣло съ отвердѣніемъ согласныхъ, непонятно было бы сохраненіе мягкихъ согласныхъ въ случаяхъ какъ тьма, укр. ходыть, укр. бэрэть, шість, и отвердѣніе въ положеніи

передъ *e* изъ слоговаго ъ, напр. въ дэнь; еще страннѣе было бы появленіе *т* мягкаго въ окончаніи 2 л. мн. берiть, ходiть при -тэ въ бэрэтэ, ходытэ; напротивъ мягкость конечнаго *т*, какъ это указалъ Потебня, доказываетъ первоначальную мягкость *т* передъ *e* въ древнемалорусскомъ. Наконецъ находимъ мягкія согласныя передъ дифтонгическими сочетаніями *ie* и *uŏ* (откуда *i*), явившимися изъ *e*' и *ŏ* долгихъ, причомъ такая мягкость ясно указываетъ на первоначальную мягкость согласныхъ передъ звуками *e*' и *ŏ*: ср. укр. нiс (нёсъ) съ *н* мягкимъ въ противоположность нiс (носъ) съ *н* діалект. твердымъ, ибо въ первомъ случаѣ *i* изъ *uŏ*=*ŏ* долгое, во второмъ *i* изъ *uo*=*o* долгое; также мягко *c* въ сiм (семь), гдѣ *i* изъ *ie*=*e* долгое, ср. твердое *c* въ сiль (соль), гдѣ *i* изъ *uo*=долгое *o*. Относительно губныхъ согласныхъ слѣдуетъ замѣтить, что мягкія губныя являлись лишь въ нѣкотор. нарѣчіяхъ общерусскаго языка (m'aso, ср. великор. мясо); въ другихъ же нарѣчіяхъ вмѣсто мягкой губной (изъ общеслав. губной полумягкой) являлась губная полумягкая + *j*, т. е. полумягкая губная при условіи, требовавшемъ появленія мягкой согласной, вм. полумягкой, развивала за собою въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ общерусскаго яз. звукъ *j*: m'jaso, m'jŏda, p'je'či ср. бѣлор. мъясо, мъёда и мьясо, мьёда, малор. мъясо и мнясо изъ мьясо. Мы сказали во вторыхъ, что передъ неслоговымъ ь согласныя становились въ общерусск. языкѣ полумягкими; что передъ этою гласною въ общеслав. языкѣ согласныя не были полумягкими можно кажется заключать изъ старослав. языка, представляющаго уже въ древнѣйшихъ памятникахъ смѣшеніе буквы ь съ буквою ъ въ неслоговомъ ихъ употребленіи: ср. 3 л. ед. и мн. -тъ при -ть и т. д. Впрочемъ, вѣроятно еще въ общеслав. языкѣ полумягкость согласныхъ изъ формъ съ окончаніями -и, -ь слоговымъ переносились въ формы съ окончаніемъ неслоговое ь: такъ, подъ вліяніемъ *t* полумягкаго въ šesti, desęti являлось полумягкое *t* въ šestь, desętь. Полумягкое *t* въ общерусс. языкѣ перешло въ *t* мягкое въ šesti, p'ati и отсюда переносилось въ формы какъ šest', p'at'. Что

въ общерусскомъ языкѣ согласныя *t*, *d*, *l* и т. д. въ словахъ какъ šestʻ, pʻiatʻ, miedʼ и т. д., были мягкими, а напр. въ окончаніи 3 л. ед. и мн. *t* было полумягко, видно изъ того, что въ отдѣльныхъ говорахъ русскаго языка *t* въ этомъ окончаніи отвердѣвало, но сохранялось мягкимъ въ им. ед. именъ существительныхъ: великор. ходит, берёт, но нить, сѣть, галиц. бэрэт, ходыт, но нэйсыть, нэчэсть и т. д. И такъ отвердѣвали въ говорахъ русскаго языка лишь полумягкія согласныя и при томъ какъ полумягкія согласныя русскаго происхожденія, такъ и полумягкія согласныя, полученныя общерусскимъ языкомъ изъ языка общеславянскаго; такую полумягкую согласную видимъ въ полумягкомъ *r*, явившемся изъ общеслав. *r* слоговаго полумягкаго, а *r* слоговое въ общеслав. яз. было полумягкимъ въ положеніи не передъ твердыми зубными согласными; общерус. vъrʻxъ, pъrʻvyj, ср. великор. верьх, перьвый при верх, первый; карп. вирьх (Ogonowski 70) при укр. вэрх. Относительно губныхъ согласныхъ слѣдуетъ повидимому думать, что они оставались полумягкими и въ томъ положеніи, при которомъ вмѣсто полумягкихъ зубныхъ являлись зубныя мягкія: что въ формахъ им. ед. кровь, любовь, голубь и т. д. губныя были не мягки, а полумягки, видно изъ формъ великорусскихъ говоровъ кров, любов, голуб и такихъ же бѣлорусскихъ и малорусскихъ формъ. Мягкія губныя являлись лишь діалектически: ср. москов. кровь, голубь, любовь. Напротивъ относительно звука *l* представляется вѣроятнымъ думать, что общеслав. *l* полумягкое измѣнилось въ рус. языкѣ въ *l* (ср. вышеприведенныя волкъ, молчать и т. д.), а тамъ, гдѣ такого измѣненія имѣть мѣста не могло, напр. въ положеніи передъ неслоговымъ *l*, общерусс. полумягкое *l* измѣнялось въ *l* мягкое: načalʻnikъ, pečalʻnyj, silʻnyj, ср. *л* мягкое въ такихъ словахъ какъ въ великорусскомъ и бѣлорус., такъ и въ малорус. нарѣчіи. Лишь діалектически въ великор., бѣлор. и малор. нарѣчіяхъ тамъ, гдѣ *l* переходитъ въ *u* неслоговое такому же измѣненію подверглось и *l* мягкое: велик. боўшой и потомъ болшой. Высказавъ далѣе, что въ общерусскомъ языкѣ имѣло

мѣсто измѣненіе звука *е* въ положеніи передъ твердыми согласными подъ вліяніемъ предшествующихъ мягкихъ согласныхъ въ *ŏ*, мы имѣли въ виду слѣдующія соображенія. Возводить сѣв. великор. сёло, бѣлор. и южновеликор. сяло слѣдуетъ несомнѣнно къ общей формѣ сёло, причемъ южновеликор. се'ло и сило замѣнили звукъ *ĕ* звукомъ *е'*, заимствованнымъ изъ неударяемыхъ словъ передъ слѣдующей мягкой согласной. Восточнорусское (такъ обозначаемъ мы общаго предка великор. и бѣлорусскаго нарѣчій) сёло и малорусское сэло не могутъ восходить къ общерусской формѣ s'olo, ибо общерусское *s'o* звучало бы и въ малорусскомъ s'o; но на то что восточнорусское сёло, малор. сэло должны восходить къ одной общей формѣ s'ŏlo, причемъ измѣненіе s'ŏ въ сэ въ малор. было слѣдствіемъ закона о переходѣ звуковъ ŏ, е", е' въ э, находимъ указаніе въ самомъ малорусскомъ нарѣчіи. Малорусское нарѣчіе, представляющее формы какъ нюос (нёсъ), мјуод (мёдъ), вјуоз (вёзъ), откуда діалект. ніс, мід, віз, ясно доказываетъ существованіе въ общерусскомъ языкѣ звука *ŏ* долгаго, распадавшагося на дифтонгическое сочетаніе ŭŏ, подобно тому, какъ *о* долгое распалось на *uo*. Разсматривая же условія появленія долгаго *ŏ* въ общерусскомъ, видимъ, что оно являлось вмѣсто долгаго *е* въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ и передъ твердыми согласными: не можетъ быть никакого сомнѣнія, что при тѣхъ же условіяхъ измѣнялся въ *ŏ* краткое — звукъ *е* краткій; такимъ образомъ малор. нюос указываетъ не только на общерусское n'ŏsъ, но и на общерусское n'ŏsla. И далѣе, то обстоятельство, что долгое *е* передъ слѣдующими нёбными согласными измѣнялось въ *іе* (сіем, каміень) указываетъ на вліяніе этихъ нёбныхъ на предшествующее *е* долгое, вліяніе, предполагающее такое же вліяніе нёбныхъ согласныхъ и на предшествующее *е* краткое: сопоставляя же съ этимъ появленіе въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ звука *е'* вм. *е* передъ нёбными согласными, мы съ полною вѣроятностью можемъ утверждать, что въ общерусс. языкѣ какъ ē такъ и *е* краткое въ положеніи передъ нёбными согласными измѣнялись

въ *е* (изъ *е*' долгаго являлось далѣе *ie*). Но измѣненіе звука *е* послѣ мягкихъ согласныхъ въ *ŏ* и *е*' въ зависимости отъ слѣдующаго слога было явленіемъ, имѣвшимъ мѣсто именно на русской почвѣ. Правда, въ общеслав. языкѣ были случаи перехода звука *е* въ *ŏ*, случаи однородные съ позднѣйшимъ переходомъ *е* въ *ŏ* въ общерусс. языкѣ. Но въ общеслав. языкѣ такой переходъ обусловливался исключительно вліяніемъ предшествующихъ смягченныхъ согласныхъ на звукъ *е* и не зависѣлъ отъ качества слѣдовавшей за *е* согласной или гласной. Напротивъ появленіе *ŏ* вм. *е* въ русскомъ языкѣ, а также въ польскомъ, откуда далѣе въ польскомъ яз. и въ нарѣчіяхъ русскаго языка —*о*, стояло въ полной зависимости отъ качества слѣдующаго за *е* слога, и поэтому никоимъ образомъ не можетъ восходить къ однородному общеславянскому явленію. Дѣйствительно, и въ русскомъ и въ польскомъ языкѣ полумягкія согласныя измѣнились въ согласныя мягкія, и въ томъ и въ другомъ языкѣ это вызывало съ одной стороны ассимиляцію звука *е* слѣдующей нёбной согласной, съ другой стороны переходъ неассимилировавшагося такимъ образомъ звука *е* въ звукъ *ŏ*. И, какъ на основаніи напр. мягкости согласной *з* въ польскомъ sioło, рус. село мы не станемъ заключать о мягкости *з* въ положеніи передъ *е* въ языкѣ общеславянскомъ, такъ точно мы не рѣшимся выводить общеславянскаго звука *ŏ* напр. въ словѣ selo на основаніи указываемой и русскимъ, и польскимъ языкомъ формы s'ŏlo въ древнѣйшей эпохѣ существованія этихъ языковъ. Замѣчу кстати, что условія появленія звука *о* вм. *ŏ* въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ и въ польскомъ языкѣ не были тождественны. Въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ *о*, какъ мы увидимъ, являлось вмѣсто всякаго *ŏ*, въ польскомъ языкѣ такой переходъ былъ обусловленъ положеніемъ передъ твердой зубной: ср. пол. sioło при сѣв.-великор. сёло. Въ положеніи же передъ гортанными и губными, звукъ *ŏ* измѣнялся въ польскомъ языкѣ въ *е*: piekę при сѣв. великор. пёку, grzebę при сѣв.-великор. грёбу. Срав. такой же переходъ польскаго звука *ä* изъ общеслав. *ѣ* передъ слѣдую-

щимъ твердымъ слогомъ въ *a* въ положеніи передъ твердой зубной (las, siano), въ *e* въ положеніи передъ гортанными и губными (chlebu, czowiek).

Считаю нужнымъ повторить еще разъ, въ какой зависимости отъ положенія въ словѣ находились въ общерусскомъ языкѣ звуки ряда *e*, внося при этомъ въ видѣ поправки существованіе одного открытаго звука *e*.

Звукъ *e* открытый (ä) являлся въ слогѣ, за которымъ не слѣдовали ни нёбная гласная, ни согласная: 1) въ положеніи въ конечномъ открытомъ слогѣ, безразлично послѣ твердыхъ гласныхъ, гласныхъ нёбныхъ и мягкихъ согласныхъ: 3 л. ед. čitaä, umѣä, pytajä; им. ед. listijä, dobrojä; срав. ст. dobrѣjä; р. ед. m'e'n'ä; им. мн. bojar'ä, kyje'vl'an'ä и т. д., 2) въ положеніи послѣ гласныхъ твердыхъ и нёбныхъ въ серединѣ слова: čitaämъ, umѣämъ, pytajämъ, ро mojämu, 3) въ положеніи послѣ придыханія (*h*): häto, hävo. Кромѣ того: 4) послѣ смягченныхъ согласныхъ, когда въ слѣдующемъ слогѣ являлись гласныя *i*, *e*, *ѣ*: žänixъ, žälѣzo; 5) лишь діалектически въ положеніи послѣ *j* въ начальномъ слогѣ: jälina, jäs'ŏtrъ.

Звукъ *ŏ* является: 1) въ серединѣ слова въ положеніи послѣ всякой нёбной согласной, если за нимъ слѣдовала согласная ненёбная: n'ŏsu, žŏna, къ n'ŏmu и т. д., 2) въ конечномъ открытомъ слогѣ послѣ согласныхъ смягченныхъ, послѣ *j*, а также послѣ тѣхъ *r*, *l*, *n* мягкихъ, которыя восходятъ къ общеславянскимъ смягченнымъ *r*, *l*, *n*: 3 л. ед. jŏ, им. ед. mojŏ, pol'ŏ, mor'ŏ, dvoriščŏ; зв. ед. božŏ, срав. ст. нарѣчія vyšŏ и т. д.

Звукъ *e'* являлся передъ слѣдующей нёбной согласной и гласной: 1) въ положеніи послѣ согласныхъ смягченныхъ и мягкихъ: n'e'si, že'nѣ, u n'e'ѣ, mьпьše'je и т. д. Въ положеніи послѣ гласныхъ твердыхъ и нёбныхъ являлось передъ слѣдующей нёбной согласной *ä*: čitaät'e, umѣät'e, pytajät'e; также послѣ придыханія (h): häščŏ.

Звукъ *ie* (*ѣ*) съ открытымъ *e* склоннымъ къ *a* являлся: 1) передъ слѣдующей ненёбной согласной: viera, sieno, 2) въ положеніи въ конечномъ открытомъ слогѣ: bratie,

l'utie; 3) въ положеніи передъ гласной *a*, причемъ *e* склонное къ *a*, ассимилируясь слѣдующему *a*, очень рано измѣнилось въ *a*: id'aaxъ, živ'aašõ, bogat'aašõ, b'aaxъ вм. idieaxъ, živieašõ.

Звукъ *ie* (*ѣ*) съ *e*' являлся передъ слѣдующей нёбной согласной и гласной: mie'rie, sie'ti, umje'ju.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ общерусскомъ языкѣ звукъ *e*' являлся только передъ нёбными согласными и гласными, звукъ же *õ* употреблялся только въ положеніи не передъ нёбными согласными и гласными. Вслѣдствіе этого звукъ *e*', явившись подъ вліяніемъ какой нибудь аналогіи передъ звуками ненёбными, замѣнялся черезъ *õ* въ положеніи между нёбной согласной и согласной твердой, черезъ *ä* въ положеніи въ открытомъ конечномъ слогѣ или въ положеніи между гласной и слѣдующей твердой согласной: такъ звукъ *e*', переносясь изъ формы съ слѣдующей нёбной согласной (ješče') въ форму ješčõ, измѣнялось въ *ä*: ješčä (ср. въ древнихъ памятникахъ еща); также являлись užä при užõ, союзъ žä при žõ и т. д. Звукъ *ä* могъ переноситься и вмѣсто *e*'. Такъ еще въ общерусскомъ языкѣ вмѣсто jälina могло явиться jelina подъ вліяніемъ je'lь и обратно jälь подъ вліяніемъ jälina, jäle'vyj. Формы какъ božõ, cõlovieсõ зв. ед. могли замѣнять свое *õ* подъ вліяніемъ brat'ä, svat'ä на *e*: božä при božõ. Формы suščõ, davъšõ могли замѣнять *õ* черезъ *e*', переходившее далѣе въ *ä* подъ вліяніемъ формъ какъ sušče'i, davъše'i и т. д.

Глава 3-ья.

О звукахъ е и о въ заимствованныхъ русскимъ языкомъ славянскихъ словахъ.

Русскій языкъ въ самомъ началѣ своей письменности, совпадавшемъ съ принятіемъ христіанства, испыталъ на себѣ вліяніе одного изъ нарѣчій старославянскаго языка, того именно нарѣчія, на которомъ были написаны наши церковныя книги и на которомъ совершалось священное Богослуженіе. Вліяніе это продолжалось и въ слѣдующее за тѣмъ время; оно ослабло повидимому лишь въ XIII и XIV в. для того, чтобы въ XV вѣкѣ дать мѣсто новому, но однородному вліянію церковнослав. языка югославянскихъ племенъ на нашъ церковный языкъ. Вліяніе старосл. языка на русскій было двоякое: 1) рядомъ съ народнымъ языкомъ, народными словами — книжные люди стали говорить и писать церковнымъ языкомъ, стали употребляться церковнослав. слова, 2) въ народный, разговорный языкъ стали проникать новыя слова изъ церковнаго языка, принимавшія форму и звуки русскаго языка.

Церковныя слова, переходя въ русскій языкъ или сохраняли свои исконные звуки, или принимали русскую оболочку. Такъ напр. слова *крестъ, крестить*, съ одной стороны сохранялись въ русскомъ языкѣ въ этой ихъ иноземной формѣ, съ другой — тѣ же слова, хотя и не во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, извѣстны въ чисторусской формѣ, причемъ имъ пришлось подчиниться законамъ русскаго языка: крёст и хрёст, хрост, кстить (изъ крьстити).

Обращаясь къ церковному произношенію звуковъ въ русскомъ языкѣ, видимъ, что церковный звукъ *е* являлся

въ русскомъ языкѣ какъ *е* съ оттѣнкомъ склонности къ *і* (*е*[1]). Въ томъ что церковному *е* соотвѣтствовало въ русскомъ языкѣ *е*[1] передъ слѣдующей нёбной согласной или гласной, не можетъ быть никакого сомнѣнія, ибо, какъ это слѣдуетъ изъ предыдущаго, передъ нёбными звуками всякое *е* звучало какъ *е*[1]. Въ положеніи же передъ твердыми согласными являлись въ русскомъ языкѣ или *е* или *ӧ*, причемъ положеніе послѣ мягкой согласной обусловливало въ русскомъ языкѣ переходъ *е* въ *ӧ*. Вслѣдствіе этого церковное *е* передъ твердой согласной должно было или сохраняться какъ *е*, при чемъ предшествующая согласная произносилась твердо (или можетъ быть полумягко): petrъ, или оно должно было смѣниться на ӧ: p'ötrъ. Но рядомъ съ первымъ произношеніемъ, которое слѣдуетъ признать искусственнымъ, и вторымъ, представлявшимся слишкомъ народнымъ, было произношеніе *е* передъ твердой согласной какъ *е*[1], и это то произношеніе слѣдуетъ считать господствующимъ какъ въ церковныхъ словахъ, перешедшихъ въ русскій языкъ, такъ и въ церковномъ чтеніи. Также произносилось, послѣ исчезновенія въ языкѣ глухихъ звуковъ, ь въ церковныхъ словахъ. Что современное *е* въ словахъ крестъ, левъ, хребетъ, вертепъ, Грекъ, перстъ, жертва, серна, дерзкій, мерзкій, скверна, милосердый, ковчегъ, пещера, щедрый, ветхій, предметъ, небо восходитъ именно къ первоначальному *е*[1], которое въ положеніи передъ твердой согласной въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ перешло въ *е*[a], ясно изъ предыдущаго: въ древнерусскомъ языкѣ не было извѣстно *е*[a] передъ твердой согласной въ положеніи послѣ нёбной согласной, а еслибы оно явилось въ такомъ положеніи оно перешло бы правильно въ *ӧ*. Такое же *е*[1] являлось и въ именахъ собственныхъ и въ словахъ заимствованныхъ изъ греческаго языка черезъ посредство старославянскаго: петръ, херовимъ, серафимъ. Это *е*[1] въ древнихъ нарѣчіяхъ, замѣнившихъ вообще звукъ *е*[1] (напр. *е*[1] изъ *ѣ* и *е*[1] передъ небными звуками) черезъ *і*, чередовалось съ *і*: Грикъ, ангилъ, архангилъ, ксенифонтъ (др.-рус. ксенефонтъ), елизаръ, даже котстъ (въ XVI в.),

ср. также і въ евангилье, филиксъ, венидихтъ и т. д. Изъ раннихъ примѣровъ могу привести питре зв. ед. Ев. 1092 г. л. 91b, андрии им. ед. Сбор. 1073 л. 261с и др.

И такъ обыкновеннымъ церковнымъ произношеніемъ звука *е* въ древности было *е*[1]; менѣе обычнымъ, болѣе искусственнымъ произношеніемъ было *е*[a], причемъ предшествующія согласныя утрачивали свою мягкость. Переходя въ народный языкъ звуки *е*[1] и *е*[a] должны были измѣняться, *е*[1] — потому что въ языкѣ не было извѣстно *е*[1] передъ твердыми согласными, *е*[a] — потому что передъ звукомъ *е*, согласныя въ языкѣ были необходимо мягки. Звукъ *е*[1] въ народномъ произношеніи измѣнялся въ дифтонгическое сочетаніе *іе* (*ѣ*) и при томъ какъ въ положеніи передъ твердымъ, такъ по аналогіи и передъ мягкимъ звукомъ: ср. Тип. Ев. XIII в. N 6: гѣрмана 214 об., Сент. Минея 1095 года: хѣровима изд. Ягича 28, Усп. рпсь XII в. N 175 (18): хѣровимомъ 80b, Минея 1095 г.: сѣраѳима 136, дѣмоньскыи 98, Гр. 1284 Смол. Артѣмии, Лаврѣнтии, Дв. гр. XIV в.: алѣксъ чернець Аю. N 110, I, олуфѣрви Аю. N 71, II, ѡртѣмеі Аю. N 110, I, оксѣнтьи АКал. II, N 126, Новг. писц. кн. 1495: Оксѣнко I, 248, Ѳѳрѣмово 289, Лавр. ѳѳрѣмъ 171b, кѣлью 125b, Ипат. калугѣры 477, Гр. 1671 Арѣфко АКал. II, 216. Также является ѣ вм. е напр. въ ксѣнья (отсюда ксинью 1546 г. Аю. N 419), евгѣнья (евгѣньї Ев. Рум. Муз. XIV в. N 107, л. 130с, ср. соврем. народное алгимья), арсѣниевъ Нов. л. въ сп. XV в. 412 (ср. арсиния тамъ же ст. 411); кѣсарь (ср. Лавр. кисареви 70).

Звукъ *е*[a], изъ искусственнаго церковнаго произношенія, переходя въ народный языкъ, получалъ передъ собою мягкія согласныя и вслѣдствіе этого по общему закону языка переходилъ въ *ŏ*. Срав. ковьчогъ въ Ев. XII вѣка единовѣрческаго монастыря, крёстъ (великорусское крёст, бѣлор. хрост), лёв сѣвеликор., ерёма, пётр, олёна, стёпан, лёкса, савёл, пещёрскихъ Лодейное поле (Рыб. II, 133), нёбо (ср. нюбо Чуд. сп. Златоструя XV в. Малининъ с. 20), извёстка (ср. изнисти Сен. Минея 1095 изд.

Ягича с. 180, Нов. 1-ая лѣпсь: иꙁвистию 27. Нов. л. въ сп. XV в. иꙁвистью 418), надёжда Олон., одёжда Олон., свёкла. Въ положеніи передъ согласною, за которою не слѣдуетъ гласной, могло и не являться $\ddot{o}$, а $\ddot{a}$, смягчая предшествующую согласную, переходило въ *я*: ср. Климантъ, Пантикостьа, а также игуманъ (въ Дв. Грам: XIV в. Собр. Мух. N 16), Сентамбрь, Ноамбрь; Юлисавать (Сб. 1073, 254d).

Греческому ѳо правильно соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ *оо* и *о* (др.-рус. Фофилактъ Ук. Ев. чт. XIII в., ѳодосии при ѳоодосии, малор. Ходор, великор. Фофанъ, ср. фофанъ Лавр. 79, фоѳанъ Ук. Ев. чт. XIII в. 251a, Сб. 1073: марии клопина 216d), или $\ddot{o}$, откуда *ё* (ѳёдор, ѳёкла, семён). Также съ $\ddot{o}$ слѣдуетъ читать Фегнастъ, Федосъ, Федотъ въ древнихъ русскихъ памятникахъ.

Звукъ *е* замѣняется обыкновенно черезъ *а*, если въ слѣдующемъ слогѣ является *а*: маланьа, гарасимъ, галасій, ганадій, савастьанъ (отсюда савостьанъ), палагѣа (отсюда полагѣа) и т. д. Что касается начальнаго слога, то въ положеніи за начальнымъ *j* церковное *е* замѣнялось черезъ $\ddot{a}$, или черезъ *е'* по общему правилу о произношеніи церковнаго *е*: *jä* переходило далѣе въ *ja*, ср. Лавр. ирамла 12, ирамка 79. Радз. сп. Повѣсти вр. лѣтъ: иаруcалимъ с. 84, Радз. и Акад. сп. той же лѣтоп.: Арусалима с. 99, Дв. грам. 1528 Бѣл. N 42 ирофеи, малор. ярэма, ярош (Ерофей). Звуки *je'* измѣнялись спорадически въ *i*: ирѣи, иругалимъ и т. д. (чит. jирѣй, jирусалимъ).

Звуку *е* въ начальномъ слогѣ соотвѣтствуетъ въ др.-русск. языкѣ $\ddot{a}$, которое замѣнялось черезъ $\ddot{o}$, откуда *о*, ср. указанный выше переходъ начальнаго $\ddot{a}$ въ $\ddot{o}$ и *о* въ исконно русскихъ словахъ: овдотьа, овдокимъ, олисава, овсѣй, омельанъ, олтухъ, остафей, олпатъ, олуфѣрей и даже охидьнова Юр. Ев. 57d, опитъмьи Вопр. Кир. 529b, оксапсалма Лавр. 90b, октѣньа и т. д. Но при этомъ изъ церковнаго языка были получены и формы съ *je*, которыя измѣнялись также какъ формы съ первоначальнымъ

je: др.-рус. ерефа, ермола, евсѣй, ефимей и т. д. и рядомъ *jä*, откуда *ja*: малор. явтух, явдоха, явдоким и т. д.

Въ положеніи послѣ гортанныхъ звукъ *ö* измѣнялся въ *o*: вмѣсто аньгелъ находимъ аньголъ Пол. Ев. 1307, Поуч. Кон. Болг. 251d (анголъ), ср. совр. малор. янголъ; на форму съ *ö* указываетъ аньгюлъ Тип. Ев. XIII в. N 6 л. 206b, Олон. ангюлъ (Барсовъ, Причитанья сѣв. края); параскевгии перешло въ параскогвии черезъ посредство параскöвгии, гоωргии Лавр. 79 вм. георгии.

Замѣчу кстати, что начальное *jo* измѣнялось въ русскомъ языкѣ въ *o*: осипъ, осафъ, ср. переходъ начальнаго *ju* въ *u* въ случаяхъ какъ оустинъ, оустиньинъ, оульянъ, оувеналии; церковное же юсифъ переходило по общему правилу въ je'sif. Что до малор. ёсип, то повидимому это форма явившаяся вм. osip подъ вліяніемъ jesip, или же форма книжная.

Старослав. *ѣ* въ церковномъ русскомъ произношеніи передавалось черезъ *e'*, а нечерезъ *ѣ* (*ie*). Я вижу въ этомъ указаніе на то, что *ѣ* того старослав. нарѣчія, которое легло въ основаніе церковнаго нашего языка, звучало не *ie*, а какъ извѣстнаго рода *e* и всего вѣроятнѣе какъ *e'*: ср. замѣну греч. звука *i* (ι, η) черезъ *ѣ* въ единичныхъ случаяхъ какъ Моисѣи (μωυσῆς), являющихся въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ. Это церковное *e'* передавалось въ древнерусскихъ памятникахъ буквою є, такъ какъ эта буква между прочимъ обозначала звукъ *e'* (напр. въ русскихъ словахъ въ положеніи звука *e* передъ слѣдующимъ нёбнымъ звукомъ). Поэтому въ памятникахъ, отличающихся правильнымъ употребленіемъ буквъ є и ѣ, въ которыхъ, слѣдовательно, буква ѣ обозначаетъ звукъ *ie*, мы находимъ на мѣстѣ церковнаго *ѣ* въ словахъ, которыхъ не было въ живомъ употребленіи въ русскомъ языкѣ, букву є, обозначающую звукъ *e'*; такъ уже въ древнѣйшихъ древнерус. памятникахъ находимъ: предъ, вредъ, времѧ, среда, древо, чрево и т. д. въ соотвѣтствіи старослав. прѣдъ, врѣдъ и т. д.; точно также находимъ телесе, телеса въ соотвѣтствіи старослав. тѣлесе, тѣлеса, при

чемъ очевидно, что русскій языкъ замѣнилъ основу на *-ес* основой на *-о*; церковнославянскія формы дат. и мѣс. ед. тобе, себе нашихъ памятниковъ, являющіяся въ соотвѣтствіи старославянскимъ тебѣ, себѣ, въ живомъ употребленіи не были, ибо русскими формами были тобѣ, собѣ.

Указаніе на то, что слова какъ чрево, древо и т. д. произносились нашими предками со звукомъ *е*', а не съ *е* открытымъ, я вижу: во 1) въ нерѣдкой замѣнѣ этого *е* звукомъ *и*, напр. уже въ Сб. 1073: божьствьною придание 130 с., Минея Сент. 1095 г.: придамъ 173, прихвальне 15, причьстьнаго 28, привысокы 62, придъидеть 63 и т. д., Минея XI в. Тип. Биб. N 221: прибысть 85а, прибѣгате 9b, припѣтаа 45b, законопристоупьныхъ 38а, также въ Гал. Ев. XIII в.: примудрость, приступлють и др. (Очерки Собол. с. 24), Указ. ев. чт. XIII в.: придана, приданы, придъ тобою (тамъ же с. 33), Пол. Ев. 1307 г.: придъ ними, прибывающіею, припоисався (тамъ же с. 38), Лавр. прид ними 60 и мн. др.; во 2) въ томъ обстоятельствѣ, что тогда какъ въ памятникахъ, не смѣшивающихъ буквъ е и ѣ, эти и подобныя слова пишутся черезъ букву е, они же въ памятникахъ, употребляющихъ ѣ вм. е въ положеніи этого звука передъ слѣдующимъ нёбнымъ звукомъ, при чемъ буква ѣ обозначаетъ звукъ *е*', пишутся черезъ букву ѣ: дрѣвѣ рпсь XIV в. Рус. Дост. II, 191, Ипат.: трѣбуеши 477, дрѣва 547, Нов. 1-ая лѣтпсь: дрѣва 70а, прѣдъ 64б, прѣстолъ 118а, прѣставися 3а, чрѣсъ 114б, 69б, Гр. 1229 г. въ сп. А.: прѣдъ, Дух. Климента XIII в.: прѣ[д] и т. д. (см. объ этомъ дальше въ главахъ посвященныхъ звуку *ѣ* въ исторіи русск. языка).

Замѣчу, что *е*' изъ церковнаго *ѣ*, также какъ *е*' изъ церковнаго *е*, въ живомъ народномъ употребленіи могло замѣняться звукомъ *іе* (*ѣ*); такъ повидимому церковное слово плѣнъ, перейдя въ живое употребленіе, замѣнило звукъ *е*' звукомъ *іе* и это можно видѣть изъ того, что въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ въ которыхъ слова млеко, съвлекоша пишутся съ е, слово плѣнъ пишется съ ѣ. Такое же ѣ вмѣсто *е*' изъ церковнаго ѣ является

и въ именахъ собственныхъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что еще въ старослав. языкѣ звукъ *ѣ* въ силу монофтонгическаго произношенія могъ замѣнять греческія *αι*, *ε* (и *ι*). Такъ напр. мы находимъ въ древнер. языкѣ со звукомъ *ѣ* имена какъ олѣи, тимофѣи, матфѣи, андрѣи, ѳалелѣи, причемъ ясное указаніе на то, что ѣ обозначало здѣсь именно звукъ *ѣ* даютъ малор. олій, ондрій, матвій; срав. также великор. діалектическія матвій, тимофій, елисій (Твер. и Пошех.), др.-рус. Матвѣемъ 1563 Аю. N 243, Тимоѳѣевъ 1529 Аю. N 237, Офромѣевъ 1588 N 251.

Замѣчу, что въ единичныхъ случаяхъ являлось чередованіе звука *е*' (изъ перв. *е*) съ звукомъ *ŏ* и *ă*, въ словахъ заимствованныхъ изъ церковнаго языка; такъ при трезвый является произношеніе трѐзвый Олон.; такъ dre'vo могло замѣняться произношеніемъ dr'ăvo, которое мы и видимъ въ Перм. дряво (Обзоръ Колосова с. 17), при чемъ дряво такъ относится къ древо, какъ трапеза (уже въ Сб. 1073 г., Юрьев. Ев. XII в., Жит. Ѳеод. XII в.) къ трепеза, єлизавать (Сб. 1073) къ єлизаветь.

Церков. звукъ *е*' является на мѣстѣ греческаго *ι* въ положеніи его передъ гласнымъ звукомъ въ именахъ какъ сергѣи, олексѣи, єремѣи, фотѣи; такъ пишутся эти имена въ древнихъ памятникахъ и на *ѣ* ясно указываетъ напр. малор. олексій; отсюда заключаемъ, что и въ этихъ случаяхъ *е*' замѣнялось звукомъ *іе* (*ѣ*) въ живомъ народномъ употребленіи.

Русскій звукъ *ѣ* (*іе*) замѣнялъ и церковное *і*, что видно изъ случаевъ какъ ʒѣнове́и (ʒѣновьи Нов. л. въ сп. XV в. с. 400, Ʒеновѣка 1473 Аю. N 411, Ʒеновѣєвича Лит. Метр. Приговоръ 1483 г. АЮЗР. I N 31), оустѣнъ (оу в устѣна Дв. Гр. XIV в. Рум. Муз. N 20), огрофѣна (1432—43 АКал. I N 63), мѣхѣи (мѣхѣєва Дв. Гр. XIV в. Собр. Мух. N 1, мѣхѣи АЮ. N 71, XXIV), євсѣгнеи (євьсѣгньи Ипат. 593), євфросѣньи (офросѣньи Ипат. 422), также анрѣль (Ипат.), сѣнаникъ (Ипат. при синаникъ 187),

алилоуия (въ Усп. рпси XII в. N 175 (18) л. 222с, аллоугия Тип. Мин. XI в. N 221, л. 81а) и т. д.

Церковное *а* въ народной рѣчи въ началѣ именъ собственныхъ правильно переходило въ *о*: оврамъ, олексѣи, онтонъ, орефеи, онанеи, омосъ, олександръ, онисимъ, ондроникъ, онкѣи и т. д. Переходъ этотъ, а равно указанный выше переходъ начальнаго *ă* въ *ŏ*, стоитъ въ зависимости отъ того общаго закона общеславянскаго и русскаго языка, по которому въ началѣ слова допускались только гласныя ряда *о—и*; ибо всѣ остальныя гласныя принимали передъ собою ị (откуда *j*) и ụ. Поэтому *о* въ такихъ случаяхъ нельзя сравнивать съ появленіемъ *о* вм. *а* въ серединѣ словъ заимствованныхъ. О чередованіи *о* и *а* въ такихъ случаяхъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ главѣ объ измѣненіи звука *о* въ *а* въ нарѣчіяхъ русскаго языка. Нерѣдко церковное *о* замѣнялось звукомъ *ŏ* (пишется є) откуда — *ё*: нєстеръ, фєма, мєфедии (нефёдъ), мєстеръ, матрєна и др. Начальное *го*, замѣняясь черезъ *гŏ*, переходило далѣе въ *je*: єнории вм. гонории, ср. переходъ *ге* въ *je* въ случаяхъ какъ јерьгии вм. георгии, ср. Егоръ; что герьгии можно читать јерьгии, видно изъ написанія какъ гета вм. іота. Также замѣнялось начальное *іо* черезъ *іŏ—іе*: Єсифъ, Єкимъ.

Глава 4-ая.

О звукахъ совпавшихъ въ исторіи русскаго языка со звуками е—о.

Въ исторіи русскаго языка съ теченіемъ времени совпали со звуками *е* и *о* звуки *ъ*, *ь* и *й* иррац., а также ирраціональныя *у* и *і* въ слоговомъ ихъ употребленіи. Это вызываетъ насъ на необходимость передъ изложеніемъ исторіи звуковъ *о* и *е* разсмотрѣть вкратцѣ исторію звуковъ *ъ*, *ь* и *й* ирр., а также иррац. слоговыхъ *у* и *і*, какъ имѣвшихъ въ дальнѣйшемъ общую исторію со звуками *о* и *е*.

А. О звукахъ *о*, *ŏ*, *е* изъ *ъ*, ирр. *й*, *ь*. Общерусскій языкъ получилъ изъ общеслав. языка звуки *ъ*, *й* ирр., *ь* въ слоговомъ, а также въ неслоговомъ употребленіи. Слоговыми эти звуки были въ общерусскомъ языкѣ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ положеніи подъ удареніемъ въ начальномъ слогѣ слова, напр. pьstrуј, dъsku, sľьzу, 2) въ положеніи передъ звуками *r*, *ŕ* полумягкимъ и *ľ* изъ общеслав. *r* и *l* слоговыхъ, напр. čŭrtъ, vьrхъ, vъľkъ, 3) въ слогѣ, за которымъ слѣдуетъ слогъ съ неслоговыми *ъ*, *ь* и *й* ирр., напр. ostanъkъ, žьrъca, smoľпьska. Во всякомъ другомъ положеніи *ъ*, *ь* и *й* ирр. были въ общерусскомъ языкѣ звуками неслоговыми. Объ отношеніи общерусскаго *й* ирраціональнаго къ общеславянскому ирр. *й* слѣдуетъ замѣтить, что въ общеслав. языкѣ *й* иррац. являлось вм. *ъ* въ положеніи послѣ всякой смягченной согласной независимо отъ слѣдующаго затѣмъ звука, ср. измѣненіе *е* и *ē* въ такомъ положеніи въ *ŏ* и *а* въ общеслав. языкѣ. Въ общерусскомъ языкѣ *й* ирр. измѣнялось] въ *ь* въ положеніи передъ слѣдующимъ нёбнымъ

звукомъ, но съ другой стороны общеслав. ъ слоговое въ положеніи за мягкими согласными и передъ слѣдующимъ твердымъ слогомъ обращалось въ *ӥ* иррац. слоговое, ср. подобное же измѣненіе звуковъ *ǒ* и *е* въ общерусскомъ языкѣ. Подробное изслѣдованіе судьбы звуковъ ъ, ь и *ӥ* иррац. не можетъ входить въ нашу задачу: мы остановимся на нихъ лишь настолько, насколько это необходимо для выясненія отношенія ихъ къ звукамъ *о*, *е*, *ǒ*. Замѣчу прежде всего, что по нашимъ письменнымъ памятникамъ весьма трудно дѣлать безошибочныя заключенія о судьбѣ звуковъ ъ и ь: съ одной стороны буквы ъ и ь продолжали и даже продолжають сохраняться въ письмѣ по традиціи еще тогда, когда въ языкѣ ихъ уже не стало; съ другой стороны пропускъ ъ и ь въ памятникахъ или замѣна ихъ буквами о и є не можетъ служить доказательствомъ того, что звуки ъ и ь исчезли въ языкѣ или смѣнились буквами о и є, такъ какъ мы можемъ имѣть въ подобныхъ написаніяхъ приблизительное изображеніе слышавшихся въ языкѣ звуковъ. Относительно слоговыхъ ъ, ь и *ӥ* иррац. ясно, что они въ извѣстную эпоху языка перешли въ гласныя *о*, *е*ˡ и *ǒ*, причемъ имѣемъ полное основаніе утверждать, что такой переходъ былъ уже вполнѣ совершившимся до XIV вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, что переходъ этотъ имѣлъ мѣсто еще въ общерусскомъ языкѣ. Изъ того, что въ малор., великор. и бѣлорусскомъ—общерусскія слова какъ вьсь̑, сънъ̑, дьнь̑ звучатъ весˡ, сон, денˡ, не слѣдуетъ непремѣнно, чтобы эти послѣднія формы существовали уже въ общерусскомъ языкѣ: отдѣльныя русскія нарѣчія могли самостоятельно придти къ однороднымъ звуковымъ измѣненіямъ. Съ другой стороны замѣчу, что великор. нёсъ, зёрнȯ, лёхкой, мёртвой и т. д., а также малор. нэс, зэ̇рно, лэхкий, мэртвы̇й восходятъ къ первоначальнымъ формамъ съ *ǒ*, причемъ великор. *ǒ* смѣнилось на *о*, а малор. *ǒ* на *э* (объ *о* въ малор. лён скажемъ въ главѣ объ измѣненіи малор. *е*, *ǒ*). Что же касается ъ, ь, *ӥ* ирраціональнаго не слоговыхъ, то исторію ихъ исчезно-

венія въ языкѣ (а въ языкѣ они исчезли окончательно) нельзя понимать такъ, что въ извѣстный моментъ исчезли въ языкѣ всѣ такіе звуки при всякомъ ихъ положеніи въ словѣ. Противъ этого громко говорятъ данныя, извлекаемыя изъ письменныхъ памятниковъ: такъ напр. въ Риж. грам. около 1300 года находимъ форму **оу томь то**, указывающую на то, что конечный *ъ* неслоговой исчезъ въ языкѣ, послѣ чего согласная *м* полумягкое успѣла отвердѣть (поэтому **томь** стоитъ вм. **томъ** или **том** по графической традиціи); равнымъ образомъ указываютъ на исчезновеніе неслоговыхъ *ъ* и *ь* постоянныя написанія какъ **кнажо, многа** и т. д. въ той же грамотѣ; непонятными были бы написанія, встрѣчающіяся тутъ же какъ **въıстокъку, емъшо**, если не предположить, что неслоговыя *ъ* и *ь*, исчезая въ однѣхъ формахъ, продолжали нѣкоторое время сохраняться въ другихъ, ср. **дѣвъка** во Влад. Варлаама конца XII вѣка, **поємъши** въ Гр. ок. 1240 г. (Рус. Лив. Ак. Прил. N 2). Сопоставляя такіе случаи съ цѣлымъ рядомъ однородныхъ въ памятникахъ древняго языка, дѣлаемъ выводъ, что хотя неслоговыя *ъ*, *ь* и *й* иррац. фонетически должны были исчезнуть въ языкѣ при всякомъ положеніи въ словѣ, но при извѣстномъ положеніи ихъ, напр. въ суффиксахъ, *ъ* и *ь* по причинамъ не фонетическимъ, а подъ вліяніемъ аналогіи, сохранялись въ языкѣ: суффиксъ *-ък-* сохранялъ звукъ *ъ* въ словахъ какъ дѣвъка, истобъка подъ вліяніемъ случаевъ какъ дѣвокъ, дѣвочка, истобокъ; въ словахъ давъше, емъше звукъ *ъ* неслоговой могъ сохраняться подъ вліяніемъ словъ какъ **давъıи, имъıи** (ы иррац. ассоціировалось съ неслоговымъ *ъ*). Равнымъ образомъ при извѣстныхъ условіяхъ могли сохраняться въ языкѣ конечныя *ъ*, *ь*, *й* иррац. неслоговыя (ср. ниже). Впрочемъ эти звуки могли сохраняться особенно долго и потомъ переходить даже въ *о*, *е*[1], *ŏ* также при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ: условія эти являлись при стеченіи въ языкѣ согласныхъ, произношеніе которыхъ было бы затруднительно безъ помощи гласнаго между ними звука. Такъ напр. въ великорусск. и въ малор.

нарѣчія мы не находимъ исчезновенія глухихъ въ положеніи за звукомъ *р* съ предшествующею согласною; въ великорусскомъ находимъ правильно *ро*, *ре*, въ такихъ случаяхъ напр. дрожать, кровавый, крота́, дрова, древить (Арх. ср. польс. drwić), крестить, тревога, рѣже является исчезновеніе глухаго звука: кстить, серебрный; въ малорусскомъ ъ, ь неслоговыя переходили въ такомъ положеніи въ *ы*, *і*, при чемъ звукъ *і* являлся и не измѣнялся въ *ы* тамъ, гдѣ согласная *р* являлась мягкой вслѣдствіе вліянія слѣдующаго слога: ср. крівяный, крівавый, трістя́ (болото, ср. діал. великор. тресть, треста, польс. trzcia — rohrsumpf, ср. форму kr'vi въ старинномъ языкѣ, пишется крви), но крышыты, дрыжаты; рядомъ съ *рі* является *ры*, напр. въ крыви у Квитки (изд. Потебни II, 226). Въ бѣлорусскомъ находимъ также *ры*: дрыжаць, крывяный, трысциць (тростить), трызвониць и др. Также въ древнихъ южныхъ и западныхъ памятникахъ: 1409 г. тристаньць АЮЗР. I N 11, 1556—1568: трывога АЮЗР. I с. 301, 1424: дрыва АЮЗР. I N 16, Зап. Рус. Чет. 1489: дрыжаху, крывава, содрыгахуся Р. Ф. В. 1890 N I с. 64, Бѣлор. пам. XVI—XVII в.: содригнетса, для крывій, на крыви (Карскій Р. Ф. В. 1890 N 2 и 4) и др. Рядомъ находимъ, хотя и рѣже, выпаденіе глухаго въ такихъ случаяхъ: Уст. Сиг. Авг. 1557 (сп. XVI в.): крвавое Памят. II с. 21, 1404: крщенъ АЮЗР. I N 9, 1393: серебна АЮЗР. I N 3, въ Поликарп. Ев. 1307: крви 40а, кръе 48b и даже кви 8с, ср. также въ соврем. языкѣ Буков. кравими (=крвавыми) Драгом. 320; бѣлор. дрвиць, трваць при трываць и др. Въ положеніи послѣ *л* съ предшествующей согласной глухая неслоговая также переходила въ гласную полнаго образованія: великор. и малор. блоха, яблоко, слёза; рѣже случаи выпаденія: Псковъ при Плесковъ вм. Пльсковъ, малор. ябко; Галиц. сылза и со́лза являются вм. сльза при слёза и слэза (слоза съ *л* твердымъ подъ вліяніемъ слэза). Гласныя *о* и *е* вмѣсто неслоговыхъ ъ и ь находимъ и во многихъ другихъ случаяхъ и при томъ именно тамъ, гдѣ переходу глухихъ въ глас-

ныя полнаго образованія способствовали какъ стеченіе согласныхъ, такъ и аналогія родственныхъ образованій; р. ед. ропота стоитъ вм. ропта (древнерус.) подъ вліяніемъ им. ед. ропот, діал. великор. молебена. подъ вліяніемъ молебен, а послѣднее стоитъ нефонетически вм. мольбен подъ вліяніемъ молебна; ср. смоленск, мценск нефонетически вм. смольнеск, мценеск подъ вліяніемъ смоленска, мценска и т. д. Въ словахъ собор, совѣт, содержать видимъ вліяніе книжнаго произношенія ъ какъ *о*, ибо фонетически мы находимъ въ древнерус. сбор, свѣт, ср. совр. сбор, сдержать; въ словахъ созвать, собрать — звукъ *о* стоитъ вмѣсто ъ слоговаго. Въ величество, убожество, діалек. богачесво *е* явилось вм. ь, подъ вліяніемъ стеченія согласныхъ, ср. богатство. Чередованіе формъ со звуками *о*, *е* вмѣсто ъ, ь съ формами безъ этихъ звуковъ вызывало съ одной стороны подъ вліяніемъ звуковой аналогіи исчезновеніе первоначальныхъ *о* и *е*, съ другой—появленіе гласныхъ *о* и *е* тамъ, гдѣ фонетически этихъ гласныхъ не слѣдуетъ ожидать; такъ род. потолка стоитъ вм. потолока, льду, льдомъ вм. леду, ледомъ, камня вм. каменя, причемъ потолок — потолка и др. являлись подъ вліяніемъ лобъ — лба, рот — рта, сон — сна и т. д.; также явилось род. ед. торожку (др.-рус.) вмѣсто торжку при торжек подъ вліяніемъ чередованія сходныхъ звуковыхъ формъ въ случаяхъ какъ смольнеск — смоленска, жрец—жерца, пришлец—пришельца, швецъ—шевца и т. д. Такъ съ другой стороны явились пришелец—пришельца вм. пришлец, вѣтеръ—вѣтра вм. вѣтр, р. мн. вѣдер, древнерус. вѣдоръ вм. вѣдръ им. ед., мыссль—мысли вм. мысль и т. д.

В. **Объ измѣненіи звуковъ *і* и *у* передъ неслоговымъ *і* въ нарѣчіяхъ русскаго языка.** Въ общеслав. и общерус. языкахъ звуки *і* и *у* въ положеніи передъ неслоговымъ звукомъ ј отличались отъ звуковъ *і* и *у* своею ирраціональностью. Въ звукахъ *і* и *у* въ такомъ положеніи совпали какъ древніе звуки *і* и *у*, такъ и новые звуки *і* и *у* изъ ь и ъ: ср. šiја, tyјо съ перво-

начальными *ĭ* и *y̆*; *ĭ* и *y̆* изъ ь и ъ восходятъ къ ьј и ъј передъ конечнымъ неслоговымъ *ь*, которое въ положеніи за ј измѣнялось въ ј, напр. tretij, dobryj вмѣсто tretьjь, dobrъjь. Замѣчу, что измѣненіе ьјь, ъјь въ ij, yj является указаніемъ на то, что вообще еще въ общеслав. языкѣ јь измѣнилось въ ј черезъ посредство ij: moj, kraj, также какъ јь переходило въ *ĭ* черезъ посредство ji (ср. jäісь при jajьсь). Ирраціональность звуковъ *ĭ* и *y̆* передъ неслоговымъ ј понимаю такъ, что слоговыя гласныя *ĭ* и *y̆* въ дифтонгѣ передъ неслоговымъ *ĭ* становилось короче краткихъ гласныхъ, т. е. ирраціональными. Указаніе на ирраціональность *y̆* и *ĭ* въ такомъ положеніи, кромѣ русскаго языка, даетъ сербскій языкъ. Разсматривая удареніе формъ наст. времени въ сербскомъ языкѣ, видимъ, что въ глаголахъ сложныхъ съ предлогами удареніе ̏ съ простаго глагола не переносится на предлогъ, напр. штокав. лȅжēм—зàлежēм, сjȅдē—зàсjедē, крȁдеш—пàкрадēш и т. д., не зȁлежēм, зȁсjедēм, нȁкрадēм. Но глаголы съ примѣтой *о—е*, имѣющіе въ корнѣ звуки *y̆* и *ĭ* (серб. *ĭ*), переносятъ удареніе простаго глагола на предлоги: бȉjēш, шȉjē, пȉjē, крȉjēмо, лȉjēте и т. д. образуютъ ȕбиjēш, прȉшиjē, пȍпиjē, ȍткриjēмо, дȍлиjēте и т. д. Переносъ ударенія въ такихъ случаяхъ имѣлъ мѣсто еще въ общеслав. языкѣ: дѣйствительно, штокав. ̏ стоитъ на мѣстѣ общесерб. и общеслав. ударенія: Общеслав. príšije, ubíješi стоятъ вмѣсто prišíje, ubíješi вслѣдствіе того, что *ĭ* и *y̆* въ положеніи передъ ј въ серединѣ слова не могли удерживать на себѣ ударенія, были слѣдовательно звуками ирраціональными. Срав. переносъ ударенія съ звуковъ ъ и ь, стоявшихъ въ серединѣ словъ въ положеніи не передъ слогомъ съ ъ и ь, и слѣдующій за этимъ переходъ ихъ въ звуки неслоговые; на дѣйствіе этого закона указываетъ напр. серб. языкъ, гдѣ формы наст. времени, образованныя съ примѣтой *о—е* отъ корней съ глухими гласными, правильно переносятъ удареніе на предлогъ, ср. ȕмрēш, пȍчнēш, ȕзмēм, прȍспē, а также древнерусскія возметъ Цвѣт. 1665 г. (Буслаевъ 5), възме Мак. Ч. Минеи Май

л. 180, Цвѣтникъ 1665 г. про́льются (тамъ же с. 4), совр. малорус. по́шлють, ді́ждемся, попі́бъе, прі́рве, во́зьмешъ и ві́зьме, зі́мкпе, Воронеж. во́зьмутъ Аф. I N 62, Бѣломор. во́зьметъ (Эти. сб. VI).

Въ общерусскомъ языкѣ ирраціопальныя *ĭ* и *ŭ* передъ j оставались безъ измѣненія въ слоговомъ ихъ употребленіи; слоговыми же эти звуки были тамъ, гдѣ за j не слѣдовало гласнаго звука. Въ положеніи же передъ j + гласныя звуки *ŭ* и *ĭ* ирраціопальныя оставались слоговыми только въ начальномъ слогѣ подъ удареніемъ, въ другихъ же случаяхъ *ŭ* и *ĭ* становились не слоговыми, при чемъ переносили свое удареніѐ на предыдущій слогъ. Неслоговыя *ŭ* и *ĭ* ирраціональныя совпадали при этомъ по звуку съ неслоговыми *ъ* и *ь* и имѣли одинаковую съ ними судьбу, т. е. исчезали изъ произношенія: lístije, prólijetь измѣнялись въ listьje, prolьjetь и отсюда дальше lístje, próljetь. Точно также исчезало ъ изъ неслоговаго иррац. *ŭ* въ случаяхъ úmъjetь—umjetь, ср. форму оумью (чит. ŭmju) въ Служеб. XIV в. Рум. Муз. N 399 л. 16b, мью, мьющеса въ другихъ памятникахъ XV—XVI в., а также совр. Перм. мью, мьет, при чемъ мью вм. мою заимствовано изъ формъ сложныхъ съ предлогами.

Впрочемъ еще въ общерусскомъ языкѣ дифтонги ij и uj подвергались нефонетическому измѣненію въ ьj и ъj въ нѣкоторыхъ грамматическихъ формахъ. Такъ общерус. sij и tuj могли замѣпяться формами sьj и tъj, причемъ ь и ъ замѣняли *ĭ* и *ŭ* подъ вліяніемъ им. ед. sь и tъ; поэтому мы найдемъ и въ великор. и въ малор. се́й, сэй, въ малор. и бѣлор. той, причемъ бѣлор. се́й является вм. сей подъ вліяніемъ той. На то что при sьj и tъj сохранялись и древнія формы sij, tuj указываютъ бѣлор. си (Карскій Обз. 134), малор. діал. тый, ср. также сий въ южнор. гр. 1409 АЮЗР. I N 11. Точно также формы им. ед. solovij, vorobij, inij, tretij замѣнили окончаніе -ij окончаніемъ -ьj подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей, гдѣ звукъ ь неслоговое изъ ь слоговаго являлся передъ j (въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ): solovьjá, vorobьjú, inьjá,

tretьjá. На общерусскія формы съ окончаніемъ -ьј указываютъ какъ великор. соловей, третей, такъ и бѣлорусскія салавей, верабей, малор. соловэй, инэй, древне-бѣлорус. самъ третей, на третей рокъ (Стат. 1529 г., Карскій Р. Ф. В. 1890 N 4). Рядомъ продолжали существовать и формы на -ij, какъ видно изъ малор. формы на -ій (*і* обозначаетъ звукъ *і*, смягчающій предшествующую согласную): соловій, при чемъ -ій является вм. -ий подъ вліяніемъ мягкости согласной въ косв. падежахъ соловья, соловью.—Той же причинѣ какъ въ им. ед. обязано своимъ появленіемъ окончаніе ьј вм. ij въ формахъ род. мн. именъ муж., ср. и жен. рода. Род. мн. kostij, gostij, svinij и т. д. подъ вліяніемъ формъ kostьmъ, kostьxъ, gostьmi, svinьja, измѣняли *і* на *ь*. На общерусскія kostьj, gostьj, svinьj указываютъ великор. костей, гостей, свиней, бѣлор. гасцей, людзей, каней, малор. річэй, ночэй, двэрэй, днэй (Драг. 25); ср. также въ южныхъ и западныхъ памятникахъ: дверей Луц. ев., свиней Гал. 1424 АЮЗР. I N 16, грошей Гал. 1438 (Лекціи Соб.[2] 206) коней, грошей Литов. Метр. АЮЗР. I с. 16. Рядомъ продолжали сохраняться и первоначальныя формы на ij, что видно какъ изъ древнихъ великорусскихъ памятниковъ (напр. въ Моск. Дух. 1328: волостии, соболии, Дух. 1353: людии), такъ и изъ памятниковъ южныхъ и западныхъ (напр. Зап. еп. Іоанна 1398: коний, Гр. 1409: дѣтій АЮЗР. I N 11, Гр. 1401: людій тамъ же N 8), а также изъ совр. малор. формъ діалект. гусий, костий, бѣлор. гроший, коний и кони. Окончаніе -ій вм. -ий въ Карп. коній (Ogonovski 126) объясняется вліяніемъ мягкаго *н* въ формахъ кінь, коня и т. д.

Тамъ гдѣ на звуки уј и ij не могли имѣть вліянія условія, которыя измѣнили бы ихъ въ ъј и ьј, они оставались въ общерусс. языкѣ безъ измѣненія. Но уже въ древнѣйшихъ его нарѣчіяхъ должно было произойти фонетическое измѣненіе иррац. звуковъ *у* и *і*. Въ зависимости отъ положенія въ словѣ иррац. *у* и *і* были слоговыми или неслоговыми. Слоговыми они были въ положеніи передъ неслоговымъ звукомъ (і), если за нимъ не слѣдовало гла-

снаго звука, а также въ начальномъ слогѣ подъ удареніемъ несмотря на положеніе передъ неслоговымъ звукомъ (i) + гласная; неслоговыми, *у* и *і* ирраціональныя были въ положеніи передъ неслоговымъ звукомъ (i), за которымъ слѣдовала гласная: слоговыя *у* и *і* видимъ напр. въ словахъ dobryį, siniį, myįu, šiįa,, неслоговыя въ: nàšiįetь, pròliįemъ, ìmyįu и т. д. Мы видимъ, что условія сохраненія слоговаго характера или потери его звуками *у* и *і* ирраціон. были схожи съ тѣми, отъ которыхъ зависѣлъ слоговой или неслоговой характеръ звуковъ *ъ* и *ь*. Въ нарѣчіяхъ древнерусскихъ неслоговыя ирраціон. *у* и *і* подверглись тому же исчезновенію какъ неслоговыя *ъ* и *ь*: древнерус. nàšjetь, pròljemъ, ìmju, ср. съ перемѣной ударенія великор. нашьо̀т, прольё́м, бѣлор. налью̀, а подъ вліяніемъ сложныхъ съ предлогами явились и великорус. бью, шью, пьёт (др.-рус. пıеть, ср. серб. пи̏jе̄), малор. шью, льеш (др.-рус. лıеть, ср. серб. ли̏jе̄), бѣлор. ўеш (др.-рус. вıеши, ср. серб. ви̏jе̄ш). Впрочемъ въ бѣлорусскомъ находимъ шию̀, шиеть съ древнимъ удареніемъ, а также брыю̀; въ бѣлор. бию̀ гласная сохранилась слоговой и лишь измѣнилось удареніе (серб. би̏jе̄), въ бѣлор. же пию̀, лию̀ гласная сохранилась слоговой подъ вліяніемъ того, что имѣла удареніе во всѣхъ формахъ нас. вр. кромѣ 1-го лица. Точно также находимъ малор. діалек. (галиц. изъ Саноцкаго округа): бію, біешь, біе (Осадца 103) — чит. быю (удареніе?), вію чит. вью; въ брыю сохранилась и гласная и удареніе. Точно также исчезало неслоговое ирр. *і* въ древне-русскихъ нарѣчіяхъ въ словахъ какъ l'udiįe, im̃niįe, bratiįa, и т. д.: l'udje, im̃nje, bratja. Я не стану останавливаться на весьма интересныхъ и сложныхъ явленіяхъ, состоящихъ въ замѣнѣ неслоговаго ирр. *і* звукомъ слоговымъ въ формахъ и образованіяхъ подобныхъ вышеуказаннымъ. Перехожу къ исторіи слоговыхъ ирраціон. *у* и *і*. Эти звуки въ эпоху измѣненія слоговыхъ *ъ*, *ь* и *ӥ* ирраціон. въ *о*, *е* и *ȏ* измѣнились также въ звуки полнаго образованія. При этомъ вм. *у* и *і* ирраціон. явились болѣе открытые звуки ряда *о—е*: ср. переходъ глухихъ звуковъ въ звуки *о* и *е*.

Въ малорусскомъ нарѣчіи въ эпоху перехода звуковъ ряда *о—е* (ŏ, e, e') въ *э* измѣнились и звуки возникшіе изъ слоговыхъ *у* и *і* ирр., измѣнились при этомъ въ ы (звукъ средній между *ы* и *і*): мыю, крыю, довгый, добрый, лисичый, матерный, кріпкый, кріпшый, пый, вый и т. д. Измѣненіе -ый въ -ій въ лысій, козій, сыній (при сыный), третій (при третый) было слѣдствіемъ проникновенія въ форму им. ед. на -ый мягкой согласной вм. твердой изъ косвенныхъ падежей (им. ед. сыный при род. сынэго, а им. сыній при сынĕго).

Въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ слоговыя ирац. *у* и *і* измѣнились въ звуки *ŏ* склонное къ *и* (не смягчившее предшествующей согласной) и въ *е* склонное къ *і*. Такъ явились восточнорусскія: mŏḭu изъ myḭu, dobrŏḭ изъ dobryḭ, leḭ изъ liḭ, sineḭ изъ siniḭ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что съ одной стороны звуки *ŏ* скл. къ *и* и *е* скл. къ *і* могли вытѣсняться звуками *у* и *і* изъ родственныхъ формъ: при krŏḭu можетъ быть существовало kryḭu подъ вліяніемъ kryti, съ другой звуки *у* и *і* замѣнялись звуками *ŏ* и *е* въ грамматическихъ формахъ какъ zołotŏiě вм. zołotyiě apl., gsg. подъ вліяніемъ zołotŏḭ. Изъ формы род. ед. zołotŏḭ непосред. изъ zołotyḭ, а это изъ zołotyě, формы существовавшей при zołotoḭ, которое изъ zołotoě, звукъ *ŏ* скл. къ *и* проникалъ и въ формы дат. мѣс. ед. ж. р. именъ прилагательныхъ, твор. ед. именъ прилагательныхъ и существительныхъ, такъ какъ всѣ они совпадали въ одной общей формѣ zołotoḭ: подъ вліяніемъ того что они обозначали всѣ эти падежи, тѣ же падежи стала обозначать форма zołotŏḭ по происхожденію форма род. ед. Звукъ *ŏ* скл. къ *и* по физіологическому своему свойству былъ всего ближе къ гласной *у* (ы): поэтому тѣ древнерусскія нарѣчія, которыя измѣнили ky, gy, χy въ ki, gi, χi должны были вм. kŏ, gŏ, χŏ получить k'ŏ, g'ŏ, χ'ŏ, причемъ *ŏ* послѣ мягкой согласной было также склонно къ *у*. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ еще до измѣненія звуковъ гортанныхъ передъ

у и *ô* этотъ послѣдній звукъ подвергся измѣненію въ *о* (см. ниже).

Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи еще до эпохи, въ которую звукъ *ô* смягчающій предшествующую согласную измѣнился въ *о*, звуки *ô* скл. къ *и* и *е* скл. къ *і* подверглись слѣдующимъ измѣненіямъ. Звукъ *ô* склонное къ *и* сталъ звукомъ болѣе нёбнымъ и перешелъ въ *ô* склонное къ *е* въ положеніи подъ удареніемъ, въ *ы* въ положеніи не подъ удареніемъ. Звукъ *е* склонное къ *і*, становясь также звукомъ болѣе нёбнымъ, переходилъ въ положеніи какъ подъ удареніемъ такъ и въ неударяемомъ слогѣ въ *і*. Обстоятельство, что *ô* скл. къ *и* измѣнялось въ ударяемомъ слогѣ иначе, чѣмъ въ неударяемомъ, стоитъ въ связи съ тѣмъ, что въ ту эпоху жизни бѣлорусскаго нарѣчія, когда имѣло мѣсто указываемое явленіе, звукъ *ô* въ положеніи за мягкими согласными сохранялся только подъ удареніемъ (отсюда *ё*), въ неударяемомъ же слогѣ вмѣсто него являлись съ одной стороны звуки ряда *а*, съ другой звуки ряда *і*; *ô* изъ *ô* скл. къ *и* не измѣнялось въ *о* въ эпоху перехода *ô* въ *о* (послѣ мягкихъ согласныхъ) потому что было склонно къ *е*, а перешло съ теченіемъ времени въ звукъ *е* несмягчающее предшествующей согласной. Примѣры: совр. бѣлор. старэ́й, святэй, маладэй, зылатэй, варанэй, также тэй (изъ tуј); въ большинствѣ говоровъ ударяемое -эй вытѣсняется окончаніемъ -ы, заимствованнымъ изъ слоговъ неударяемыхъ: малады, вараны; въ мыю, крыю видимъ вытѣсненіе звука *э* подъ вліяніемъ мыць, крыць; въ неудар. слогѣ является *ы*, при чемъ вм. *ый* правильно *ы* (Карскій с. 138): добры, милы; *і* изъ *е* скл. къ *і* находимъ напр. въ шия, шиеш, *-ий* измѣняется въ *и*: сини, поший 2 л. пов., би, пи, род. мн. кони. Бѣлорусское -эй находимъ также въ формахъ род., дат., мѣс. ед. именъ прил., тв. ед. прил. и сущ., при чемъ оно восходитъ къ восточнорусскому ôј съ *ô* скл. къ *и* (ср. выше): багатэй, старэй, другей, дурнэй, гэтэй, аднэй, тэй, старэй бабэй, ср. въ неудар. слогахъ кромѣ этого -эй (перенесеннаго изъ слоговъ ударяемыхъ) окончаніе -ый: тв. ед. даўный,

надружечкый; въ дал. чужый, Божый ы стоитъ вм. *и*. Въ положенія передъ такимъ *ə* гортанныя, какъ указываетъ Даль, смягчаются: другей восходитъ вѣроятно къ древнему dru-g'ǒj. Замѣтимъ здѣсь, что Ржевскіе и Нижегородскіе говоры (о послѣднихъ см. статью Ляпунова въ Archiv f. Sl. Ph.), представляющіе формы какъ рябэй, худэй (Даль), инэй, другей, сухей (Даль), бѣлэй, слѣпэй, русскэй (Колосовъ Обзоръ. с. 99) вѣроятно говоры бѣлорусскіе.

Въ великорусскомъ нарѣчіи должны быть прежде всего выдѣлены тѣ говоры, которые, также какъ бѣлорусское нарѣчіе, измѣнили звуки *ǒ* скл. къ *и* и *e* скл. къ *i* до перехода *ǒ* послѣ мягкой согласной въ *o*: эти говоры тѣсно примыкаютъ къ области бѣлорусскаго нарѣчія, хотя и должны быть относимы къ нарѣчіямъ великорусскимъ (ср. напр. сѣв.-великор. g, не γ). Таковы говоры южной части Псковской губерніи. Въ нихъ *ǒ* скл. къ *и* подъ удареніемъ измѣнилось также какъ въ бѣлорусскомъ: далгей (Евсѣевъ Жив. Старина III, 204), великолуц. талстэй, дурнэй, другей, далгей (Успенскій, тамъ же с. 208); въ неудар. слогѣ *ǒ* скл. къ *и* измѣняется или въ *ы*: великолуц. милый, добрый, или въ *у*: халодпуй, долгуй (Евсѣевъ с. 204); звукъ *e* подъ удареніемъ и въ неударяемомъ слогѣ измѣняется въ *i*. Переходъ неудар. *ǒ* скл. къ *и* (у) въ *у* весьма ясно говоритъ за то, что дѣйствительно мы имѣемъ дѣло въ восточнорус. нарѣчіяхъ съ звукомъ склоннымъ къ *и* (у), явившимся изъ прр. слоговаго *у*: великол. подъ аспнуй, надъ барёзуй, съ сударышкуй, добруй иржи, новуй горницы возводятъ свои окончанія -уй также къ ǒj съ *ǒ* скл. къ *и*, ср. выше с. 38. Очень возможно, что подобный же переходъ имѣлъ мѣсто и въ бѣлорусскихъ говорахъ: ср. Ржев. съ палкуй, съ охотуй, а также вѣмую (Даль XLVII). Замѣтимъ, что Кур. Судж. тэй р. ед. указываетъ на то, что можетъ быть и въ Курскихъ говорахъ ударяемое *ǒ* скл. къ *и* измѣнялось въ *э*.

Но вообще въ великорусскихъ нарѣчіяхъ измѣненіе *ǒ* скл. къ *и* и *e* скл. къ *i* явилось позже нежели въ бѣлорусскомъ и при томъ ему предшествовало обособленіе

сѣверновеликорусскаго нарѣчія отъ южновеликорусскаго. Въ южновеликорусскомъ звукъ *е* скл. къ *і* подъ ударепіемъ сохраняясь какъ *е'*, въ неударяемомъ же слогѣ вм. *е'* являлось *і*, ср. переходъ первоначальнаго неудар. *е'* въ *і* въ южновеликорусскомъ: брею, шея; синій, выпій. Звукъ *ŏ* скл. въ *и*, одновременно съ переходомъ *ŏ* послѣ мягкихъ согласныхъ въ *'о* (*ё*), измѣнялся въ *о*, но какъ *ё* явилось изъ *ŏ* только подъ ударепіемъ, такъ и *о* вм. *ŏ* скл. къ *и* возникало только въ ударяемомъ слогѣ: слѣпой, пустой, витой, мою, вою. Въ положеніи же не подъ удареніемъ звукъ *о* замѣняется вообще звуками ряда *а* или *ы*, поэтому и вм. *ŏ* скл. къ *и* въ неудар. слогѣ является *ы* и *а*: добрый, крѣпкый при добрай, крѣпкай. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что *ы* въ добрый, крытый и т. д. нельзя объяснять изъ *о* (какъ объясняется изъ *о* напр. *ы* въ радысть), ибо во 1) мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы *ŏ* скл. къ *и* въ южновеликор. языкѣ измѣнялось въ неударяемомъ слогѣ въ *о*, во 2) переходъ *ŏ* скл. къ *и* въ неударяемомъ слогѣ въ *ы* слѣдуетъ прежде всего сопоставить съ переходомъ его въ *у*, имѣвшимъ мѣсто во многихъ говорахъ южновеликор. нарѣчія, при чемъ, конечно, нѣтъ возможности выводить звукъ *у* изъ *о*; такое *у* находимъ въ оконч. тв. ед. ж. р. -уй, которое явилось фонетически изъ *ŏj* съ *ŏ* скл. къ *и* (объ этомъ окончаніи см. сс.): Ряз. Кас.: за нявѣстуй, падъ ѐлацкуй (Будде с. 216), Тамб. Темник. кашуй, мамынькуй (Даль LXV), Ворон. палкуй (ib. LXIV), Орлов. Малоарх. палкуй (ib. LXII). Насколько мнѣ извѣстно, въ южновеликор. вм. -кый, -кай не является -кій (что до -кяй, то оно изъ -кай послѣ нёбнаго звука): я заключаю изъ этого, что *ŏ* скл. къ *и* измѣнилось въ *о* ранѣе перехода кы, гы въ ки, ги. Вмѣсто южновеликор. Кеив можно бы ждать Коив: форма Кеив проникла или изъ сѣверныхъ говоровъ или есть видоизмѣненіе произношенія Кіев.

Въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи звукъ *ŏ* скл. къ *и* измѣняется какъ въ удар. такъ и въ неудар. слогахъ въ

звукъ *о*; равнымъ образомъ независимо отъ ударенія сохраняется звукъ *е*[1]. Переходъ *ŏ* скл. къ *и* въ *о* слѣдуетъ прежде всего сравнить съ переходомъ *ŏ* послѣ мягкихъ согласныхъ въ *о* (*ё*): въ противоположность южновеликорусскому *ё* является и въ удар. и неудар. слогѣ. Но какъ ошибочно думать, чтобы въ сѣверновеликор. нарѣчіи всякое *е* передъ твердымъ слогомъ замѣнялось звукомъ *ё*, такъ точно нельзя принимать общаго перехода *ŏ* скл. къ *и* въ *о*. Въ неудар. слогѣ во всѣхъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ *е* можетъ замѣняться передъ твердымъ слогомъ звукомъ *е*[1], откуда діалектически *і* (se'strą, ve'du — систра, виду) и также точно *ŏ* скл. къ *и* въ неудар. слогѣ можетъ заняться звукомъ *ы*: добрый, чорный, битый, Олонец. крѣпкый, рогозенный и т. д. Это *ы* нельзя сравнивать съ *і* изъ *е* напр. въ дороднiй, лѣтній, сильній: *е*[1] передъ нёбнымъ звукомъ во многихъ сѣверорусскихъ говорахъ имѣетъ склонность къ переходу въ *і*, между тѣмъ *ы* не можетъ быть объяснено изъ *о* и должно поэтому непосредственно возводиться къ *ŏ* скл. къ *и*. Въ сѣверорусскихъ говорахъ были такіе, которые измѣняли ky, gy въ ki, gi ранѣе перехода *ŏ* скл. къ *и* въ *о*. Поэтому здѣсь возникали сочетанія k'ŏĭ, g'ŏĭ, χ'ŏĭ съ *ŏ* скл. къ *и*: въ древнерусскихъ памятникахъ они изображались черезъ **кеи** (**геи**, **хеи**), при чемъ, какъ видно изъ указываемыхъ ниже примѣровъ, **кеи** является и въ такихъ памятникахъ, которые еще не обратили **-ыи** въ **-ои**; что звукъ k'ŏĭ съ *ŏ* склоннымъ къ *и* изображается черезъ **кеи** весьма понятно: звукъ *ŏ* могъ изображатьcя буквою **е** въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ (**ледъ**, **несъ**). Такое — **кеи**, которое, замѣчу кстати, никоимъ образомъ не можетъ возводиться къ **-кии**, ибо встрѣчается между прочимъ въ памятникахъ, которые вообще не пишутъ **-еи** вм. **-ии** (Нов. лѣтпсь), находимъ напр. въ Нов. 1-ой лѣтпси: **свьискеи** 44, **неревьскеи** 107, Двин. гр. XIV в.: **соукеи**, **купеукеи** (Отд. Листы изд. О. Л. Д. П.), тоже въ сп. XVII в. древней двин. гр.: **соукей** АЮР. N 260, II, Псков. 2-ая лѣтпсь XV в.: **Нѣмецкей** 27, **Опоцкей** 32. Это k'ŏĭ или переходило далѣе въ k'oĭ: ср.

Молож. ловкей, милкей (Обзор Колосова стр. 141), Тот. Кадник. заморскей, молодецкей (тамъ же), Пошех. Ярославскей, Семеновьскей (прогр.), или же измѣнялось въ ke'ĭ въ силу можетъ быть мѣстнаго фонетическаго измѣненія ŏ склоннаго къ *и* между двумя нёбными звуками въ ŏ скл. къ *e*, откуда *e'* передъ нёбнымъ звукомъ. На такое ke'ĭ указываютъ формы новгоро'скъи Гр. 1372 (С. Г. Гр. и Д. I N 13), великъи; гоцькъи Гр. 1392 Р. Л. А., при чемъ ъ обозначаетъ *e'*, ср. приводимыя Далемъ (XLIX) Устюж. Волог. Каменскей, Лисовскей. Кромѣ сего слѣдуетъ замѣтить, что въ неудар. слогѣ k'ŏi могло замѣняться въ сѣверновеликор. черезъ kiĭ подобно какъ неудар. ŏĭ можетъ переходить въ ый. Это -кій мы находимъ и въ древнихъ памятникахъ (напр. соукии Дв. рядная XIV в. Св. и Зам. N 29, гр. 1361—65: монастырьскии ААЭ. I N 5, тр. 1399: киевьскии Госуд. Древ. I р. IV N 3, гр. 1432—43: Березовскии, Оустенскии, Шехонскии АКал. I N 68, ср. также постоянное великии, велики въ грамотахъ XV в.) и въ соврем. живыхъ говорахъ: Олонец. земьскій, воскресеньскій, деревеньскій, торгоській; также въ именахъ: великій, заморскій, Полиповскій, московскій, и др. (Рыбниковъ IV, 24, 65, 69, 89).

Впрочемъ были сѣвернорусскіе говоры, которые измѣнили ŏ склонное къ *и* въ *о* еще тогда, когда въ языкѣ сохранялись сочетанія *кы*, *кŏ*. Поэтому и въ современныхъ говорахъ и въ древнихъ является смѣшеніе формъ на -кій и -кой, ср. соврем. Олонец. соцькой при земьскій. Формы другои, монастырьскои, городецькои, ирославьскои и т. д. сѣвернорусскихъ памятниковъ XV в. могутъ восходить непосредственно къ другŏй, монастырьскŏй и т. д.

С. О появленіи звука ы ирращ. въ концѣ слова въ древнерускихъ нарѣчіяхъ и объ его измѣненіяхъ. Мы видѣли выше (отдѣленіе А этой главы), что въ русскомъ языкѣ были случаи, гдѣ неслоговыя ъ и ь по общему закону языка должны были выпадать, а между тѣмъ замѣнялись полными гласными. Такая замѣна неслоговыхъ ъ и ь имѣла мѣсто какъ тамъ, гдѣ звукъ былъ

поддерживаемъ вліяніемъ аналогіи (напр. въ суффиксахъ), такъ и тамъ, гдѣ выпаденію его препятствовало стеченіе согласныхъ. Въ первомъ случаѣ неслоговыя ъ и ь замѣнялись звуками *о* и *е* подъ вліяніемъ тѣхъ формъ, которыя изъ своего суффикса переносили эти звуки, во второмъ вм. ъ и ь, какъ это видно изъ бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій, являлись въ общерусскомъ языкѣ діалектически звуки *ы* и *и*, ср. приведенные выше примѣры, какъ бѣлор. блыха, дрыжаць, малор. дрыжати, грымiти, глытати, при *о* и *е*: великор. блоха, дрожать, гремѣть, глотать и т. д. Но я думаю, что если мы, во вниманіе къ результатамъ, добытымъ въ отдѣленіи В настоящей главы, сообразимъ, что великорусскія *о*, *е* съ одной стороны, малорусскія и бѣлорусскія *ы*, *и* съ другой восходятъ къ общему звуку *ы*, *и* напр. въ случаяхъ какъ доброй—добрый, добры, шѣя—щыя, шия, при чемъ звуки *ы*, *и*, развивавшіе изъ себя великор. *о*, *е* при малор. и бѣлор. *ы*, *и*,—были слоговыми ирраціональными звуками *ы*, *и*, то придемъ къ заключенію, что звуки, замѣнившіе тѣ неслоговыя ъ, ь, которыя подлежали выпаденію, но сохранялись вслѣдствіе стеченія согласныхъ, были въ общерусскомъ языкѣ слоговыми ирращ. *ы* и *и*, которыя дальше по общему закону переходили въ малорусскомъ нарѣчіи въ звуки *ы* и *и*, въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ въ ȏ скл. въ *и* и *е* скл. въ *і*, откуда дальше въ бѣлорусскомъ *ы* и *и*, въ великорусскомъ *о* и *е*. Такъ общерус. кръви измѣнялось или въ крви (примѣры см. выше) или въ крыви съ *ы* ирращ. слоговымъ; отсюда въ малор. крывй (у Квитки), въ восточнорусскомъ кровй съ ȏ скл. въ *и*, что давало затѣмъ въ бѣлор. крывй (ср. крывй въ сп. Сна Богородицы XIX ст. Карскій Р. Ф. В. 1890 N 2, с. 224; Зап. Рус. Четья 1489: крывлял. Карпинскій Р. Ф. В. N 1 и др.), а въ великорусск. крови, кравй.

Прежде чѣмъ перейти къ главному предмету нашего изслѣдованія, желая именно указать въ общихъ чертахъ на звуки совпавшіе съ теченіемъ времени со звуками *о* и *е* въ русскомъ языкѣ, мы остановимся на особомъ случаѣ

появленія иррац. слогового *ъ* въ конечномъ слогѣ въ русскомъ языкѣ. Конечное *ъ* неслоговое, исчезая въ формахъ им. ед. числа муж. рода именъ существительныхъ вызвало въ языкѣ совершенно новыя отношенія въ склоняемомъ словѣ: окончаніямъ прочихъ падежей въ формѣ им. ед. не соотвѣтствовало никакого окончанія, и форма им. ед. представлялась чистой основой, отъ которой образовались посредствомъ окончанія прочіе падежи (поэтому **христос, псалмос** образовывали **христоса, пьсалъмоса**). Но если въ склоненіи именъ существительныхъ могли явиться въ языкѣ указываемыя новыя отношенія безъ особенныхъ затрудненій, то въ склоненіи именъ прилагательныхъ (въ краткой формѣ), а также въ формахъ причастій на *-нъ, -лъ* исчезновеніе конечнаго *ъ* нарушало ту связь, которая существовала въ языкѣ между этимъ звукомъ и значеніемъ окончанія мужес. рода. Дѣло въ томъ, что въ склоненіи сложномъ именъ прилагательныхъ при окончаніи жен. рода *-ая*, ср. рода *-ое* въ муж. родѣ являлось окончаніе *-ый*; языку было трудно помириться сразу съ тѣмъ, что при окончаніи *-а* жен. р., *-о* сред. р. въ муж. родѣ не стало совсѣмъ окончанія съ исчезновеніемъ конечнаго *ъ*. Это имѣло слѣдствіемъ стремленіе удержать звукъ *ъ* въ окончаніи, а такое стремленіе, какъ мы знаемъ, вызывало переходъ неслоговаго *ъ* въ слоговое иррац. *ъ*. Я вполнѣ убѣжденъ, что, читая даже въ такихъ памятникахъ, въ которыхъ есть написанія **ничимже, оумомъ, ходитъ** (написанія ясно указывающія на отпаденіе конечныхъ неслоговыхъ *ъ* и *ь*) *ъ*, формы **добръ, сильнъ** или **писалъ, написанъ** какъ добр, силен, писал, написан, мы можемъ легко ошибиться, такъ какъ въ приведенныхъ формахъ буквою **ъ** могъ обозначаться звукъ иррац. слоговой *ъ*.

Слоговое иррац. *ъ* измѣнилось еще въ общерусскомъ языкѣ въ *о* скл. къ *и*. Это *о* скл. къ *и* въ малор. переходило далѣе въ *ы* (средній звукъ между *ы* и *і*): общер. добры (при добр) переходило въ малор. въ добры, и исчезало затѣмъ въ языкѣ подъ вліяніемъ формы добрый. Но слѣды существованія такихъ формъ слѣдуетъ видѣть въ томъ об-

стоятельствѣ, что малор. добрый замѣнило не только общерусское добрый, но и общерусское добр, напр. употребляясь въ значеніи сказуемаго. Въ противоположность великорусскому въ сказуемомъ употребляются прилагательныя не только именнаго, но и мѣстоименнаго склоненія и въ виду того, что формы склоненія именнаго сохранились въ малор. (солодо́к, сла́вен, бѣл и др.) я думаю, что всего естественнѣе объяснять подобную замѣну прилагательныхъ въ краткой формѣ прилагательными въ полной формѣ указаннымъ переходомъ формы добры съ *ы* иррац., существовавшей при добр, въ форму добры.

Въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ звукъ иррац. слоговое *ы*, измѣнившійся по общему закону въ ŏ скл. въ *и*, имѣлъ затѣмъ туже судьбу, что иррац. слоговое *ы* передъ неслоговымъ ĭ. А именно въ бѣлорусскомъ нарѣчіи ŏ скл. въ *и* переходило въ *ы*: добры, здоровы: эти формы совпали съ формами добрый, здоровый, перешедшими фонетически въ добры, здоровы, и это обстоятельство объясняетъ намъ, почему въ бѣлорусскомъ формы на -*ы* являются въ именахъ прилагательныхъ, употребляемыхъ въ качествѣ сказуемаго.

Въ великорусскомъ нарѣчіи ŏ скл. въ *и* должно было измѣниться въ южновеликорусск. говорахъ (въ неудар. слогѣ) въ *ы*, въ сѣверновеликор. въ *о*: формы на -*ы* и -*о* исчезали затѣмъ въ языкѣ, но можетъ быть и сохранялись въ языкѣ спорадически. Ср. формы плуго въ Двин. грам. XVI в. Собр. Бѣл., или ило во фразѣ: а ҙа десатинщика са ило попъ Семенъ и ҙа Софииие сп. XVIII в. АЮР. № 257, III, а также формы им. ед. Смоленьско, Полотьско, Витебьско; Олександро; Болхово въ древнихъ памятникахъ. Дальше мы укажемъ на то, что звукъ ŏ скл. въ *и* переносился въ форму им. ед. именъ существительныхъ и являлся въ причастіяхъ на -*лъ*. Но въ сѣверновеликорусскомъ, а можетъ быть и въ южновеликорусскомъ нарѣчіи, имѣло мѣсто еще до измѣненія звука ŏ послѣ мягкихъ согласныхъ въ *о*, а слѣдовательно и до измѣненія звука ŏ скл. въ *и* въ *о*, общее явленіе, по которому конечныя гласныя ŏ и *е* из-

мѣнялись въ ѐ скл. въ і (объ этомъ явленіи подробнѣе въ слѣдующихъ главахъ). Вслѣдствіе этого явленія ȏ скл. въ и измѣнилось въ сѣверновеликор. нарѣчіи въ звукъ ȏ скл. въ е, т. е. въ звукъ болѣе нёбный. Это ȏ скл. въ е, вѣроятно измѣнившееся дальше въ е', изображалось въ памятникахъ древнерусскихъ черезъ буквы є и ѣ. Благодаря этому фонетическому явленію, мы имѣемъ возможность судить о распространенности иррац. слоговаго ъ, откуда ȏ скл. въ и, діалектически сѣверновеликор. е' въ концѣ словъ вм. древняго звука ѣ въ нарѣчіяхъ общерусскаго языка. Изъ случаевъ, гдѣ мы находимъ въ древнерусскихъ памятникахъ буквы є и ѣ для обозначенія этого звука е', видно, что окончаніе ъ ирр. (откуда ȏ скл. въ и, е') являлось: въ формахъ муж. рода причастій на -лъ (ср. жен. и сред. -ла, -ло), причастій на -нъ (ср. жен. и сред. -на, -но), именъ прилагательныхъ на -ъ (ср. жен. и сред. -а, -о), именъ отечественныхъ на -инъ, -овъ (ср. жен. и сред. -ина, -ова), указательнаго мѣстоименія тъ (ср. жен. и сред. та, то), именъ собственныхъ на -ъ (ср. жен. имена собств. на -а), и наконецъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ въ формахъ им. и вин. ед. именъ существительныхъ. Привожу примѣры: 1) причастія на -лъ: Вклад. Варлаама: вьдале варламе, Вопр. Кирик. въ Кормчей 1282 г.: ико не дошле (кр҃тъ г҃ныи) ц҃ра гр҃а 523а, Нов. 1-ая лѣтсь: осѣле стославъ 166, Двин. ряд. XIV в.: смене ноүине имале, вꙁале, доспеле, позд. прип. въ рвпси Окт. Минеи 1096 г.: акиме писале (изд. Ягича с. X), Гр. 1392: дворъ ихъ погорѣле, кто у ихъ товаръ поимале, по(ве)лѣле новъгородъ, что иванъ... повѣстовалъ, Гр. 1372: весь новъгород веліле (тамъ же весь новъ. город велѣлъ) СГГр. и Д. N 13, 2) причастія на -нъ: Пантел. Ев. XII—XIII в.: благнъ не хотѣнию написане, нъ диаволею пакостию (Лекціи Соболевскаго[2]), Вопр. Кир.: обрѣтене 523а въ смыслѣ будучи найденъ, 3) прилагательныя въ краткой формѣ: Вопр. Кир. аще кто верне ѥсть 521с, рпсь 1296 г. Син. Биб. N 836: вѣрныи въ малѣ и въ множѣ вѣрене ѥсть 23а, 4) patronymica на -инъ и -овъ: Дв. гр. XIV в. Собр. Мух. N 10:

кузьмине, васильеве, иванове, Дв. гр. XIV в. АЮР. N 71, XVI: фомине, иванове, Дв. рядная XIV в.: ноunне, Гр. 1539 г.: Өомине, Волосове, Игнатеве (Барсовъ, Палеостровъ с. 129), позд. списки двинскихъ грамотъ XIV в. въ рпси Моск. Арх. Ст. Дѣлъ N 14385: сидорове, иван'ве, павлове, өедорове, позд. сп. Новг. рядной XIV в. АЮр. N 257, II: Кузмине, Парөеньеве и др., 5) имена собственныя въ новгородскихъ и двинскихъ памятникахъ XIII—XIV в.: костантине, павле, іеве, онтане, борисе (Нов. I, 145), смене, иване, демиде, өедоре и др., 6) мѣстоименіе указательное: рпсь 1296 года: фарисѣи тѣ величашеса гла 103а, Гр. 1392: тѣ товаръ, а подъ вліяніемъ тѣ вм. тъ явилось тѣи вм. тыи, ср. общерусское тыи подъ вліяніемъ тъ: тѣи товаръ; 7) имена существительныя: Нов. 1-ая лѣтпсь: савъкине дворе 53б, Гр. 1392: вин. ед. или тать или товаре, им. ед. посаднике, Псков. 2-ая лѣтпсь XV в.: морозе побилъ рожь 28, Полотско городъ выгорѣ весь 29; и таковую грамоту смерде историже 45; им. ед. какъ останъке Нов. 1-ая лѣтпсь (останъке ихъ разидеса 162), городке Псков. 2-ая лѣтпсь 26, 27, 29 образованы при помощи окончанія ѣ скл. къ *и* подъ вліяніемъ формъ косвенныхъ падежей.

Косвенное указаніе на то, что напр. въ формахъ на -ине, -ове согласныя были мягки передъ звукомъ *е*, находимъ въ формахъ Розѣновя, Кортеневя, Варанновя, Мяздриня р. ед. Дух. нач. XVI в. АЮр. N , явившихся вмѣсто Розѣнова, Мяздрина подъ вліяніемъ им. ед. Розѣнове, Мяздрине.

Спрашивается, сохранились ли въ современномъ сѣверновеликорусскомъ слѣды этого особеннаго звука ѣ скл. къ *и*, перешедшаго затѣмъ въ *е*[1] и смягчившаго даже предшествующую согласную. Къ удивленію нашему находимъ дѣйствительно такіе слѣды въ говорахъ современной Псковской губерніи (ср. *е*, *ѣ* вм. ѣ скл. къ *и* въ Псковской лѣтпси). А именно г. Успенскимъ (Живая Ст. III, 208—209) указывается, что въ одномъ изъ говоровъ Великолуцкаго уѣзда, имъ обслѣдованномъ, окончаніе *-ги* въ прилагатель-

ныхъ (не подъ удареніемъ) произносится отчетливо, не переходитъ въ *-ой* (подъ удареніемъ здѣсь *-эй* какъ въ бѣлорусскомъ); если прилагательныя съ окончаніемъ *-ый* (*-ій*) употребляются въ смыслѣ сказуемаго, то въ окончаніи слышно одно *-и*: пирогъ сладки (пирогъ сладокъ), хрѣнъ горьки (хрѣнъ горекъ), лёнъ волокнисти (ленъ волокнистъ), собой чисти (собой чистъ), ср. въ записанной г. Успенскимъ пѣснѣ: бѣлъ, вылакністи, сабой гылависти (с. 210). Откуда это *и*? Если бы это было *ы*, мы бы вывели его изъ бѣлорусскаго (бѣлор. -ы вм. -ый), но звукъ *и* я, въ виду всего вышесказаннаго, вывожу изъ *е* скл. къ *і*, и сравниваю съ конечнымъ *и* въ томъ же говорѣ вм. *е* скл. къ *і* (изъ *ѣ*) въ случаяхъ какъ абъ мѣсти, абъ нявѣсти и др.; а *е* скл. къ *і* восходитъ къ древнерусскому *е* скл. къ *і* (пишется *е* и *ѣ*) изъ ӧ скл. къ *и*, образовавшагося изъ иррац. слоговаго *ы* въ конечномъ открытомъ слогѣ: бѣлор. чисти изъ древнерус. čistö, а это изъ čist*y* съ иррац. *y*.

Соображая все вышесказанное въ отдѣлахъ А, В, С, видимъ, что со звукомъ *о* во всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго языка совпалъ съ теченіемъ времени звукъ *ъ* слоговой; что въ великорусскомъ нарѣчіи съ нимъ черезъ посредство ӧ скл. къ *и* совпало ударяемое слоговое *ы* ирраціональное; что въ нарѣчіи сѣверновеликорусскомъ съ нимъ же, также черезъ посредство ӧ скл. къ *и*, совпало иррац. слоговое *ы* и въ неударяемомъ слогѣ.

Далѣе мы видимъ, что звукъ ӧ скл. къ *и* не смягчающій предшествующую согласную являлся вм. *ы* слоговаго ирраціональнаго, подвергаясь дальнѣйшимъ измѣненіямъ въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ русск. языка, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, еще сохраняясь какъ ӧ,—этотъ звукъ смягчилъ предшествующія гортанныя. Со звукомъ ӧ, смягчающимъ предшествующую согласную, совпало ĭ иррац. слоговое (изъ *ь*) во всѣхъ нарѣчіяхъ русск. языка. Звукъ *е* не смягчающій предшествующей согласной являлся въ бѣлорусскомъ и можетъ быть въ отдѣльныхъ южновеликорусскихъ говорахъ изъ ӧ скл. къ *и*, которое само восходитъ къ слоговому иррац. *ы*. Со звукомъ *е*[1] совпалъ ъ сло-

говой (передъ нёбными звуками) во всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго языка; съ тѣмъ же звукомъ совпало слоговое ирр. *і* подъ удареніемъ во всѣхъ нарѣчіяхъ великорусскаго языка, а не подъ удареніемъ въ нарѣчіи сѣверновеликорусскомъ; съ нимъ же наконецъ совпалъ въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи звукъ ǒ свл. къ *и* въ конечномъ открытомъ слогѣ, явившійся вмѣсто слоговаго иррац. *ъ*.

Глава 5-ая.

О появленіи звуковъ а и о вмѣсто а̄ и ō въ нарѣчіяхъ общерусскаго языка.

Древніе памятники изображали звуки ö и ä — буквою є; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ для изображенія звука ö находимъ букву ю, обозначавшую вообще какъ звукъ *u*, которому предшествуетъ мягкая согласная, такъ и звукъ ü; преимущественно находимъ ю на мѣстѣ є для изображенія звука ö въ памятникахъ галицко-волынскихъ и это стоитъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нихъ буква ю употреблялась для обозначенія дифтонгическаго сочетанія üö, являвшагося вм. ö долгаго: въ словахъ какъ ютюрь Указ. Ев. чт. XIII в. 236а, 238а, щюдрь Тип. ев. XIII в. № 6 л. 97b, июдъюмъ Гал. ев. 1266—1301 (Собол. 24), отроучищюмъ dat. pl. Холм. ев. 74b, гр. 1378: грошювь, гр. 1371: василювь, гр. 1398: утюнъ и др. буква ю обозначаетъ дифтонги üо и üö. Подъ вліяніемъ такихъ случаевъ употребленіе буквы ю могло распространиться и на обозначеніе простаго звука ö: такъ въ Гал. Ев. 1144 года находимъ облую 24а, въ Добр. Ев. 1164: тръплющю Собол. 7, въ Тип. Ев. № 6: колю 208b, въ Галиц. Ев. 1266—1301: морюжю вм. жє, въшюдшю вм. въшєдшю, въ Луцк. Ев. XIV вѣка: идущю, пьющю, ищющю npl. (Соб. 45), въ грам. Бенки 1398 читаемъ юсмы вмѣсто юсмы (jösmy).— Впрочемъ въ памятникахъ и не галицковолынскихъ изрѣдка попадается буква ю на мѣстѣ є

для выраженія звука ŏ: Нов. Минея XI вѣка Тип. бпб. № 221: вселюноую 93b, сѣвернорус. рись XIV в. томоужю Рус. Дост. II, 104, Ев. Рум. Муз. XIV в. № CVII: въ июжю 8а, Сильв. сб. XIV в., въ Ж. Бор. и Гл. градоущюнъ dat. pl. 8а, въ Кеин. сп. XIII в. гр. 1229 г. вм. юмоу является юмоу по указанію изд. Рус. Дост. II (с. 270, прим.).

Исторія звуковъ ă и ŏ въ русскомъ языкѣ стоитъ въ связи съ исторіею звука ŭ и должна быть разсматриваема въ зависимости отъ предшествующихъ согласныхъ. Звукъ ŭ въ русскомъ языкѣ являлся при тѣхъ же условіяхъ что звуки ă и ŏ, а именно въ положеніи послѣ j, смягченныхъ согласныхъ и послѣ согласныхъ мягкихъ; при этомъ онъ восходитъ къ общеславянскому звуку ŭ въ такомъ положеніи.

Еще въ нарѣчіяхъ общерусскаго языка имѣло мѣсто явленіе, по которому звуки ŭ, ŏ, ă, послѣ смягченныхъ согласныхъ ž, č, š, c и послѣ j измѣнились въ *и*, *о*, *а*; переходъ этотъ являлся послѣ тѣхъ именно согласныхъ, которыя были извѣстны въ языкѣ только въ качествѣ мягкихъ согласныхъ и долженъ быть понимаемъ такъ, что послѣ этихъ согласныхъ стали являться звуки *а*, *о*, *и*, при и вмѣсто ă, ŏ, ŭ, подъ вліяніемъ того, что послѣ прочихъ согласныхъ, употреблявшихся какъ въ твердомъ такъ и въ мягкомъ видѣ, встрѣчались какъ ă, ŭ, ă (послѣ мягкихъ), такъ и *а*, *о*, *и* (послѣ твердыхъ). Такъ послѣ звука *r* являлось *и* напр. dvoru и ŭ напр. carŭ: вслѣдствіе этого при licŭ, vožŭ возникали формы licu, vožu. Звуки *а*, *о*, *и*, проникнувъ въ положеніе за указанными выше согласными, вытѣсняли звуки ă, ŏ, ŭ, ибо съ чередованіемъ этихъ звуковъ въ указанныхъ случаяхъ не могло связываться того различія, которое наблюдалось при чередованіи ихъ въ положеніи за другими согласными: тамъ наблюдалась мягкость согласной при ŏ, ă, ŭ, твердость при *а*, *о*, *и*, здѣсь согласная была неизмѣнно мягка передъ звуками обѣихъ категорій. Такимъ образомъ вмѣсто ŏ, ŭ, ă, въ положе-

нія за j, а также за ž, č, š, šč, c, еще въ нарѣчіяхъ общерусскаго языка являлись звуки и, о, а. Опредѣлить по памятникамъ время такого перехода врядъ ли возможно съ точностью: наиболѣе цѣнныя указанія даются при этомъ употребленіемъ буквы ю, послѣ шипящихъ и ц. Памятники, употребляющіе букву ю послѣ ж, ч, ш, ц, но пишущіе послѣ нихъ же а (не и, а), этою буквою изображаютъ очевидно не звукъ и, а звукъ ü: слѣдовательно, мы не должны ожидать здѣсь и о вмѣсто ö (напр. жо вм. же). Напротивъ въ памятникахъ, гдѣ являются написанія жоу, шоу, чоу, цоу, или гдѣ жю, шю, чю, цю, употребляются рядомъ съ жа, ша, ча, ца, причемъ ю и а изображаютъ звуки у и а, мы можемъ ожидать и жо, шо, чо, цо вм. же, ше, че, це, такъ какъ одновременно съ переходомъ ü въ и долженъ имѣть мѣсто переходъ ö въ о (ср. напр. въ Риж. гр. ок. 1300: хочомъ, ажо, емъшо при жалобою, чювали, нашю). Во всякомъ случаѣ о времени перехода ü, ö, ä въ и, о, а, можно судить и по тѣмъ памятникамъ, гдѣ вм. буквы е въ положеніи за ж, ч, ш, щ, ц имѣется буква о въ значеніи звука ö, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать возможность изображенія звука ö буквою о.

Для того, чтобы въ общихъ чертахъ указать на время перехода ö въ о, а также на широкое распространеніе его, приведу примѣры употребленія буквы о вм. е послѣ ж, ч, ш, щ, ц, изъ древнерусскихъ памятниковъ, ограничиваясь при этомъ небольшою выборкою изъ безчисленныхъ случаевъ, попадающихся въ памятникахъ позднѣйшихъ [1]).

Примѣры употребленія буквы о для выраженія звука о изъ ö, восходящаго къ первоначальному е передъ твердымъ слогомъ: Слово Ипп. объ Ант. XII вѣка (изд.

---

[1]) Буква о въ словахъ толокъка Сб. 1073, 179d, боудоущюхъ Сент. Минея 1095 изд. Яг. 164, нюжо таже рпсь л. 1186 обязана своимъ существованіемъ, можетъ быть, простымъ опискамъ.

Нев.): блажонъ 99, съкажомъ 22, дьржащомъ 104, раздѣликъшюмъся 40, хытрьцомъ 5-и др.; Ев. единовѣр. мон. XI—XII в.: ковьчогъ 74d, жьрьцомъ 83b, Гал. Ев. 1144: послакшомоу, рись Усп. соб. XII в. № 175 (18): ѡкладающому 74 об., почикающюмоу 90 об., Тріодь Моисея XII—XIII в.: пожикъшомъ, сърдцюмъ (Лекціи Соболев.[2] 59), Житіе Саввы XII в.: вълѣзоущюмъ, оуражонъ (Ягичъ Крит. Замѣт. с. 36), Тип. Ев. XII в. № 6: блажонъ 117а, Поуч. Кон. Болг. XIII в.: съкрьшонъ 68с, жонъ 81а, крьцюнъ 86с, чолокѣкъ 223с, вольшомъ 80b, вѣроующюмоу 88d, Толк. Ап. 1220: гл҃юшюмъ 126, прельщающюмъ 201, творящюмоу 64, Сбор. XIII в.: оустрьмльшомъся (Оп. семи рисей Лавровскаго с.), Гр. 1229 въ сп. D. (изд. Тобина): оутвьржонъ, неразроушонъ, жоною, соужона, коупцюмъ, старейшомоу, Риж. гр. 1281—97: чолоска Рус. Лив. Ак., Смол. гр. 1284: вашомоу, нашомоу, Рум. Корм. XIII в.: чолокѣци Рус. Ист. сб. VI, 124, Риж. гр. ок. 1300: хочомъ, отч҃къ, Холм. Ев. XIII—XIV в.: юдущюмъ, размышонъ (Соб. 29), рись XIV в.: шона Рус. Дост. II, Лавр. сторожовъ 171b, кожонку 190b, Ипат. вечоръ 152b, вечора 159b, шолудивыи 167b, шолома 301, 429, конюшого 438, учѣшока 537, старѣишому 88а, Ев. 1357: рожоною, лжомъ свѣдителемъ (Лекціи Собол. 60), Парем. XIV вѣка: щюдръ, нищюта (тамъ же), Рум. Ев. XIV в. № 8: врачовъ 2d, Прол. 1383: жораткомъ (Очерки Соб. 130), Двинскія Грамоты XIV в.: княжоѡстровчовъ, мартушовъ, чоломъ, сивцовъ, конюовъ, чернцовъ, Нов. гр. 1373: Новгородцовъ С. Гр. и Д. № 17, Дух. 1328: данилицюва, зап. Юрія Холмскаго 1376: стрижово Книги Зак. XV в.: ищющюмоу, сдѣлавшомоу изд. Павлова 89, 69, Псков. лѣтпсь XV в.: ничогоже 38, жоравьи 12, жолоза 14, чоломъ 8, чоловитье 34, шостому 36, ржову 42, мощоной 32, шолони 36, Нов. лѣтпсь Архив. сп. XV в.: чоломъ 343, чого 336, новгородцовъ 334, Галиц. грам. XV в.: хрчонъ, чотыриста, дворищюмъ, ничого, москов. дух. и догов. XV—XVI в.: положоное, пѣшохода, душогубца, вышогородомъ, шокъсны, опншомъ, душо-

грѣи, тєжолли, Полоц. гр. XV в.: чотыри сотъ, мужомъ, вашого, ничого, шостого, мѣстичокъ, въ рѣчохъ, гр. 1532: изба съ мшонухою АЮр. № 171, Конш. сп. Домостроя: рєшота 51, домочадцокъ 9, сп. Домостроя изд. Заб.: щолокъ, щюлоку ib. 158, к'жолоку 115, окощо 121, шолуди 24, 1567: шоломъ АЮ. № 421, I, Зап. Рус. Четья 1489 г.: жона, чотыри, нєчора (Каринскій въ Р. Ф. В.), Уст. Сиг. Авг. 1557: отъложоно 173, пожогою 82, токарышокъ 212, малиночого 111, писчого 212, Литов. Метр. (Архивъ Югозап. Россіи ч. VII т. 2): локчому, чотырнадцатый, сажонъ и др., Тяпин. св. ок. 1570: бєшоного, нєчору, чоловєкъ, пєчорою, вашого (Карскій Р. Ф. В. 1892 № 4). Пересоп. св. XVI в.: оушохь, ѿхожовлла Жит. 27, 29 и мн. др.

Примѣры употребленія буквы о для выраженія звука *о* изъ ŏ въ конечномъ открытомъ слогѣ: Галиц. ев. 1144 г.: тожо 104а, Поуч. Кон. Болг. XIII в. ѥжо 107с, Празд. на пот. XII—XIII в. ѥгожо 49b, рпсь 1296 г., Син. биб. № 836 икожо 81а, Гр. 1229 (D): никомоужо, тажо, ожо, жо, Гр. 1229 (E): ожо, тажо, Риж. гр. ок. 1300: жо (около десяти разъ), ажо, ємъшо, кнажо (болѣе тридцати разъ), Рижск. гр. около 1330: ажо, Раз. Корм. 1284: ащо (Лекціи Собол. 60), Ев. 1354: глаголашо бо, ащо, шєдъшо, он жо (Лекціи Собол. 60), Лавр. нєдоступившо 187а, Двинскія грамоты XIV в.: чо, тижо, перевѣсищо, дворищо, рѣпищо, гумнищо, Москов. догов. и дух. XV в.: туто-жо, такжо, нашо, пригожо, єщо, на прако жо, камєнищо, 1532: портищо, передъ нами жо АЮр. № 19, 1555: маракьищо АЮр. № 151, 1574: соколничо АЮр. № 229, 1547: кнажо Ондрѣєку АКал. I, № 52, 1593: порожжо АКал. I № 29, Дом. Конш. сп. рукодѣлєищо 58, Дом. изд. Заб.: полотєнцо 174, платєнцо 71, Нов. писц. 1495: сєлищо 304, 539, Дорищо 270, подбортищо 269, 348 и др. Полоц. гр. ок. 1479: єщо, ужо, также Р. Л. А., Судебн. Ив. Вас., рпсь Унд. XVI в. № 824: нами жо 21а, ѡпричо 53b, Уст. Сиг. Авг. 1557: пєшо 47, 120, кжо 69, кто жо 60, Зап. Рус. Минея 1489:

дающо, ждоуто, хотаџо, оућрѣвшо, єщо, єжо, подаїжо, Тяпин. ев. кѣжо, ссрцо, кашо, Книга гродская Луцкая 1570 г. єжо Архивъ Югозап. Россіи ч. 1, т. I, с. 26, Книга гродс. Владим. 1591: скѣжо тамъ же с. 295 и т. д.

Примѣры употребленія буквы о для выраженія звука *о* изъ ŏ, замѣнившаго болѣе древнее ŭ ирраціональное вм. ь въ эпоху замѣны глухихъ ъ и ь гласными *о* и *е*: Гр. 1229 (D.): должонъ, Риж. гр. ок. 1300: шолъ, пришолъ, пришодъ, Нов. дог. 1373: торжокъ, Нов. дог. 1372: чорныхъ, Москов. ев. 1393: пришодшо, шодъ (Лекціи Соболев. 60), Двин. гр. XIV в.: шодъ, наколочокъ, Кол. Палея 1406 года: въшодъшли 106, Ипат. пришодъ 526, Гал. грам. нач. XV в.: чорткокинъ, шолкъ, Москов. дух. и дог. XV—XVI в.: чорные, ѿшолъ, дошодъ, рудожолта, жорнокищъ, Дв. гр. 1527: с пожонками Собр. Бѣляева № 5, Псков. 2-ая лѣтпсь: пушокъ 39, Коп. сп. Домостроя: служокъ 58, 59, подушокъ 79, можжокъ 72, Уст. Сиг. Авг. 1557: послушо҃ 73, служокъ 132, вышолъ 151, Лит. Метр.: корчомъ, бочокъ Архивъ Югозап. Россіи VII т. 2, Тяпин. ев. подножокъ, Бѣл. сб. XVII в.: шокъ (шелъ) Карск. Р. Ф. В. 1890 № 2, Пересоп. ев. XVI в.: пошодши, вышоль Жит. 15, 16, ҳажогши 41 и т. д.

Что касается звука *о* изъ ŏ послѣ j (и ј), то въ памятникахъ онъ почти постоянно изображается черезъ е (ѥ); случаи какъ Юрьокскому 1483—1502 АЮр. № 142 являются въ видѣ исключеній; ѡмоуже въ Поуч. Влад. Мон. (ѡмоуже любо дѣтии моихъ Лавр. 155а) слѣдуетъ вѣроятно читать ѐму же. Написанія какъ енъ (чит. ѐнъ) гр. до 1491 АЮр. № 7 слѣдуетъ сопоставлять съ написаніями какъ Серапіена 1585 АЮр. № 259, Ларьенокъ 1667 АКал. II, 811; въ позднѣйшихъ памятникахъ можно найти йонъ напр. Ряз. гр. 1677 Пискуновъ с. 112.

Звукъ *о* въ положеніи послѣ j существовалъ въ нѣкоторыхъ словахъ еще и до перехода ŏ въ *о* по указанному закону. Такое *jo* являлось діалектически въ словѣ joščŏ, существовавшемъ въ такой формѣ при hěščŏ и oščŏ, je'ščŏ, ср. серб. и болг. јоште: древнерусское joščŏ

отразилось въ совр. бѣлор. ёщо (Янчукъ въ Сбор. Свѣд. для изучен. быта крест. нас. Россіи вып. I с. 264), Что касается общерусскаго ёнъ (великор., бѣлор. и малор.), то оно явилось изъ онъ подъ вліяніемъ формъ jӧму, jӧго, передавшихъ ему свое j.

Между приведенными выше случаями замѣны буквы є буквою о, обращаютъ на себя вниманіе по древности и многочисленности формы дат. ед. на -омоу вм. -ємоу; думаю, что о въ такихъ случаяхъ можно объяснить вліяніемъ звука *о* въ окончаніи -омоу въ прилагательныхъ съ твердою основою. Возвращаясь къ предложенному выше объясненію фонетическаго явленія, по которому ѝ, ӑ, ӧ измѣнились въ *и*, *а*, *о*, мы въ этихъ случаяхъ видимъ примѣры того, какъ звукъ *о* появлялся на мѣсто звука ӧ въ опредѣленныхъ грамматическихъ формахъ и какъ появившись въ положеніи за ж, ч, ш, щ, онъ уже окончательно вытѣснялъ звукъ ӧ.

Прежде чѣмъ перейти къ фактамъ, представляемымъ современными русскими нарѣчіями, я нѣсколько подробнѣе остановлюсь на вопросѣ, почему появленіе *о* вм. ӧ послѣ смягченныхъ согласныхъ и j должно разсматривать отдѣльно отъ появленія *о* вм. ӧ послѣ другихъ согласныхъ. Я именно думаю, что *о* вм. ӧ послѣ j и смягченныхъ согласныхъ явилось еще въ общерусскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ *о* вм. ӧ послѣ мягкихъ согласныхъ признаю явленіемъ общимъ лишь для восточно-русскихъ нарѣчій (великор. и бѣлор.): *о* въ малорусскомъ и сѣверновеликор. *жона* слѣдуетъ возводить въ общерусскому *о* изъ ӧ, между тѣмъ какъ сѣверновеликор. сёло и малор. сэло восходятъ къ общерус. sӧlo; поэтому звукъ *о* въ сѣверновеликор. и малор. лёнъ не можетъ быть возводимъ къ одному общему звуку *о* въ общер. яз. (о малор. ё см. ниже въ слѣд. главахъ).

Указаніе на бóльшую древность звука *о* въ жона чѣмъ въ сёло, мы не можемъ искать въ письменныхъ памятникахъ: правда, древнѣйшіе изъ нихъ весьма часто пишутъ жо, чо, шо, що, и почти не представляютъ на-

писаній ро, со, но вм. рӧ, сӧ, нӧ; но это объясняется графическими причинами и само по себѣ не можетъ указывать на болѣе раннѣе появленіе въ языкѣ *о* вм. ӧ послѣ шипящихъ и *ц*, чѣмъ послѣ другихъ согласныхъ. Дѣйствительно, писецъ, въ языкѣ котораго существовали рядомъ формы жопа и сӧло, не затруднился бы выразить *о* въ словѣ жона черезъ букву о, такъ какъ написаніе жона только такъ и можетъ быть прочтено, но онъ остановился бы изобразить сӧло черезъ соло, такъ какъ со обозначаетъ прежде всего звукъ *s* твердый $+o$.

Указаніе на то, что *о* вм. ӧ послѣ шипящихъ и *ц*, а также послѣ j, явилось въ общерусскомъ языкѣ, я вижу въ малорусскомъ нарѣчіи по сравненіи его съ нарѣчіями великорусскимъ и бѣлорусскимъ. Всякому общерусскому ӧ въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ и j, соотвѣтствуетъ въ современномъ малорус. нарѣчіи звукъ *о*; звукъ *о* въ малорусскомъ нарѣчіи не могъ явиться вмѣсто ӧ, ибо ӧ перешло въ *э*; переходъ этотъ долженъ поэтому принадлежать общерусской эпохѣ; равнымъ образомъ на общерусское *о* изъ ӧ указываютъ нарѣчія великорусское и бѣлорусское, при чемъ звуки *а* и *е*[1], являющіяся на мѣстѣ неударяемаго *о* въ южновеликорусск. и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ (жана, же'на), также какъ звукъ *е*[1], замѣняющій *о* въ нарѣчіи сѣверновеликорусскомъ (же'на при жона), вызваны позднѣйшими фонетическими условіями. Между тѣмъ общерусскому ӧ въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи правильно соотвѣтствуетъ *е* (*э*), причемъ замѣна его черезъ *о* въ извѣстныхъ единичныхъ случаяхъ вызвана особенными причинами, которыя мы разсмотримъ ниже. Изъ сопоставленія малор. жона и сэло видно, что переходъ ӧ въ *о* послѣ *ж* и другихъ шипящихъ согласныхъ а также *ц* и j, имѣлъ мѣсто ранѣе измѣненія звука ӧ въ *э*, а слѣдовательно онъ долженъ относиться къ древнѣйшей эпохѣ жизни малорусскаго языка. Ясно поэтому, что появленіе *о* въ малор. жона, чорный нельзя сопоставлять съ тѣмъ явленіемъ, которое вызвало

звукъ *о* въ сѣверновеликорус. сёло, великор. и бѣлор. мёдъ, но его должно привести въ связь съ переходомъ žö, čö и т. д. въ žо, čо въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ и допустить, что малор. и восточнор. жона восходятъ къ общерусскому žона изъ žöна.

Приведу примѣры изъ современныхъ русскихъ говоровъ для звука *о*.

Въ малорусскомъ нарѣчіи находимъ *о* изъ ö, замѣнившаго первоначальное *е* передъ твердымъ звукомъ, напр. въ јого, јому, знаёмый (Драгом. 208), крыёмый, по моёму, по своёму (Квитка въ изд. Потебни I, 252), чиёго (Осадца 75); чому, чого, чоловікъ, чобітъ, чотыры, чоснык, бычова, бочонокъ, повертаючогося, вечоръ, мачоха, почоваты; сторожовый, жолобъ, жона, жолудокъ; шоломъ, шолуды, мышоватый; щóка, щолокъ, щогла, черцёвый и т. д.

О, замѣнившее первоначальное *е* въ конечномъ открытомъ слогѣ черезъ посредство ö находимъ напр. въ зват. сд. душо, кучо (Осадца 18), урочо adv.; охочо adv. (Драг. 321), хыжо нар. (Желих.), божо (= по божому Желих.), що, лядащо, діал. гал. меджо (Голов. 150); сюда же относятся случаи какъ горячосердый, чужосільскый, свіжопросольный и др.

О изъ ö, замѣнившаго ĭ вм. первоначальнаго ь видимъ въ: найшовъ, жорства, чорный, жорло, жовтый, жовна; шопотъ; мішечокъ, сверчокъ, пиріжокъ и др.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что всякому ö въ положеніи за *j*, *ж*, *ш*, *ч* соотвѣтствуетъ въ малорусскомъ нарѣчіи звукъ *о*, поэтому всѣ случаи, гдѣ мы за этими согласными найдемъ *е* въ положеніи передъ твердыми согласными или въ конечномъ открытомъ слогѣ, должны быть признаваемы за отступленія отъ общаго закона. Нѣкоторыя изъ этихъ отступленій возможно обобщать и объяснить ихъ дѣйствіемъ одной общей причины. Такъ мы въ им. ед. ср. рода постоянно находимъ окончаніе *э* вм. ожидаемаго *о*: городыщэ, кільцэ, лыцэ, прізвыщэ, соньцэ и т. д.—*э* въ этихъ словахъ вытѣсни-

до *о* подъ вліяніемъ словъ какъ морэ, полэ, горэ, сэ, усэ, а также окончанія именъ прилагательныхъ на *е* (изъ ӓ): доброе, сынэе; равнымъ образомъ нашэ, мое, свое, тое стоятъ вм. нашо, моѐ, тоѐ. Кажется единственнымъ случаемъ, гдѣ им. ед. сред. рода оканчивается на *о* съ предшествующей мягкой согласной является укр. всѐ при сэ и усэ: я не понимаю происхожденія этого ѐ, или точнѣе не понимаю, почему *о* изъ твердыхъ основъ проникло только въ это слово. Въ угрорусскомъ *о* находимъ и въ словахъ какъ шэрцо сердце. — Точно также находимъ *э* при болѣе рѣдкомъ *о* въ формахъ зват. ед. ж. р. и муж. р.: сѣчэ, тучэ, молодыцэ, заимствуютъ свое *э* изъ словъ какъ бабусэ, богинэ, зазулэ; Божэ, княжэ, чоловічэ изъ словъ сынэ, сватэ, дідэ; основа такихъ словъ также оканчивается на *э* вм. *о* въ сложныхъ словахъ: божэвільный, воевода, при мышоловъ. Прилаг. вітцэвый, боевый, заимствуетъ свое *э* изъ основы, являющейся въ тв. ед. вітцэмъ, дат. вітцэві, род. мн. вітцівъ и т. д., ср. также *э* въ зятэвый. Въ глаголахъ ожидаемыя формы можо, плачо, плачомъ, поверчонъ, сушоный замѣняютъ свое *о* черезъ *э* подъ вліяніемъ словъ какъ знае (*е* изъ ӓ), плэтэ (*э* изъ ö), вэдэмъ, хвалэнъ, плэтэный и т. д.; точно также *е* 3 ед. стоитъ вм. ѐ подъ вліяніемъ есмь, или также окончанія *э* въ будэ, пэсэ и т. д. Изъ отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ мы вмѣсто *о* въ положеніи за *j*, *ж*, *ч*, *ш*, *щ* находимъ *э*, замѣтимъ слѣдующее: елка стоитъ вм. ёлка подъ вліяніемъ ель; ершъ представляетъ *е* не изъ jö, а изъ je[1], ибо слѣдующее за нимъ *р* было въ древнемъ языкѣ полумягко. Почему малороссы говорятъ емкый, ѐмко, а не ѐмкый, ѐмко, мнѣ не ясно; діал. его, ему имѣютъ *е* вм. jo подъ вліяніемъ сэго, сынэго и т. д.; *э* въ жэ, жэбы, -жэ, а также въ словахъ вжо, ужо, замѣнило *о* подъ вліяніемъ *э* изъ *е*[1] являвшагося въ тѣхъ случаяхъ, когда *е* стояло передъ слѣдующею мягкой согласной (ср. ужэль, жэлі въ смыслѣ ежели); жэгу стоитъ вм. жогу подъ вліяніемъ жэжэшъ; желаты вм. жолаты должно возводить свое *э* къ общерус-

скому ӑ, замѣнившему звукъ ŏ подъ вліяніемъ слова žalěti (см. ниже, въ концѣ главы). Въ словахъ червоный, червакъ, черга, чэрпакъ, щербъ, щерба звукъ *р* былъ полумягкимъ въ древнемъ языкѣ, *э* восходитъ поэтому къ е'; чэрта стоитъ вмѣсто чорта подъ вліяніемъ чэркъ, чэркаты, а также чэртэжъ и др., гдѣ *э* изъ е'. Въ словахъ чэсати, шэптати, шэпнуты *э* вм. *о* заимствовано изъ формъ какъ чэшу, шэпчу, шэпнэш. Въ появленіи щэдрый, щэдровый, щэдрівка слѣдуетъ видѣть вліяніе церков. щедрый; *э* въ зчэзнуты, зчэзъ заимствовано изъ формъ какъ зчэзнэтъ, зчэзнэтэ, ср. сѣв. великор. мерзнуть подъ вліяніемъ мерзне вм. мёрзнуть.

Въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ звукъ *о* въ положеніи послѣ *j*, *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц*, также какъ въ положеніи послѣ другихъ согласныхъ, сохраняется неизмѣннымъ только въ положеніи подъ удареніемъ. Въ неударяемыхъ слогахъ въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ въ сѣверновеликор. звукъ *о* чередуется со звукомъ *е*'; въ южновеликорусскомъ и бѣлорусскомъ неударяемый звукъ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ окончательно вытѣсняется звуками *е*' (*і*), *а*, въ положеніи же послѣ твердыхъ согласныхъ звуками *ъ* и *а*.

Приведу примѣры, гдѣ восточнорусское *о* соотвѣтствуетъ общерусскому *о* изъ ŏ послѣ *j*, *ц* и шипящихъ. Въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи находимъ: цёво арх., цёснокъ волог., жовать перм., боёвую арх., ёна олон., ёво новг., богосужоный, волчомохъ, пашомъ, цёломъ, ноцёвать олон., жонатъ, шолуха, цотыре ярослав., чосать, чижоло ковров., жоланный вят.; также въ концѣ слова: вывозимъ жо волог., набилъ жо вят., ошшо, такжо вят.; нашо, далечо, соньцё, косьёвищо олон., тыжо, такоё жо перм., вышё арх., зголовьицо арх., ужо (уже), гожо, дюжо, блюдцё, сердцо сиб.; также на мѣстѣ первоначальнаго *ъ*: разбойницёкъ арх., ножичокъ перм., подзатыльничокъ онеж., чашокъ, рубашокъ, передницёкъ и т. д.

Въ южновеликорус. находимъ подъ удареніемъ шорохъ, жостокъ, начосъ; кольцо, плечо, ещо, ужо (поз-

же); чортъ, шопотъ, счотъ; тоже въ бѣлор.: учо́ра, ничо́го, моѐ, ёнъ, ужо (Новогр. Афан. I, с, 11, 303).

О замѣнѣ звука *о*—*ѐ* въ неударяемыхъ слогахъ звуками *е*¹, *а* и др. скажемъ ниже. Тамъ гдѣ *е* является послѣ *j*, *ц* и шипящихъ вм. *о* подъ удареніемъ, оно не можетъ восходить къ ö: *е* въ жертва, жезлъ, щедрый восходитъ къ церковному звуку *е*, ср. бѣлор. щодры; *е* въ щепка, шестъ возводится къ *е*¹ изъ *ѣ*, ср. малор. щіпа, щіпка; исчезнуть, исчезъ, заимствуетъ *е* изъ формы какъ исчезнетъ; *е* въ ущербъ, червы, явилось вм. *е*¹, стоявшаго передъ *р* полумягкимъ. Бѣлорус. ящо, ужо, южновеликор. и сѣверновеликор. еще, уже, заимствуютъ свое *е* изъ формъ, примыкавшихъ къ слогу начинавшемуся съ небной согласной: ужо мы находимъ, какъ въ бѣлор. такъ и сѣвернорус. въ смыслѣ уже (пошех., ярослав., твер.), ср. обратный переносъ *о* вм. *е* въ ужоли малоарх., орлов. Якушкинъ 640, 643, неужоль олон.; бѣлор. елка вм. ёлка вѣроятно подъ вліяніемъ ель.

Замѣтимъ еще случаи какъ жоць, Обзоръ Колосова 74, гдѣ *о* перенесено изъ формъ жогъ, сжогъ; ѐсць бѣлор. (Карскій 32, Афан. I, 199), ѐсть валд. (Замѣтки Колосова I, 13)—ср. также олон. ѐсли,—заимствуютъ ѐ изъ формы ѐ 3 л. ед. (Бѣлоз.); Череп. ѐдинъ (Замѣтки Колосова) представляетъ переносъ звука *о* въ форму единъ подъ вліяніемъ одинъ.

Одновременно съ переходомъ ö въ *о* послѣ *j*, *ц* и шипящихъ, переходило, какъ мы видѣли, ä въ *а* послѣ тѣхъ же согласныхъ. Приведу примѣры какъ изъ памятниковъ, такъ и изъ живаго языка; при этомъ слѣдуетъ различать: 1) *а* изъ ä, явившагося фонетически вм. *е* передъ слогомъ съ слѣдующими *і*, *е*, *ѣ*, 2) *а* изъ ä въ иностранныхъ словахъ, 3) *а* изъ ä замѣнившаго звукъ ö.

1) *а* изъ ä первоначальнаго находимъ напр. въ кѫжалника Сб. 1073, 262b; въ оставлающиіи рисъ 1296 года л. 75b, моучащиися Хожд. Бог. по мукамъ XIV в. (Пам. Срез. 206); ялина малор., асэтръ малор.; жалѣзо олон. и онеж.: въ залѣзо арх., волог., олон., южновеликорус.

залѣзный бѣлор., залізо малор. звукъ *ж* смѣнился звукомъ *з*; жалѣть сѣверновелик., жаліты малор., ср. др. рус. и старослав. желѣти; жанихъ, жаниться олоп., щамить новгор., щапыты при щепыты малор.; мужавельникъ олоп., ср. др. рус. можжоельникъ; žägъzica, существовавшее при žögъzul'a, žögъžьka, переходило въ žagzica, отсюда со смѣною ž на z zagzica, а также zagzul'a, zazul'a, zagoška при zogzul'a, zogoška, ср. малор. зэзуля, зозуля, зазуля, великор. зозуля, загзица, олон. загожка при зогожка въ значеніи кукушка.

2) *а* вм. ä въ словахъ иностранныхъ находимъ въ малор. яхыдный, ярошъ (Ерооей), ярына (древнер. ѥрина), Ярмолай (древнерус. Ѥрмолай), яретычый, ярэма, явдокымъ, явдоха и др., ср. древнерус. ıероусалимъ (см. выше глава 3-ья). Замѣчу, что имя чехъ, чехи, также имѣло послѣ *ч* ä, отсюда *а*: чахи Лавр. при чеси 17, Сильв. сб. XIV в. въ Ж. Б. и Г. чахы, въ Чудов. сп. XIV в. того же Житія: чахи, въ Ипат. чахы 106 и др.

3) *а* вм. ä замѣнившаго ö: жалати др. рус. (Слово Серапіона см. Слов. Срез.), жалаитє Тип. пс. XIV вѣка Собол. Очерки с. 137, совр. жалать олон., ярос. жаланный, жаланенъ, онеж. олон. заимствовали ä, откуда *а*, изъ слова жäлѣти, которое фонетически вмѣсто ожидаемаго же'лѣти; древнерус. ıаща Гал. ев. 1266—1301, Лук. ев. 1409 г. (Очерки Соб. с. 24, 141) имѣетъ *а* изъ ä, которое въ свою очередь изъ *е*' формы ješče' являвшейся вм. ješčo передъ слѣдующимъ нёбнымъ слогомъ, ср. совр. тамб. ищá Даль LXV. Точно также являются: аща рись XIV в. Рус. Дост. II, 197; рись 1296 г. л. 139b Тип. пс. XIV в. Собол. Очерки с. 139, ащали Злат. XII в. 39 г. Пандекты Антіоха въ Мат. для Слов. и гр. V, 171, ср. *о* вм. ö въ ащто Злат. XV в. (Малининъ 20). Жа въ ıєи жа Сб. 1073, стыажа, тѣмъ жа въ Прол. 1383, Соб. Очерки 129, объясняется точно также изъ žä вм. žö. Также должно объяснять *а* въ нарѣчіяхъ пача, илипача Прол. 1383 Соб. Очерки с. 129, далєча въ Лук. ев. 1409 г. Соб. с. 141. Въ слово sujöta вм. ö могъ пере-

вестись звукъ ä изъ формъ гдѣ удареніе стояло въ предшествующемъ звуку *е*—слогѣ: sujäta переходило въ sujata, ср. малор. султа и суятъ, суятный.

Замѣтимъ здѣсь, что во многихъ русскихъ нарѣчіяхъ звукъ ä въ положеніи передъ слѣдующимъ небнымъ слогомъ переходилъ въ *e*ꞌ: žänitis'a измѣнялось въ že'nitis'a подъ вліяніемъ že'n'us'a; жалѣзо замѣнялось формой же'лѣзо, гдѣ *e*ꞌ могло быть заимствовано изъ формы зе'лѣзо, галиц. зелѣзечко Голов. 168, казан. зелѣзо; чехъ имѣетъ *е* заимствованное изъ формъ че'си, че'шьскыи; малор. щепыты подъ вліяніемъ щеплю и т. д.

Возможно впрочемъ допустить, что въ нѣкоторыхъ русскихъ нарѣчіяхъ ä сохраняло свой звукъ неизмѣннымъ вслѣдствіе положенія передъ нёбною согласною. Вслѣдъ за другими наблюдателями я слышу въ словѣ любить звукъ ü въ москов. нарѣчіи въ противоположность словамъ любовь, нелюбъ, гдѣ за мягкимъ *л* является *у*; такое различіе слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ переходу ä, ö и ü въ *а*, *о* и *u* препятствовало положеніе этихъ звуковъ передъ нёбными согласными. Поэтому желѣзо при жалѣзо можетъ быть объяснено діалектическимъ сохраненіемъ ä подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго *л*. Ниже мы укажемъ нѣсколько случаевъ, гдѣ ö сохраняется въ современномъ языкѣ при сходныхъ условіяхъ. Замѣтимъ, что діалектически такое ö, неизмѣнившееся въ *о*, переходило въ ü, откуда *о*: совр. очень, бѣлор. вочень представляется мнѣ сложнымъ изъ нарѣчія, нынѣ не существующаго, очö—очо (мѣст. корень че) съ частицею нь (ср. малор. лыбонь, люшень, ужень), отсюда очöнь, которое измѣнялось въ очüнь, откуда очунь: ср. очунь, очунно чусов. вят., очунь сергач., очюнь олон., муром. (Замѣтки Колосова II, 9); очюнь находимъ и въ говорѣ одного изъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи Сумарокова: „Тресотиніусъ".

Глава 6-ая.

Объ особомъ случаѣ измѣненія общерусскаго ӓ въ а.

Явленіе, на которомъ мы остановимся въ настоящей главѣ, однородно съ разсмотрѣнными нами въ главѣ 5-й. Но представляя измѣненіе въ *а* звука ӓ, стоявшаго нѣкогда за неслоговымъ *i*, оно должно быть разсмотрѣно отдѣльно. Звуки ӧ и ӓ, измѣнившіеся въ *о*, *а* послѣ ј, сохранялись въ общерусскомъ языкѣ послѣ ј̦: но переходъ ј̦ въ ј влекъ за собой измѣненіе ӧ въ *о*, ӓ въ *а*.

Въ эпоху исчезновенія въ языкѣ глухихъ гласныхъ ъ и ь такому же исчезновенію подверглись, какъ мы видѣли въ главѣ 4-й, звуки *у* (ы) и *i* ирраціональныя неслоговыя. Вслѣдствіе исчезновенія неслоговаго иррац. *i* или неслоговаго ь въ группѣ согласная + такое *i* + ј̦ + гласная, группѣ чередовавшейся при извѣстныхъ условіяхъ (глава 4-я) съ группою согласная + неслоговое ь + ј̦ + гласная, звукъ ј̦ оказывался въ положеніи между предшествующею согласною и слѣдующею гласною: онъ переходилъ въ такомъ положеніи въ *j*. Въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ общерус. языка происходила затѣмъ ассимиляція этого *j* предшествующей зубной мягкой согласной, и вмѣсто группы зубная мягкая + *j* — явилась группа двойная, мягкая зубная (NB. єллиє въ Биб. 1499 г.). Звукъ ӓ, существовавшій въ общерусскомъ языкѣ въ положеніи за ј̦, оказывался такимъ образомъ въ положеніи за согласной ј, а діалектически за двойной мягкой зубной. Онъ долженъ былъ перейти въ обоихъ случаяхъ въ *а*, ибо двойныя зубныя мягкія, также какъ шипящія и *ц*, не встрѣчались въ твердомъ видѣ.

Указаніе на измѣненіе въ общерусскомъ языкѣ iјӑ въ *ја* черезъ посредство јӑ находимъ какъ въ древнихъ памятникахъ, такъ и въ современныхъ живыхъ нарѣчіяхъ. Большинство случаевъ, въ которыхъ имѣло мѣсто указанное явленіе — это формы имен. и вин. ед. числа именъ средняго рода на -iја (старослав. -ие): въ виду того, что подъ удареніемъ, согласно главѣ 2-ой, въ общерусскомъ языкѣ являлось -iјӧ, откуда -јӧ и далѣе *-јо*, понятно, почему окончаніе *-ја* не проводится строго и постоянно въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ: въ сѣверновеликор. *-јо* вытѣснило здѣсь и *-ја*, въ малорусскомъ — окончаніемъ *је* вытѣснено и *-јо*, которое мы бы ожидали въ положеніи подъ удареніемъ. Что до южновеликор. и бѣлор. нарѣчій, то окончаніе *-ја*, являющееся въ нихъ не подъ удареніемъ, можетъ восходить какъ къ общер. *-ја*, такъ и къ *-јо*, перенесенному изъ формы съ удареніемъ. Цѣнныя для насъ указанія могутъ быть поэтому извлечены только изъ древнерусскихъ памятниковъ, а также малорусскаго и сѣверновеликор. нарѣчій. Приведу примѣры сначала изъ древнихъ памятниковъ, гдѣ буква ꙗ обозначаетъ звуки *ја* вм. јӑ. Гал. вол. ев. XIII в. Тип. б. № 6 **ꙁа оумножѣньꙗ** 165b, **въ кургълашѣньꙗ** 199, Гал. Ев. 1266—1301: **въ коурогълашѣньꙗ** (Очерки Собол. 24), Гал. вол. Октоихъ XII—XIII в. **дховноѥ сиꙗньꙗ** 52 об. (Очерки Соб. 20). Житіе Саввы Освящ. **ослушаниꙗ наше** (Лекціи Собол.[2] 75), Жалов. Владислава 1408 г.: **на обороньꙗ нашеи ꙁемлѣ** Наук. Сб. 1866, I, Поуч. Ефрема Сир. 1492 г.: **весѣльꙗ** (Очерки Собол. 58), Пересопницкое ев. **падениꙗ** 29, **ꙁбожꙗ** 36, **одѣнꙗ** 39, **подворꙗ** 46, у Памвы Берынды: **ꙁаплута** (отъ плотъ), у Зизанія: **повѣтрꙗ**.—Псков. Ап. 1309—12: **въ нечьстиꙗ** 54 об., Паракл. 1360: **бжиꙗ схожениѥ, каменьꙗ распадесꙗ** (Собол. Очерки 126), Прологъ 1383: **пришьствиꙗ х҃во, комканьꙗ стое** (тамъ же 129), Паракл. 1386: **камениꙗ распадесꙗ, чюдо прѣвелиꙗ** (тамъ же 132), Лук. ев. 1409: **поношеньꙗ моѥ, ꙁа очищениꙗ твоѥ** (тамъ же 141) и др.

Нов. Минея 1095 г.: **на с҃пасениꙗ наше** 104а, Ев. 1270,

Рум. Муз. № 105: да не кегда положить ѡснованиꙗ. и не̂ можеть свершити 82b, Лавр. сп. подъ 1237 г.: зв. ед. братьꙗ, им. ед. трупьꙗ, Ипат. братьꙗ и дружино 431, на устьꙗ Тесмени 449, то во въ его мудролюбьꙗ начинаниꙗ 475, Патер. Толстов.: иꙗ въдруженїꙗ корснїа Яковлевъ 120, Арх. сп. XV в. Нов. 1-ой лѣтпси: викилоса жалованиꙗ и прощениꙗ людемъ много 401, въ ӡажитьꙗ, обильꙗ подъ 1234 годомъ, гдѣ въ Синод. сп. въ ӡажитие, обилие 117б, Чуд. сп. Кормчей XV в.: да и то совокупленьꙗ им. ед. Рус. Ист. биб. VI, Суд. Ив. Вас. рись Унд. XVI вѣка: у ко^рмлениꙗ вин. ед. 33а, Кон. сп. Домостроя: платьꙗ всꙗкое 65, спасеньꙗ 65, на подворьꙗ 58; Гр. 1587: въ повѣтреꙗ АЮр. № 172 (вм. повѣтрја), Гр. 1425 въ сп. XVII в.: въ кормленьꙗ АЮр. № 161, I, Лѣтпсь Новг. по Арх. сб. XVI—XVII в.: трупиꙗ 18, обилиꙗ 21, на подвориꙗ (вм. подворья) 107, Гр. 1652: то мелничное строеньꙗ АКал. II, 511, Гр. 1680: въ Никитино помѣстьꙗ АКал. II, 720, Гр. 1691: вин. ед. помѣстиꙗ АКал. II, № 148, Гр. 1678: то ӡельꙗ II, 701, Гр. 1612: на подворьꙗ АКал. II, 683. Въ рязанскихъ актахъ находимъ безчестьꙗ, подмастерьꙗ, помѣстьꙗ (Будде с.). Въ бѣлорус. сбор. XVI—XVII в.: бжое приказанїꙗ (Карскій, Р. Ф. В. 1890 № 2), Уст. Сиг. Авг. 1557: продаванья (Пам. II, 58); Книга гродская Луцкая 1565 г.: передцерковꙗ Архивъ Югозап. Россіи ч. 1, т. VII, с. 11 и т. д.

Въ современномъ малор. находимъ *-я* въ постоянномъ употребленіи въ украинскихъ и карпатскихъ говорахъ, причемъ *-я* вытѣсняетъ окончаніе *-jo*, *-je* и подъ удареніемъ: укр. плаття, весілля, подпілля, кілля, збіжжа, кулачча, колосся, подвірја, подъ удареніемъ видимъ: життя́, знаття́, житовя́; угрорус. за волося Драг. 405, шестья 403, лемк. весіля Голов. 90; здоровя 90, гуцул. весиля Голов. 228, звѣздья (т. е. звіздья—гвозди) 221 и т. д. Въ галицкомъ также изрѣдка находимъ *-я*: кіля, зіля (Ogonowski 84), зілля (тамъ же 85), моє колося Драг. 413, всѐ одіня 264, писаня 259, нещастья

Ґолов. 68, подвіря 77; подъ удареніемъ весiлй (Ogonowski 84).

Окончаніе *я* чередуется, а діалектически и вытѣсняется окончаніемъ *е*, заимствованнымъ изъ словъ какъ горэ, полэ и изъ прилагательныхъ на *-ое*, *-эе*: гал. житте, жите, а также укр. весільле, збіжже, клочьче (Грам. Павловскаго), зільле, коханьне (у Закрв.) при збіжже, коханьня, подыймя (подымье) вм. подыммя, воротьтй.

Въ сѣверновеликорусск. мы въ именахъ существительныхъ средняго рода не найдемъ окончанія *-я*, оно правильно смѣняется или звукомъ -ē, явившимся фонетически изъ -ō ударяемаго въ положеніи послѣ j, или звукомъ ǎ (этимъ знакомъ мы выражаемъ звукъ неударяемаго глухаго *о*, замѣнившаго діалектически въ южновеликр. и сѣвлкр. неударяемыя *а* и *о*): ср. ярослав. здоровьē, арх. обручьē, показаньē, перм. шадр. платьē, благословеньē, олон. кушаньē, подпольē, вознесеньē, нов. успеньē, вят. заговѣньē, воскресеньē и т. д. Но на фонетически явившееся въ такихъ словахъ окончаніе *-я*, указываетъ изрѣдка встрѣчающійся въ сѣвернорус. говорахъ переходъ словъ средняго рода на первоначальное *-е*, въ слова женскаго рода: олон. одна селенье, одна нарѣчье, ярослав. молож. одна селенье и даже добрая ружьē; ср. такой же переходъ средняго рода въ женскій въ діалектахъ малорусскаго нарѣчія: вин. ед. конію Драг. 251, на іх положена Вангелія Драг. 232, ср. еѵ҃лію вин. ед. и др. въ Пересоп. Ев. XVI в. Другимъ примѣромъ *-я* изъ *-е* изъ сѣвернорусскихъ говоровъ можно привести нарѣчіе завтря волог. (Афан. I № 17а, 52а), великоуст. (Замѣтки Колосова II, 44), ср. москов. завтрй (й выражаетъ звукъ *о*, скл. къ *а*, смягчающій предшествующую согласную), рязан. затря (Будде 231): завтря непосредственно изъ завтрја, а это изъ завтрјй, которое смѣнило ѕаоутрие, ср. древнерус. наоутрие и назаоутрие; наоутрии мы находимъ уже въ древнихъ памятникахъ; изъ позднѣйшихъ отмѣтимъ въ Пис. Рус. Гос. на утрии 1621, т. I № 110 (при наутрие 1620, № 73), наѕавтрее 1630

т. I № 351; при ꙁаоутрьи подъ вліяніемъ словъ средняго рода на -є явилось заутрьє, откуда завтрє, ср. наꙁавтре въ Арх. сп. XVI—XVII в. Нов. лѣтписи с. 89, завтрє великоуст. (Замѣтки Колосова II, 44). Звукъ *я*, какъ и всякое конечное неударяемое *-я*, могло смѣняться звукомъ *е*[1]: отсюда ярослав. зафтре, взафтре Тихв. Р. Ф. В. 1890 № 3, рязан. завтри Будде 207, бѣлор. заўтри.— Замѣчу далѣе, что соврем. олон. подвыпья 3 л. ед. (петрозав. у.) можетъ также возводить *-я* къ общерусскому *-я* изъ -jä: ср. приводимое Огоновскимъ (Studien 85) изъ Памвы Берынды ллатся вмѣсто льется, гдѣ звукъ *я* перенесенъ изъ случаевъ въ которыхъ первоначальное *е* не имѣло на себѣ ударенія.

Впрочемъ великорусское нарѣчіе представляетъ еще одно особенно краснорѣчивое доказательство въ пользу допущеннаго нами въ общерусскомъ языкѣ перехода конечнаго -jä изъ -ijä въ *я*. Въ общерусскомъ языкѣ былъ рядъ словъ на -ijä, откуда -jä съ значеніемъ именъ собирательныхъ: они ассоціировались по своему неграмматическому значенію съ производными отъ одного съ ними корня словами на *-ъ*, *-ь*, *-о*, *-а*, и въ позднѣйшемъ языкѣ образовывались также отъ основы на *-ов-*, заимствованной изъ формъ множеств. числа существ. муж. р. Приведу примѣры изъ древнерусскаго языка: прутье младое Лавр., мертвое трупье идяху Сузд. Акад. лѣтпсь подъ 1230 г., городъ с кольемъ лѣтписи подъ 1224 г., а на томъ деревьѣ на всемъ грани и рубежи 1534 АЮр. № 20, а которое деревье писано въ роꙁъѣжьжеи, и на томъ деревьи на обоихъ сторонахъ по три рубежы 1519 АЮр. № 148, на стоячемъ деревьѣ 1611 АЮр. № 163, съ хмелевымъ кольемъ 1579 АЮр. № 249, по колье Дав. ок. 1504 С. Гр. и Д. I № 135, къ великому дубью 1504 С. Гр. и Д. I № 140, по колью 1428—34 (сп. XVII в.) АЮр. № 232, дубье подрало Лавр., стругье Домострой по Кон. списку, стран. 79, гвоꙁдье тамъ же 92, 96, листье свеколное и рѣпное; хрипье, коренье, кнутье тамъ же 92 Дом. изд. Забѣлинымъ: щеѓе 137, поꙴдревие 121,

кирпичье" 137. Въ Ипат. лѣтписи находимъ снопокье 564, въ Двин. гр. XIV в. на кустовью Собр. Мух. № 5. Тѣже слова перешли и въ современные говоры со значеніемъ именъ собирательныхъ, при чемъ въ малор. они согласно предыдущему оканчиваются на *-я* и *-е*: им. ед. волосся, зілля, кілля, пірье, сучье, камінье, колодье, лыстье и т. д.; такое же окончаніе является и въ бѣлорусскомъ, при чемъ *-я* фонетически можетъ восходить какъ къ общерусскому -ja изъ -jă, такъ и къ ĉ: им. ед. колосся, каменнл, колля; *-я* замѣняется діалектически звуками *-ĉ* и *-е*: дзеревье (словарь Носовича), клочье (Новогруд. Афан. I, 316); съ основою *-ов* находимъ орѣхоўя. Въ великорусскихъ говорахъ собирательныя эти почти совсѣмъ исчезли, могу привести только изъ архан. губ.: кирпи́цьĉ И. Хр. Бус. 1570, уголье, род. ед. уголья (Аф. I № 34), колье стоячее, колье чашельное (словарь Подвысоцкаго) при колья (тамъ же подъ словомъ подголовные), прутовье (Подвыс., собир. отъ прутъ). Ярослав. молож.: стўльĉ, пе́рьĉ, ко́льĉ, полѣньĉ, олонец. гво́зьĉ. Кромѣ того замѣчу, что Ломоносовъ въ своей грамматикѣ указываетъ на употребленіе словъ: брусье, колье, листье, лоскутье въ ед. ч. (§ 194). Причина этому — переходъ значенія всѣхъ этихъ словъ единственнаго числа во множественное, а такому переходу предшествовало и вызвало его фонетическое измѣненіе окончанія -jă въ -ja. Слова: листье, колье фонетически еще въ общерусскомъ языкѣ переходили въ листья, колья: отдѣльныя русскія нарѣчія ихъ получившія поступили различно; въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ (въ послѣднемъ за рѣдкими исключеніями: крылля имѣетъ значеніе им. мн. повидимому потому, что слово крыло средняго рода) они сохранили свою форму и значеніе един. числа и именъ собирательныхъ; въ великорусскомъ слова на *-я*, не имѣвшія значенія именъ собирательныхъ, были замѣнены словами на *-ĉ*, а собирательныя получили или значеніе им. множ. числа, вслѣдствіе чего склоненіе ихъ въ единств. числѣ совсѣмъ утрачено языкомъ, или діалектически сохраня-

лись въ значеніи именъ собирательныхъ, принимая вм. окончанія *-я* окончаніе -ѐ, -ё. Древніе говоры, представляющіе при такихъ словахъ, употребляемыхъ въ един. числѣ, опредѣленія во множ. числѣ, свидѣтельствуютъ о томъ колебаніи въ судьбѣ ихъ, которое и до сихъ поръ отражается въ живыхъ нарѣчіяхъ: ср. Гр. 1691: не доходя груды большихъ каменья (р. ед.) Барсовъ Палеостровъ 140, ср. тамъ же: тѣ каменья; въ XVII в.: крылье лебяжьи, тѣ перье (но род. во множеств. перей) Сборникъ Есипова I, 125, тѣ гвоздье АЮр. стр. 241. И такъ древнія лубья Кон. сп. Домостроя 71, листья тамъ же 79, трупия въ Арх. сп. XVI—XVII в. Нов. лѣтписи, совр. деревья, клинья, перья, кустья (тамб.), зубья, слѣдья олон. и т. д. являются по формѣ им. ед. ср. рода. Обстоятельство, что они получили возможность обозначать им. пад. мн. ч. муж. рода, стоитъ въ связи съ такимъ же переходомъ значенія единственнаго числа во множественное древнихъ собирательныхъ на іја, откуда -ја: слова братья, дружья, зятья (ср. ҙатью Дух. 1356 С. Гр. и Д. I № 26), княжья, шюрья, сватья также потеряли значеніе именъ собирательныхъ и перешли съ одной стороны въ формы множ. числа, почему подъ вліяніемъ друзи и князи—друзья, князья, ср. шюрьими уже въ Ипат. 228 [1]), съ другой стороны, оставаясь именами собирательными, они получали окончаніе -ѐ, -ё: ср. зитьѐ кур. судж. (Халанскій, Р. Ф. В. 1889 № 1), князьѐ (тамъ же), а также молож. братіѐ, дружіѐ въ Дух. ст. Варенцова с. 157, братьѐ ярослав. молож. Олон. твоѐ братьѐ въ былинахъ, князьѐ въ свадебной пѣснѣ. Окончаніе *-ья* могло смѣнять и другое окончаніе им. мн. слова муж. рода *-я*, явившееся фонетически вм. *-е* (о чемъ ниже): сыновья, зятевья, братовья, шадр. перм. (Афан. I

[1]) Нѣкоторыми изслѣдователями ошибочно приводится изъ Дух. 1328 попьимъ; въ подлинникѣ: п͡спьимъ, т. е. пискоупьимъ.

№ 93, р. мн. братовей тамъ же № 84), друговья Бѣлое море (Якушкинъ 618), даревья олон. (Рыб. II, 7). Ср. бѣлорусскую замѣну окончанія -[illegible]) въ им. мн. муж. рода через -ье, -ьё заимствованныя изъ словъ собирательныхъ: боярье Бобр. уѣздъ (Янчукъ въ Сбор. свѣд. I, 226), боярьё Трок. уѣздъ (Карскій, Р. Ф. В. 1889 № 2), вмѣсто и при бояре и бояра (Янчукъ с. 233).

Глава 7-ая.

О переходѣ e' въ ō и ā передъ отвердѣвшей согласной въ общерус. языкѣ и позднѣйшихъ нарѣчіяхъ.

Изъ положеній, выставленныхъ въ главѣ 2-ой слѣдуетъ, что передъ согласными звуки *e'* и ŏ чередовались въ общерусскомъ языкѣ: при se'lѣ являлось sŏlo, при ne'si — nŏsu и т. д., а именно звуку *e'* передъ нёбной согласной соотвѣтствовалъ звукъ ŏ передъ согласной ненёбной. Поэтому ŏ не могло стоять передъ слѣдующей нёбной согласной и переходило въ *e'*: такъ общерусское льгъчŏ, гдѣ ъ обозначаетъ слоговое ŭ иррац., измѣнялось въ l͡ŏgčŏ, ;откуда послѣ ассимиляціи g слѣдующему č lŏxčŏ (x обозначаетъ средненёбное x) и далѣе le'xčŏ, ср. написаніе легъче въ сп. В (ок. 1300) гр. 1229 года, великор. ле'хче. Звукъ *e'*, оказавшись передъ твердой согласной, терялъ свою нёбность и переходилъ въ ă, которое или измѣнялось въ ŏ въ силу общаго закона о соотвѣтствіи звука ŏ передъ ненёбными согласными звуку *e'* передъ нёбными, или же, сохраняясь при извѣстныхъ условіяхъ какъ ă, переходило затѣмъ въ *a*.

Отвердѣніе согласныхъ въ общерусскомъ языкѣ, а также послѣдующее отвердѣніе ихъ въ отдѣльныхъ древнерусскихъ нарѣчіяхъ, зависѣло отъ различныхъ причинъ, и условія, вызывавшія его, дѣйствовали въ разное время. Въ виду этого мы разсмотримъ въ этой главѣ явленія принадлежащія различнымъ русскимъ нарѣчіямъ и различнымъ эпохамъ; но всѣ они относятся, по моему мнѣнію, къ эпохѣ предшествующей переходу въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ звука ŏ въ *o* въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ. Я именно думаю, что ука-

занное выше измѣненіе ӗ вмѣсто *e*[1] въ ŏ — явленіе фонетическое: послѣ же того какъ ŏ вытѣснилось звукомъ *o* фонетическаго перехода ӗ въ *o* быть не могло, и дѣйствительно мы видимъ въ позднѣйшемъ языкѣ сохраненіе звука ӗ передъ непёбными согласными безъ измѣненія. Поясню примѣромъ: отвердѣніе звуковъ *ж* и *ш* въ великорусскихъ говорахъ предшествовало измѣненію ŏ въ *o*, поэтому когда одe[1]жа перешло въ одӗжа звукъ ӗ долженъ былъ измѣниться въ ŏ — одŏжа, откуда одёжа; но напр. звукъ *р* передъ губными и гортанными согласными отвердѣлъ въ отдѣльныхъ великорусскихъ говорахъ уже въ ту эпоху, когда звука ŏ въ языкѣ не было, когда древнее чередованіе e[1] съ ŏ было нарушено переходомъ ŏ въ звукъ *o*; поэтому ӗ изъ e[1] въ діалект. первый, серпъ, зеркало, не измѣнилось въ ŏ, откуда явилось бы ё. Разсмотрю отдѣльно случаи, гдѣ ӗ правильно измѣнилось въ ŏ и случаи гдѣ ӗ подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, не измѣняясь въ ŏ, переходило въ *a*. Замѣчу, что вм. такого ŏ послѣ *j*, *ц* и шипящихъ являлось *o* еще въ общерусскомъ языкѣ согласно указаннаго въ главѣ пятой закона. Разсмотрѣніе случаевъ перехода ӗ въ ŏ располагаю по согласнымъ, подвергшимся отвердѣнію. Губныя полумягкія согласныя отвердѣвали, повидимому, еще въ общерусскомъ языкѣ. Такъ звукъ *м* въ окончаніи тв. и мѣс. ед. именъ сущ. и прилаг. -мъ вм. -мь мы встрѣчаемъ въ древнерусскихъ памятникахъ уже XII в. Въ памятникахъ есть указанія на то, что отвердѣніе это имѣло мѣсто сначала при положеніи полумягкаго *м* послѣ гласныхъ ненёбныхъ (о, ы); но *м* твердое явилось рано и въ положеніи послѣ нёбныхъ гласныхъ (e[1], i, ѣ). Звукъ e[1] передъ *м* твердымъ вмѣсто *м* полумягкаго переходилъ въ ӗ, откуда ŏ, а послѣ *j*, *ц* и шипящихъ—*o*. На общерусское *o* въ такихъ случаяхъ указываетъ малор. нарѣчіе, гдѣ мы въ галиц. и карпатор. говорахъ находимъ: ножомъ, мужомъ, товарышомъ, сэрдцёмъ, лицёмъ (NB. при им. сэрдцэ, лыцэ), нашомъ, чиёмъ, инэёмъ (угрор. Жив. ст. 1891, III, с. 149); окон-

чаніе *-эм* обычное въ украинскомъ перенеслось вм. *-ом* изъ словъ какъ полэм, князэм, лэбэдэм, гдѣ *э* изъ ŏ. На то, что ŏ и *о* являлись вм. е' въ древнѣйшую эпоху малорусск. нарѣчія, а слѣдовательно вѣроятнѣе всего въ общерус. яз., указываетъ между прочимъ то обстоятельство, что е', бывшее долгимъ въ такомъ положеніи смѣнялось на ŏ долгое, откуда далѣе дифтонгъ ŭŏ, ср. въ Гр. 1378 и 1393 года: по божьюмъ нарожѣньѣ, Гр. 1398: на своюмъ селѣ, Гр. 1407: у нашюмъ дворѣ, ср. соврем. Пинчук. у нашумъ, на синюмъ (Карпинскій 48). Слѣдовательно, совр. *о* въ нашомъ галиц. стоитъ вм. ожидаемаго *і* подъ вліяніемъ формъ нашого, нашому; но *о* въ мужом и др. можетъ восходить къ первоначальному *о* изъ ŏ, ибо ŏ смѣнило е' краткое, которое изъ ь: шиѣшь; изъ памятниковъ приведу Жалов. 1408: оунашомъ городѣ, Галичомъ въ Записках Петра Могилы Арх. Югозап. Россіи ч. 1-ая, т. VII. товаришо͡м isg., коудоучомъ Isg. въ Пересоп. ев. XVI в. Жит. 16, 22. Такія же жо, шо, чо, цо находимъ въ памятникахъ восточнорусскихъ: Риж. гр. ок. 1300: оу чомь (ь очевидно держится графически), Нов. гр. 1373: рубежомъ № 17, Гр. ок. 1392: коупьцомъ, Двинскія грамоты XIV в.: сыкляшомъ, дворищомъ, Московскія грамоты XV в.: селцомъ, о вашомъ, нашомъ, грабежо͡м, Нов. 1426—61: новоторжцо͡м № 18, рпсь XIV в.: мечомъ Рус. Дост. II, 31, личомъ тамъ же 59, Полоц. 1475: вашомъ Р. Л. А., Нов. писц.: дорищюмъ I, 288, Гр. 1613: мужомъ АКал. II, 396, 1652: прозвищомъ тамъ же с. 774, Тяп. ев. XVI в.: сердцомъ (Карскій, Р. Ф. В. 1892 № 4) и т. д. Въ современныхъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ также находимъ *о* и ё, указывающія на ŏ: сѣверновеликор. князёмъ арх., топорищомъ сибир., смотрителёмъ олон., зятёмъ ярослав.; южновеликорус. нажом, рублём, въ чужом, бѣлор. канём и т. д.

Въ окончаніи именъ существительныхъ, а также числительныхъ звукъ *м* пока не сталъ твердымъ, былъ мягкимъ, но не полумягкимъ; мягкость заимствована изъ формъ, гдѣ за *м* слѣдовали мягкія гласныя: поэтому

отвердѣніе его въ случаяхъ какъ голуб, кров нельзя признавать общерусскимъ, ср. соврем. москов. голубь, кровь; но діалектически *м* могло быть и полумягкимъ, напр. въ числит. восе'м, гдѣ согласная *м* вслѣдствіе вставочнаго звука не такъ легко ассоціировалась съ *м* въ формахъ восми; отсюда діалектически восём съ твердымъ *м*, которое переходило въ восóм: ср. совр. олонец. восём, при восем. Равнымъ образомъ отвердѣвалъ звукъ *в* въ окончаніи тв. ед. жен. рода, являвшійся діалектически вм. ј въ дифтонгахъ oј, e'ј, замѣнившихъ нефонетически древнее окончаніе oји, e'и; *в* полумягкое непосредственно изъ неслоговаго ü, замѣнившаго ј подъ вліяніемъ слоговаго окончанія oјü, e'јü; или можетъ быть слоговое ü становилось неслоговымъ, oјü, e'јü переходили въ oјü, eјü съ неслоговымъ ü, откуда oü, e'ü съ ü неслоговыми и далѣе ov, e'v съ v полумягкимъ. Такое *в* полумягкое, откуда *в* твердое, являлось еще въ нарѣчіяхъ общерусскаго языка: мы видимъ окончаніе *ов* въ современныхъ галицкихъ карпаторусскихъ говорахъ, рыбов, ногов, при чемъ чередующееся съ ними окончаніе *-ом* заимствовано изъ именъ муж. и ср. рода (ср. серб. *ом* при древнемъ *ов*); тоже окончаніе являлось въ говорахъ, легшихъ въ основаніи совр. великорусскихъ: переходъ домов (вм. домовь, а это изъ домови) въ домой свидѣтельствуетъ о вытѣсненіи окончанія *ов* въ случаяхъ какъ горов, женов, добров, окончаніемъ *ой*, ср. совр. тв. ед. горой, женой, доброй; памятники указываютъ на существованіе окончанія *-ов* въ говорахъ средней Россіи еще въ XV в.: ср. Лавр. сп. лѣтпси XIV в.: совлечеса грѣховною ѡдежевъ 40, Дух. до 1459: своевъ дочерью АКал. I № 84, Жал. 1525—62: с пошлоⷡ҇ землею Собр. Мух. № 27, Данная ок. 1417: печаⷮ҇ю попювоⷡ҇ денисьеюкоⷡ҇ Собр. Мух. № 28, Вклад. 1425—62: одиною печаⷮ҇ю брата своего семеновов Собр. Мух. № 30; даже въ XVII вѣкѣ можно найти *-ов*: Совьюсковъ дорогою гр. 1600 АКал. II с. 461 (ср. выше Совьюскую дорогу). — Звукъ e' предъ такимъ *в* измѣнялся въ ä, откуда ŏ, переходив-

шее въ *о* послѣ *j*, *ц* и шипящихъ еще въ общерусскомъ языкѣ: ср. совр. галиц. твоёв (Голов. 184), душов, тучов и т. д. Этотъ звукъ *о* могъ переноситься изъ окончанія *ов* въ окончаніе ею, еj, вм. е': ср. тучою, вежою, душою, въ современныхъ малорусскихъ говорахъ. Въ серединѣ слова передъ слѣдующими твердыми согласными полумягкія губныя точно также отвердѣвали: звукъ е' переходилъ вслѣдствіе этого въ ǎ, откуда ӧ и далѣе, въ положеніи послѣ *j*, *ц* и шипящихъ, *о*. Такое *о* мы находимъ напр. въ галиц. гр. 1359: Радъцьовскому, гдѣ о графически вм. јо (Науч. сб. 1865, III), въ Жалов. Кестутья 1383: Карауовскому (тамъ же), въ разъѣзжей 1424: Баршовьские (тамъ же); ср. также въ памятникахъ московскихъ: сущоˢское Дог. ок. 1472 № 95, ершовскою Дог. ок. 1451 № 78, глажоˢскоˠ (при глажеˢскою) 1497 № 129, ежовъскому, ершовъскому 1462—1505 АКал. I № 52, лысцовъское Дух. 1462 № 86, масищовское 1462 —1505, тимошовской до 1494 АЮр. № 75, татищовской 1472 АЮр. № 410; Двин. гр. XIV в.: куднеуовьскаи Собр. Мух. № 14; въ гр. 1483—1502 находимъ вышеприведенное юрьовскому АЮр. № 142, ср. также совр. отцовскій, Мещовскъ; малор. отцэвскій имѣетъ *э* заимствованное изъ основы отцэ- въ формахъ склоненія отцэм, отцэві и т. д. (см. выше). — Такое же *о*, а въ современныхъ говорахъ ё изъ ӧ, находимъ передъ суффиксомъ -*ьн*, при чемъ *о*, ӧ образовались изъ ǎ, явившагося вмѣсто е', вслѣдствіе отвердѣнія слѣдующей губной: Двин. гр. XIV в. собр. Арх. Ком. № 17 (ненап.): клешовнихъ лесахъ, въ москов. дог. 1428: душовнои № 43, тоже въ догов. 1440 № 60, въ дог. ок. 1465 № 92, въ копіи съ дог. 1405 № 37 и др.; служовныхъ въ дог. ок. 1465 № 92, дог. 1433 № 50; дождовни видимъ въ Арх. сп. XVI—XVII в. Нов. лѣтпси с. 64; ё послѣ мягкихъ согласныхъ находимъ въ царовна Псковская 2-ая лѣт. XV в. с. 36, въ совр. вытег. царёвна Зам. Кол. I, 42, олонец. петрозав. королёвна, валд. свадёбный Зам. Кол. I, 14 (но въ Обзорѣ свáдёбный 77), ср. также тёмный; діал. малор.

тёмный представляетъ ѐ указывающее на ŏ (см. ниже въ слѣд. главахъ).—Звукъ ѐ мы находимъ передъ отвердѣвшимъ *м* также въ словахъ тюрѐмщикъ молож., затюрѐмщикъ олон. — Слѣдуетъ однако замѣтить, что по формѣ словъ образованныхъ при посредствѣ суффиксовъ также трудно судить о фонетическихъ законахъ, какъ по падежнымъ формамъ именъ: на звуковую сторону тѣхъ и другихъ вліяютъ постоянно слова родственныя или тождественныя по образованію: такъ съ одной стороны возможно думать, что совр. діал. учобный имѣетъ *о* подъ вліяніемъ слова учоба или учобъ (ꙁа ѵчєбъ 1684 АЮр. № 205, ѵчобъ Соколовъ Р. Ф. В. 1891 № 3 с. 186), свадѐбный подъ вліяніемъ свадѐбъ, съ другой возможно объяснить *о*, ŏ въ такихъ случаяхъ фонетически, а современное *е* въ лѣшебный арх. (Словарь Подвысоцкаго), служебный, учебный, душевный, тюремный, лѣчебный, царевна, королевна, ежедневный, выводить изъ формъ учебникъ, служебникъ, тюремникъ, лѣчебникъ, дневникъ, царевичъ, королевичъ (ср. королева вм. ожидаемаго королѐва). Но въ виду формъ какъ душовный, служобный, лѣшобный, я признаю болѣе вѣроятнымъ объяснять *о*, ѐ фонетически, замѣчая, что вообще передъ суффиксами мягкость согласныхъ могла поддерживаться искусственно вліяніемъ аналогіи: *м* въ совр. земьскій олонец. мягко до сихъ поръ, но мягкость эта поддержана вліяніемъ словъ какъ деревеньскій, царьскій, озерьскій и т. д. Поэтому также ѐ въ совр. поѐмный, наѐмный, тёмный, нёбный я считаю явившимися фонетически вм. e[1], а *е* въ діал. бѣлор. цемный (Обзоръ Колосова 80) при цёмный сохранившимъ свою закрытость, откуда впослѣдствіи ӓ, подъ вліяніемъ цемь. Звукъ *е* въ ревность вѣроятно книжнаго происхожденія. Совр. олон. дерѐуня имѣетъ ѐ явившееся фонетически въ формѣ дерѐвна (ср. деревна въ двин. гр. XVI в.). Звукъ *м* въ словѣ жемчугъ былъ въ однихъ нарѣчіяхъ мягкимъ или полумягкимъ и могъ замѣняться звукомъ *н* мягкимъ (дрвус. женѵюгъ, женѵѵгомь, малор. женьчугъ): поэтому совр. москов. жемчугъ; но въ дру-

гихъ нарѣчіяхъ оно было твердымъ и имѣло поэтому передъ собою *о* непосредственно изъ ӧ: жомүюгоⷨ Дух. 1389 № 34.

Діалектически до перехода ӧ въ *о* отвердѣлъ звукъ *н* въ конечномъ слогѣ, если этотъ слогъ неударяемый, тамъ гдѣ мягкость его не могла быть поддержана вліяніемъ *н* мягкаго въ родственныхъ формахъ: такой случай имѣлъ мѣсто въ род. мн. словъ жен. рода на *-ня*, а также въ нѣкоторыхъ другихъ образованіяхъ, ср. пожєнъ въ гр. 1462—64 (ст. XVI в.) АКал. I № 103, городєнъ, владычєнъ, охабєнъ въ Архив. сп. XV в. Нов. 1-ой лѣтписи с. 334, 337, 380, 398; *е* переходило при этомъ въ ӧ, *о*, ср. въ Двин. гр. XIV в. (Собр. Арх. Ком. № 17): пожонъ, совр. дерӧвӧн олон. (а также деревӧн), сажонъ новоторж. (Аф. I № 84b, съ перемѣною ударенія). Весьма древнимъ слѣдуетъ также признавать отвердѣніе *н* въ серединѣ слова передъ слѣдующимъ *н* твердымъ: ср. гр. 1549 конюшонной АЮр. № 46, неплошонными Нов. писц. кн. XV в. I, 690, совр. олон. осӧнноӗ, волог. осӧнново И. Хр. Бус. 1582, онеж. бѣлокамӧнной (Обзоръ Кол. 77), москов. подӧнный (отсюда подӧньщикъ при и вм. поденьщикъ), казӧнный, ремӧнный, современный. Непонятно *е* въ казенный олон. сарат.; *е* въ современный, вдохновенный, согбенный, обыкновенный книжное. Древнимъ слѣдуетъ признать отвердѣніе зубныхъ *т*, *д*, *с*, *р* передъ слѣдующимъ твердымъ *н*: бѣлор. осӧтный при осець (овинъ); небӧсной молож., перемӧтный (отсюда перемӧтникъ черезсѣдельникъ Пошех.), почотный москов.; чосной, почосной арх. олон., безчосно сарат.; въ смӧртный, безсмӧртной олон. передъ отвердѣвшимъ *т* отвердѣло и *р*; двӧрной олон. Что до словъ усердно москов., олон., безсмертной, честный моск., небесный, то *е* сохраняется здѣсь подъ вліяніемъ книжнымъ, или также словъ честь, усердье, ср. дверка не двӧрка подъ вліяніемъ дверь. Слова е́дного, е́дному олонец. петрозв. пудож., едной, ни еднова арх., едново карг. вытег. представляютъ *е* вѣроятно подъ влія-

ніемъ формы единъ; замѣтимъ также карг. вят. едново Зам. Кол. I, 43.

Діалектически отвердѣло *р* полумягкое передъ твердыми губными и гортанными до перехода ŏ въ *о*: звукъ е[1] замѣнялся звукомъ ŏ черезъ посредство ӗ, ср. вёрх, вёрхушка молож., къ вёрху шадр. перм. Афан. I № 93, тёрпкой ярослав. (Тихв. Р. Ф. В. с. 35), кочорга олон.; ё въ москов. дёргать явилось подъ вліяніемъ дёрнуть, ср. роман. молож. олонец. дерьгать.

Въ нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ нарѣчіяхъ конечное *т* отвердѣло повидимому до измѣненія ŏ въ *о*: поэтому и здѣсь е[1] черезъ посредство ӗ замѣнялось звукомъ ŏ, откуда далѣе *о*. Нахожу возможнымъ объяснить поэтому *-отъ*, *-ётъ* въ цѣломъ рядѣ говоровъ вм. *-етъ* фонетически, не прибѣгая къ предположенію вліянія со стороны окончаній *-ёмъ* или *-ёшь* (вм. -ешь см. ниже). Такъ мы находимъ: въ гр. 1462—66 (сп. XVI в.): прикажот АКал. I № 31, 1479—81: пишотъ АЮр. № 1, гр. 1547: пишотъ, ищотъ АЮр. № 22, пишотъ Нов. писц. I, 428, 690, 770, позд. копія съ Дог. Дм. Ив. 1388 (ненапеч.): вʒможо[т], Апост. XIV в., хощоть (Воскр. 178; ъ очевидно графически), Сбор. XVII в. А. М. И. Д. № 250: щекототъ, хототъ, плачотъ И. Х. Бус. 1420, 1421, совр. вят.: скажотъ, можотъ, поминаётъ Зам. Кол. II, 67; перм. шадр. требуётъ, вынщотся, можотъ (Афан. I № 68), молож.: уѣдётъ, хвастаётъ, кинеш.: грянётъ, мякнётъ (Даль LVI), нижегор.: всхизнётъ (Даль CVII), углиц. машотъ (Даль LVI), олонец. будётъ, помахнётъ, вырвётъ, онеж. плацётъ (Пам. и обр. 393), арх. вѣруётъ, ѣдётъ (И. Хр. Бус. 1566, 1567) и т. д.

Звуки *ж*, *ш* въ великорусскихъ нарѣчіяхъ успѣли отвердѣть до перехода ŏ въ *о* въ противоположность бѣлорусскимъ, гдѣ отвердѣніе ихъ принадлежитъ болѣе поздней эпохѣ: поэтому въ великорусскихъ нарѣчіяхъ находимъ передъ *ж* и *ш* звукъ ё непосредственно изъ ŏ, въ бѣлорусскихъ е[1] или ӗ. Ср. совр. великор. падёжъ, грабёжъ, молодёжь, серёжка, застёжка, берёжный, вёшней,

одёжа, дѣлёжка, Алёша, лёжа, веретёшко (арх. Афан. I, № 15), стёжъ отъ глагола стегать арх. И. Х. Бус. 1507, лёжма влад. Даль LIV. Звукъ ё въ тошнёшенько олон., веселёшенекъ, одинёшенька мезен. Якушк. 640, ранёшунькя, бялёшунькя кур. судж. (Хал. Р. Ф. В.) можетъ имѣть и другое происхожденіе, ср. бѣлор. ранёсенька, бялёсенька: ё вм. е' (изъ ѣ, ср. малор. повнісінький, ранісінько, прямісінько, при э въ білэсэнький, тыхэсэнько, которое такъ относится къ і, какъ э въ добрэ, злэ нар. къ діалек. добрі, злі, красні) подъ вліяніемъ нарѣчій добро, бѣло; точно также скорёхонько стоитъ вмѣсто скорѣхонько; правильно находимъ хорошохонько. Въ словахъ рубежъ (и рубеж), мятежъ, падежъ видимъ книжное е; нарѣчіе промежъ въ южновеликор. сохраняетъ свое е вѣроятно потому, что не имѣетъ на себѣ самостоятельнаго ударенія. Впрочемъ діалектически находимъ колебанія: при дёшево въ олон. говорится и де́шево съ ӗ, при надёжа—надежа тамъ же; въ арх. нарѣчіи находимъ въ живомъ употребленіи слово вежа съ ӗ; ср. еще москов. смежный, въ перемежку, во многихъ великорусскихъ нарѣчіяхъ — головешка; въ южновеликор. стежка уменьш. отъ стезя; при указанномъ выше арх. стёжъ Даль въ Словарѣ приводитъ арх. же стежь (стежь его плеткой); при діал. стёпан общевеликор. стёпа находили умен. стеша жен. р.; колебанія эти свидѣтельствуютъ о томъ, что отвердѣніе ж, ш не успѣло совершиться ко времени измѣненія ӧ въ о во всѣхъ великор. нарѣчіяхъ. Звуки ж и ш, отвердѣвая передъ гласными и и е, сохранялись мягкими передъ мягкими согласными, поэтому находимъ лежня (отсюда и лежень), также шершня (шершень), стержня (стержень). Московское ш въ конешно вм. конечно новое и поэтому не имѣетъ передъ собою ё. Слово чешется фонетически измѣнялось въ чошется олон., чошится роман. ярослав.; ӗ въ москов. чешется заимствовано изъ формы че'шу́, че'сать, ср. шепчетъ вм. шопчетъ: ряз. шопчишъ Будде 187, олон. шо́пцются. Въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ нарѣчіяхъ ж и ш

отвердѣли также еще въ эпоху предшествующую переходу ȍ въ *о*, такъ въ Погарѣ Черниг. губ. находимъ одёжа (Аф. I, 297), въ Твер. губ. ёж̧ (Аф. I, 102), ср. ёжикъ въ словарѣ Носовича; въ большинствѣ говоровъ передъ *ж*, *ш* является ё, но въ нѣкоторыхъ, гдѣ они до сихъ поръ мягки, е'. Можетъ быть въ сѣверновеликор. есть говоры, въ которыхъ *ж* и *ш* мягки до сихъ поръ: я не могу назвать такихъ говоровъ. Въ Олонецкой губерніи я слышалъ *ш* и *ж* мягкія передъ *н* (твердымъ и мягкимъ) суффикса: южьный, нужьно, тамъ же башмашьному, коне'шьно, гдѣ *ш* изъ *ч*. Можетъ быть въ словахъ женка, ножемъ, зажегъ, насажено, шелъ, шелкъ, дѣтушекъ, пшенный, которыя Колосовъ въ Обзорѣ с. 157 приводитъ съ ё изъ олон., арх., волог. губ., слышится звукъ ӧ съ предшествующими твердыми *ж*, *ш*: я постоянно слышалъ въ олон. губ. мошӧнники съ ӧ и твердымъ *ш*. Такія жӧ, шӧ слѣдуетъ, можетъ быть, объяснить древнею замѣною звука *о* звукомъ ӧ подъ вліяніемъ звука е', являвшагося вм. *о* въ неударяемыхъ слогахъ: же'на, пше'но вызывали жӧнка, пшӧнный, которыя дальше не измѣнялись въ жонка, пшонный, потому что звуки *ж* и *ш* отвердѣли до закона объ измѣненіи ӧ въ *о* въ восточнорус. нарѣчіяхъ, ср. діал. сѣвернорус. женка вм. жонка Даль LXV.

Діалектически до дѣйствія того же закона успѣлъ отвердѣть звукъ *щ*: поэтому мы найдемъ въ московск. тёща, ср. кур. судж. тешшын Халанскій 115; въ олон. находили те'ща, но за то лёш, ср. арх. лёщиться при москов. лещь. Въ малор. нарѣчіи, еще до закона объ измѣненіи звуковъ ряда *е* въ *э*, имѣло мѣсто отвердѣніе конечнаго *р* въ словѣ матерь (ср. тэпэр, звір); этому *р* предшествовалъ звукъ е' (не дифт. сочетаніе), который передъ твердою согласною переходилъ въ ӓ и далѣе въ ȍ: общемалор. mat'ӧr, ср. діал. галиц. матӧр (Ogonowski 32), гдѣ ё вм. ȍ подъ вліяніемъ *т* мягкаго въ мать; укр. матэр. Что же касается діалект. древнемалор. matüӧr съ дифт. üӧ передъ r, то оно заимствовало диф-

тонгъ изъ словъ какъ lüöd, müöd, отсюда укр. и галиц. матір, въ сѣверномалор. повидимому является и матюръ (Потебня, Замѣтки 32).

Перехожу къ случаямъ, гдѣ звукъ ӓ вм. e' передъ отвердѣвшею согласною, измѣнялся не по общему закону въ ӧ, а въ звукъ *a*.

Звукъ e' въ тв. ед. словъ средняго рода на ijӓ, откуда jӓ и далѣе — ja передъ отвердѣвшимъ конечнымъ *м*, переходилъ въ ӓ какъ и въ другихъ случаяхъ; но это ӓ не измѣнялось въ ӧ, а ассоціируясь съ окончаніемъ им. вин. ед. ср. рода обращалось въ *a*: ср. совр. малор. весіллям, сміття́м, облыччям, у Памвы Берынды листамъ, перамъ (Ogonowski 85), въ Пересоп. ев. ꙁамышленя̑ Жит. 17; тоже въ древнерусскихъ говорахъ не галицковолынскихъ: псков. Прологъ 1383 г.: дрьколььмь, покланььмь (Собол. Очерки 129); совр. бѣлор. колоссямъ, каменнямъ, щасцямъ также могутъ восходить къ древнимъ формамъ на -jam. Замѣчу здѣсь-же, что форма дат. мн. -jӓмъ непосредственно изъ -ijӓmъ (-иѥмъ) также измѣняла ӓ не въ ӧ, а въ *a*: дат. множ. постоиникмъ въ Нов. гр. ок. 1305 №, беꙁаконикимъ въ Парейм. 1271 (Собол. Лекціи с. 160) могутъ поэтому фонетически восходить къ древнимъ формамъ на -иѥмъ.

Мы указывали выше на примѣры, гдѣ звукъ ӧ, откуда *o*, послѣ *ж*, *ч*, *щ*, замѣнялся въ конечномъ открытомъ слогѣ звукомъ ӓ подъ вліяніемъ формъ, гдѣ за *ж*, *ч*, *щ* слѣдовалъ e': это ӓ переходило затѣмъ въ *a*, такъ je'šč͡o подъ вліяніемъ ješče' замѣнялось формою ješčӓ, откуда ješča. Тоже, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, имѣло мѣсто въ серединѣ слова: žołati подъ вліяніемъ že'łěti и žałěti измѣнялось въ žӓłati, откуда žałati (ср. выше). Новое ӧ, о которомъ мы говорили въ этой главѣ, болѣе чѣмъ всякое другое ӧ могло подвергаться такой замѣнѣ, такъ какъ постоянно чередовалось съ звукомъ e', причемъ въ одномъ и томъ же нарѣчіи замѣчалось колебаніе между новою формою съ ӧ и старою формою съ e': ср. совр. бѣлор. цемный восходящее къ те'мный при

цёмный восходящемъ къ тёмный. Звукъ ŏ замѣнялся звукомъ ă, который однако долженъ былъ перейти въ *а* и при томъ не только послѣ *j*, *ц* и шипящихъ, но и послѣ другихъ согласныхъ, такъ какъ въ языкѣ не былъ ёще извѣстенъ звукъ ă передъ твердою согласною (гдѣ онъ измѣнялся въ ŏ). Такъ напр. вмѣсто l'ube'z'nyj̧ согласно предыдущаго являлась форма l'ubŏznyj̧: ŏ въ этой формѣ, подъ вліяніемъ ли продолжавшей діалектически существованіе формы съ e' или подъ вліяніемъ словъ какъ l'ube'z'niv, l'ube'z'nѣ, замѣнялось звукомъ ă, который, чтобы не перейти опять въ ŏ, измѣнялся въ *а*: ср. совр. малор. діалект. любязный (любъязнò у Квитки, изд. Потебни I, 191). Также явились формы какъ словясный вм. словёсный, ср. ярослав. и пошех. словясно, пермск. словясно, вологод. словясное целобитьице И. Хр. Бус. 1582, двугривянный олонец., двугривянной пошех. вм. и при двугривённый; колясный, ср. колясная часъ олонец., колясникъ олонец., колясный ярослав., колясникъ молож. и ярослав. при колёсникъ, ср. въ Переписной кн. Толв. нач. 1671 г.: мелница двоеколисная АКал. I, 220, 228; прилаг. отъ кречотъ, кречотный замѣнялось формою кречатный, отсюда кречатникъ (у Потани у кречатника гр. 1532 АЮр. № 19). Звукъ ŏ изъ ă, замѣнившаго e', передъ *ж* и *ш* также могъ замѣняться звукомъ ă подъ вліяніемъ діалект. колебаній между мягкостью и твердостью звуковъ *ж* и *ш*, а въ связи съ этимъ колебаній между e' и ŏ: при ŏ въ словѣ головŏшка, откуда *о* (молож. головёшка) сохранялось діалектически e' въ томъ же словѣ и отсюда ă: ср. совр. великорусск. головешка (также молож.); это e' вызывало замѣну ŏ въ формѣ головŏшка черезъ ă, еще до перехода ŏ въ *о* и изъ ă явилось *а*: головяшка совр. великор. (и между прочимъ молож.); точно также въ одной грамотѣ XVII в., которую затрудняюсь сейчасъ найти, я встрѣтилъ форму покормажка рядомъ съ покормежная запись, ср. совр. великор. покормёжка, покормёжная.

Кстати привожу здѣсь примѣры убѣждающіе въ томъ, что звукъ ä въ серединѣ слова передъ твердой согласной всякій разъ какъ онъ замѣнялъ при этомъ ö подъ вліяніемъ е' въ словахъ родственныхъ, переходилъ въ *а*; явленіе это должно быть относимо къ эпохѣ предшествовавшей переходу ö въ *о* и появленію звука *е* открытаго передъ твердыми согласными въ положеніи подъ удареніемъ въ нарѣчіяхъ восточнорусскихъ. Единичные случаи такой замѣны первоначальнаго ö черезъ ä имѣли мѣсто еще въ общерусскомъ языкѣ. Такъ звукъ ö въ kolöso подъ вліяніемъ е' въ формахъ kole'sä р. ед., kole'si д. ед., а также въ прилагательномъ kole'sьnуj, въ глаголѣ kole'siti, измѣнялось діалектически еще въ общер. языкѣ въ koläso, откуда kol'asó, им. мн. kol'asa, ср. общер. коляска при колöска въ смыслѣ повозка, коляска и коляса находимъ въ малор. и великор. (въ сѣверновеликор. въ значеніи телѣга), колёска въ сѣвернов. и бѣлор. (колёсы жен. р., колёски въ значеніи простая телѣга). По указанію Тихвинскаго, въ Ярослав. уѣздѣ до сихъ поръ являются формы колясó, им. мн. коля́са (Р. Ф. В. с. 37). Формы касло вин. ед. (удареніе очевидно на *о*), касла им. вин. мн. (удареніе на *я*) въ западнорус. Четьѣ 1489 года (Карпинскій Р. Ф. В. 1889 № 1), представляютъ такое же *я* изъ ä, явившагося вмѣсто ö, при чемъ на ä вм. ö могли вліять формы какъ весельный, веслѣ мѣс. ед., веселъ р. мн., весляръ и т. д. Діалект. сѣверновеликор. помя́лышко имѣетъ *я* изъ ä вм. ö подъ вліяніемъ е' въ помельце, помели́шко.

Въ заключеніе этой главы скажемъ, что въ эпоху предшествовавшую измѣненію звука ö въ *о*, всякое новое *е*, возникавшее въ языкѣ въ положеніи передъ слѣдующею твердою согласною, измѣнялось въ ö: такъ мы находимъ ё изъ ö въ словахъ перёсъ вм. перстъ, смерётушка, ве́рёх и верёх, четверёгъ въ сѣверновеликор. говорахъ.

Глава 8-ая.

О нефонетической замѣнѣ звуковъ ȍ и е̍ въ нарѣчіяхъ общерусскаго языка звуками о и а.

I. Въ исторіи русскаго языка также какъ и прочихъ славянскихъ нарѣчій слѣдуетъ отмѣтить, что основы на твердыя согласныя весьма рано стали переносить свои окончанія въ основы на согласныя мягкія; это зависѣло отъ того, что въ цѣломъ рядѣ падежныхъ формъ тѣ и другія основы имѣли общія окончанія: окончанію *а* въ твердыхъ основахъ соотвѣтствовало *а* въ основахъ мягкихъ (напр. им. ед. жена—баня, р. ед. села—поля, им. мн. села—поля), окончанію *и* въ твердыхъ основахъ соотвѣтствовало *и*, которое изъ ü, въ основахъ мягкихъ (вин. ед. жену—баню, дат. ед. селу—полю). Въ общеслав. языкѣ звуку *о* въ твердыхъ основахъ соотвѣтствовалъ звукъ *е* въ мягкихъ, при чемъ *е* фонетически замѣняетъ *о* въ положеніи послѣ j и смягченныхъ согласныхъ, отсюда далѣе ȍ. Въ общерусскомъ языкѣ это ȍ измѣнилось въ е̍ передъ слѣдующими нёбными звуками, сохраняясь какъ ȍ передъ твердыми звуками и въ конечномъ открытомъ слогѣ. Окончанія е̍ и ȍ въ мягкихъ основахъ замѣнялись окончаніемъ *о*, заимствованнымъ изъ твердыхъ основъ, при чемъ ȍ въ положеніи за j, ž, č, š, šč, с еще до этого переходило въ *о* по причинамъ фонетическимъ (см. главу 5). Вытѣсненіе звуковъ е̍ и ȍ (послѣдняго въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ) звукомъ *о* имѣло мѣсто уже въ XIII в. Приведу примѣры изъ древняго и современнаго языка, указавъ на то, что въ склоненіи именъ окончанія е̍ и ȍ уступили въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ всюду, въ другихъ лишь частью звуку *о* подъ влія-

ніемъ основъ на твердую согласную еще въ ту эпоху, когда звукъ ŏ въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ не переходилъ фонетически въ *о*.

Примѣры замѣны звука ŏ звукомъ *о* въ склоненіи именъ послѣ мягкихъ согласныхъ (сюда же отношу образованія на -овъ): Корм. 1282 г.: дновъ и дновъ 533a, Ипат. дновъ 389, Пересоп. ев. XVI в.: днове 26, днові 25, Заклад. двин. 1349 г.: рублевъ Собр. Мух. № 19, тоже въ Дух. ок. 1504 СГр. и Д. № 132, въ гр. 1546 АЮр. № 82, въ Псковской 2-ой лѣтпси и др.; Парем. 1271: изловъ 49b, излова 10b, 28a, Двин. гр. XIV в.: Пузыровъ АЮр. № 71, VII, Дух. ок. 1504: Зубарово № 132, Дог. 1481: Трепарово № 107, Гр. 1534: Коваловымъ при Ковалевымъ АКал. I № 52, Гр. 1547: Лазарова при Лазареву АКал. I № 52, Шепотова при Шепотева тамъ же, Домострой изд. Забѣлина: селдовою 56 (при селдевал 55), Гр. 1532: Ноздроватого АЮр. № 19, Книга грод. Владим. 1591: монастырови Арх. Югозап. Россіи ч. 1, т. I, 299 и т. д. Дат. мн. кизом въ дог. 1483 СГр. и Д. № 116 можетъ быть представляетъ звукъ *о* такого же нефонетическаго происхожденія. Что до карасово въ Двин. гр. XIV в. АЮ. № , то здѣсь, повидимому, *о* нельзя читать какъ ё въ виду формъ карасовые, карасы въ Домострое изд. Забѣлина 150, 145. Форму сому въ Нов. гр. ок. 1392 года слѣдуетъ, вѣроятно, читать сёму, при чемъ *о* замѣнило ŏ подъ вліяніемъ тому. Формы на -омъ въ тв. и мѣс. ед. послѣ мягкихъ согласныхъ какъ за моромъ Двин. закл. 1349, короломъ, сомъ мѣс. ед. въ Нов. гр. ок. 1392 г., съ короломъ, на всомъ въ Ряз. дог. 1483 СГр. и Д. № 11, затомъ тв. ед. Ипат., сентяборм въ Тип. ев. XVI в. (Карскій, Р. Ф. В. 1892 № 4) и др. также представляютъ звукъ *о* замѣнившій ŏ вѣроятно не фонетически, а подъ вліяніемъ окончанія -омъ въ основахъ на твердую согласную, при чемъ ŏ, какъ указано въ предыдущей главѣ, явилось изъ e[1], потерявшаго свою небность послѣ отвердѣнія слѣдовавшей за нимъ небной согласной.—Вліяніе твердыхъ основъ на

мягкія сказывалось и въ глагольныхъ формахъ: ѡромую въ Двин. данной XIV в. (Образцы Др. письм. №) можетъ представлять *о* фонетически развившееся изъ ŏ, но можетъ быть это *о* замѣнило ŏ нефонетически еще до перехода ŏ въ *о* подъ вліяніемъ окончанія **-омыи** въ словахъ какъ **несомыи, чьтомыи.** Тоже должно сказать о звукѣ *о* и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ: въ Толк. Палеѣ Колом. 1406 г. находимъ **синотү** 13а, **синотами** 9а тамъ гдѣ въ другихъ спискахъ **синетами**, *о*, т. е. ё, могло замѣнить здѣсь ŏ или фонетически, или подъ вліяніемъ формы суффикса **-ота** въ образованіяхъ отъ твердыхъ основъ.

Въ современныхъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ нельзя отличить случаевъ, гдѣ *о* замѣнило ŏ нефонетически отъ тѣхъ, гдѣ происхожденіе его фонетическое: совр. великор. рублёвъ, рублёмъ, бѣлор. цароў, канёмъ, сѣверновеликор. синёму, полёвой представляютъ звукъ *о*, но не указываютъ на его происхожденіе. Въ малорусскомъ, гдѣ не было фонетическаго перехода ŏ въ *о*, кромѣ тѣхъ особыхъ случаевъ, о которыхъ скажу ниже въ главѣ 9, звукъ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ въ склоненіи именъ, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ формахъ, восходитъ къ общерусскому или древнерусскому *о*, замѣнившему ŏ подъ вліяніемъ окончаній твердыхъ основъ. Таково *о* въ діалект. малор. конёмъ, королёмъ, зятёмъ, полёмъ, морёмъ, строёмъ (галицк.), каменёмъ (Голов. 63), зват. ед. господынё, зазулё, конёводъ, также въ твор. ед. діалект. дынёвъ, долёвъ, гдѣ *о* замѣнило ŏ, которое фонетически вм. e[1] (см. выше с. 73); точно также къ звуку *о* восходитъ малор. ё въ діалект. формахъ трэтёго (Драг. 427), сынёго, сынёму, сынёмъ, сёго, сёму, всёго, всёму, при чемъ *о* замѣнило ŏ, переходившее фонетически въ э (ср. діалект. сынэго, сэго, всэго) подъ вліяніемъ образованій какъ тому, того, доброго. Также явились прилаг. на -ёвый: полёвый, охтёвый (отъ охаты, jämmerlich), рулёвый, лосёвый, пэрстнёвый, тэстёва, бургарёва, рыхтарёва, нарѣчіе частёво; прилаг. на -ёватый

какъ ялёватый подъ вліяніемъ формъ на -оватый; причастіе орёмъ (Осадца 91) подъ вліяніемъ крыёмъ, знаёмый (гдѣ ё изъ jö) или вѣдомъ, нэсомъ; глаголы на -ёваты (діалект. -юваты), какъ понаварёваты (у Квитки), малёваты, пэрэднёваты, зорёваты (у Закревскаго), гороваты (Кобр. у. Гродн. губ. Жив. ст. II, 143), существ. горёване (Голов. 181) подъ вліяніемъ формъ на -оваты, -оване. Что до *о* въ трохъ, тромъ, чотырохъ, трома, чотырома, то его слѣдуетъ выводить изъ формъ двохъ, двомъ, двома, которыя образованы отъ основы дво- въ двою р. дв. ч., двое, двоихъ и т. д., ср. великорусск. діалектич. трюхъ, трюмъ, четырюмъ подъ вліяніемъ двухъ, двумъ, которыя образованы отъ основы дву (форма р. мѣс. дв. ч.); бѣлор. дзвюмъ, дзвюхъ (Носовичъ; Сборникъ Романова I, 294, 300) также указываютъ на древнія формы трюхъ, трюмъ и стоятъ подъ вліяніемъ ихъ вм. двумъ, двухъ. Изъ формъ двохъ, тромъ, чотырома *о* переносилось въ сэмэрохъ (Драгом. 380), шэстэрохъ, восьмэрохъ (Номис 5), осмо^х Пересоп. ев. XVI с. 45, седмохъ Южнорусс. сборн. 1679 (Биб. мат. А. Попова IV, 125), дэвъятохъ, дэсятохъ (Номис 5), шостомà (Грам. Павловскаго с. 13). Формы на -ёхъ какъ чотырёхъ, пятёхъ, пъятёмъ (Драгоман. 228), чотырёма, десятёма, гал. десятёмъ (Закрев. 162) заимствуютъ мягкую согласную изъ формъ чотырьма, пятьма, десятьма; отсюда и трёхъ, трёма, сэмырёхъ, восьмырёхъ (Квитка I, 228), обёмъ (Головацкій 81). Нефонетически поэтому должно объяснять ё въ великор. трёхъ, нижегород. трёмя Обзоръ Колосова 76, ср. трохъ въ гр. 1547 АКал. I № 52. Впрочемъ на окончаніе -ёхъ въ именахъ числительныхъ могли вліять и формы на -ёхъ въ мѣс. мн. именъ существительныхъ: гал. сінёхъ Головац. 192, людёхъ, чоботёхъ (Закревскій 146, 151), воротёхъ, грудёхъ, днёхъ (Ogonowski 128); *о* въ этомъ окончаніи, также какъ въ окончаніи дат. мн. -омъ: людёмъ (Драгоман. 366), костёмъ, конёмъ, дітёмъ (Голов. 196) заимствовано изъ древнихъ окончаній именъ твердаго склоненія -омъ, -охъ (ср. карпат. торгохъ, угрохъ Ogonowski

127): ср. соврем. орлов. восьмёхъ при лошадёхъ (Даль LXIV), бѣлор. дзѣвяцёхъ, дзвёхъ вм. двохъ, семёхъ, пяцёхъ, шесцёхъ.

Перехожу къ нефонетической замѣнѣ звука е' звукомъ *о*. Звукъ *о* былъ извѣстенъ въ языкѣ въ положеніи какъ передъ твердыми такъ и передъ нёбными согласными. Поэтому новое *о*, явившееся въ общерусскомъ языкѣ вм. ŏ въ положеніи послѣ *j*, *ц* и шипящихъ могло переноситься подъ вліяніемъ аналогіи вмѣсто звука е' передъ нёбныя согласныя. Вліяніе словъ какъ вода—водѣ вызывало при общерусскихъ жона, щока, чоло и др. формы жонѣ, щокѣ, чолѣ вм. же'нѣ, ще'цѣ, че'лѣ, ср. Двин. гр. XIV в. жони Собр. Мух. № 11, щокъ въ гр. 1592 АЮр. № 292, 1682 АКал. I, 598, въ Двин. гр. XIV в. читаемъ до дмитрушоки межи АЮр. № 71, XIV, ср. также совр. малор. чолі, жоні. Такой же переносъ *о* вм. е' находимъ въ случаяхъ какъ съ корчовьемъ Жалов. Свидр. 1424 АЮЗР. I № 15 подъ вліяніемъ корчовати, ср. бѣлор. корчёвья, лещювины 1477 (сп. XVI в.) АКал. II, 510 подъ вліяніемъ лещовый, соврем. малор. чорнэнькій, чорнявый подъ вліяніемъ чо; ный, вэчорныця подъ вліяніемъ вэчора, жоныхъ, жóныцэ подъ вліяніемъ жона, мэжовщикъ подъ вліяніемъ мэжовый, коршовыкомъ (Голов. 86), гущовына, крынычовына подъ вліяніемъ словъ на -овыкъ, -овына, ср. бѣлорус. лещéвина; также великор. чорненькій при сарат. черненькій, олон. дешовле подъ вліяніемъ дешовый, косьёвищо подъ вліяніемъ окосьё и словъ на -овищо какъ зародовищо, Григорьёвичъ подъ вліяніемъ словъ на -овичъ; жорди подъ вліяніемъ уменьшительнаго жордочка; молож. жоць подъ вліяніемъ жогъ вм. жечь; бѣлор. рублёвикъ, крыжовикъ подъ вліяніемъ рублёвый, крыжовый и т. д. Выше было указано на замѣну окончанія ŏ въ мягкихъ основахъ звукомъ *о* заимствованнымъ изъ основъ на твердую согласную; изъ окончаній основъ на мягкую согласную также вытѣснялось то е', которому въ твердыхъ основахъ соотвѣтствовалъ звукъ *о*. Еще въ нарѣчіяхъ обще-

русскаго языка окончанія -е'ю (тв. ед. именъ существ. и прил., вин. ед. прил.), -е'й (дат. мѣс., а также р. ед. именъ прил.), -е'ѣ (род. ед. прил.) замѣнялись окончаніями -ою, -ой, -оѣ, ср. Двин. гр. XIV в. ꙁемлою Собр. Мух. № 7, Ипат. жажою 160а, дог. 1481: княжою СГр. и Д. № 107, дог. 1462: меншою, молодшою, дог. 1440: молоцюю, копія съ дог. 1402: дат. молотшой № 36, дог. ок. 1465: меншой, тв. меншою, межевая 1483: кнжою, глушицою № 117, дог. 1448: старѣишою № 74, дог. 1497: межою № 129, гр. 1518: въ роꙁъѣждой грамотѣ АЮр. № 16, гр. 1526: по сей роꙁъѣжжой АЮр. № 149, гр. 1593: улицой АЮр. № 159, Двин. гр. 1527: царницою, болшои р. ед. Собр. Бѣл. № 5, Домострой изд. Забѣлина: свѣжои дат. ед. 117, Уст. Сиг. Авг. 1557: першое р. ед. 195, пущою 138. Въ соврем. великор. находимъ: дат. мѣс. род. ед. меншой; тв. ед. межой, семьёй, бѣготнёй, кур. щигр. гарючёй слязой, сѣверновеликор. ключницой, постельницой, Марьёй, саблёй, тв. ед. рапнёй, мѣс. ед. послѣднёй, бѣлор. зямлёю, гразёю, сѣвнёю, бразкотнёю, маладнёю (непосредственно изъ маланьнёю, отъ маланьня—молонья), дат. ед. чужой; малор. діал. душою, тучою, дынёю, род. ед. сынёї, крацоі, ыншоі, тв. ед. сынёю. Діалектически сохранялись однако формы съ е', ср. южновеликор. формы на -ію въ тв. и вин. ед. ж. рода непосредственно изъ е'ю; особенно упорно держится е' въ склоненіи мѣстоименій, великорус. и бѣлор. ей, ею, великор. всею, всей, бѣлор. ўсей р. ед., великор. моею, твоею, твоей, сею, сей, но и сюда рано проникъ звукъ *о*; нашой, вашой, нашое р. ед., нашою—формы обычныя въ московскихъ договорахъ XV в., ср. также въ гр. Витовта 1392—1429: нѡою Наук. сб. 1865, III, Уст. 1407, вашой р. и мѣс. ед. Наук. сб. 1866, I, Уст. Сиг. Ав. 1557: нашое 15, 68, нашою 80, 141, Лит. метр. хран. при Прав. Сен. нашою, нашое АЮЗР. I, 21, 29, Пол. гр. ок. 1479: нашои грамоты Р. Л. А. Въ совр. бѣлор. находимъ: новогруд. ёй дат. ед., да свайёй работы, майёй, майёю (при маею); великор. олонец.: у нёй и у ней, сво-

ёй и своей, ёйный, молож. со всёю, твоёю, ёй, о нёй, валд. о нёй, своёй Зам. Кол. I, 14, вологод. никол. подъ коёй (Афанасьевъ I, № 52), тул. одосв. твоёю Обзор Колосова 78; малор. діалект.: р. ед. сёї, тв. сёю; всёї, всёю; дат. и мѣс. всёй; чиёї, чиёю, чиёй; нашої, нашой и т. д.— Въ им. вин. ед. муж. рода окончаніе -ей точно также смѣнялось на -ой, въ вин. ед. ср. р. -ее на -ое: старѣишои, старишои, молодшои въ москов. дог. XV в., княжой гр. 1483 (сп. XVI в.) АЮр. № 2, гр. 1469: рубль ходатой АЮр. № 74, вин. ед. болшой въ копіи съ дух. ок. 1481 СГр. и Д. № 112, свѣжое вин. ед. въ Домострое изд. Забѣлина 127, стоячое, лежачое въ Уст. Сиг. Ав. 1557 Памят. 10, 180, лѣпшое, наивышшое въ Лит. Метр. АЮЗР. I, 21, 28, сельце найдуючоеся въ Универсалѣ Мазепы 1692 г. Памятники II, 283 и т. д.; совр. великор. большой, чужой, оставшой, сѣверновеликор. колокольнёй, городнёй, синёй, больнёй, архан. прохожой; малор. хорошое (Голов. 65). Упорно держится е' въ им. вин. ед. мѣстоименій: чей, сей, но сёй находимъ подъ вліяніемъ той и въ малор. и въ бѣлор. при сэй, сей; подъ вліяніемъ сёй является и малор. всёй (Голов. 89: на всёй світъ, также сѣверномалор. Потебня Замѣтки о малор. нар. 123) при ўсэй. Въ именномъ склоненіи прилагательнаго -ей не измѣняется въ -ёй: великорус. третёй въ самъ третей. Въ старинномъ малорусскомъ было повидимому извѣстно произношеніе трётёй, ср. написанія какъ третой въ Жалованныхъ XVII в. Кіевобратскому монастырю (Памятники II, 206, 279), третого въ Универсалѣ кіевскаго полк. Дворецкаго 1659 г. (тамъ же с. 222).—Окончаніе -ей въ гостёй, лебедёй род. мн. валд. (отмѣчены Колосовымъ) заимствовало свое ё изъ древнихъ формъ лебедёвъ (бѣлор. лябядзёў), гостёвъ, въ которыхъ -ёвъ замѣнило -ей подъ вліяніемъ конёвъ, мужовъ и т. д.

Въ заключеніе повторю еще разъ, что въ общерусскомъ языкѣ имѣло мѣсто только такое вліяніе аналогіи, по которому звукъ е' замѣнялся звукомъ *о*; нефонетиче-

ской же замѣны е' черезъ ӧ тамъ не могло быть, ибо звукъ ӧ не могъ стоять передъ нёбными звуками, а е' было извѣстно только въ положеніи передъ ними.

II. Звукъ *а* замѣнялъ по причинамъ нефонетическимъ общерусскіе ӧ и е' не непосредственно, а черезъ посредство ӓ. Относящіеся сюда случаи были приводимы мною выше въ разныхъ мѣстахъ. Здѣсь я лишь въ общихъ чертахъ охарактеризую ихъ.

ӓ, откуда *а*, является вмѣсто *о* изъ ӧ въ конечномъ открытомъ слогѣ, когда такому *о* въ той же формѣ словъ, но передъ слѣдующими нёбными согласными, соотвѣтствовалъ звукъ е': ещо, ащо подъ вліяніемъ еще' не, аще' ли, аще' не измѣнялись въ ещӓ, ащӓ, откуда еща, аща (см. главу 5-ую).

ӓ, откуда *а*, является вм. ӧ въ срединѣ словъ въ цѣломъ рядѣ словъ представляющихъ въ формахъ склоненія или суффиксальныхъ образованіяхъ чередованіе звуковъ ӧ и е' въ зависимости отъ твердости или мягкости слѣдующей согласной: вясло, колясо вм. вӧсло, колӧсо; головяшка вм. головӧшка можетъ быть подъ вліяніемъ головенька (ярослав. совр.) или діалек. голове'шка; словясный вм. словӧсный подъ вліяніемъ слове'снѣ, слове'сникъ; любязно вм. любӧзно подъ вліяніемъ любе'знивъ и т. д.

ӓ, откуда *а*, является вм. е' въ тѣхъ случаяхъ, когда окончаніе ӓ изъ открытаго конечнаго слога переносилось въ положеніе передъ мягкой согласной: такъ ономе'дни переходило въ ономӓдни, откуда ономядни подъ вліяніемъ ономӓ (ономе) вм. ономь въ сочетаніи съ другими словами, ср. олонец. онамядни при онамедни и онамедь, ономедни, ономедь у Даля; точно также ономне'сь (отсюда бѣлор. оно́мнись) вм. ономдне'сь переходило въ ономнӓсь и ономнясь подъ вліяніемъ ономднӓ, ср. у Даля ономнясь; ономня́ стоитъ вм. ономне' подъ вліяніемъ ономнясь. Также явилось тамб. есеня́сь изъ есене'сь подъ вліяніемъ нарѣчія есенӓ, нынѣ не существующаго, кото-

рое вм. есень по аналогіи существованія нарѣчій лѣто, зиму при лѣтось, зимусь.

Причина перехода ӑ въ *а* въ конечномъ слогѣ въ положеніи послѣ *j*, *ц* и шипящихъ таже что причина перехода ŏ въ *о* въ положеніи послѣ тѣхъ же звуковъ (см. глава 5-ая). Въ серединѣ же слова ӑ переходило и послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ въ *а* потому, что не было вообще извѣстно въ положеніи передъ согласными, а потому превратилось бы въ ö, взамѣнъ котораго явилось, передъ твердыми согласными, — въ е', которое также вытѣснилось имъ подъ вліяніемъ аналогіи, передъ согласными нёбными.

Въ предшествующихъ четырехъ главахъ изложена исторія звуковъ *е—о* въ общерусскомъ языкѣ: явленія нами разсмотрѣнныя отразились во всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго языка, такъ какъ имѣли мѣсто до распаденія его на восточнорусскія (откуда говоры великорусскіе и бѣлорусскіе) и западнорусскія нарѣчія. Послѣдующее изложеніе будетъ посвящено изслѣдованію мѣстныхъ сначала западнорусскихъ, а за тѣмъ восточнорусскихъ нарѣчій. Здѣсь, въ приложеніи къ предшествующимъ четыремъ главамъ, считаю нужнымъ остановиться на фонетическомъ распаденіи долгихъ е', ŏ, *о* въ нарѣчіяхъ общерусскаго языка, такъ какъ распаденіе это имѣло мѣсто еще до выдѣленія западнорусской группы изъ общей семьи русскаго языка. Общерусскій языкъ во всѣхъ его нарѣчіяхъ имѣлъ, какъ мы видѣли, дифтонгическое сочетаніе *іе*, полученное изъ общеславянскаго языка (*ѣ*): это *іе* являлось въ видѣ іӑ въ положеніи передъ твердыми согласными и въ конечныхъ открытыхъ слогахъ, въ видѣ іе' въ положеніи передъ слѣдующею нёбною согласною. Въ однихъ діалектахъ общерусскаго языка долгія гласныя, полученныя изъ общеславянскаго языка, сократились: коӗ̑ъ, воз̑ъ, мӧд̑ъ съ *о* и ŏ долгими переходили въ нос̑ъ, воз̑ъ, мёд̑ъ; сюда относятся діалекты,

легшіе въ основаніе восточнорусскихъ нарѣчій; въ другихъ діалектахъ долгія *о*, ŏ, е[1] сохранялись долгими и распались впослѣдствіи на дифтонгическія сочетанія: е[1] долгое измѣнилось въ іе[1], ŏ долгое въ ŭŏ, *о* долгое въ *уо* (т. е. ыо). Къ такимъ діалектамъ принадлежали тѣ, которые выдѣлились въ особую западнорусскую группу (малорусскую); но и среди восточнорусскихъ говоровъ оказываются такіе, которые раздѣляли эту фонетическую особенность западнорусскихъ говоровъ. Исторія дифтонговъ іŏ и іе[1] (какъ изъ общеслав. *ѣ* такъ и изъ ė) должна быть разсматриваема одновременно съ исторіею дифтонговъ ŭŏ и уо, такъ какъ измѣненія, которымъ они подверглись въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ были однородны. На исторіи дифтонговъ іе, ŭŏ, уо въ западнорусскихъ говорахъ мы остановимся въ главѣ 10-й. Здѣсь укажу на судьбу ихъ въ тѣхъ восточнорусскихъ говорахъ, которые получили ихъ изъ общерусскаго языка; говорю о нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ, представляющихъ до сихъ поръ дифтонгическія сочетанія іе, юо, уо (*у* звукъ лат. *u*) на мѣстѣ указанныхъ выше дифтонговъ. Такіе говоры существуютъ въ Могилевской губ. и въ Минской (Слуцкій, Бобруйскій, Игуменскій, Минскій уѣзды). Теперь, благодаря отличной записи ряда пѣсенъ Минской губерніи въ трудѣ Янчука „По Минской губерніи“ (въ Сборникѣ свѣдѣній для изученія быта кр. населенія Россіи, вып. I), мы имѣемъ возможность судить объ этихъ дифтонгахъ въ бѣлорусскихъ говорахъ. По словамъ г. Янчука (с. 222) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бобруйскаго уѣзда довольно ясно слышатся дифтонги ѝе (=ѣ, е, и), ỳо (=о), ю̀о (=ё) подъ удареніемъ: слоговою частью дифтонгическихъ сочетаній является очевидно первый составной элементъ ихъ; при этомъ уо замѣнило ыо, которое я считаю болѣе древнимъ, а юо замѣнило ŭŏ. Дифтонги эти, какъ въ Бобруйскомъ, такъ и въ другихъ уѣздахъ, правильно стоятъ на мѣстѣ общерусскихъ дифтонговъ въ положеніи ихъ подъ удареніемъ. Такъ мы находимъ: іе на мѣстѣ общерусскаго іе = ѣ

подъ удареніемъ: мніе, дзіевочки, на войніе, каліени, кліецъ, кліеци, јіедзе, тојіе (р. ед. тоѣ), ејіе (в. ед. еѣ) и т. д., словомъ всякое ударяемое *ѣ* звучитъ какъ іе; іе на мѣстѣ древняго іе[1] изъ ē склоннаго къ і съ долготой непервоначальной: сіемъ (семь изъ сім), піечъ (печь), перапіечъ (перепечь inf.), піечечки, міечъ, весіеле, весіелейко; уо на мѣстѣ древняго ыо = ŏ: куонь, двуоръ, галуовка, нуожкахъ, вуолъ, на туой, на туомъ, муой; непонятно уо въ мнуого, но оно является въ этомъ словѣ и въ сѣверномалорусскихъ говорахъ; юо на мѣстѣ древняго йŏ изъ ŏ долгаго: людъ, къ нюой (подъ вліяніемъ туой), беруозъ (*р* отвердѣло), весюолъ и т. д. То обстоятельство, что мы находимъ эти дифтонги только подъ удареніемъ, объясняется тѣмъ, что въ положеніи передъ удареніемъ они замѣнялись звуками *а*, *я* по аналогіи замѣны, которой подверглись въ такомъ положеніи звуки *о* и *е* (сьцяна, ванôкъ вм. сціена, віенокъ), въ положеніи же за удареніемъ дифтонгъ іе замѣнился звукомъ і (въ огородзи), а дифтонги уо и юо звуками у и ю: у трецюмъ, чецьвёртумъ, у нашумъ, Гóспудъ, у цёмвуй, пивоварувъ, а съ пудъ тоји вишеньки и т. д. Въ Могилевской губерніи находимъ тотъ же дифтонгъ уо, какъ видно изъ записаннаго Н. Шаховымъ разсказа (въ Календарѣ сѣверозап. края за 1889 годъ, изд. Запольскаго): дифтонгъ этотъ, предполагающій существованіе дифтонга іе, не отмѣченнаго Шаховымъ, является преимущественно въ ударяемыхъ слогахъ: запуой, старуонка, стуолъ, гуодъ, Буогъ, нуочь, рѣже въ слогахъ слѣдующихъ за удареніемъ: зарабуотки, забитуой, нашуомъ и т. д. Произношеніе звука, соотвѣтствующаго древнему *ѣ*, подъ удареніемъ какъ іе̇ или је наблюдаемое мѣстами и въ Новогрудскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи (ср. у Афанасьева I нјѣтъ 306, 310, свјѣтъ 306) также указываетъ на продолжительное сохраненіе дифтонговъ въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ. Не имѣя никакихъ основаній признавать дифтонги въ бѣлорусскихъ говорахъ заимствованными изъ сосѣднихъ говоровъ сѣ-

верномалорусскихъ, ибо указанные выше говоры Минской и Могилевской губерніи отнюдь не представляются смѣшанными говорами, каковыми напротивъ нельзя не признать большинство говоровъ сѣверномалорусскихъ, я на основаніи представленныхъ выше данныхъ рѣшаюсь утверждать, что во 1) эти бѣлорусскіе дифтонги фонетически восходятъ къ соотвѣтствующимъ дифтонгамъ общерусскаго языка, во 2) то обстоятельство, что эти дифтонги сохраняютъ свой явственный характеръ только въ положеніи подъ удареніемъ, стоитъ въ связи съ тѣмъ, что вообще въ бѣлорусскомъ нарѣчіи характеръ гласнаго звука выдерживается только въ ударяемомъ слогѣ, при чемъ въ неударяемыхъ слогахъ являются или совершенно открытые (а, я) или совершенно закрытые (і, у, ю) звуки; въ 3) въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ, имѣвшихъ раньше эти дифтонги, они исчезли съ теченіемъ времени, а въ древности дифтонги уо, ŭŏ, *и* были болѣе распространены, чѣмъ теперь. Въ виду этихъ выводовъ слѣдуетъ обратить вниманіе на употребленіе въ нѣкоторыхъ древнихъ полоцкихъ памятникахъ буквы ѣ не только для изображенія дифтонга іе, соотвѣтствующаго общеслав. звуку *ѣ*, но и для выраженія того же дифтонга изъ общеслав. и общерусскаго ё: ср. употребленіе буквы ѣ въ Западнорусской Четьѣ 1489 года, писанной уроженцемъ города Новагродка Литов. (описаніе Карпинскаго въ Р. Ф. В. 1889 г. № 1): ср. слова на -ѣньє, на -тѣль, слова бѣꙁдны, весѣлиє, жѣньскии, мѣчь, небѣсными, къ нѣй, всѣй и т. д.

Глава 9-ая.

О звукахъ е—о въ западнорусскихъ нарѣчіяхъ.

Западнорусскія нарѣчія (малорусскія) получили изъ общерусскаго языка слѣдующіе звуки ряда *е—о*: е' въ положеніи послѣ мягкихъ и смягченныхъ согласныхъ и передъ нёбными звуками, ä въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ, *а* въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ только въ конечномъ открытомъ слогѣ, ö въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ и передъ твердыми звуками, въ единичныхъ же случаяхъ послѣ *р*, *л*, *н* исконно мягкихъ въ конечномъ открытомъ слогѣ и наконецъ *о* въ положеніи какъ послѣ твердыхъ такъ и послѣ смягченныхъ и мягкихъ согласныхъ, при чемъ въ положеніи послѣ *j*, *ц* и шипящихъ *о* можетъ восходить къ звуку ö фонетически (гл. 5), но можетъ являться послѣ тѣхъ же согласныхъ и другихъ мягкихъ согласныхъ и нефонетически вм. е' и ö подъ вліяніемъ аналогіи (см. гл. 8); звукъ ä въ положеніи послѣ *j*, *ц* и шипящихъ еще въ общерусскомъ языкѣ перешелъ въ *а* (гл. 5 и 6).

Общимъ явленіемъ для западнорусскихъ нарѣчій слѣдуетъ признать переходъ гласныхъ нёбныхъ (Sievers и Bell: palatale) въ гласныя гортаннонёбныя (Sievers gutturalpalatale, Bell mixed): переходу этому подверглись звуки і, е', ö, ä, а также тѣ звуки е' и ö скл. къ *и*, о которыхъ мы говорили въ 4-ой главѣ. Звуки е' нёбное, ö нёбное, ä нёбное переходили въ соотвѣтствующіе звуки гортаннонёбные, при чемъ е' измѣнилось въ звукъ вѣроятно близкій къ *ы* среднему; но съ теченіемъ времени всѣ три звука совпали въ одномъ звукѣ *э*, звукѣ нёбногортанномъ, при чемъ о предшествовавшемъ разли-

чіи свидѣтельствуетъ чередованіе этого *э* со звукомъ *ы* (см. ниже). Звукъ *ŏ* скл. къ *и* измѣнился также въ звукъ нёбногортанный *ы*. Одновременно измѣнился и звукъ *і*, перешедшій въ нёбногортанное *ы* (*ы* открытое); существованіе въ языкѣ рядомъ съ такимъ новымъ *ы* древняго звука *ы* закрытаго вызвало въ однихъ нарѣчіяхъ (галицкихъ) совпаденіе въ закрытомъ *ы* обоихъ звуковъ, т. е. новаго *ы* изъ *і* и первонач. *ы* изъ общерусскаго *ы*; въ другихъ (украинскихъ) — совпаденіе обоихъ звуковъ въ одномъ звукѣ *ы* открытомъ. Но при этомъ въ нѣкоторыхъ галицкихъ говорахъ *ы* открытое, избѣгая совпаденія съ *ы* закрытымъ съ теченіемъ времени вновь измѣнилось въ *і* нёбное, при чемъ, вѣроятно, здѣсь не обошлось безъ вліянія сосѣдей (звукъ *і* у Лемковъ подъ вліяніемъ польскаго языка?); въ нарѣчіи же Бойковъ и въ нѣкоторыхъ другихъ карпатскихъ говорахъ гортанно-нёбный звукъ *ы* становился еще болѣе гортаннымъ параллельно съ измѣненіями нёбныхъ звуковъ въ гортанно-нёбныя (о звукѣ *ы* въ такихъ говорахъ ср. Ogonowski Studien 39). Сѣверномалорусскіе говоры представляютъ частью произношеніе *і* и *е* какъ нёбныхъ звуковъ, но безъ колебанія эту нёбность я вывожу изъ сосѣднихъ восточнорусскихъ говоровъ, ср. спорадическое въ нихъ дзеканье, аканье, твердое *р*, *ё* вм. *э* и т. д. Время перехода нёбныхъ гласныхъ въ гласныя гортаннонёбныя опредѣлить трудно, но уже въ древнѣйшихъ галицко-волынскихъ памятникахъ есть случаи смѣшенія буквъ и и ы; памятники XIV и XV в. доказываютъ своими написаніями какъ старостыни, тысяча, вельмы, что явленіе опредѣлилось окончательно.

Исторія звуковъ *е* послѣ совпаденія ихъ въ одномъ гортаннонёбномъ звукѣ *э* теряетъ свое разнообразіе: въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ еще цѣлые вѣка продолжалось, продолжается и до сихъ поръ самое разнообразное измѣненіе различныхъ звуковъ *е*, полученныхъ изъ общерусскаго языка, въ западнорусскихъ эти измѣненія, какъ бы пресѣклись послѣ явленія только что нами разсмо-

трѣннаго. Если чѣмъ вносится разнообразіе, то уже не гласнымъ звукомъ, а согласными, стремившимися въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранить свою нёбность. Въ связи съ утратой нёбности гласными *е*—*і* она должна была утратиться и предшествующими согласными, которыя слѣдовательно и отвердѣвали. Вслѣдствіе этого сочетанія t'ä, t'ö, t'e' замѣнились безразлично сочетаніями tэ, и точно также t'i перешло въ tы: передъ звуками *э* и *ы* было невозможно существованіе нёбной согласной, а звуки *э* и *ы* необходимо являлись вмѣсто ä, ö, e', i. Такъ явились сэло вм. s'ölo, дэнь вм. d'e'nь, ходытэ вм. xodit'ä, полэ вм. pol'ö, ныва вм. n'iva, конэй вм. kon'e'j и т. д.; также измѣнились въ *э* звуки ä и ö, замѣнившіе подъ вліяніемъ звуковой аналогіи еще въ общерусскомъ языкѣ звуки *а* и *о*, фонетически явившіеся изъ первоначальныхъ ä и ö въ положеніи за *j*, *ц* и шипящими: им. мн. l'udijä, зв. ед. svinijä, какъ указано въ главѣ 6-й, должны были фонетически перейти въ l'udja, svinja, откуда діалектически въ общерусскомъ языкѣ l'ud'd'a или l'ud'a, svin'n'a или svin'a; эти формы замѣнялись, или точнѣе могли замѣняться, формами l'ud'ä, svin'ö (или l'ud'd'ä, svin'n'ö), въ которыхъ ä и ö заимствовано изъ окончаній -ä им. мн. (напр. -ov'ä, -jan'ä), -ö зв. ед. (напр. gospodyn'ö), и переходили далѣе въ l'udэ, svynэ, ср. укр. людэ, сосідэ, зв. ед. свынэ (Шевченко 82). И такъ звуки ö, ä, а также конечно *і* измѣнялись въ *э*, *ы* и послѣ двойной мягкой согласной въ говорахъ западнорусскихъ, при чемъ мягкая согласная отвердѣвала и упрощалась: зват. ед. свынэ при свыння; формы какъ діал. свыннэю твор. ед. заимствуютъ *нн* изъ формъ съ н'н'. Разсматривая однако случаи замѣны звуковъ *е* и *і* звуками *э* и *ы*, видимъ, что такому измѣненію препятствовало съ одной стороны положеніе этихъ звуковъ послѣ согласныхъ, которыя не могли отвердѣть (таковы *j*, а діалектически также *ц*, *ш*, *ж*, *ч*, *щ*), съ другой положеніе ихъ послѣ согласныхъ, отвердѣнію которыхъ препятствовало вліяніе мягкихъ согласныхъ въ родственныхъ сло-

вахъ или образованіяхъ. Въ первыхъ изъ этихъ случаевъ, къ каковымъ слѣдуетъ отнести и тѣ, гдѣ звуку *е* предшествовали гласныя *і* и ǰ, звукъ *е* не могъ измѣниться въ гортанноиёбное *э*, испытывая на себѣ вліяніе предшествующаго нёбнаго звука, который не могъ утратить этой нёбности. Поэтому и до сихъ поръ находимъ звукъ е' въ малор. ель, есь, есьмо, еї; въ словахъ же какъ едэн, едын, елэ, еслы, есы и др. видимъ јеᵃ, которое изъ је' вслѣдствіе потери звукомъ е' нёбности передъ отвердѣвшей согласной; тоже еᵃ является на мѣстѣ общерусскаго ă въ положеніи за древнимъ ǰ въ случаяхъ какъ доброе, сынэе, трое, коему, купуе 3 л. ед. и т. д. Діалектически въ малорусскомъ языкѣ звукъ е', какъ мы увидимъ, измѣнялся въ *ы* открытое въ положеніи послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ, но послѣ ј, ǰ должно являться *і*: ЇЇ р. ед., Їднаты, Їжыться (въ см. щетиниться, надуваться), Їжакъ (словарь Закревскаго), Їлына, Їщэ, думаЇш, знаЇш, выкопаЇш (отсюда и знаЇмъ, слухаЇмъ, бігаЇмо). Звукъ *і* вм. *ы* находимъ при тѣхъ же условіяхъ: јіхъ, јімъ, стојіть, бојіться. Что касается звука *і* въ случаяхъ какъ здоровјі, одіні, каміні им. вин. ед. въ галицкихъ говорахъ (Ogonowski 37), то онъ замѣнилъ здѣсь неударяемое *я* по новому закону дѣйствовавшему въ такихъ говорахъ, ср. тамъ же курі, памјіть, носі 3 мн., сімні (сѣмя), шэптанічко Голов. 156. Согласныя нёбныя, которыя могли бы отвердѣть, но не отвердѣвали вслѣдствіе вліянія мягкихъ согласныхъ въ родственныхъ словахъ, точно также мѣшали переходу звуковъ ă, ŏ и е' въ *э*. При этомъ звукъ е' переходилъ въ *і* (повидимому черезъ посредство дифтонга іе): такъ вмѣсто и при соловэй, ырэй являются соловій, ырій подъ вліяніемъ соловъя (изъ соловья), ырья; также діал. коній вм. конэй подъ вліяніемъ кінь, коня; сонічный стоитъ вм. сонэчный (ср. сонэчко) подъ вліяніемъ соньцэ, соньця; рѣже сохраняется *е* смягчающее предшествующую согласную: мацюпэнечкій подъ вліяніемъ мацюпэнькій (Грамматика Павловскаго с. 12). Звуку ă въ нѣкоторыхъ

формахъ, замѣнившему фонетическія *а* или *о*, соотвѣтствуетъ *е*, смягчающій предшествующую согласную, причемъ *е* вм. *э* является подъ вліяніемъ именно этой согласной, сохранившей свою мягкость вслѣдствіе звуковой аналогіи: 3 ед. лье вм. ожидаемаго лэ подъ вліяніемъ лью, им. вин. ед. ср. р. трэте, останье, лысе, лысего, лысему вм. трэтэ, лысэму подъ вліяніемъ лыся, лысій, трэтя; также діалек. щасте, весільле, пасіньне, каміньне (вм. щастя и т. д.) подъ вліяніемъ формъ щастя р. ед., щастю дат. ед.: фонетически щасте должно было измѣниться въ щастэ. Звукъ ŏ въ положеніи послѣ такихъ согласныхъ могъ не переходить въ *э*, замѣняясь родственнымъ звукомъ *о*, передъ которымъ мягкость согласныхъ могла вполнѣ сохраняться; отсюда въ малорусскомъ сочетаніе мягкая согласная $+$ *о* (ё). Такимъ образомъ звукъ e^1 послѣ согласной, которая не могла отвердѣть, сохранялся какъ e^1, переходя затѣмъ въ *і*, звукъ ĕ въ такомъ положеніи измѣнялся въ е°, звукъ ŏ въ *о*.

Звукъ *о* такимъ образомъ возникалъ въ малорусскомъ языкѣ фонетически изъ звука ŏ въ томъ случаѣ, когда предшествующая этому ŏ согласная не могла отвердѣть по причинѣ вліянія на нее согласной мягкой въ родственномъ словѣ или образованіи. Уже вслѣдствіе этого не поддается точному опредѣленію, какое именно ŏ должно было фонетически перейти въ малорус. въ *э*, а какое измѣниться въ *о*, и вслѣдствіе этого же находимъ въ относящихся сюда случаяхъ діалектическія колебанія. Все же возможно ограничить кругъ словъ, гдѣ вмѣсто ŏ могло являться *о* (ё): такъ въ словахъ вŏсна, сŏстра, сŏло и т. д. не было никакой причины сохранять звуки *в* и *с* мягкими, вслѣдствіе этого находимъ неизбѣжно: вэсна, сэстра, сэло, вэсло. Напротивъ тамъ, гдѣ звукъ ŏ замѣнилъ первоначальное ъ, былъ поэтому по школьной терминологіи бѣглымъ и, являясь въ нѣкоторыхъ лишь формахъ слова, исчезалъ въ другихъ, причемъ древнее ь оставляло слѣдъ на предшествующей согласной, обращая ее изъ твердой въ мягкую,— звукъ ŏ

естественно долженъ былъ измѣниться въ *о*, такъ какъ мягкость согласныхъ поддерживалась вліяніемъ родственныхъ словъ. Вотъ почему l'öпъ — l'пи измѣнялось въ l'оп — l'пu, при чемъ параллельныя формы лэн — лэну восходятъ къ склоненію l'öп—l'öпu, гдѣ на форму косвенныхъ падежей оказала вліяніе форма им. ед. Слово t'öтпуј фонетически переходило въ тэмный, но подъ вліяніемъ t'та являлось и тёмный; слова царёкъ (Энеида 109), пэнёкъ, валёкъ, скобэлёкъ, р. мн. пісэнёкъ, донёкъ, нэділёкъ (а поэтому и неділёчка) имѣютъ *о* вм. *э* подъ вліяніемъ словъ пэнька, царька, нэділька, донька и т. д.; лёмъ (ulmus, Желих.) стоитъ рядомъ съ илэмъ при ильмъ, ильма; р. мн. відёмъ (у Квитки), відёмство сохранили *д* мягкое въ виду формъ відьма, відьмыство; ё въ нызёкъ (нора) подъ вліяніемъ нызька; слёза, слёзонька сохранили *л* мягкое подъ вліяніемъ несуществующихъ уже теперь формъ какъ сл'за́, сыл'за непосредственно изъ слъза; рядомъ видимъ слэза, а подъ вліяніемъ лэ явилось ло въ слоза. Въ сохраненіи ö, откуда ё въ словѣ вэрёвка (у Квитки, у Котляревскаго, также въ сбор. Драгоманова с. 63, 339), діал. вірёвка (Закревскій 163, Номис 95) слѣдуетъ признать вліяніе звука *р* мягкаго формы вервь (въ живомъ употребленіи ея нѣтъ), діалек. вірвь (ср. вірви им. мн. у Номиса 93), ср. вэрвэчка (Словар Желих.): рядомъ вэрэвка.

Мягкими сохранились въ малорусскомъ согласныя не только въ положеніи передъ согласными, но также передъ гласными *о*, *а*, *у*, *і* (изъ дифт. соч. ie); изъ формъ съ такими гласными мягкія согласныя могли переноситься въ формы, гдѣ за согласной слѣдовалъ звукъ ö, который поэтому не могъ измѣняться въ *э*, а долженъ былъ перейти въ *о*. Такъ укр. діал. лёду, лёдомъ (въ Энеидѣ) имѣетъ мягкое *л*, а потому и *о*, подъ вліяніемъ лідъ им. ед.; рядомъ — лэду, лэдомъ; дёготь (Энеида), дёгтю (Драг. 398) заимствуетъ *д* мягкое изъ формъ какъ дігтю, дігтэмъ; сёмый, сёма укр. и галиц. при сэмый имѣетъ мягкое *с* изъ сім (семь); тётушка вм. ожидаемаго тэтуш-

ка подъ вліяніемъ тітка; облёвъ (блевотина Закрев.) подъ вліяніемъ мягкаго *л* въ нынѣ уже неупотребительномъ блюю; до втёву (Драгом. 215) является подъ вліяніемъ втікъ им. ед., втікаты; также пáтёкы (слізъ) предполагаетъ им. ед. патікъ; попрёкы, упрёкы подъ вліяніемъ им. ед. попрікъ, упрікъ, рядомъ попрэкъ; рострёпаты (Энеида) имѣетъ *р* мягкое подъ вліяніемъ рострінаты; палёнка (водка) имѣетъ мягкое *л* можетъ быть подъ вліяніемъ палянка (тоже), также какъ и н' въ понёва подъ вліяніемъ понява. Происхожденіе звука ё въ брёхнуты, брёхатыся, Забрёха (прозв.) мнѣ не ясно; также непонятно ё въ дёру (даты дёру — дать драла), удёрыты (удрать); совершенно темно слово покотёло (кружало). Слово тёрна заимствовано изъ великорусскаго, ср. малор. тэрна; также слово молодёж въ Энеидѣ, малор. мóлодэж; заимствованы также изъ польскаго или великорусскаго слова отлёты, самолётъ, на вылётъ; зъ вылётамы сапогы—пол. z wylotami; залёты (ухаживанье) — пол. zaloty; стёжка (лента) — это польское ściążka, ср. стёнжка въ Грам. Павловскаго 59; дёргъ (Квитка I, 233), дёргаты (тамъ же II, 142), повыдёргывала (тамъ же II, 122) представляются заимствованными изъ великорусскаго; плётка (сплетня) пол. plotka. Что касается малор. *о* въ словахъ какъ сынёго, полёване, дэвъятёхъ, сінёхъ и т. д., то на его нефонетическое происхожденіе было указано выше въ главѣ 8.

Въ сѣверномалор. говорахъ, какъ указано выше, можно встрѣтить въ однихъ какъ обыкновенное явленіе, въ другихъ лишь спорадическіе случаи употребленія звуковъ *е* и *і* смягчающихъ предшествующую согласную. Повторяю еще разъ, что такія *е* и *і* обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію сосѣднихъ бѣлорусскихъ говоровъ. Такъ мы находимъ въ заблудовскомъ говорѣ (Бѣлостоц. и Бѣльскій уѣзды Гродненской губ.): леціт, несе, носіт, породзіла, молодзец, у пинчуковъ: цебе, робце, поѣдземъ, въ зап. части Грод. губ. вјѣцеръ, пекло, мене и т. д. Въ такихъ говорахъ нерѣдко ё тамъ,

гдѣ въ украинск. и галицк. *э*: заблуд. озёра, полёту, чо̂вён, пинчук. весёлому, клёновымъ, славёнъ, зап. часть грод. одзёнъ (=одэнъ при одѣнъ). Но ё мы находимъ и тамъ, гдѣ звукъ *е* измѣнился въ *э*: такъ въ Брестскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ при *е* = *э* подъ вліяніемъ бѣлорусскаго нарѣчія являются зэлёному, вітёръ, тзэрозого (Замѣтки Потебни 123), въ корницкомъ говорѣ Конст. у. Сѣдлецкой губ. при *е* = *э*, при чемъ *е* смягчающее предшествующую согласную встрѣчается совершенно рѣдко (плети, летіели, плесьци, нэдіеленьку), видимъ: віетёръ, вэсёлы, зэлёна, вэзёна (Янчукъ въ Малор. свадьбѣ) и др. Во всякомъ случаѣ ё здѣсь нельзя сравнивать съ общемалорусскимъ ё въ лёнъ, слёза и оно должно быть выведено изъ бѣлорусскихъ сосѣднихъ говоровъ.

Передъ звукомъ *і* совершенно также какъ передъ звукомъ *е* могли сохраняться мягкія согласныя подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, вслѣдствіе чего *і* не переходило въ *ы*: такъ напр. вм. знымэ находимъ зніме, вм. піднымэтця—піднімэтця, ср. *н* мягкое въ зняты, підняты, а также въ такихъ формахъ какъ прыньмэтця. При сыный, лысый, козый извѣстны формы сыній, лысій, козій подъ вліяніемъ сынёго, сынёму, лысёму, козя; ыхній вм. ыхный подъ вліяніемъ ыхня, ыхнёго; братікъ вм. братыкъ подъ вліяніемъ братій, братіечко; также точно укр. кості род., дат. мѣс. ед. (галиц. косты) имѣетъ мягкое *т* подъ вліяніемъ кість, кістю и т. д.

Весьма распространенъ взглядъ, по которому малорус. тэ, ты замѣнили общерусскія те, ти не въ силу перехода гласныхъ *е*, *і* въ *э*, *ы*, а вслѣдствіе отвердѣнія передъ этими звуками согласныхъ. Недавно объ этомъ рѣшительно высказался Р. Ѳ. Брандтъ въ Лекціяхъ по ист. гр. русскаго языка М. 1892 с. 144, полагающій, что указанный переходъ имѣлъ мѣсто въ силу отвердѣнія сначала полумягкихъ, а потомъ мягкихъ согласныхъ передъ звуками *е*, *і*. Не могу присоединиться къ такому взгляду, такъ какъ мнѣ совершенно непонятна причина,

почему бы отвердѣть хотя бы и полумягкимъ согласнымъ передъ звуками *е*, *і*, между тѣмъ какъ тѣже согласныя оставались полумягкими и мягкими передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ въ случаяхъ какъ 2 л. мн. берiть (берiтъ укр. дiал. подъ влiянiемъ бэрiтэ), 3 л. ед. -ть, а также какъ тьма, восьмыро и т. д. Кромѣ того объясняя измѣненiе *е*, *і* въ *э*, *ы* влiянiемъ отвердѣвшихъ согласныхъ, мы были бы въ затрудненiи, какъ объяснить переходъ *і* въ *ы* въ начальномъ слогѣ словъ: ыноді, ыгла, ыва, союзъ *ы* (укр. и карп.), причемъ форма *и* объясняется изъ краткой формы этого союза (*й*, ср. той, тай вм. тои, таи); точно также іты при ыты имѣетъ *і* подъ влiянiемъ *й* въ найты, пойты, ійдуть и т. д.; ігла при ыгла указываетъ на форму јігла, ср. дiалек. јегла. Относительно чередованія *je* съ *ы* въ начальномъ слогѣ словъ какъ јескра, јскра, јенэй, јэнчий, јездэбка замѣчу, что малор. *ы*- восходитъ къ формѣ съ древнимъ начальнымъ *і*, а малор. *je*- къ формѣ съ древними *je* изъ *jь*, ср. чеш. jehla, верхнелуж. jehła, johła, словин. jezba, jespica, а также великор. сарат. ельмовый при илемъ, малор. ылэмъ, польское jemioła при малор. ымэла и т. д.

Малор. *э* въ неударяемыхъ слогахъ преимущественно въ укр., но также и въ галиц. нарѣчiи чередуется съ *ы*: выше было высказано предположенiе, что звукъ е' былъ замѣненъ въ перiодъ перехода нёбныхъ гласныхъ въ гортаннонёбные звукомъ близкимъ къ звуку *ы* открытому, между тѣмъ какъ ŏ замѣнялось звукомъ *э*. Впослѣдствiи оба звука смѣшались и совпали съ *э*, но дiалектически въ неударяемыхъ слогахъ являлось и *ы*, ср. въ сборникѣ Драгоманова: човын 16, вырнувся 38, погрыбi, бычовою 68 (Алекс. у.), колыси 57 (Подол.), мынi, попылу 65 (Черниговъ), прывызты, вылытiло 106, злытiлы 108, прынысли 337, прывылы 338, хлопыць 357, вывысты 357, довыды 397, воздвижыння 232, пшыныцько 238, вылыкодня 233, выдьмiдь 234 (Марiуп.), срыбро 136, спычалывся 137, вылы 134 (Пот.), ныбоже 114,

пятыро 113, вылики 111 (Васильк. Кіев.), хочыт, підпышым 122 (Буков.) и т. д. Находимъ и обратно *э* вмѣсто ожидаемаго ы: прэвіз 149, вулэці 71, богатэрэві 106, сэдять 119, прэснылось 130, пэріжки 355, Нэчыпір 397, жэвіт 103; такой звукъ *э* послѣ шипящихъ передъ твердыми слогами могъ замѣняться звукомъ *о* подъ вліяніемъ постояннаго жо, шо, чо, що и т. д. въ такомъ положеніи, отсюда жовіт, жовота (Словар Желих.); галицкое дэтя, дэтыні Голов. 43 имѣютъ *э* вм. *ы* такого же происхожденія. Слѣдуетъ думать, что въ нѣкоторыхъ малорусскихъ (галицкихъ) говорахъ звукъ е' не подъ удареніемъ, не измѣняясь въ звукъ гортаннонёбный, переходилъ затѣмъ въ *і*; только такъ можно объяснить діалектическое чередованіе въ неударяемыхъ слогахъ звуковъ *э* и *і*: вісілé вм. вэсілé, тілє вм. тэлé, тэля́, а также по аналогіи видимъ *і* передъ твердымъ слогомъ: сіло вм. сэло (Ogonowski с. 37). Это же объяснило бы намъ измѣненіе въ *і* звука е', замѣнившаго звукъ *о* въ словѣ јеščо подъ вліяніемъ јеšče' въ положеніи передъ мягкими согласными: гр. 1422: ѣщи, Поликарп. ев. 1307: ѣщи, Луц. ев. XIV в.: ѥщи. Впрочемъ вѣроятнѣе представляется допустить, что е' не измѣнилось здѣсь въ *э*, а перешло въ *і* подъ вліяніемъ предшествующей согласной *щ* (Карп. Р. Ф. В. 1888 № 1, с. 49).

О нефонетической замѣнѣ звука *о* звукомъ *э*. Выше въ главѣ 8-ой было указано, что уже въ общерусскомъ языкѣ былъ цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ звукъ *о*, замѣнившій подъ вліяніемъ различныхъ аналогій звукъ ŏ и е', стоялъ послѣ мягкихъ согласныхъ. Сочетанія мягкая согласная +*о* сохранялись въ малорусскомъ, ср. случаи какъ ковалёві, ковалёмъ, сынёму, сёго и т. д.; также сохранялись сочетанія жо, чо, шо, цо, јо, полученныя изъ общерусскаго языка. Нефонетически однако во многихъ случаяхъ звукъ *о* долженъ былъ при этомъ уступить новому звуку *э*: молочон, сушоный стояли при плэтэный, нэсэн, хвалэн и переходили въ молочэн, сушэный; мојо, вашо, соньцо, лыцо измѣнялись въ моје, вашэ, соньцэ,

лыцэ подъ вліяніемъ словъ, какъ доброје, усэ, сэ, полэ, морэ; также являлись сынэго, сынэму фонетически вм. sin'ōmu, sin'ōgo и вытѣсняли діалектическія сынёму, сынёго изъ общер. sin'omu, sin'ogo. О малор. жэ, чэ, шэ въ словахъ какъ жэлаты, жэрно, чэсаты, чэтыры, щэдро и т. д. было сказано въ главѣ 5-ой. Діалектическія формы на jo, или на мягкую согласную +*o*, замѣнившіе формы на *я*, также измѣняли свое *o* на *e* подъ вліяніемъ замѣны *o* черезъ *э*, *e* въ указанныхъ выше случаяхъ какъ полэ, наше, моје и т. д.: такъ явились галиц. весілé, жыте, збіже вм. весілё, жытё, збіжо, которыя замѣнили фонетическія весіля, жытя, збіжа. Равнымъ образомъ братя замѣнялось формою брате черезъ посредство братё; укр. трете, залышне, заранье, вішне (вѣчное) явились вмѣсто третё, зараньнё, которыя замѣнили фонетическія формы третя изъ третіјӑ, заранэ изъ зараньн'ō и т. д. На то, что напр. галиц. щасте восходитъ къ фонетич. формѣ щастя (черезъ посредство вѣроятно щастё) указываетъ галиц. щастячко.

Думаю, что въ малор. языкѣ есть случаи замѣны *o* черезъ *э* и послѣ твердыхъ согласныхъ. Общерусское ојӑ переходило въ малор. согласно предыдущаго въ оје: доброе, мылое, сліпое. Судя по мѣстоименнымъ формамъ моему, твоему, малор. *oe* могло стягиваться: при этомъ являлись мому непосредственно изъ мо́ему или моему̀, мéму изъ моèму. Поэтому и въ окончаніи именъ прилагательныхъ средняго рода мы ожидали бы при оје—*o*; формы им. вин. ср. р. на *o* мы находимъ въ сѣверно-малорусскихъ, а также въ украинскихъ и галицкихъ говорахъ. Но окончаніе это вытѣснено вообще окончаніемъ -э, которое я никакъ бы не рѣшился выводить изъ оје фонетически. Думаю, что добрэ, зэлэнэ, сліпэ́, новэ́, свэрнэ, такэ, страшнэ, сміле и т. д. имѣютъ *э* вм. *o* подъ вліяніемъ той замѣны *o* черезъ *э*, которой подвергглось *o* въ словахъ какъ нашо, моjо, лыцо при чемъ добро, зэлэно тѣмъ естественнѣе замѣняли свое окончаніе *o* звукомъ *э*, что рядомъ существовали формы доброе,

зэлэное. Въ подтвержденіе предположенія, что *э* въ добрэ им. ед. ср. р. замѣняетъ нефонетически *о*, приведу: 1) окончаніе *э* въ формахъ нарѣчій до́брэ́, злэ, дісвэ (Желих.), сыльнэ, пэрвэ, цілэ (Желих.), самэ, вірнэ, особэ несомнѣнно замѣнило *о*, ср. нарѣчія твэрдо, богато, ціло, жыво; такое же *э* является въ хорошэ́ и хо́рошэ вм. хорошо; въ тутэшный при великор. тутошній видимъ также *э* вм. *о*, 2) форма тэ (та сэ, та тэ; и сэ и тэ; тэ ідэ молыцьця, а тэ жывыцьця Номис 4) замѣнила то, а не тоје, 3) формы прилаг. въ случаяхъ какъ дорогѐ яечко къ Велыкодню, и сіно цілэ и козы сыты имѣютъ несомнѣнно *э* вм. *о*, 4) звукъ *э* въ укр. добрэе, мылэе, другэе, тэе, лютэе, пэкэльнэе и т. д. замѣняетъ звукъ *о*, при чемъ лютэе вм. лютое можетъ указывать на замѣну люто (изъ лютое) формою лютэ.

Въ заключеніе этой главы укажу на нѣсколько случаевъ отвердѣнія согласной передъ *о* подъ вліяніемъ твердой согласной передъ *э* или *ы*: выше было указано на галиц. и буков. слоза подъ вліяніемъ слэза, также является доготь вм. дёготь подъ вліяніемъ дэготь, дноваты вм. днёваты (ср. днёвка и дноваты) подъ вліяніемъ днэвный; тано (дешево) стоитъ вѣроятно вм. танё (польс. tanio, tani) подъ вліяніемъ таный (при таній) изъ таний.

Глава 10-ая.

О дифтонгических сочетаніях въ западнорусских нарѣчіяхъ.

Въ приложенiи къ 8-ой главѣ было указано, что въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ общерусскаго языка общеславянскіе звуки долгое *о* и замѣнившія въ общерусскомъ языкѣ звукъ ѐ—ȏ долгое и е' долгое не сохранились, а распались въ дифтонгическія сочетанія ыо, ӥȏ и iе'. Такимъ образомъ къ полученнымъ изъ общеславянскаго языка всѣми русскими нарѣчіями дифтонгическимъ сочетаніямъ iе' и iӓ (восходятъ къ общеслав. iе=ѣ) въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, и между прочимъ въ тѣхъ, которыя легли въ основаніе западнорусскихъ нарѣчій — малорусскихъ, прибавились еще вышеозначенныя сочетанія. Исторія этихъ сочетаній въ дальнѣйшемъ была однородна, всѣ они подвергались одинаковымъ измѣненіямъ. При этомъ должно замѣтить слѣдующее. Звукъ ȏ долгое измѣнился послѣ *j*, *ц* и шипящихъ въ ȏ вѣроятно еще до распаденія на сочетаніе ӥȏ, ибо переходъ ȏ въ *о* въ такомъ положенiи, какъ было указано выше, совершился еще въ общерусскомъ языкѣ. Дифтонгическое сочетаніе *ыо* въ началѣ слова получало передъ собою звукъ *в*, при чемъ появленіе *в* передъ *ы* однородно съ такимъ же появленіемъ его въ общеслав. языкѣ въ положенiи звука *ы* въ началѣ слова. И такъ мы находимъ въ древнемъ малорусскомъ нарѣчiи: 1) дифтонгическое сочетаніе iӓ изъ общеслав. iе (ѣ) въ положенiи передъ твердыми согласными, а также въ конечномъ слогѣ слова, независимо отъ того находились ли въ слѣдующемъ слогѣ слоговыя или неслоговыя гласныя, напр.

iẍxati, liȁsa, liȁsъ, staviȁ, l'utiȁ и т. д.; 2) дифтонгическое сочетаніе ie' изъ ie въ положеніи передъ мягкою согласною, также независимо отъ слоговаго или неслоговаго характера гласной слѣдующаго слога: lie'siȁ мѣс. ед., die'ti, mie'dь и т. д.; 3) дифтонгическое сочетаніе ie' изъ общерусскаго e' долгаго въ положеніи передъ мягкою согласною, если въ слѣдующемъ слогѣ находится неслоговое ь или неслоговое ирраціональное *i*: šie'stь, budie'tь, pie'čь, na nie'mь, učie'nja̋ (отсюда učie'nja) и т. д.; 4) дифтонгическое сочетаніе üȏ изъ общерусскаго ȏ долгаго въ положеніи за мягкими согласными передъ слѣдующею твердою согласною, за которою слѣдуетъ неслоговое *ъ*: lüȏdъ, müȏstъ, vüȏlъ, tüȏtъka и т. д., 5) дифтонгическое сочетаніе üo изъ общерусскаго ȏ, замѣнившаго послѣ *j*, *ц* и шипящихъ ȏ долгое, при чемъ въ слѣдиющемъ слогѣ является неслоговое *ъ*: šüostъ, žüonъka; 6) дифтонгическое сочетаніе *ыо* изъ общерусскаго ȏ, если при этомъ въ слѣдующемъ слогѣ находится неслоговое *ъ*, неслоговое ь или неслоговое иррац. *i*: дыомъ, ныосъ, сыоль, ныочька, сирыотъка и т. д.; въ начальномъ слогѣ вм. ыо—выо: выовьца, выочју (изъ ȏčju) род. мѣс. дв. ч., выотьца и т. д.

Прежде чѣмъ обратиться къ исторіи вышеуказанныхъ дифтонгическихъ сочетаній въ малорусскомъ нарѣчіи, укажу во 1) на нефонетическую замѣну дифтонга üȏ дифтонгомъ *ie*, во 2) на нефонетическое распространеніе дифтонговъ *ie*, *uo* насчетъ звуковъ *e* и *o*.

Выше въ главѣ 8-ой были указаны случаи нефонетической замѣны въ общерусскомъ языкѣ звука e' звукомъ *o*: такъ окончанія -e'мь, -e'ю и др. подъ вліяніемъ грамматической аналогіи переходили въ -омь, -ою; точно также діалектически подъ вліяніемъ окончаній -ыомь, -ыой въ твердыхъ основахъ окончанія- ie'мь, -ie'й основъ мягкихъ замѣнялись окончаніями -üомь, -üой: такъ подъ вліяніемъ тыомь, тыой, добрыомь, добрыой вм. на ніе'мь, на ніе'й, јie'й, въ твојie'мь, въ чюжie'мь, въ нашie'мь и т. д. являлись формы на нüомь, на нüой, јüой, въ тво-

јйомъ, въ чюжйомъ, въ нашйомъ. Дифтонгическое сочетаніе йо замѣняло также дифтонгъ йо въ тѣхъ именно случаяхъ, гдѣ вмѣсто ō въ общерусскомъ языкѣ являлось *о*: ковалйовна являлось вм. ковалйōвна также какъ ковалёва вм. ковалōва, род. мн. рублйовъ вм. рублйōвъ подъ вліяніемъ окончанія *ыо* въ твердыхъ основахъ и т. д. Въ позднѣйшемъ языкѣ уже послѣ совпаденія звуковъ ō и е[1] въ *э* вм. йō могло являться *іе* подъ вліяніемъ родственныхъ формъ съ *э*: такъ при род. ед. мэда вм. мйōд могло явиться міед подобно тому какъ при род. пэчи существовала форма им. ед. піеч, ср. міед въ совр. сѣверномалор. говорахъ (Сѣдлец. губ., корницкій говоръ, Янчукъ 77 и др.).

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что дифтонгическія сочетанія *ыо*, йō и т. д. являлись въ діалектахъ общерусскаго языка въ соотвѣтствіи общеславянскимъ ē и ō, долгота коихъ новаго происхожденія и зависѣла отъ того, что къ слогу съ гласными *е* и *о* примкнулъ слогъ со звуками *ъ* и *ь*, потерявшими слоговой характеръ. Такимъ образомъ видимъ, что въ діалектахъ общерусскаго языка гласныя *е* и *о* не удлинялись въ ō и ē въ положеніи передъ слогомъ съ *ъ* и *ь*, а были получены долгими изъ общеславянскаго языка. Вслѣдствіе этого звуки *о* и *е* новаго происхожденія, явившіеся въ общерусскомъ языкѣ или въ полногласныхъ формахъ на *оро*, *оло*, *ере* вм. общеслав. or, ol, er съ r, l слоговыми, или на мѣстѣ общеславянскихъ звуковъ *ъ* и *ь*, не получали долготы въ положеніи передъ слогами съ неслоговыми *ъ* и *ь* и не распадались поэтому діалектически въ дифтонгическія сочетанія *ыо*, *іе* и т. д.: поэтому мы находимъ въ малорусскомъ бэрэг, бэрэзня (р. ед. отъ бэ́рэзэнь), сэрэдный, пэрэдный, король, го́род, горо́д, норов; нэс, дэнь, боз, лоб, рот и т. д. Но когда въ языкѣ въ цѣломъ рядѣ словъ оказалось общимъ явленіемъ переходъ звуковъ *о*, *е*, сохранившихся въ открытомъ слогѣ, въ ыо, йо, йō, іе въ слогѣ закрытомъ, чередованіе звуковъ *о* и *е* съ названными дифтонгами было поставлено

въ связь съ закрытостью или открытостью слѣдующаго слога; поэтому и другія *о* и *е*, никогда не бывшія долгими, замѣнялись дифтонгическими сочетаніями. Такія новыя дифтонгическія сочетанія, измѣнившіяся затѣмъ въ малор. языкѣ въ *і*, могли, повидимому, являться уже въ старинномъ языкѣ: такъ галицковолынскіе памятники указываютъ на форму міеч (мечь, дррус. мьчь) вм. меч, ср. р. ед. меча; въ совр. языкѣ находимъ частью въ общемъ употребленіи, а частью діалектически: поріг, постэріг, стэріг, заволік, навидворіть (Драгом. 91); бэріг, род. мн. воріт, голів и т. д.; точно также *і* вм. *о* изъ первонач. *ъ*: хіртъ, рітъ, лібъ (у Квитки), вівк, вівки галиц., візьмэ вм. возьмэ, локіть (Драг. 58) и др.; въ словѣ вікно *і* вм. *о*, повидимому, подъ вліяніемъ положенія въ закрытомъ слогѣ, такъ какъ за *к* не слѣдовало звука *ъ* въ общеслав. языкѣ. Но если съ одной стороны дифтонгическія сочетанія вм. простыхъ гласныхъ охватывали все бо̀льшее количество случаевъ въ положеніи въ закрытомъ слогѣ, то съ другой стороны эти же дифтонги и замѣнившія ихъ простыя гласныя изъ закрытыхъ слоговъ проникали въ слоги открытые подъ вліяніемъ аналогіи: такъ гласная *і* вм. дифт. сочетаній ыо, ііо и др. переносилась изъ уменьшительныхъ на -ка въ уменьшительныя на -очка: пэрэпілочка, слізочка, сиріточка, лэбідочка и т. д. подъ вліяніемъ пэрэпілка; также переносилась эта гласная изъ формъ косв. падежей въ форму им. ед.: рэбінокъ, ріжокъ, кінэць, кілокъ, підборідокъ, ніхоть подъ вліяніемъ рэбінка, ріжка, ніхтя и т. д.; обратно гласная им. ед. переносится въ формы косв. падежей: в ріву подъ вліяніемъ рів (Драгом. 254), сінокісомъ (Котл. Оды Куракину)—сінокісъ, а также въ слова производныя: камінэць подъ вліяніемъ камінь, дзвіныця—дзвін, віконныця и віконыця (Шевч. 125)—вікно; вічы вмѣсто очи (у вічі, у вічы) явилось подъ вліяніемъ у віччу (нѣтъ въ живомъ употребленіи) = великорусск. во очью, ср. чеш. vůči in die Augen вм. voči подъ вліяніемъ формы р. мѣс. дв. ч.; мізку дат. ед. стоитъ вм.

мозгу подъ вліяніемъ им. ед. мізокъ, которое вм. мізгъ, отсюда и розміжжу (Энеида 34). Подробнѣе остановиться на относящихся сюда явленіяхъ я не могу: они настолько сложны и разнообразны, что могутъ составить предметъ особаго, спеціальнаго изслѣдованія.

Обращаюсь къ исторіи вышеназванныхъ дифтонгическихъ сочетаній въ малорусскомъ нарѣчіи.

Въ древнихъ памятникахъ западно или малорусскаго нарѣчія, памятникахъ, которые вслѣдъ за Соболевскимъ буду называть галицковолынскими, дифтонгическія сочетанія iй, ie[1] (послѣднее какъ изъ общеслав. и общерус. *ie*, такъ изъ общеслав. и общерус. *e* долгаго) изображались буквою ѣ. Буква ѣ во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка обозначаетъ дифтонгическія сочетанія iй и ie[1] (изъ общеслав. *ie*), въ галицко же волынскихъ памятникахъ она, какъ и естественно ожидать, стала обозначать кромѣ того то дифтонгическое сочетаніе ie[1], которое явилось изъ общерусскаго e[1]. На такое употребленіе буквы ѣ въ галицковолынскихъ памятникахъ указалъ впервые Соболевскій въ Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка, и это открытіе Соболевскаго, одно изъ наиболѣе блестящихъ въ историческомъ нслѣдованіи нашего языка, положило прочныя основанія для изученія исторіи малорусскаго нарѣчія. Буква ѣ въ галицко-волынскихъ памятникахъ, согласно предыдущему, выражаетъ iй изъ общеслав. *ie* (*ѣ*) тамъ, гдѣ она стоитъ въ концѣ слова или въ положеніи передъ твердой согласной: бѣстко, свѣта, мѣхы, всѣмъ, женѣ, мирѣ и т. д.; въ положеніи передъ мягкой согласной она обозначаетъ ie[1] изъ общеслав. *ie* (*ѣ*): сълѣзи, видѣша, ѡвѣщати, вселенѣи, не вѣдѣ, свѣть и т. д., и употребляется также для выраженія дифтонгическаго сочетанія ie[1] изъ общерусскаго e[1] долгаго, при томъ исключительно передъ такой мягкой согласной, за которой слѣдовало нѣкогда или слѣдуетъ (въ языкѣ писца) неслоговое ь или *і* неслоговое ирраціональное: Добр. ев. 1164: камѣнь, шѣсть, въ имѣнь, о сѣмь, къ всѣмь, по чужѣмь, пѣщь, сѣдмь,

въ нѣи, горѣ сѣи, по всѣи, боудѣть, придѣть, оучитѣль, сѣльнаго, времѣньно, телѣснымь, знамѣньѥ, оучѣньѥ, корѣньи, зѣльѣ и др.; Поликар. ев. 1307: ѣи, своѣи, вашѣи, въ нашѣмь, въ своѣмь, дъчѣрь, ни о чѣмъже, небѣсною, зѣмьская, зѣмная, вѣлью и т. д.; тоже въ древнѣйшихъ оригинальныхъ памятникахъ малорусскаго нарѣчія: Купчая 1359 псчѣрскихъ, догов. 1350: вѣлмы, грам. 1371: истворѣньѥмъ, грам. 1375: карабчѣвскїи, прав. 1401: въведѣньє, жалов. 1403: трѣтего, жалов. 1408: оборонѣна (см. Наук. сб. 1865, III; 1866, I) и мн. др. Буква ѣ такимъ образомъ употребляется въ галицко-волынск. памятникахъ вмѣсто буквы є другихъ русскихъ, а также старослав. памятниковъ въ строго опредѣленныхъ случаяхъ, а именно она стоитъ вмѣсто звука е', бывшаго въ общер. языкѣ долгимъ въ положеніи передъ мягкою согласною, за которою въ общер. языкѣ слѣдовали неслоговое ь или ирр. *і*, и распавшагося затѣмъ въ іе'. Уже отсюда ясно, что во 1) ѣ вм. є употребляется не по графической прихоти писцовъ, во 2) что эта буква обозначаетъ не звукъ *е* и не звукъ е', ибо эти звуки выражаются исключительно буквой є, а другой звукъ, и именно, согласно предыдущему, дифтонгическое сочетаніе іе'. Дѣлаю наконецъ третій выводъ: во всѣхъ случаяхъ (исключивъ, конечно, описки какъ животѣ зв. ед. въ Октоихѣ XII—XIII в. Собол. 19), гдѣ буква ѣ замѣняетъ є передъ твердою согласною или передъ такою мягкою согласною, за которой не слѣдовали ни ь неслоговое, ни неслоговое ирраціональное *і*, ею обозначается дифтонгическое сочетаніе ій, которое не можетъ восходить къ общерусскому *е* долгому. Такое ѣ находимъ напр. въ именахъ заимствованныхъ изъ греческаго черезъ посредство церковнаго языка: въ главѣ 4-ой были указаны примѣры и объяснено, что *ѣ*, т. е. дифтонгическое сочетаніе іа—іе' (послѣднее передъ мягкими согласными) замѣнило въ живомъ языкѣ церковное произношеніе звука *е* какъ е' (не только передъ мягкими, но и передъ твердыми согласными). Таково же происхожденіе ѣ въ цер-

ковномъ словѣ вѣтхыи, ср. Гал. ев. 1266—1301: вѣтъхы мѣхы, Поуч. Ефр. Сирина 1492 г.: вѣтхаго (Собол. 21, 53), а также въ словахъ съ основою на -ес: Ирмолой XII—XIII в. нєбѣсъ, Тип. ев. XIII в. № 6: ꙁълѣ словѣсить, съ нєбѣсѣ (Собол. 16, 13). Въ словахъ какъ жьрцѣмъ Тип. ев. XII в. № 7, словєсѣмъ и словєсѣмь дат. мн. Тип. ев. XIII в. № 6 объясняю себѣ ѣ вм. є тѣмъ, что писецъ въ живомъ употребленіи не могъ провѣрить этихъ формъ (рус. жьрцомъ); тоже относительно род. ед. нєбєсѣ, словєсѣ, оуєсѣ, тєлєсѣ, мѣс. ед. на нб҃сѣ, о словєсѣ, о отроуатѣ—формъ постоянно являющихся въ Тип. ев. XIII в. № 6, ср. на жьрѣбатѣ въ Гал. ев. 1266—1301: въ живомъ языкѣ того времени было бы нєбєси, отроуати, если бы эти слова были вообще употребительны въ разговорной рѣчи. Слова обѣщьника Гал. ев. 1266 1301, обѣщиници Полик. ев., обѣщѣнье, приобѣщися въ Поуч. Ефр. Сир. въ живомъ языкѣ были также неупотребительны, и ѣ не выражаетъ звука существовавшаго въ разговорной рѣчи; ивѣнѣ Тип. ев. XII в. № 7, Тип. XIII в. № 6, Поликар. ев., ивѣю (вм. ивью) въ Луцк. ев. XIV в. также представляетъ букву ѣ, употребленіе коей въ живомъ языкѣ, очевидно, не провѣрено. Кромѣ того замѣчу, что ѣ (ie[1]) въ окамѣнєло Луц. ев. XV в. является может быть подъ вліяніемъ камѣнь, ср. малор. окамінытьі (превращать въ камень) или укорінывся (Драгом. 27) подъ вліяніемъ корінь; въ словахъ ѣщє Хут. служ. XIII—XIV в., Полик. ев., ѣдиной, ѣдинѣнии Хут. служ. буква ѣ обозначаетъ звуки je[1], ср. ея значеніе ie[1]. Въ частицѣ нѣ (нѣ имъıи, нѣ ужаснитєся, нѣистовъ, нѣ умрѣть, нѣ много, нѣ смъıсльна и т. д.), вм. ожидаемаго нє, находимъ ѣ вм. є: но что ѣ стоитъ здѣсь вмѣсто є не-графически, видно изъ совр. малор. ні, являющагося какъ вмѣсто великорусскаго и древнерусск. ни, такъ и вмѣсто нѣ (ср. ні вм. ни въ случаяхъ какъ ні—ні, ні з того ні з сёго, ні вм. нѣ: ні для чóго, нічóго и т. д.), при чемъ слѣдовательно общерусское *нѣ* замѣнило въ малор. нарѣчіи отрицаніе *ни*.

Звукъ дифтонгическаго сочетанія *іе* обозначался въ галицковолынскихъ памятникахъ не только буквою ѣ, но и буквою є (ѥ); такъ мы находимъ напр. въ Добриловомъ ев. 1164: светъ, на мѣсте, будѥть, гонѥнию, знамѥнью, Тип. ев. № 7: о всехъ, ныне, чловечьскыи, Холм. ев. медницю, севера, Хут. служеб.: грехъ, вечныи, Луц. ев.: дела, отъвеща, последнии и т. д. Возможность выражать буквою ѣ звукъ *іе* въ галицковолынскихъ памятникахъ явилась слѣдствіемъ церковнаго произношенія, которымъ читались наши старинныя книги: церковныя ѣ и є одинаково произносились какъ е' и это имѣло слѣдствіемъ смѣшеніе буквъ є и ѣ въ церковныхъ текстахъ. Такой именно взглядъ на употребленіе є вм. ѣ въ древнерусскихъ памятникахъ особенно удобно обосновать при изученіи галицковолынскихъ рукописей. Послѣ изслѣдованій г. Соболевскаго всякому ясно, что звукъ *ѣ* въ живомъ языкѣ лицъ писавшихъ эти рукописи не совпалъ со звукомъ *е* и что буква ѣ обозначаетъ именно звукъ *ѣ* отличный отъ звука *е*: слѣдовательно смѣшеніе буквъ є и ѣ не могло быть слѣдствіемъ фонетическихъ явленій живаго языка; объясненіе такого графическаго явленія должно искать внѣ этого живаго языка и очевидно въ церковнослав. языкѣ нашихъ предковъ. Что совпаденіе звуковъ *е* и *ѣ* имѣло мѣсто именно въ немъ, видно изъ тѣхъ же галицковолынскихъ текстовъ, ибо въ нихъ звукъ *ѣ* церковнаго слова, произношеніе котораго не могло быть провѣрено въ живомъ языкѣ, правильно и постоянно выражается черезъ є, ср. написанія словъ какъ чрево, умрети, мрежу, посредѣ, телесе, престолу, о тебе, въ тебе, къ себе, не бѣде, зело, повеленью (тоже церковное слово) и т. д. въ разныхъ галицковолынскихъ памятникахъ, не смѣшивающихъ буквъ є и ѣ въ своихъ, русскихъ словахъ.

Въ галицковолынскихъ памятникахъ XIV—XV в. видимъ измѣненіе дифт. сочетанія *іе* въ *і*: сюда относятся случаи какъ: у дому своимь, о словеси моимь, нестроиньи, по убиньи, сильныхъ (вм. сельныхъ) въ Пут.

ев. Лекціи Соболевскаго[2] с. 72, въ селѣ твоимь въ Часословѣ XIV-го вѣка, приспикъши мощи, пишить 3 ед., радуиться 3 ед., разлучинья въ Поученіи Ефр. Сирина 1492 года; въ свѣтскихъ памятникахъ находимъ: зап. при Холм. ев. 1376: при калисти єпспи, гр. 1393: шисть кобылъ, гр. 1366: шистьцатого, гр. 1359: шистдесатъ, гр. 1401: нарожиньємъ, гр. 1407: слузи нашему, лисы, прикисити и т. д. И такъ видимъ, что въ *і* перешло діалектически всякое *и* какъ изъ первоначальнаго *іе*, такъ и изъ первоначальнаго е[1] долгаго. Тамъ гдѣ буква и вм. ѣ является въ другихъ болѣе раннихъ памятникахъ, она обозначаетъ, повидимому, звукъ *і* не изъ *іе*, а изъ е[1], при чемъ е[1] въ церковныхъ словахъ замѣнялось въ живомъ произношеніи звукомъ *іе* (пишется ѣ) или звукомъ *і* (буква и): Тип. ев. XIII в. № 6 съвѣдитѣль, Гал. ев. 1261—1301: примудрость, приступають, прилюбы, вифлиомъ, єлисавить, Холм. ев. XIV в.: кисарєвъ, Указ. ев. чт. XIII в.: придъ, придана, парфинья, Поликарп. ев.: параскиvги, генисаритьскы, припоиєлася, притъкнєши, Луц. ев.: влахирнѣ, макавии.

Дифтонгическое сочетаніе *ио* съ его діалектическими измѣненіями изображается въ галицковолынскихъ памятникахъ обыкновенно буквою о, рѣже буквами оо: о одєжахъ коовуихъ, за коовьца Гал. ев. 1266—1301 (ср. ковьцѣ тамъ же, о ковцахъ Поликарп. ев.), коо́ца, коо́ци Полик. ев. 1307 г. Переходъ этого сочетанія въ *у* имѣлъ мѣсто только уже въ позднѣйшемъ языкѣ (съ XIV в.): въ сукутныи Тип. ев. XIII в. № 6 вижу лишь графическую ошибку подъ вліяніемъ *у* въ предшествующемъ слогѣ. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ XIV в. находимъ ѵ на мѣстѣ древняго дифтонга, при чемъ конечно ѵ выражаетъ звукъ *у*, явившійся діалектически вм. *ио* черезъ посредство *уо*: гр. 1359: друздъ, унукумъ, гр. 1366: добровулью, гр. 1378: столпувьскыи, торгувла (ср. гл. *у* въ угрорус. годувля Ogonowski 30, гл. *і* въ совр. малор. малор. покрівля́, окрівля, вкрівля, у Закрев. зімівля, при кровля, зимовля); таково же ѵ въ Пересоп. ев. XVI в.:

фарисеоукь 17, поульноуи 18, тоуи 21, стоуи 38 кроӯ 17 и т. д.

Дифтонгическія сочетанія ӥӧ (изъ ô долгаго), ӥо (изъ *о* долгаго послѣ смягченныхъ согласныхъ) кромѣ обычнаго обозначенія черезъ є, о подъ вліяніемъ письменной традиціи выражаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ черезъ ю, при чемъ слѣдуетъ обратить вниманіе, что при такомъ ю не находимъ ү вмѣсто дифтонгическаго сочетанія явившагося изъ ô (послѣ твердыхъ согласныхъ), и это вѣроятно объясняется тѣмъ, что въ языкѣ рядомъ съ ӥӧ, ӥо существовало не *уо*, а *ыо*. Срав. въ Тип. ев. XIII в.: ютюрь, Часословъ XIV в.: въ твоюмь (ӥӧ новое замѣнившее іе¹); тоже въ грамотахъ: гр. 1378: нестюрь, грошювь, по божьюмъ мѣс. ед. ср. р. (ӥо новое), гр. 1407: ү нашюмъ мѣс. ед. муж. р. (ӥо новое) и др. Въ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ грамотъ и именно въ тѣхъ, въ которыхъ *ио* замѣнилось звукомъ *у*, буква ю въ такихъ случаяхъ, можетъ быть, обозначаетъ звукъ *у* (или ӥ) въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ, звукъ смѣнившій съ теченіемъ времени дифтонгическія сочетанія ӥӧ и ӥо. Тоже слѣдуетъ сказать объ ю напр. въ Пересоп. ев.: женцюмь 15, ѡплюль 16, оуздоровлюнь 18, написню̄ 26, нюсль 21 (послѣ шипящихъ также оү: коудыщоӯ 16).

Обращаюсь къ исторіи измѣненія дифтонговъ іӓ, іе¹, ӥӧ, ӥо, *ыо* въ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Остановлюсь прежде всего на томъ обстоятельствѣ, что во всѣхъ современныхъ говорахъ мы вмѣсто этихъ дифтонговъ находимъ одинъ звукъ: только въ сѣверномалорусскихъ говорахъ сохраняется дифтонгъ. И эта особенность сѣверномалорусскихъ говоровъ стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣло въ этихъ говорахъ удареніе при измѣненіи гласныхъ звуковъ: дифтонгъ сохраняется только подъ удареніемъ и переходитъ въ монофтонгъ въ неударяемомъ слогѣ. Означенная черта вокализма сѣверномалорусскихъ говоровъ, ставящая измѣненіе звука въ зависимость отъ ударенія, рѣзко от-

личаетъ ихъ отъ остальной малорусской семьи, сближая ихъ съ говорами восточнорусскими (бѣлорусскими и южновеликорусскими). Принимая же во вниманіе, что сѣверномалорусскіе говоры имѣютъ и другія черты общія съ сосѣдними восточнорусскими говорами какъ то нерѣдкое употребленіе ё вм. *э*, появленіе *е* и *і* вм. *э* и *ы*, неударяемое *е* вм. *я*, твердое *р*, а также спорадическое аканье и дзеканье, можно съ увѣренностью предполагать, что особенность ихъ отличающая и состоящая въ подчиненіи исторіи гласныхъ звуковъ ударенію заимствована изъ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говоровъ. А потому я не рѣшился бы видѣть въ сѣверномалорус. дифтонгахъ архаизмы сравнительно съ монофтонгами украинскихъ, галицкихъ и карпатскихъ говоровъ, а полагаю, что дифтонги эти сохранились не какъ архаизмы, а подъ вліяніемъ сосѣднихъ бѣлорусскихъ нарѣчій, въ которыхъ древнія *іе*, *уо*, *юо* остались безъ измѣненія (о нихъ мы говорили выше с. 97).

Мнѣ представляется именно, что сѣверные малороссы по происхожденію своему большею частью племя восточнорусское, испытавшее на себѣ вліяніе малорусскаго племени, что большинство сѣверномалорусск. говоровъ — это говоры бѣлорусскіе или частью южновеликорусскіе, подвергшіеся сильному малорусскому вліянію; малорусскія племена, поселившіяся среди и рядомъ съ восточнорусскими и оказавшія на нихъ вліяніе, въ свою очередь измѣнили свой языкъ, сблизивъ его съ тѣмъ смѣшаннымъ говоромъ, который образовался при столкновеніи племенъ восточно и западнорусскихъ. Въ бѣлорусскихъ говорахъ, а также примыкавшихъ къ нимъ южновеликорусскихъ, дифтонгическія сочетанія сохранялись въ положеніи подъ удареніемъ: но съ теченіемъ времени чередованіе ударяемыхъ *уо*, *юо*, *іе* съ неударяемыми *а*, *я* (*і*) вызывало смѣну названныхъ дифтонговъ звуками *о*, *ё*, *е*, которые вообще отвѣчали въ положеніи подъ удареніемъ звукамъ *а*, *я* (*і*) въ слогахъ неударяемыхъ. И только въ южныхъ бѣлорусскихъ говорахъ до

сихъ поръ сохраняются эти дифтонги подъ удареніемъ; они сохранялись и сохраняются до сихъ поръ въ тѣхъ бѣлор. говорахъ, которые приняли малорусскую окраску, при чемъ сохраненіе ихъ было тѣмъ естественнѣе, что съ одной стороны влiявшiе на нихъ чисто малорусскiе говоры представляли въ соотвѣтствiи имъ звуки ряда *у—і*, явившiеся какъ результатъ измѣненiя дифтонговъ *уо*, *юо*, *іе*, съ другой въ неударяемыхъ слогахъ имъ стали соотвѣтствовать подъ вліяніемъ тѣхъ же говоровъ тѣ же звуки ряда *у—і* съ одной стороны, звуки *о* и *е* съ другой: при куонь являлось коня́, а не каня́, при на туом являлось добрум, а не добрам, добром. Но исторія бѣлорусскихъ дифтонговъ пошла въ принявшихъ малорусскій характеръ говорахъ тѣмъ же путемъ, какъ она шла въ чисто малорусскихъ говорахъ: не смотря на лежавшее на нихъ удареніе, они подвергались различнымъ измѣненіямъ въ составныхъ частяхъ своихъ, а также стяженію. Такимъ образомъ слѣдуетъ отличать: 1) исторію исконныхъ малорусскихъ дифтонговъ въ говорахъ чисто малорусскихъ, 2) исторію дифтонговъ въ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ, подвергшихся малорусскому вліянію. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ я дамъ лишь самый общій очеркъ тѣхъ переходныхъ ступеней, которыя привели къ слышимымъ теперь звукамъ: мнѣ совершенно недостаетъ личныхъ наблюденій въ области относящихся сюда явленій, и приходится поэтому повторять лишь то, что каждый найдетъ въ изслѣдованіяхъ Потебни, Житецкаго, Огоновскаго и др.

Дифтонги іи̯, іе[1] въ общемалорусск. языкѣ перешли въ *і*, при чемъ *і* непосредственно изъ *іі*; это указываетъ несомнѣнно на преобладаніе перваго элемента дифтонга надъ вторымъ: общемалор. формами слѣдуетъ поэтому признавать совр. укр. и галиц. ліс, віра, цілуваты, вінок, чоловік, на столі, у хаті; также шість, сім, вэсілля (укр.), піч, камінь, всій дат. ед. и т. д. Только въ нѣкоторыхъ галицкихъ и карпатскихъ говорахъ мы вмѣсто *і* находимъ *je* послѣ губныхъ и *е* смягчающее

предшествующую согласную послѣ другихъ согласныхъ: вјера, мјера; въ нѣкоторыхъ же говорахъ является и *е* несмягчающее предшеств. согласной можетъ быть только послѣ извѣсныхъ согласныхъ: карп. нэвэст*е* дат. мѣс. ед. нэбэ мѣс. ед., горэ, столэ мѣс. ед. (Ogonowski Studien 28). Думаю, что это *е* (откуда *э*) запмствовано изъ сосѣднихъ говоровъ польскихъ или словацкихъ.

Дифтонгъ *ѣо* въ общемалорусск. языкѣ перешелъ въ ііо̆, при чемъ въ этомъ явленіи слѣдуетъ видѣть вліяніе звука *о* на предшествующее *ѣ* и ассимиляцію его же звуку іі, т. е. *ѣо* измѣнилось въ іiо, откуда ііо̆. Согласныя передъ этимъ іі въ большинствѣ говоровъ остались твердыми, но діалектически они смягчились передъ іі. Въ говорахъ, гдѣ передъ такимъ іі согласныя смягчились, исторія ііо̆ новаго происхожденія совпала съ исторіею какъ первоначальнаго дифтонга ііо̆ (изъ о̆ долгаго), такъ и дифтонга ііо, явившагося изъ о̄ въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ, при чемъ ііо измѣнялось въ ііо̆. Дифтонгъ ііо, гдѣ іі смягчало предшествующую согласную, измѣнялся въ общемалор. языкѣ въ іі черезъ посредство ііі, при чемъ слѣдовательно второй элементъ дифтонга ассимилировался первому (это указываетъ на перевѣсъ перваго элемента дифтонга надъ вторымъ). Дальнѣйшее измѣненіе звука іі, смягчившаго предшеств. согласную, принадлежитъ уже не общемалорусскому языку, а имѣло мѣсто въ отдѣльныхъ его говорахъ. Въ большинствѣ говоровъ іі смѣнилось звукомъ *і* смягчающимъ предшеств. согласную: укр. и галиц. прытік, прыніс, вів, тітка, плітка; жінка, вэчір; также галиц. а вѣроятно діалектически и укр. дім, стів, ніс, кінь, лій и т. д. съ согласными передъ *і* мягкими. Но въ нѣкоторыхъ угрорусскихъ говорахъ, а именно преимущественно у Лемковъ, а также и въ другихъ говорахъ, іі смягчающее предшествующую согласную, измѣняется въ *ю* (звукъ *у* за мягкой согласной): люд, втюк, мјуд, вјуз (Ogonowski 31); тотъ же звукъ діалектически и тамъ гдѣ звукъ іі, смягчающій предшествующую согласную,

замѣнилъ ô: вјуд вм. отъ (предлогъ), вјувця, бјуг (Срезневскій Мысли[2] с. 37), ср. общемалор. від-, вівця, біг.

Въ говорахъ, гдѣ ů въ ůô не смягчило предшествующей согласной, звукъ ů, явившійся вмѣсто этого ůô, также не смягчалъ согласной и переходилъ въ *і* не смягчающее предшествующей согласной. Такое *і* находимъ въ украинскихъ, а также вѣроятно въ нѣкоторыхъ галицкихъ говорахъ, при чемъ эти самые говоры, повидимому, сосѣдятъ между собою (западноукр. и восточномалор.): ніс, дім, піп, він, міст, кінь съ твердыми согласными передъ *і*; лишь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ смягченію подвергаются передъ такимъ *і* гортанные: кіл, кіт съ *к* мягкимъ у гуцуловъ. Говоры эти окружены другими, измѣнившими *і* изъ ů несмягчающаго предшествующей согласной, въ звукъ *ы* (средній звукъ между *ы* и *і*): такое *ы* находимъ съ одной стороны въ нѣкоторыхъ угрорусскихъ говорахъ: дым, пып, сыль, вын съ *ы* среднимъ, при чемъ за гортанными является *ы*=великор. *ы*: гыркый, кырка (Срезневскій, Русь Угорская 13); въ говорѣ же Лемковъ *ы* = великор. *ы* видимъ діалектически и послѣ другихъ согласныхъ: сыль, выв, грым (Ogonowski 34); съ другой стороны *ы* (т. е. *и* среднее) находимъ въ нѣкоторыхъ восточныхъ и сѣверныхъ украинскихъ говорахъ: ныс, сыль, ср. въ Грамматикѣ Павловскаго 1818 г.: лый, паныв, гарный дат. ед. Наконецъ въ угрорусскихъ говорахъ ů мѣстами перешло въ *у* (ср. *ю* вм. ů смягчающаго предшеств. согласную): радусть, стуй (Ogonowski 30), вузъ, вулъ и вунъ, завудъ (Берег. комит. Драгомановъ 404—405).— Въ Пересоп. ев. XVI, гдѣ при стоуй, поульноуи и др. видимъ *і* или *ы* напр. въ видповѣдаю (с. 56), буквы оу, ү можетъ быть обозначали звукъ ů несмягчающій предшеств. согласную, переходившій при извѣстномъ положеніи (напр. послѣ *в* или неслогового *у*) въ *ы*.

Обращаюсь къ исторіи дифтонгическихъ сочетаній въ сѣверномалорусскихъ говорахъ, въ которые, повторю еще разъ, они проникли изъ сосѣднихъ бѣлорусскихъ

говоровъ. Какъ указано выше, они сохраняются только въ положеніи подъ удареніемъ, при чемъ въ большинствѣ говоровъ, сохранившихъ обѣ части дифтонгическихъ сочетаній неизмѣненными, удареніе падаетъ не на первую, а на вторую часть дифтонгическ. сочетанія. Въ Сѣдлецкой губерніи есть однако говоры, въ которыхъ дифтонги *іе*, *uo* звучатъ ȷ̀je, ȕo: лȷ̀јес, вȷ̀јетры, рȷ̀јена, свȷ̀јетъ, бȷ̀јелы, мнȷ̀је, доцдȷ̀је; кӯонь, бӯог, стӯол, кӯошка, нюс, здалюок, завјӯол. привјӯоз (Житецкій въ Очеркѣ звуковой исторіи малор. нарѣчія, Янчукъ въ Малорусской свадьбѣ); впрочемъ въ той же губерніи есть говоры, представляющіе дифтонги ije̊, uȯ: дiјевка, вiјѐтэр, рыјѐчка, корчмiјѐ, куȯнь, муȯст, лебјуȯдка и т. д. Думаю, что чередованіе ȷ̀je, ȕo съ ije̊, uȯ въ сѣверномалор. говорахъ обязано вліянію восточнорус. говоровъ: въ однихъ изъ нихъ сохранялся болѣе древній типъ съ удареніемъ на первой части, въ другихъ чередованіе съ звуками ряда *е*, *о* въ слогахъ неударяемыхъ и также ударяемыхъ въ положеніи не передъ конечной согласной (куонь—каня̇—ко̇ни) вызывало перевѣсъ звуковъ *е* и *о* во второй части дифтонга и переносъ на нихъ ударенія; до сихъ поръ, какъ указано въ прил. къ 8-ой главѣ, можно найти бѣлорус. говоры съ ӯо, ȷ̀je.—Говоры, въ которыхъ удареніе сохранялось на первой части дифтонга, ассимилировали этой части гласную втораго элемента: вм. *іе* являлось *і* черезъ посредство *іі*: вiтер, дiти, бородi, на конi и т. д.; вм. *uo* являлось uö (ср. *уэ*, указываемое нѣкоторыми изслѣдователями, напр. вуэл, руэд) и далѣе uü: uü измѣнялось въ *uі*: ср. вуiл (Очеркъ Житец.), куинь (Мысли Срезневскаго[2] 44), пуiнъ, буiгъ, руiдъ (Грамм. Павловскаго 1818 г., с. 2: такъ говорятъ „ближайшіе къ Литвѣ и грубѣйшіе Малороссіяне"), луiй (тамъ же с. 6); также вм. *јuo* явилось *јuі*: прывјуiз, оддалюiк (Житец.). Дифтонгъ uü въ нѣкоторыхъ говорахъ измѣнился въ üi черезъ посредство üü: рюiдный (Житецкій), сюiль (Павловскій 2). Дифтонгъ *уа* въ дiалект. буаг и др. слѣдуетъ, думаю, прямо выводить изъ бѣлорусскаго. Подобно

какъ въ общемалорусскомъ языкѣ, сѣверномалорусскіе дифтонги съ удареніемъ на первомъ элементѣ своемъ стягивались въ монофтонгъ: *іе*, какъ указано выше, въ *і*, *ио* въ *и*, напр. у Пинчуковъ: кунь, суль, вун, вуз, также въ Черниговской губерніи: втум, вуп, тулько, жунка, пуп, буг, однуй; *јио* въ *јu*: весюол, зелюн, люг. Дифтонгъ *ыі* стягивается въ *ы*, напр. Кобр. уѣздъ Грод. губ.: мый, плытъ, нычку, стый (Жив. Стар. I и II); дифтонгъ ůі въ *і*, ср. въ разныхъ мѣстахъ сѣверномалор. нарѣчія спорадическія він, жінка, піду, также Кобр. Біг, мій, нерідная; дифтонгъ ůо послѣ шипящихъ въ *ы*: Пинчук. жынка (не жунка). Дифтонгъ ůö, стянувшись въ ů, получалъ передъ собою въ нѣкоторыхъ говорахъ твердыя согласныя вмѣсто мягкихъ, вслѣдствіе чего вм. ů являлось *у*: твердыя согласныя перенесены изъ тѣхъ формъ, въ которыхъ за ними слѣдовалъ звукъ *е* (*э*): принус, луг вм. принюс, люг въ Козел. у. Черниговской губ. (Замѣтки Потебни) подъ вліяніемъ нэсла, лэгла. Дифтонгъ ůі изъ uů также стягивается въ ů, передъ которымъ согласныя являются мягкими, отсюда *ю*: плют, гюрка, дрюбны, вјул, хвјуст. Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ дифтонгическое сочетаніе *іје* имѣетъ удареніе на *е*, находимъ рядомъ съ *іје* сочетаніе *је*, какъ напр. Заблуд. сјети, сјено, собје, летје, поцјеки (Замѣтки Потебни), запад. часть Грод. Губ. вјецер, вјеяци, чоловјек, тобје (Афанасьевъ I № 48 при вуонъ, буось, постуо̂й). При такихъ же условіяхъ уо̂ могло измѣниться въ *о*, при чемъ рядомъ съ *о* являлось вм. *іје* не *је*, а *е* смягчающее предшествующую согласную: таковъ малорусскій говоръ Пружанскаго уѣзда Грод. губ. описанный Потебнею (Замѣтки 101—104), гдѣ найдемъ вон, конь, пырог и рядомъ дед, человек, хлеба (но тэля, увэсь, мэнэ).

Въ неударяемыхъ слогахъ дифтонгическимъ сочетаніямъ и замѣнившимъ ихъ монофтонгамъ соотвѣтствуютъ въ сѣверномалорусскихъ говорахъ звуки *е* (обыкновенно въ серединѣ слова), рѣже *і* (обыкновенно въ конечномъ открытомъ слогѣ), а также въ положеніи послѣ ударе-

нія *у* и *ю*: Кобрин. у. несок, беда, деуча, Пинчук. дедо́к, летовало, белила, грехи при обіді (Карпинскій, Р. Ф. В. 1888 г. № 1); Кобр.: въ сосновумъ, молодэнькуй, Пинчук. гэтумъ, вуйна, на синюмъ и т. д.; магайбу, про́бу, далыбу́ (при да́лыби, спалыбі) у Павловскаго въ Грам. 88, 32.

Въ заключеніи этой главы считаю необходимымъ указать на тѣ дифтонги, существующіе или существовавшіе, а теперь перешедшіе въ монофтонги, въ говорахъ малорусскаго языка, происхожденіе которыхъ ничего общаго съ происхожденіемъ только что разсмотрѣнныхъ дифтонговъ не имѣетъ. Говорю о дифтонгахъ, развившихся лишь въ позднѣйшемъ языкѣ подъ вліяніемъ нёбности согласной, не сочетавшейся съ слѣдующею гласною. Въ главѣ 9-ой было указано, что мягкія согласныя передъ *і* и *е* измѣнились въ твердыя въ связи съ переходомъ этихъ звуковъ въ *ы* и *э*: языкъ утратилъ такимъ образомъ сочетанія мягкая согласная + мягкая гласная, сохранивъ однако мягкія согласныя передъ гласными *і* и ǔ, смягчающими предшествующія согласныя, въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ *іе*, ǔǔ. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ подверглись измѣненію и сочетанія мягкая согласная + твердая гласная (*а*, *і*, *э* нов. происх.): между нёбной согласной и слѣдующей твердой согласной появился промежуточный звукъ į, а изъ этого į подъ продолжавшимся вліяніемъ предшествующей нёбной согласной образовался звукъ *і* слоговой, при чемъ новое сочетаніе *tia* такъ относится по звуку къ *ta*, какъ сочетаніе *tie* (*іе* изъ e' долгаго или изъ общеслав. *іе*) къ *tə*. Т. е. переходъ t'e, d'e, t'i, d'i въ tэ, dэ, ty, dy вызывалъ возможность измѣнить t'a, d'a въ ta, da, почему слоги t'a, d'a, избѣгая такого перехода, переходили въ tia, dia черезъ посредство tįa, dįa. Такіе новые дифтонги имѣли судьбу аналогичную съ судьбой *іе*, ǔö, *ио* и т. д.

Дифтонгъ *іе* новаго происхожденія являлся изъ *е* въ положеніи послѣ мягкой согласной: t'e, какъ мы знаемъ,

обращалось въ малорусскомъ нарѣчіи въ tэ; въ послѣднемъ сочетаніи согласная твердая могла замѣняться мягкою подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ родственныхъ образованій, и вновь возникшее сочетаніе t'e, чтобы не измѣниться въ tэ, переходило въ tie черезъ посредство tje. Новый дифтонгъ *ie* такого происхожденія долженъ былъ затѣмъ перейти въ малорусскихъ говорахъ, измѣнившихъ вообще дифтонгъ *ie* въ *i*, въ звукъ *i*. Такое *i*, указывающее на *ie*, находимъ во многихъ малорусскихъ говорахъ: сюда относятся случаи перечисленные въ 9-ой главѣ, какъ ковій, грошій, вирій, соловій, третій, совічко и т. д. Звукъ *ie* сохранился въ нѣкоторыхъ сѣверномалор. говорахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, дифтонги уцѣлѣли въ ударяемыхъ слогахъ: ср. въ корницкомъ говорѣ Константиновскаго уѣзда Сѣдлецкой губерніи: дитіей, людіей, госьціей, сьвиніей, ушіей, очіей и т. д. (Янчукъ въ Малорусской свадьбѣ).

Дифтонгъ *ia* новаго происхожденія является изъ *a* при сочетаніи его съ предшествующей мягкою согласною: такой дифтонгъ сохранился подъ удареніемъ въ современномъ корницкомъ говорѣ, гдѣ находимъ: сіадуть, перстеніами, гуліати, всіа, князіата, кутіа, ніанька, крыльціа (*ц* въ этомъ говорѣ мягко), чіасъ (*ч* въ этомъ говорѣ теперь твердо), мищіане (*щ* теперь твердо), жіаль (*ж* теперь твердо), шіапоньку (*ш* теперь твердо), ріадъ (*р* теперь твердо, чит. почти рыадъ) и т. д. Г. Янчукъ указываетъ, что въ началѣ слова, а также послѣ гласныхъ и ъ, *я* съ удареніемъ остается неизмѣненнымъ: якъ, язь, троякъ, стояти, пьяны и т. д., тоже послѣ губныхъ; короче и точнѣе *a* измѣняется въ ia въ положеніи послѣ нёбныхъ согласныхъ, но сохраняется послѣ *j* и ʝ (за губными слѣдуетъ *j*: пьять); послѣднее обстоятельство не нуждается въ поясненіи послѣ того что сказано выше о происхожденіи дифтонга *ia*. Конечно, сохраненіе дифтонга *ia* подъ удареніемъ въ корницкомъ говорѣ вполнѣ аналогично сохраненію дифтонговъ *ie*, *uo*, ůö, ůo и т. д. въ другихъ сѣверномалор. говорахъ. По-

этому въ другихъ не сѣверныхъ говорахъ вм. дифтонга *ia* должно искать монофтонги, подобно какъ монофтонги являются въ нихъ вмѣсто прочихъ дифтонговъ. Дифтонгъ *ia* въ такихъ говорахъ ассимилировалъ второй элементъ первому очевидно преобладавшему: *a* подъ вліяніемъ *i* измѣнилось въ ӓ. Дифтонгъ іӓ въ однихъ говорахъ переходилъ въ ӓ вѣроятно черезъ посредство ӓӓ изъ еӓ вм. іӓ: это ӓ сохранялось послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, *дж*, но послѣ мягкихъ согласныхъ измѣнялось въ *a*, ср. въ галицкихъ говорахъ, изъ которыхъ записаны въ сборникѣ Головацкаго нѣкоторыя пѣсни: жӓль 56, опроваджӓли 55, счӓровала 68, пращӓти 69, шӓпки 69, дѣвчӓ 69, жӓлістно 195 и т. д. (при взяли, кровця, зазуля, напився тамъ же). Въ большинствѣ же говоровъ галицкихъ находимъ: 1) въ положеніи подъ удареніемъ вм. іӓ черезъ посредство еӓ — *e*: земле, тежко, счесте, коне; или черезъ посредство *ii* — *i*: щчісте, или черезъ посредство *iы* (*ы* — средній между *i* и *ы* звукъ) — *ы* (*i* среднее) смягчающее предшествующую согласную: кнызь, шчисте, јарчи, жиль, чис, богачи, 2) въ положеніи не подъ удареніемъ вм. іӓ является *i* черезъ посредство *ii*: сíмві, голóсіт (гуцул.), курі, гусіта, носі (3 л. мн.) (см. Огоновскій с. 44 и слѣд.). Галицкія *e*, *и*, *i* вм. *я* рѣшаюсь потому выводить изъ древняго дифтонга *ia*, что никакой другой причины измѣненія звука *a* послѣ мягкой согласной (безразлично отъ согласной слѣдующаго слога) я не нахожу. Кромѣ того на происхожденіе этихъ звуковъ въ галицкихъ говорахъ изъ *ia* ясно указываетъ сопоставленіе съ одной стороны *ia* корницк. говора въ словахъ какъ кніазь, жіаль и т. д. и *i*, *e* галиц.: внезь, жиль, съ другой корниц моја, јагода, стојати и галиц. моја, јагода, стојати: изъ предыдущаго ясно, почему при -тіа-, -ніа-, -ріа- и т. д. вм. тя, ня, ря мы находимъ въ корницкомъ говорѣ -ја-, причина лежитъ въ томъ, что дифтонгъ *ia* образовался при соединеніи нёбныхъ согласныхъ съ звукомъ *a*, къ каковымъ согласнымъ не могло принадлежать ј; если въ галиц. говорахъ

при -те-, -не-, -ре- вм. тя, ня, ря видимъ -ja-, объясняемъ это тѣмъ же, т. е. возводимъ те, не, ре къ тіа, ніа, ріа. Правда въ галицкихъ говорахъ находимъ *е*, *і* вм. *я* и послѣ губныхъ, тогда какъ въ корницкомъ говорѣ послѣ губныхъ *я* ударяемое не измѣняется въ *іа*, но обстоятельство это могло зависѣть отъ различнаго въ говорахъ произношенія мягкихъ губныхъ: p'atь или p'jatь измѣнялись въ piatь, откуда piatь и далѣе p'etь, p'itь измѣнявшіяся въ pjetь, pjitь (галиц.); pjatь же діалект. оставалось безъ измѣненія. Считаю нужнымъ обратить еще разъ вниманіе на то, что въ корницкомъ говорѣ *іа* сохраняется только подъ удареніемъ, замѣняясь черезъ *я* въ неударяемомъ слогѣ: очевидно сохраненію дифтонга способствовало удареніе, которое въ корницкомъ какъ и въ другихъ сѣверномалорусскихъ говорахъ получило преобладающее значеніе подъ вліяніемъ сосѣднихъ говоровъ восточнорусскихъ.

Въ главахъ 5—8 я изложилъ исторію измѣненій звуковъ *о* и *е* въ общерусскомъ языкѣ. Въ 9 и 10 главѣ указаны главнѣйшія черты исторіи этихъ звуковъ въ западно (т. е. мало-) русскихъ нарѣчіяхъ. Слѣдующія главы будутъ посвящены исторіи этихъ звуковъ въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ. При этомъ въ главахъ 11 и 12-ой я скажу о явленіяхъ независѣвшихъ въ своемъ началѣ отъ новаго закона объ удареніи, а именно объ измѣненіи звуковаго сочетанія *іе* (*ѣ*) въ восточноруских нарѣчіяхъ, а въ слѣдующихъ затѣмъ главахъ остановлюсь на новомъ законѣ объ удареніи въ этихъ нарѣчіяхъ и на вызванныхъ появленіемъ этого закона измѣненіяхъ въ нихъ гласныхъ *о* и *е*.

Глава 11-ая.

Звукъ и буква ѣ въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ (свидѣтельство памятниковъ).

Звукъ *ѣ* въ общерусскомъ языкѣ звучалъ, какъ мы видѣли, какъ дифтонгическое сочетаніе *іе*, но съ теченіемъ времени исторія звука *ѣ* совпала въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ съ исторіею звука *е*, т. е. привела къ полному совпаденію звуковъ *ѣ* со звуками *е*. Совпаденіе это не можетъ принадлежать общерусской эпохѣ: дѣйствительно, западнорусскія нарѣчія, какъ было показано въ главѣ 10-й, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что въ общерусскомъ языкѣ сохранялось между обоими звуками строгое различіе. Эти же нарѣчія указываютъ на то, что въ теченіе всей общерусской эпохи звуки *ѣ* звучали какъ дифтонгическія сочетанія *іе*, при чемъ я не сомнѣваюсь въ томъ, что *е* въ этихъ сочетаніяхъ, сохраняясь открытымъ передъ слѣдующимъ твердымъ слогомъ и въ концѣ словъ, переходило въ е' въ положеніи передъ мягкою согласною. Такъ слова міера, віесъ, міесто, сіено, женіе, славіе имѣли *е* послѣ *і* открытое, а кліеть, міерити, сіени и т. д. *е* послѣ *і* закрытое, склонное къ *і*. И такъ сравнительное изученіе западно и восточнорусскихъ нарѣчій показываетъ, что совпаденіе звуковъ *ѣ* (т. е. дифтонг. сочетаній іе и іе') съ звуками *е* (*е* открытое и е') принадлежитъ лишь позднѣйшей эпохѣ жизни русскаго языка, — эпохѣ отдѣльной жизни обособившихся русскихъ нарѣчій. Такой выводъ встрѣчаетъ однако видимое противорѣчіе въ указаніяхъ, извлекаемыхъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго язы-

ка: мы находимъ въ нихъ, начиная съ Остр. ев. и Сборника 1073 г. употребленіе буквы є вм. ѣ и обратно, хотя и рѣже, буквы ѣ вм. є. Если видѣть въ такомъ употребленіи буквъ є и ѣ указаніе на смѣшеніе звуковъ *е* и *ѣ* въ говорѣ писавшихъ эти и подобные памятники, придется отнести ихъ къ эпохѣ, слѣдовавшей за распаденіемъ русскаго языка на восточно и западнорусскія нарѣчія и признать ихъ писанными въ области говоровъ восточнорусскихъ, ибо ни въ общерусскомъ языкѣ, ни въ западнорусскихъ говорахъ той отдаленной эпохи звукъ *ѣ* не совпадалъ съ *е*, а звучалъ какъ дифтонгическое сочетаніе *ie*. Кромѣ того, совершенно однородны со случаями употребленія буквы є вм. ѣ въ древнерусскихъ памятникахъ писанныхъ въ Кіевской, Новгородской и другихъ областяхъ восточной Руси случаи, такого же употребленія є вм. ѣ въ такъ называемыхъ галицковолынскихъ памятникахъ, ср. Добр. ев. 1164 г.: свєтъ, весы, на мєсте, нєсте, куръ вєспє и т. д., Тип. ев. XII вѣка № 7: нынє, купели, о всєхъ, Холм. ев. XIV вѣка: нєсте, сєвєра и др. Въ галицковолынскихъ, т. е. древнемалорусскихъ говорахъ звукъ *ѣ* звучалъ какъ дифтонгическое сочетаніе *ie*: это доказывается тѣмъ, что буква ѣ употребляется въ памятникахъ, писанныхъ галицковолынскими писцами, для выраженія дифтонгическаго сочетанія *ie* изъ *е* долгаго склоннаго къ *i* (случаи какъ камѣнь, пѣщь); слѣдовательно, выраженіе звука ѣ буквою є не можетъ служить указаніемъ на совпаденіе звуковъ є и ѣ въ одномъ звукѣ, какого совпаденія, какъ сказано, не могло быть въ галицковолынскихъ говорахъ. Отсюда вывожу, что употребленіе є вм. ѣ въ галицковолынскихъ памятникахъ не отражало звуковаго явленія, имѣвшаго мѣсто въ языкѣ, и должно быть или толкуемо какъ графическое явленіе, или получить какое либо другое объясненіе. Выводъ этотъ я распространяю на всѣ остальные памятники древняго языка XI—XII в., т. е. той эпохи, когда нельзя еще говорить о полномъ обособленіи восточно и западнорусскихъ нарѣчій. Нахожу

возможнымъ видоизмѣнить означенный выводъ еще ближайшимъ опредѣленіемъ. А именно, какъ графическое явленіе употребленіе буквъ є и ѣ въ такихъ памятникахъ объясняемо быть не можетъ; правда, въ галицковолынскихъ рукописяхъ буква є въ цѣломъ рядѣ словъ, списываемыхъ съ другихъ не галицковолынскихъ оригиналовъ должна была читаться какъ *іе* (напр. въ словахъ камєниѥ, камєнь, сєдмь, шєсть, въ мєни), и это могло бы вызвать употребленіе буквы є вм. *іе*, соотвѣтствующаго общерусскому *ѣ*, т. е. возможность выражать *іе* въ шіесть, сіедмь, каміень, буквою є могло бы вызвать возможность выразить *іе* въ сіено, біесы, ныніе тою же буквою є. Но если въ виду этого признать употребленіе буквы є вм. ѣ въ такихъ словахъ какъ сєвєра, бєсы, нынє явленіемъ графическимъ, то слѣдовало бы ожидать полнаго смѣшенія буквъ є и ѣ въ галицковолынскихъ рукописяхъ, ѣ должно бы употребляться вмѣсто є также какъ є вм. ѣ; между тѣмъ мы этого не видимъ, а напротивъ, какъ это показалъ А. И. Соболевскій, буква ѣ въ этихъ рукописяхъ употребляется только для выраженія дифтонгическаго сочетанія *іе*, вслѣдствіе чего ѣ вм. є мы находимъ въ опредѣленныхъ лишь случаяхъ, гдѣ въ живомъ языкѣ писцовъ дѣйствительно слышался дифтонгъ *іе*. Кромѣ того, если бы и возможно было объяснять є вм. ѣ въ галицковолынскихъ рукописяхъ графическимъ явленіемъ, то въ рукописяхъ принадлежащихъ другимъ областямъ Руси употребленіе є вм. ѣ было бы непонятно. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ большинствѣ рукописей XI—XII в. є вм. ѣ употребляется: 1) въ отдѣльныхъ не поддающихся опредѣленію случаяхъ, при чемъ рядомъ съ є является и правильное написаніе съ ѣ, 2) въ опредѣленномъ рядѣ случаевъ, при чемъ написанія съ є представляются обыкновенными, а ѣ, которое мы бы ожидали на основаніи памятниковъ старославянскихъ, является лишь въ видѣ исключенія. Разсматривая эти послѣдніе случаи, видимъ, что имѣемъ передъ

собою не чисторусскія слова и формы, а заимствованныя русскимъ языкомъ изъ языка церковнаго: сюда относятся прежде всего слова какъ врема, жреба, среда, предъ, треда, трево, брема и др., которымъ въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ веремя, жеребя, середа и пр., далѣе формы слова тѣло телесе, телеси, телеса, которымъ въ живомъ языкѣ соотвѣтствовали тѣла, тѣлоу; формы дат. и мѣс. ед. теке, себе вмѣсто которыхъ въ живомъ языкѣ тобѣ, собѣ и нѣкоторыя другія, требующія болѣе точнаго опредѣленія (отношу сюда напр. слово повеление). Въ виду этого и принимая во вниманіе также то, что є вм. ѣ находимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка, не освободившихся отъ сильнѣйшаго вліянія церковной графики (напр. употребляющихъ ж) и церковнаго языка, я вывожу, что причину употребленія буквы є вм. буквы ѣ слѣдуетъ искать въ церковномъ языкѣ того времени. Если предположить, что звукъ, соотвѣтствовавшій русскому звуку *ѣ*, звучалъ въ старослав. нарѣчіи, легшемъ въ основаніе нашего церковнаго языка, не какъ *іе*, а какъ монофтонгъ, а такое предположеніе, думаю, не можетъ встрѣтить затрудненій ни въ старослав. памятникахъ, ни въ дальнѣйшей судьбѣ старослав. нарѣчій, то придемъ къ заключенію, что церковное ѣ въ русскомъ правописаніи не могло передаваться дифтонгомъ *іе*, а должно было передаваться монофтонгомъ изъ ряда звуковъ *е*; принимая же во вниманіе, что въ русскомъ языкѣ изъ звуковъ ряда *е* были извѣстны лишь е[1], ŏ и ĕ, мы находимъ понятнымъ, почему монофтонгъ, замѣнившій въ старослав. нарѣчіи дифтонгъ *іе*, передавался въ русскомъ языкѣ звукомъ е[1]: очевидно, русское е[1] всего ближе передавало старославянскій звукъ. О дальнѣйшей судьбѣ церковнаго е[1] (изъ ѣ) въ словахъ, перешедшихъ въ живой русскій языкъ, было сказано въ главѣ 4-ой. Здѣсь ограничусь выводомъ, къ которому мы пришли: ѣ церковныхъ книгъ въ церковнорусскомъ произношеніи читалось какъ е[1]. Этотъ выводъ объяснитъ намъ то обстоятельство, что уже

въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей церковнорусской письменности буква ѣ можетъ замѣняться буквою є: русскій писецъ, переписывая текстъ, и встрѣчая слова съ буквою ѣ, передавалъ ихъ буквою ѣ всякій разъ какъ провѣрялъ слово въ своемъ живомъ произношеніи, ибо этою буквою ѣ онъ обозначалъ дифтонгическое сочетаніе *ie*, извѣстное въ его языкѣ; но когда текстъ переписывался машинально и написанное слово не провѣрялось въ живомъ произношеніи, или когда церковное слово не находило соотвѣтствія въ тождественномъ словѣ русскаго языка, буква ѣ передавалась буквою є: О. ев. нєсть, Сб. 1073: вєроуж 21c, єфєсє мѣс. ед. 23d, Іоудє дат. ед. 38c, роуцє вин. дв. 195d, всюшє 180c, прогнѣвающи 31c, Сб. 1076: вьсємъ, къ тємъ, сєбє (Къ исторіи рус. гов. Шимановскаго, с. 30), Чудов. рпсь XII в. (Слово Ипполита объ Антихристѣ, изд. Невоструева): прєдъ 6, жрєбѧ 15, 18, чрєвѣ 65, сєбє дат. ед. 10 и т. д., Іоаннъ Лѣств. XII в. Рум. Муз. № 108: прєжє 24a, чрєсла 36b, трєзвєниюмь 44a, въ сєбє 33a (ср. дат. ед. собѣ 24a), Сент. Минея 1095 (изд. Ягича): прєдъ, чрєва, врєда, извлєчє, тєлєси, тєлєсьноую, обитєли, на сєбє, на тєбє, къ сєбє, обрєтъ (слово церковное), обрєтєниє (тоже), младєньца (тоже) и др., 2-ая часть Жит. Θеод. XII в.: прєставлєниє, дрєвлнѣ, врємѧ, потрєбоу, прєсєливъшимъсѧ, сєбє мѣс. ед. и т. д. Среди памятниковъ XII вѣка есть такіе, которые имѣютъ є вмѣсто ѣ и въ чисто русскихъ словахъ: я думаю, что вообще памятники XI—XII в. по отношенію къ употребленію буквы ѣ должны быть раздѣлены на двѣ категоріи. Къ первой принадлежатъ памятники, при перепискѣ которыхъ замѣчалось внимательное къ работѣ отношеніе писцовъ, все писанное провѣрялось ими въ живой рѣчи: въ такихъ памятникахъ мы не найдемъ є вм. ѣ въ русскихъ словахъ, а только въ словахъ церковныхъ, сюда относятся напр. рпсь Іоанна Лѣствичника XII в. Рум. Муз., Слово Ипп. объ Ант. XII в. Чуд., Усп. рпсь XII в. (2-я часть ея). Ко второй категоріи отношу памятники, списанные

съ оригиналовъ болѣе механически безъ провѣрки переписываемаго текста въ живомъ произношеніи: въ нихъ буква ѣ вообще могла передаваться графически черезъ є, такъ какъ въ цѣломъ рядѣ словъ буквѣ ѣ оригинала соотвѣтствовалъ звукъ е въ живомъ произношеніи; сюда принадлежитъ напр. 1-ая часть Усп. ркписи XII вѣка № 175(18), въ которой, между прочимъ, помѣщены Ж. Бориса и Глѣба Іакова мниха и начало Житія Оеодосія; мы читаемъ здѣсь прєꙁвутєровє мѣс. ед., бєсовє, нєтєнєгомъ, понєдєлникъ и т. д. Но подобные случаи графической замѣны ѣ черезъ є въ большемъ или меньшемъ количествѣ слѣдуетъ искать во всѣхъ древнерусскихъ памятникахъ, такъ какъ даже при самомъ тщательномъ списываніи писецъ иной разъ не могъ обойтись безъ ошибки. Равнымъ образомъ въ древнерусскихъ памятникахъ XI—XII в. можно найти случаи графической замѣны буквы є буквою ѣ вслѣдствіе вышеуказанной причины, но вообще такіе случаи рѣдки и совершенно единичны: Сбор. 1073: сѣмь мѣс. ед. 47а, сицѣ 49а, истѧсѣмь 208d, Сбор. 1076: бѣсѣды, вѣдомоѥ, бєꙁмѣрьноѥ Шимановъ. 31, Жит. Бориса и Глѣба ꙁѣмлѧмъ 16d. Въ Сент. Минеѣ 1095 г. буква ѣ вм. є является между прочимъ въ словахъ церковныхъ, произношеніе которыхъ не могло быть провѣрено въ живомъ языкѣ: дрѣвлє 13, 52, дрѣвьниї 14, урѣвѣса 81, с нѣбсѣ 13, 20, нєиꙁдрѣчєньно 83; форма тєбѣ обозначаетъ род. и вин. ед. въ цѣломъ рядѣ случаевъ (изд. Ягича с. 74, 156, 110, 89, 105, 35, 160, 206, 211, 228, 231, 234), при чемъ думаю тєбѣ стоитъ вм. тєбє оригинала подъ вліяніемъ того, что тєбѣ дат. мѣс. ед. оригинала передавалось этимъ же писцомъ черезъ тєбє (ср. выше) и тєбѣ.— Наконецъ, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ XII в. буквы є и ѣ употребляются совершенно безразлично, постоянно смѣшиваясь: но опять таки я могу съ увѣренностью утверждать, что такое смѣшеніе буквъ отнюдь не доказываетъ смѣшенія звуковъ въ живомъ языкѣ, а лишь ясно свидѣтельствуетъ о смѣшеніи ихъ въ языкѣ цер-

ковномъ. Такъ въ рпси XII в. Соф. биб. Сент. Минея (о которой см. у Ягича въ изд. Служебныхъ Миней XI вѣка за Сент. Окт. Ноябрь) находимъ съ одной стороны: грєховъ, въ слєдѣ, гнєвъ, вєсть, нє вємъ, зьрєти, въ чєрєвѣ, зверьми, вєлєниѧ, вєсъ, оунєвєстисѧ, тємъ же и т. д., съ другой: пѣщь, морѣ, къ нѣмь, тѣбє, стєпѣни, чєтвѣророєбрьнаго, привѣдъ, дѣсницєю, июдѣєъ, пѣтра, потѣкоша, придѣ, проуьтѣть, испълнѣны, мѣдъ (с. 149, пр. 5) и т. д., ср. также у Ягича въ Крит. замѣткахъ 41—42.

Прежде чѣмъ перейти къ памятникамъ позднѣйшимъ, замѣчу, что въ рукописяхъ XI—XII в. нерѣдко находимъ употребленіе буквы и вм. ѣ: думаю, что буква и обозначаетъ при этомъ не звукъ *i*, который бы замѣнилъ въ живомъ народномъ произношеніи дифтонгъ *ie* (*ѣ*), а выражаетъ приблизительно звукъ того закрытаго, склоннаго къ *i*, *e*, которое, какъ указано выше, замѣнило въ церковномъ произношеніи звукъ соотвѣтствовавшій русскому *ie* (*ѣ*); т. е. употребленіе и вм. ѣ не указываетъ на фонетическое измѣненіе звука *ѣ* (*ie*) въ *i*, а является по той же причинѣ, по какой буква ѣ замѣняется буквою є: употребленіе и и є вм. ѣ свидѣтельствуетъ о церковномъ произношеніи звука *ѣ* какъ e[1]. Такъ мы находимъ въ Сбор. 1073: ницими 5a, исцили 162b, видыи вм. вѣдыи 149b, нимли 142a, въ вѣри 17c, Сбор. 1076: въ мироу κατὰ τὸ μέτρον (Шимановскій 31), Сбор. поуч. XII в. коупили Св. и Зам. № LII, Майская Минея Син. биб. № 166, XII в. гнивомь 176 об., XIII Сл. Гр. Бог. XI в. стиниы 6γ, Октяб. Минея 1096 г. лицємирьсткова, тєрьпиниѥ изд. Ягича 68, 78, Сент. Минея 1095 г.: ѿ звири 121a, Ев. 1092 г.: оудобиѥ 79b, ики 98a, сїси мѣс. ед. 126b, Гал. ев. 1144 г.: въ попєли 23b; тоже въ галицковолынскихъ памятникахъ: Добр. ев. въ сбори 187b. Указаніе на то, что употребленіе и вм. ѣ въ этихъ и подобныхъ написаніяхъ обязано вліянію церковнаго произношенія звука *ѣ*, вижу въ сопровождающихъ это графическое явленіе условіяхъ, сходныхъ съ тѣми, при

которыхъ происходитъ замѣна буквы ѣ буквою є. А именно мы находимъ и вм. ѣ весьма нерѣдко въ церковныхъ словахъ, ср. вышеприведенное коуппли, а также въ Минеѣ 1095: прихвальне, придавъ, придънидеть 63, ꙁаконопристоупьниї 21 (при ꙁаконопрестоупьнꙑ 27), иꙁвисти 180, Тип. ев. XII в. № 6: съвѣдитель, съвидѣтельствова (церковныя слова), тоже въ памятникахъ позднѣйшихъ: Гал. ев. 1266—1301 свѣдительство, примоудрость, прилюбꙑ, прикиша голѣни и др., въ именахъ собственныхъ єлисавифь, вифлиомъ, Указ. ев. чт. XIII в. видѣти вм. вѣдѣти (церковн. слово), приданьи, придъ тобою, прилюбы, парфиньи и т. д.; ср. употребленіе є въ словахъ предъ, преже, времѧ и т. д. Далѣе, подобно тому какъ смѣшеніе буквъ є и ѣ въ памятникахъ XI—XII в. вызывалось церковнымъ произношеніемъ звука ѣ какъ е', такъ точно тѣмъ же самымъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснять графическое смѣшеніе ѣ и и въ тѣхъ же памятникахъ: Юр. ев. нѣцѣи 32с, Сб. 1073 нѣцѣи, Добр. ев. прѣдеть 91b, Ев. 1092: ѣ = и вин. ед. 5а (Іоаннъ VI, 6), прѣобращеши 24а, Гал. ев. 1144: прѣлѣпиться 41а (Мат. XIX, 5), Стих. XII в. № 279 Син. б.: дѣвѣчьскꙑихъ 88а, рѣꙁѣ 107b, Тип. ев. XII в. № 6 итьцѣ 128b, тоже въ памятникахъ позднѣйшихъ: Гал. ев. 1266—1301 прѣтворъ, прѣобращеть, фарѣсѣи, Празд. на потѣ XII—XIII в. прѣсно 23а, причѣстѣи 22а, рись 1296 г.: чьрнорѣꙁици 160а, Указ. ев. чт. XIII в. вѣкѣиты, вѣбѣдѣ (оубѣди) и т. д.

Съ XIII вѣка русская графика высвобождается изъ подъ непосредственнаго вліянія церковнослав. оригиналовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ появлялось все большее количество оригинальныхъ памятниковъ. Это, въ связи съ измѣненіями звуковъ въ языкѣ, отразившимися на письмѣ, совершенно отличаетъ памятники XII и слѣд. вѣковъ отъ памятниковъ XI—XII в. Употребленіе буквъ въ рукописяхъ XIII и слѣд. вѣковъ стоитъ въ болѣе тѣсной связи съ отношеніями, имѣвшими мѣсто между звуками живаго языка писцовъ, чѣмъ въ рукописяхъ вѣковъ

предшествующихъ. Чередованіе є и ѣ уже не можетъ объясняться только какъ графическое явленіе, такъ какъ съ буквами є и ѣ въ представленіи писцовъ живѣе сознавалась связь дѣйствительно выражаемыхъ ими звуковъ. Конечно, XIII вѣкъ — это еще время переходное, и только въ концѣ его, а въ особенности уже въ XIV вѣкѣ окончательно опредѣлился типъ самостоятельной русской письменности. Разсматривая памятники сюда относящіеся, видимъ въ нихъ самое разнообразное отношеніе писцовъ къ употребленію буквъ є и ѣ: конечно, возможно, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно древнѣйшихъ, чередованіе обѣихъ буквъ зависѣло отъ тѣхъ же причинъ, что чередованіе буквъ є и ѣ въ памятникахъ XI—XII в. Но вообще, насколько могу судить, употребленіе буквъ є и ѣ стоитъ въ нихъ въ прямой зависимости отъ судьбы звуковъ *е* и *ѣ* въ живомъ языкѣ того времени. Занимающимся исторіею русскаго языка слѣдуетъ обратить особое вниманіе при характеристикѣ древнерусскихъ памятниковъ на то, какое въ каждомъ изъ нихъ существуетъ отношеніе между буквами є и ѣ: я увѣренъ, что внимательное наблюденіе именно надъ этою особенностью памятниковъ поможетъ разобраться со временемъ въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ. Рѣшаюсь посвятить нѣсколько страницъ самому бѣглому (отнюдь не систематическому) обзору употребленія буквъ є и ѣ въ древнерусскихъ рукописяхъ позже XII в.: такой обзоръ я ниже поставлю въ связь съ явленіями, характеризующими исторію звука *ѣ* въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ.

Мнѣ кажется, что большинство памятниковъ, о которыхъ идетъ рѣчь, по отношенію къ употребленію є и ѣ подойдетъ подъ одну изъ слѣдующихъ четырехъ категорій: 1) памятники употребляющіе є и ѣ правильно не смѣшивая ихъ, 2) памятники употребляющіе ѣ вм. є передъ слѣдующей мягкой согласной или гласной, а также въ конечномъ открытомъ слогѣ и въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ передъ твердою согласною, при

чемъ въ этихъ памятникахъ является и є вм. ѣ, 3) памятники, въ которыхъ ѣ употребляется вм. є какъ передъ мягкой такъ и передъ твердой согласной, а также въ конечномъ открытомъ слогѣ, при чемъ въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается є вм. ѣ, 4) памятники, въ которыхъ буква є правильно и постоянно замѣняетъ букву ѣ, при чемъ обратное употребленіе ѣ вм. є можно встрѣтать лишь въ единичныхъ случаяхъ. Памятники безразлично употребляющіе є вм. ѣ и ѣ вм. є (ср. смѣшеніе обѣихъ буквъ въ нѣкоторыхъ ркпсяхъ XII в.) весьма рѣдки, и я въ настоящее время затруднился бы даже указать ихъ. Приведу примѣры употребленія буквъ є и ѣ изъ памятниковъ всѣхъ четырехъ категорій.

1. **Памятники употребляющіе** *е* **и** *ѣ*, **не смѣшивая ихъ.** Отношу сюда напр. обѣ части рпси XIV вѣка назыв. Лаврент. спискомъ Повѣсти вр. лѣтъ (первая часть обнимаетъ первые 80 листовъ, 2-ая остальную часть рпси). Буква ѣ употребляется здѣсь правильно тамъ, гдѣ въ древнерусскомъ языкѣ было нѣкогда дифтонгич. сочетаніе *іе*, напр. искоръстѣна 28, вѣверицѣ 13, сѣдло (подъ вліяніемъ корня сѣд-), прилѣжнѣ 11 (ѣ въ этомъ словѣ и въ древнѣйшихъ памятникахъ, сравн. старослав. прилѣжьныи и прилежьныи напр. въ Житіи Кондрата прилѣжьнѣ при прилежьнѣ). Буква ѣ вм. є не употребляется; въ видѣ описки находимъ вравьѣве 33. Въ словахъ церковныхъ какъ младенецъ, первенецъ, птеница, погибель, времянѣ[x], врегомъ, въ севе, себе дат. ед. и др. буква ѣ соотвѣтствуетъ звуку є живаго произношенія. Въ положеніи въ началѣ слова и послѣ гласныхъ вм. ѣ можемъ найти є, при чемъ здѣсь нѣтъ указанія на смѣшеніе звуковъ *е* и *ѣ*, такъ какъ *ѣ*=*іе*, а буква є въ началѣ слова и послѣ гласныхъ могла читаться какъ *іе* и *je*: єдемъ 30, є вин. мн. 20, 29, 30, 33 и др., єє 33, своєє 75, семьє 79, сєє братьѣ 6, перкие 2, 10, русtие 40, лучьшие 29, 30. Въ словахъ нынє 4, 15, 29, 49, 50, 71, нынешнии 27, ѿтолє 6, 16, 26, доселє 33,

ѿсѣлє 12, 65 буква є не выражаетъ звука е живаго языка, ибо слово нынє какъ церковное не было извѣстно въ живомъ употребленіи, а слова ѿтолє, доселє звучали въ языкѣ писца вѣроятно оттоля, доселя. Въ видѣ случайныхъ описокъ находимъ: испустивє 64 (была ли форма 1 л. дв. ч. въ то время въ живомъ употребленіи?), потагнємъ 1 л. мн. пов. 41, нє ли кого (нѣ ли кого), нє чему 16, деверємъ 9, колєна 8, всє ас. pl. 28, на нєжє ас. pl. 55. Эти описки я сравниваю съ тѣми, въ которыхъ находимъ букву є вм. и: дѣтєщь 24, нарєчють 7, прєпєть 3, предлєжащємъ тв. ед. 26, ср. ѣ вм. и въ ѡжєнѣвса 79, ѡбърѣна 8; рѣдки случаи употребленія и вм. ѣ: видикъ 76, пєчєницѧи 45, подъ нозѣи 76. Еще болѣе послѣдовательно употребленіе буквъ є и ѣ во второй части рукописи: пѣсоуєнъ, гусѣницєю, проскѣпомъ, трѣскою, вѣдромь, ноулѣгу, мѣньску, мѣнанє, кѣлью, кѣльи (ѣ изъ церковн. є). Вмѣсто є буква ѣ употребляется лишь въ видѣ исключеній: на ѕлоутрєѣ 162а, лѣплѣѣ 165b, нѣ есмы 169а, ѕаклѣпєнии 155а (ср. ѕаклєпєнии 169b). Въ церковныхъ словахъ находимъ правильно є вм. ѣ: изѕвлєкъ, ѡбитєли, срєтє (но также оусрѣтє 178b, 182b, оустрѣтє 174а, 181b), тєлєсы 149а, тєлєси 157а, также нынє 178а, нынєшнєє 168b. Послѣ гласныхъ и въ началѣ слова ѣ правильно обозначается черезъ є, ѥ (ср. выше): є вин. мн. 102а, 102b, 104b, 151b, 155а, 118а (но ѣ 182а, 186а), тоє род. ед., всєє, оу нєє, твоєѥ, своєє, стоє, тлѣуское, мароуитоє, княжєѥ, болшєє, бѣсовьскоє род. ед., воє, рогалиѥ вин. мн. Кромѣ этихъ случаевъ находимъ є вм. ѣ въ вєє род. ед. 102а, на нє вин. мн. 100а, 144b, ѕа нє 141а (испорченное мѣсто), в протолчє 186b; кисєль 87b имѣетъ можетъ быть є правильно, ср. малор. кысіль при кысэлыця, кысэлэчокъ; вынємѣвє 118а (вм. выньмєвѣ ср. вынємємъ 140), ѡнємѣють 159а представляются описками. — Правильное употребленіе є и ѣ видимъ также въ 3-ей части Нов. 1-ой лѣтописи; ѣ вм. є находимъ только въ дрѣвлє 121 об. (ср. дрѣвлє въ Минеѣ 1095, а также въ Жит. Θеодосія), успѣниє 156;

є вм. ѣ въ ксе лю̑ вм. всѣ люди.—Въ Ев. Рум. XIV в. № CVII ѣ и є не смѣшиваются: пѣсцѣ 34d, колѣкѣлсмъ 142b; въ церковныхъ словахъ находимъ є: телеси, телеса, окители, гибель (но коупѣли 11b), оумреть 3 л. прош. вр., стрегоущіе, времєнѣхъ, плєкєлъ 114b, голени, голенью (при голѣни 106а); тоже въ церков. формахъ повел.: скерете, скажете 114с, ср. тутъ же скерите. Употребленіе ѥ вм. ѣ въ ѥпиҳарьѥ род. ед. 120с (при ҳинокиѣ 125b) въ виду вышесказаннаго можно не признавать описковою; ѣ вм. є только въ ѡнимѣтьса 48d, при чемъ строки, на которыхъ находится это слово, писаны другимъ почеркомъ, и въ словесѣмъ дат. мн.; послѣдняя форма въ такомъ видѣ не существовала въ живомъ языкѣ и не могла быть поэтому провѣрена въ произношеніи.—На листахъ Милятина ев. Имп. Пуб. биб., писанныхъ вторымъ почеркомъ (лл. 45—63, 72—77), є и ѣ не смѣшиваются, но церковныя слова пишутся правильно съ є: клевретъ, пътеньца, несте, время, предъ, дат. теке, секе, мѣс. теке; ѣ вм. є въ срѣбрьникъ можетъ быть выражаетъ звукъ ѣ (ср. малор. срібло, срібный, срібряный); словамъ словесѣ 50с, небесѣ 49с мѣс. ед. въ живомъ языкѣ, конечно, соотвѣтствовали слова небѣ, словѣ, а потому ѣ въ этихъ написаніяхъ нельзя признавать за обозначеніе звука *е*. Весьма любопытно, что въ языкѣ писца е' перешло повидимому въ *і*, между тѣмъ какъ ѣ отличалось отъ е' и *і* и было вѣроятно дифтонгическимъ сочетаніемъ *іе*; на переходъ е' въ *і* указываютъ постоянно встрѣчающіяся здѣсь написанія пре- вм. при-: пре поути, пре мори, преде, претъю и т. д.; такія написанія возможны только при предположеніи, что буква є въ случаяхъ какъ летѣти, нести или другихъ подобныхъ читалась какъ *і*. Въ Новгор. грам. 1294—1301 №№ 4, 5, 1317 № 14 нѣтъ случаевъ смѣшенія буквъ є и ѣ; тоже въ Рядной Тѣшаты 1266 г., въ Смол. грам. 1300, въ двинскихъ грамотахъ, помѣщенныхъ: въ АЮр. № 409, III (но тоє род. ед.), въ Собр. Мух. №№ 1 (но єє, єту), 5, 6, 4, 2, 9, 10, 11, 12, 17, 19, 16 (но ѡра-

ныс, юрмолскис), въ Актахъ Юридич. № 71, XV, XXIII (но сєбє дат. ед.), VI, VII, XVI (но ѡрамыє), III, VIII, XI (но ѡрамыє), XIV, № 110, I (но тоє род. ед.). V, № 257, IV, въ спискахъ Рум. Муз. № 9, 20, 21, также въ рядной и судной Княжестрои. изд. въ Отд. яз. О. Л. Д. II. (но въ рядной тоє род. ед.). Правильно же различаются обѣ буквы въ гр. 1391 АКал. I № 63 (но своєє), 1391—1425 (тамъ же № 31, но моєє), 1391—1428 № 82, 1432—43 № 31 (но въєзди), 1433 № 31 (но съєхався, стыє, Переславскиє), 1471 АКал. I № 31. Въ московскихъ грамотахъ XIV в. є и ѣ не смѣшиваются: такъ въ Дух. 1328 С. Гр. и Д. № 21 находимъ мѣзыню, пѣсоуну, лѣвичинъ, ефрѣмъ (но моєю, єє), тоже въ № 22 (но нашєє, єє, моєє), въ Дух. 1353 № 24 (но оу нєє, своєє, моєє), въ Дух. 1356 № 25 (но єє, моєє, московьскоє, коломеньскоє), въ Дог. 1371 № 29 (но твоєє, моєє, єє, московъскоє), въ Дух. 1371 № 30, въ Дог. 1371 № 31 (единств. случай целовали 2 раза, о чемъ ниже), Дог. 1388 № 33 (но твоєє, всякыє р. ед., а также целовалъ, целовали 2 р.), Дух. 1389 № 34 (но єє, моєє, своєє), Дог. 1389 № 35 (но своєє, твоєє, а также целую, целованью и седѣли, о чемъ ниже); въ грамотахъ XV в. также наблюдается правильное употребленіе є и ѣ, но въ большей части ихъ есть случаи, гдѣ буква є замѣняетъ ѣ: между тѣмъ въ Дог. ок. 1405 № 38 є и ѣ различаются строго (о случаяхъ целова, целовали см. ниже), тоже въ Дух. ок. 1406 № 39 (но полные им. мн., р. ед. єє, у нєє, у сєє), Дух. 1423 № 41 (єє, у сєє, тамги московскиє, которыє, села Белеутовскиє, Малинскиє), Дух. 1424 № 42, копія съ Дух. 1434 № 51 и т. д.— Изъ памятниковъ XV в., не смѣшивающихъ буквъ є и ѣ, отмѣчу еще напр. Житіе и Хожд. Даниила игумена въ сп. 1496 изд. Веневитинова: ѣ употребляется правильно (кдѣ 65, нѣскомъ 123, кѣлии, кѣлей 54); въ церковныхъ словахъ видимъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, є: купель 60 (при купѣль, купѣли 29), брєгу 56, трєвѣ 45, древа 9, и въ дль и въ преки 18 и т. д.; є въ тоє храмины 68

замѣняетъ ѣ послѣ гласной. Въ песочиа горка 43 є вм. ѣ описка (въ другихъ спискахъ вм. обоихъ этихъ словъ печерка), также въ Изъдеслава 26 (въ другихъ спискахъ Сдъславъ, Седеславъ). Въ Новгор. писцовыхъ книгахъ по рпси ок. 1495 Мос. Ар. Мин. Ин. д. (изд. Арх. ком.) є и ѣ вообще употребляются правильно (мѣлкой, мѣлкого, вѣдеръ, Ощѣркина, Щѣпкина, Офрѣмоко, Овсѣвко, Овсѣвьєво); вм. є буква ѣ не употребляется; такъ на пространствѣ 100 столбцевъ изданія (отъ 248 до 350) ѣ вм. є является только въ хмѣлю 266, 325 вм. обыкнов. хмєлю, є вм. ѣ въ єє, одноє, тоє, съ нєє, копиє, васильєвскиє, пустыє, старыє, ѳоминскиє стоитъ послѣ гласныхъ; помимо сего є вм. ѣ лишь въ единичныхъ случаяхъ: двєма 261, двєнатцать 301, 305 и т. д., двѣстє, Пєсчаница 269, 271, въ окончаніи мѣс. мн. -єхъ: озєрєхъ, дворєхъ, погостєхъ.

Любопытно сравнить употребленіе буквы ѣ въ вышеуказанныхъ и другихъ имъ подобныхъ памятникахъ восточнорусскихъ нарѣчій съ употребленіемъ ея въ нѣкоторыхъ южнорусскихъ памятникахъ, писанныхъ людьми, въ своемъ произношеніи несомнѣнно различавшими звуки є и ѣ. Въ купчей 1508, помѣщенной въ АЮЗР. I с. 37 ѣ употребляется правильно, но послѣ гласныхъ оно можетъ замѣняться буквою є (єє при єѣ, тоѣ; моєє). Въ собственноручныхъ запискахъ Петра Могилы изд. въ Арх. Югозап. Россіи ч. 1-ая т. VII буква ѣ выражала звукъ *і* или близкое по звуку къ *і* дифтонгическое сочетаніе; это видно изъ многочисленныхъ примѣровъ, гдѣ вм. ѣ употребляется буква и (нисть, заприщаю, гнива, нимецъ, повели 3 аор., вирою, хотихъ, отсєли, єли 69 при єлє 111), и также изъ случаевъ, гдѣ вм. и употребляется буква ѣ (по нѣмъ, тѣшинѣ, рѣзы, разорѣти, мѣнучими и т. д.). Поэтому буква ѣ не должна бы замѣняться буквою є, но тѣмъ не менѣе мы находимъ нерѣдко употребленіе є вм. ѣ, а именно въ словахъ церковныхъ тєлєса, въ сєбє, повєлєнію, зловєріа, дльготръпєливъ, дат. ед. монастырстєй, вєлицєй, нарѣчіе прєслав-

не, разве; рѣже вм. ѣ—є въ словахъ русскихъ: песокъ, Днепра, болєзни 50, 69 (ср. впрочемъ малор. болэзный при болізнь), креплашесь 53, Белзскомъ 103 (при Бѣлзскомъ 123), 1 л. мн. пов. идемъ 82, мѣс. ед. пещере 50, исцели вм. исцѣлѣ 89; окончаніе -ехъ (лѣтехъ, лицехъ, плещехъ) принадлежитъ церковному языку. Въ южнорусскомъ сб. 1689 г., часть котораго (книга Эноха) издана Поповымъ въ Биб. Мат. IV, 66—139, буквы є и ѣ различаются строго, но буква є является въ церковныхъ словахъ какъ телеснымъ 122, долготерпеніи 137, чловѣцѣхъ 126 (народ. чоловік), чловеча 119, повеленіе 131, повеленню 97, въ свѣтѣ безмѣрнемъ 103 и т. д.

2. **Памятники употребляющіе ѣ вмѣсто е передъ слѣдующей мягкой согласной, также въ конечномъ открытомъ слогѣ, а въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ также передъ твердою согласною, и представляющіе при этомъ *е* вм. *ѣ*.** Отношу сюда напр. Ипат. сп. лѣтописи: во всей рукописи замѣчается, что буква ѣ замѣняетъ є почти исключительно передъ слѣдующей мягкой согласной: дочѣрь, кѣнѣчь, конѣчь, извѣрглъ (р полумягкое въ такомъ положеніи), золотовѣрхой (р полумягкое), двѣри, нашѣѣ, вѣжа, тѣста, ѣдѣть, повѣлѣ, вѣснѣ, ѣще, вѣлможи, нашѣмь, мѣчь, Городѣць, волѣстью, орудѣй, конѣй, всѣй, князѣй и т. д.; также въ конечномъ открытомъ слогѣ правильно ѣ вм. є (не ё): измалтанѣ, половчанѣ, татарѣ, дворовѣ, поповѣ, хощетѣ 555, тебѣ р. ед. 413, 3 аор. сѣдѣ 521, обрѣтѣ 438 и т. д.; совершенно единичны случаи какъ вѣчѣ 436, оружьѣ 549, гдѣ ѣ можетъ замѣнять или *е*, или ё. Употребленія ѣ вм. є передъ твердой согласной мы въ Ипат. лѣтописи почти не находимъ: въ четвертой части рукописи (изд. Арх. ком. с.) я встрѣтилъ только вѣсна 439, нѣ гнаша 464, утѣкоша 445. Отдѣльно стоятъ случаи, гдѣ ѣ замѣняетъ е въ словахъ церковныхъ: трѣбуєши 477, обличѣна 513, срѣду 221, дрѣва 547, Грѣкы 211, 216; стрѣльцѣмъ 497

представляетъ искусственное окончаніе -ѣмъ, ср. указанное выше словесѣмъ въ Ев. Рум. XIV в. И такъ буква ѣ въ Ипат. сп. обозначаетъ звукъ е', тотъ звукъ, который напр. въ словахъ лесть, летѣти обозначается буквою є; вслѣдствіе этого вмѣсто ѣ можно встрѣтить и є, при томъ безразлично, какъ передъ твердой, такъ и передъ мягкой согласной: весть, болезнь, єду, несть, влезъ, семо, стрете, Днепръ, не веле, возбегоша, неверныимъ и т. д. Употребленіе буквы ѣ для обозначенія звука е' изъ ѣ вызвало возможность обозначенія звука і въ единичныхъ случаяхъ тою же буквою є: щетъ 522, видевъ 458, мое людье 580, к медвѣдеве 596, королеве 277, ср. ѣ вм. и въ ездѣти 560, прѣеха 452, истѣньную 418, ѣ вм. ед. 590, поѣдѣ 2 л. пов. 612 и т. д. — Такое же какъ въ Ипат. сп. употребленіе буквъ є и ѣ находимъ напр. въ Риж. гр. 1281—1297 цѣрковъсковъ, промѣжи, е вм. ѣ въ тоже, ведомо, человека, хотели и др.; въ Риж. гр. 1229 (E): вѣрѣма, врѣмѣни, ѿвѣрѣчи, вѣлика, мѣжи, роукѣжа, боудѣтаи, възвѣсти, напѣредъ, понесѣть, повѣдить, възвѣржеть (коуплѣнъхъ испорчено вмѣсто коуплѣниıы сп. D), е вм. ѣ: моуже, пенязи, нелзе, неделю, децьскыи, некши, стоıе біе, дворе, Гр. 1229 (D): вѣрема, сѣмь мѣс. ед., ѿвѣречи, мѣчи, сѣи мѣс. ед. и др.; е вм. ѣ: грехомь, правде, березе, железо, лета, векше, темь, изверате, разве, Гр. 1229 (сп. XIV в.): дѣржати, вѣсцѣви, лѣгце, лѣзить (лежить), бѣрезъ, но также передъ твердою согласною въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ: людѣмъ, е вм. ѣ: оу Ризе, Латине, налезлъ, хотелъ, века; Пол. гр. ок. 1330: вѣсцѣви, цѣрковьска, рѣмѣнь, хмѣлю, рѣмѣнемь, любѣцьскый, вѣсти, вѣрхъ (Р. Л. А.), передъ твердой согласной послѣ ударенія: немцѣмъ дат. мн., е вм. ѣ: немцѣмъ, немѣць, поехати; Пол. гр. 1407 (Р. Л. А.), дѣржаˇ, пѣчати, передъ твердымъ слогомъ послѣ ударенія вѣсцѣмъ, е вм. ѣ: торгoвле р. ед., у ризе, по воде, ехати, Пол. гр. 1407 (Р. Л. А. № 165): дѣржати, нѣмѣцкии, передъ твердой согласной послѣ ударенія вѣсьцѣмъ, е вм. ѣ: Рижанехъ, Полочанехъ; Пол.

гр. 1409 (Р. Л. А.): нарожѣнью, є вм. ѣ: конєхъ, поєдь, єхати; Пол. гр. 1465 (Р. Л. А.): помѣрли, є вм. ѣ: у Ризє, дорозє, нєтъ, Двин. гр. XIV в. (АЮр. № 71, XXI) одѣрень, є вм. ѣ: сєнными, Двин. закл. 1349 Собр. Мух. № 19 дѣсать, дѣсати, є вм. ѣ: тоє, рублєхъ, сорокєхъ, гр. двин. АЮ. № 71, XII: ωзѣре, ωдѣрень, передъ твердой согласной послѣ ударенія дєтѣмъ, є вм. ѣ: корєльско, ωзѣрє, дєтѣмъ, гр. двин. АЮ. № 71, IV: мѣжа, є вм. ѣ: рєку, лєсу, лѣсєхъ, рєчкѣ. путиикєхъ, зимнєи, гр. двин. АЮ. № 71, VI: пол'шєстадѣсатъ. є вм. ѣ: сєлєхъ, хмєлникєхъ, Нов. ряд. XV в. Собр. Мух. № 15: вѣрхъ, є вм. ѣ: дєтєи, нєнадобє. Дух. Нов. Климента XIII в. є вм. ѣ: роздєлить, рєзанъ, грѣне, ногатє, ѣ вм. є только передъ мягкими согласными: мѣншєю, ѿстанѣтьсѧ, коупѣцьскомъ и въ церков. словѣ прѣ^д; при этомъ интересно є вм. и въ Жихнєвє дат. ед. Рукопись изд. въ Рус. Дост. II мѣсть, вѣщь, купѣць, двѣрми, тѣмницю, мѣжи, повѣлѣлъ, лѣстьнємь, нѣмѣчкыи, пѣрвоє, вѣрхъ, тѣрньє, вѣзвѣрьжєть и т. д., передъ твердыми согласными ѣ вм. є употребляется только въ положеніи за удареніемъ: нѣмцѣмь (ь вм. ъ графически), правѣднаго 192, ср. правѣдному Ипат. 479; вѣзадницѣ 107 представляется опиской. Въ конечномъ открытомъ слогѣ находимъ правильно ѣ вм. є: сйвѣ 11, горожанѣ 272, рижанѣ 273; ѿ нбсѣ 222 читалось вѣроятно ѿ небеси; є вм. ѣ встрѣчается въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ: слєду, сєщиво, имєньи, имєють, послєди, дровєхъ, лѣстьнємь, свободнємъ, ратаинємъ; ѣ нерѣдко замѣняется черезъ и: нитъ, бижить, вылизуть, в тєладини, ни ядъ, двѣ ногати, изрѣдка и вм. є: иженить 156, а также ати, аци 10, 31, 54 вм. атє (ащє). Нѣсколько отдѣльно отъ разсмотрѣнныхъ памятниковъ стоятъ тѣ, въ которыхъ буква ѣ замѣняетъ є передъ мягкими согласными и въ конечномъ открытомъ слогѣ, но нѣтъ обратной замѣны буквы ѣ черезъ є. Сюда относится напр. Ев. Рум. Муз. XIV в. № 8, гдѣ ѣ вм. є въ единичныхъ случаяхъ встрѣчается лишь передъ мягкими согласными — вѣси мѣс. ед. 30с, лѣзащихъ 34b

(вм. лежящихъ), при чемъ є вм. ѣ, насколько я замѣтилъ, не встрѣчается; церковныя слова пишутся впрочемъ съ е: древу, плевелъ, времени, младенець (но первѣнецъ), телесе, обитель, к тебе, к себе, также Фселе 39с, ср. Фселе, Фтоле въ Лавр. лѣтп. (см. выше); въ възвестиша 32с буквы ст стоятъ на стертомъ мѣстѣ; слово это передѣлано, кажется, изъ начатаго възведоша. Въ первомъ почеркѣ Милятина св. (1—44, 66—71, 78 и слѣд. лл.) е и ѣ вообще различаются, хота по общему правилу церковныя слова какъ исплевелъ, преже, себе, тебе мѣс. и дат. ед. пишутся съ є; є вм. ѣ могу указать еще только въ генисаретьсце 78b мѣс. ед. Но ѣ нерѣдко замѣняетъ є передъ мягкими согласными: облѣчѣтеса 2а, дрѣвьнимь 11а, срѣбрьникъ 27а, изляѕѣте 70b, послѣдьнѣе мѣсто 120а, также въ конечномъ открытомъ слогѣ на себѣ 22d; передъ твердыми согласными ѣ является только въ сѣмѣнъ р. мн. 25с (въ положеніи за удареніемъ, ср. совр. сѐмен); ѣ въ срѣбра 17d можно сопоставить съ ѣ въ Ипат. дрѣва, трѣбуеши, Грѣкы и т. д. Что ѣ=e' въ рядѣ случаевъ совпало по звуку съ і, видно изъ случаевъ, гдѣ буква ѣ стоитъ вм. буквы и: прѣдохъ 103b, прѣходаще 109с, прѣвлечеть 103d и гдѣ буква и стоитъ вм. буквы ѣ: прр҃ци мѣс. ед. 81b, блажени очи, а что древнее e' (также изъ церковносл. ѣ) тоже было близко къ і, видно изъ случаевъ, гдѣ и стоитъ вм. є: придѣлы 42а, прибоудѣте 70b, приломи 71b, придъ 147d, придѣлъ 148b, а также гдѣ буква є стоитъ вм. и: вы тисте есте 41а. Новгород. служебникъ XIV в. Рум. Муз. № 399 пишетъ є вм. ѣ только въ церковныхъ словахъ: обременьна 36, времѧ 14а, телеса, телеси, непотребнаго, тебе дат. и мѣс. ед., въ церковныхъ формахъ мыслемемъ, славиемь, неприкосновеньнемь, единемь тв. ед., въ словѣ повелении 36b, которое также заимствовано изъ языка церковнаго; но ѣ вм. є довольно часто встрѣчается передъ слѣдующею мягкою согласною: дрѣвнимъ, врѣма, сѣи, пѣрвыхъ, агнѣць, жертвѣницихъ, свѣршенъ, полѣзны² и т. д., а передъ твердою согласною только

въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ: людѣхъ 19b, 23b. Замѣчу, что ѣ въ этой рпси замѣняется буквою и: мѣсти lsg. 20b, осинит 18a, мѣтксиниь мѣс. ед. 39a и др., а также обратно замѣняетъ и: помянѣ с нѣмъ 45a, твои рабѣ 35a, ѿ межь нашѣхъ 35b; є вм. и: непрєкосновєному 42b, ср. и вм. є въ схранинию 6a. Въ новгородскихъ грамотахъ 1304—1305 № 10 находимъ: пожѣнь, нѣмѣцкомъ, 1305—1308 № 7: нѣмѣцкомъ, мѣншихъ, 1371 № 8: мѣншихъ, дѣржати, городѣць, нѣмѣцькомъ, нѣмѣцкыми, дѣти, волостѣи, 1372 № 13: новгородѣць, новгоро'скѣи, людѣи, 1317 № 14: дѣтѣи, 1373 № 17: лодѣи и т. д.; ѣ вм. є кромѣ того въ конечномъ открытомъ слогѣ: Гр. 1372 № 13 пословѣ, велѣлѣ (вм. велѣлє); є вм. ѣ здѣсь не находимъ, кромѣ случаевъ гдѣ ю замѣняетъ ѣ въ положеніи въ началѣ слова или послѣ гласной: юздити, юхати, поюдешь, скиные, лодью № 10, ѣною р. ед. № 8; кромѣ того въ №№ 13, 17 читаемъ: целованье, целованью, целовалъ, целовали. Въ двинскихъ грамотахъ XIV вѣка: Собр. Мух. № 8 находимъ ꙁѣмлю, а передъ твердой согласной за удареніемъ дѣтемъ, АЮ. № 71, IX: дѣвать, АЮ. № 71, XXIV: верѣтию, верѣтѣи, сѣвѣ. Въ Полоц. гр. 1470 (Р. Л. А.): вашѣи, приятѣлемъ, приятѣли, справѣдливость. Въ Нов. гр. 1392 г. цѣи, нѣмѣцкими, нѣмѣцкимъ, є вм. ѣ только въ целовалъ, целованию, гр. 1301: купѣць, є вм. ѣ въ началѣ слова и послѣ гласной: юхати, приєха. Въ Архивномъ спискѣ XV вѣка Нов. лѣтпси изд. Арх. ком. (вмѣстѣ съ Синодальнымъ спискомъ) ѣ вм. є встрѣчается только передъ мягкими согласными: дѣнги, дѣнгами, дѣнежьников, городѣнь, нѣмѣцькыи, нѣконѣць, дрѣвлане, грѣческѣ, вѣрковѣсковъ, гридѣнь, кнаꙁѣи, дѣтки, людѣи, ноцѣи. Грѣкы 6, 22, Грѣкъ 24 представляютъ ѣ на мѣстѣ звука е' живаго языка (вм. церковнаго є), ср. въ другихъ памятникахъ дрѣво, прѣдъ, срѣбро, а также крѣстъ и кристъ; въ конечномъ открытомъ слогѣ также является ѣ вм. є: домовѣ, кыянѣ, бояръ, сыновѣ, дворянѣ, ꙁаволоцанѣ, 3 аор. стрѣтѣ 377, им. мн. людьѣ 428. Буквою є замѣняется

буква ѣ лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, какъ то пленити 390, повеленьемь 381: оба слова церковныя; болезнь 401, болезни 56 мы видѣли съ е въ сп. Хожденія Даніила; въ виду малор. болэзность, болэзный — болѣзнь при русск. болесть слѣдуетъ, повидимому, признавать также церковнымъ словомъ; отдѣльно стоитъ е въ целование 383. Случаи дѣйствительнаго выраженія ѣ буквою е можно видѣть только въ окончаніи мѣс. мн. -ехъ вм. -ѣхъ: лѣтехъ, человѣцехъ, конехъ, козехъ, а также въ именахъ собственныхъ: Немци 54, Тферь 421, Тферьской 425, Корельскый 357. Замѣчу, что какъ ѣ такъ и е (послѣднее передъ мягкою согласною) постоянно замѣняются въ этой рпси буквой и, что указываетъ на переходъ звука е' въ і въ живомъ языкѣ: Ориховець, изгигоша, Корилу, Печениги, недилю, а также Грикинъ, Грицинъ, Грицкый, отъ Грицъ, мерткицехъ, в кораблици, дѣтиниць, черниць, черноризниць, диий, церкиий, людій, трій (при трей); въ отъ Грикь (ь графически вмѣсто ъ) и замѣняетъ е' передъ твердой согласной.

3. Памятники, въ которыхъ буква ѣ правильно замѣняетъ е въ конечномъ открытомъ слогѣ, въ положеніи передъ мягкою согласною, а также неударяемое е передъ твердою согласною, при чемъ е вм. ѣ является сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ. Отношу сюда первыя двѣ части синодальнаго списка Новгородской 1-й лѣтописи: е вм. ѣ является здѣсь лишь изрѣдка, въ особенности во 2-ой части; такъ въ 1-ой части находимъ: вечере, поведиша, вылезеть, погоре, теломь, сено, Иванкове, всюде и др., во 2-ой части: лесъ, слепъ, семо, Белее и т. д. Букву ѣ передъ мягкими согласными вм. е находимъ постоянно: погрѣбена, пѣренесена, вѣрегу, всѣю, осѣнь, осѣни, озѣре, грѣбли, врѣмя, вѣвѣденъ, сѣстрѣ, прѣже, повѣлѣша, лѣтаць, вѣрху, врѣзѣ, вѣликъ, мѣдвѣжю, дивѣнии, Чѣрнигова и т. д.; тоже въ конечномъ открытомъ слогѣ: дворянѣ, рушанѣ, огнищанѣ, 3 аор. не-

топѣ, навѣдѣ, исѣцѣ, привеꙁѣ, седѣ, зват. ед. оканьнѣ; также всѣ лѣто, всѣ жито, всѣ плема, горѣ, вѣкѣ, вѣцѣ, 1 л. мн. написахомъ. Наконецъ въ противоположность памятникамъ 2-ой категоріи мы находимъ здѣсь ѣ вм. неударяемаго е передъ твердыми согласными въ положеніи не только за удареніемъ, но и передъ нимъ: к нѣму, всѣслава, вѣвѣдоша, вывѣдоша, вывѣдоста, всѣго, вѣгрѣбоша, вѣдоша, оꙁѣру, сѣрѣбра, оꙁѣро, погрѣбоша, погрѣбѣ, нѣ пошьлѣ, нѣ восвати, въ словахъ всѣволодъ, всѣволода удареніе стояло на слогѣ ло. Отдѣльно стоятъ случаи употребленія ѣ въ словахъ церковныхъ какъ передъ удареніемъ, такъ и подъ удареніемъ: срѣбро, прѣстолѣ, прѣстолъ, дрѣвл, крѣстъ, ср. ѣ въ такихъ словахъ и въ памятникахъ 2-ой категоріи. Въ новгор. гр. 1265 № 1, 1270 № 3 находимъ е вм. ѣ въ довольно большомъ количествѣ случаевъ; ѣ вм. е не только передъ мягкими согласными дѣржати, всѣмь мѣс. ед., на цѣмь то, хывѣлма, но и передъ твердыми: всѣго, всѣмоу, нѣ вѣводити. Въ смолен. гр. ок. 1230 находимъ е вм. ѣ въ немьци, надобе, волоце, дотоле, моужс, инемъ, воле р. ед. и т. д.; ѣ вм. е почти исключительно передъ мягкими согласными: поедѣть, берѣꙁѣ, почьнѣть, оурѣнѣть, боудѣть (17 разъ), напѣрѣдѣ и др.; въ словахъ дѣрѣвѣмь и сѣрѣбра (14 разъ) также передъ твердыми согласными. Закладную двин. АКал. № 126, I, пишущую правильно послѣ гласной букву е вм. ѣ — орамые ꙁемли и представляющую написанія дѣсат, дѣсать при цѣрѣнѣ (чѐренъ) слѣдуетъ, можетъ быть, отнести къ памятникамъ 2-ой категоріи, такъ какъ ѣ въ цѣрѣнѣ стоитъ въ слогѣ за удареніемъ (ср. людѣмъ, дѣтѣмъ). Но къ 3-ей категоріи слѣдуетъ, несомнѣнно, отнести двин. гр. XIV—XV в. Акал. I № 149, VI, въ которой находимъ не только ꙁѣмли, Григорѣи, вскрѣсѣньскои, но также притѣрѣбахъ, притерѣбы (удареніе на первомъ слогѣ, ср. у Даля прітеребъ), берѣгу, польсѣма; въ грам. 1229 (А) е вм. ѣ: весатѣ, всемъ, на горе, жене, векши и др., ѣ вм. е передъ мягкою согласною: людѣи, лѣжить, ꙁѣмли, ѣдѣть,

идьть, вести, на нви, дерскымь, веремьнемь и т. д., а также въ конечномъ открытомъ слогѣ: поле (2 р.); передъ твердыми согласными видимъ: людемъ, свободенъ, погребъ, берега, всемоу, отдѣльно стоитъ церковное слово пред, гдѣ ѣ выражаетъ звукъ е' изъ церков. ѣ. Въ двин. гр. 1504 Бѣл. № 22: деса', денгами, до вешнл', передъ твердыми согласными: иковлевы', дернал (удареніе на слогѣ на), гр. 1536 № 9: е вм. ѣ: острокє, высеkли, ѣ передъ мягкими согласными верєтєл, племанника, въ конечномъ открытомъ слогѣ: стоитѣ, даитѣ, кр̑тіанѣ, передъ твердою согласною село. Въ риж. гр. 1407 (Р. Л. А. № 164) є вм. ѣ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ: немецкии (въ єхати, рижькие имѣемъ особые случаи), ѣ вм. є передъ мягкими согласными: будетъ (т мягко), великыи, промежи, печать, хочеть, серебраныи, землею, весче, людеи, исперва, въ конечномъ открытомъ слогѣ: ратманѣ, рижанѣ, полочанѣ, последковѣ, такжѣ, потомужѣ, себѣ, ѣ передъ твердыми согласными: безъ всакое, нѣ вступати, нѣ порушено, весему, Полтескъ. Пол. гр. 1475 (Р. Л. А.): сусєдомъ, местє, ѣ передъ мягкою согласною: вашее, промежь, конець, перед, великыи, приятелемъ, перваи, ѣ въ конечномъ открытомъ слогѣ: ведаетѣ, велитѣ, рачьтѣ, пишетѣ, такжѣ; ѣ передъ твердыми согласными: всему, всего, передъ, вашему (въ королемъ тв. ед. вѣроятно слѣдуетъ видѣть ошибку). Полоц. гр. XV в. (Р. Л. А. № 279) є вм. ѣ: ведь же, нетъ, ведаєтє, ѣ передъ мягкою согласною: межи, всее, записали, въ конечномъ открытомъ слогѣ: естѣ, ведаетѣ, отлазитѣ, пишетѣ, ѣ передъ твердою согласною только въ мештеру (въ виду этого правильнѣе отнести эту грамоту ко 2-ой категоріи). Чинъ вѣнчанія на царство Димитрія Ив. 1498 (въ сп. изд. СГр. и Д. II, 27—29): є вм. ѣ: ѿтолє, седоша, велєлъ, наследникъ, дєти, векомъ, к себе, ѣ вм. є передъ согласною: великии, степени, велелъ, камени, утверди, принести, тебе, речѣ, совершалъ и др., въ конечномъ открытомъ слогѣ: Иванѣ зват. ед., г̑динѣ, боирѣ, вниде, людинѣ, свышѣ; передъ

твердою согласною: игумены, крестомъ, велегласно, зиаменовалъ, недостоиныхъ, непорочнеи. Грамота отъ Пскова в. кн. Ивану Вас. 1477 (въ сп. С. Гр. и Д. II, 24): ѣ передъ мягкою согласною: великому, степенныи, веленью, въ конечномъ открытомъ слогѣ: сыокѣ, боярѣ, упокаиниѣ, передъ твердыми согласными: слезами, вашему, Увѣщ. грам. митроп. Филиппа къ Новгородцамъ 1468 (въ сп. С. Гр. и Д. II, 23—24): великъ, вести, стремление, рѣченному, земель, истребися, учителемъ, мечь и др., въ конечномъ открытомъ слогѣ: сынѣ, велико неустроении, учитѣ, вашѣ, не послушавшѣ, не начающѣ, вашѣ; ѣ вм. е передъ твердыми согласными: сходящего, времена, преступлениа, раззорены (удареніе можетъ быть на слогѣ зо). Изъ позднѣйшихъ памятниковъ отмѣчу сп. XVI в. Домостроя И. О. И. и Д. Р.: е вм. ѣ: пepeмeнaa, смечати, белуже, заплесникело, ѣ вм. е передъ мягкой согласной: везде, весне, оу нее, платьеце, верьхнее, сверчка, въ открытомъ слогѣ: х͠е зв. ед., передъ твердой согласной: нерукоделей, ветшана, торговцев, клеть и др. — Изъ предыдущаго видно, что ударяемое е передъ твердой согласной не обозначается буквою ѣ и въ тѣхъ памятникахъ, которые допускаютъ обозначеніе его этой буквой внѣ ударенія: это надо понимать такъ, что буквою ѣ не обозначался звукъ ö; сопоставляя же обозначеніе неударяемаго е вообще буквою ѣ съ преимущественнымъ обозначеніемъ этой буквой звука е' (е передъ мягкою согласною), нельзя не придти къ тому выводу, что неударяемое е обозначалось буквою ѣ когда звучало какъ е', ср. е' въ соврем. московск. и сѣверновеликор. произношеніи: се'ло, не'су, все'го и т. д. Поэтому букву ѣ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ она замѣняетъ звукъ е подъ удареніемъ въ положеніи передъ твердою согласною нельзя читать какъ ö, а ее слѣдуетъ понимать опять таки за обозначеніе слышавшагося въ языкѣ звука е'. Таково ѣ напр. въ церковныхъ словахъ: ср. выше написанія древо, крестъ, предъ и т. д., ср. еще Увѣщ. грам. Филиппа 1468: прелесно, кое́мѣтно, Чинъ вѣнчанія 1498:

да поживѣмъ, молѣбну, сп. Домостроя XVI в. брѣжно 14, также полѣзнаи 65 и др. Въ двин. гр. Бѣляева 1504 слово до вѣшнаг слѣдуетъ читать съ мягкимъ *ш*. Непонятнымъ для меня остается употребленіе ѣ въ словѣ смѣрдъ, смѣрда въ Нов. гр. 1305—1308 № 6 и 1304—1305 № 9, при чемъ нѣтъ основанія читать это ѣ какъ ӧ (откуда *о*): не ясно почему это слово не сохранилось въ живомъ языкѣ и почему старинная форма его произносится не смёрдъ, а смеᵉрдъ.

4. Памятники употребляющіе є вм. ѣ, при чемъ обратная смѣна є на ѣ является лишь въ видѣ исключеній. Не стану останавливаться на мелкихъ новгородскихъ, полоцкихъ грамотахъ, въ которыхъ буква є замѣняетъ букву ѣ при отсутствіи обратной замѣны. Изъ болѣе обширныхъ памятниковъ укажу на Рижск. гр. ок. 1300 (Р. Л. А.), въ которой буква ѣ уступила мѣсто буквѣ є въ ³/₄ всѣхъ случаевъ, гдѣ мы вправѣ ее ожидать, между тѣмъ какъ обратная замѣна буквы є черезъ ѣ встрѣчается только въ трехъ словахъ: дѣржалъ, коудѣтє, скободѣнъ (ср. ѣ вм. є въ памятникахъ 2-ой категоріи); въ грам. 1229 г. сп. В (ок. 1300) ѣ замѣняется буквою є въ значительномъ количествѣ случаевъ, обратно же ѣ вм. є только въ словѣ прѣдъ (церков.). Въ Сузд. лѣтописи по сп. М. Д. А. XV вѣка (изд. Археогр. ком.) є вм. ѣ мы находимъ нерѣдко: вєчє, рєкы, сєлыхъ, мѣстє, в тєснѣ, Тфєрь, всє арl., между тѣмъ ѣ вм. є не встрѣчается, за исключеніемъ описокъ: на Ѵглѣчє полѣ 498 (мѣс. ед.), утѣкоша 480, сєдѣ 504 (3 аор.), Ѵглєчѣ полє 506 вин. ед. Въ грам. 1462—1505 Собр. Мух. № 45 и 46 є вм. ѣ часто, а ѣ вм. є только въ колѣ № 45. Въ московскихъ грамотахъ XV в., напечатанныхъ въ СГ. Гр. и Д. (свѣр. съ подл.), є вм. ѣ представляется обычнымъ явленіемъ: обидєти, холопєᶻ, опослє, тфєрь, дєтми, прадѣдє, доколє, бєглєца, бєлоозєро, побєдати, вєка, старєшой и т. д.; ѣ вм. є могу отмѣтить только въ Дог. 1481 № 109: своѣ село,

вышѣлѣсомъ, 1434 № 53: на вышѣгородѣ, 1436 № 58: вѣздѣ, 1473: тобѣ вин. ед., дух. ов. 1498: детѣи (четыре раза), Петрѣца, Нѣтмы, также въ непапеч. копіи съ Дух. Дим. Ив. № 8: ѣє р. ед., косминчєѣ вин. ед., кышнєѣглиньскоє—и это болѣе чѣмъ въ ста грамотахъ. Въ грамотахъ XV в., напечатанныхъ въ первыхъ двухъ томахъ Актовъ Калачова, букву ѣ вм. є я нашелъ только въ ѣмлют 1453 I № 31, вѣлєл 1470 I № 31. Въ рукописи Унд. XVI в. № 824 Судебникъ Ив. Вас. замѣна ѣ черезъ є весьма обыкновенна: дѣлє, вєздє, ѡвєчати, дела* и мн. др., ѣ вм. є я замѣтилъ только въ идѣтъ 3а, колостѣхъ 3а, 46а, лошадѣхъ 11b. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ западнорусскаго письма XVI—XVII в. буква ѣ окончательно вытѣснена буквою є: такъ въ Уставѣ о волокахъ Сиг. Ав. по рвпси Лит. Метр. XVI в. (Пам. изд. вр. ком. 1846 г., т. II, 1—233) букву ѣ мы совсѣмъ не находимъ (я замѣтилъ ѣ только въ словѣ ӡъстарѣвѣшыса 18). Равнымъ образомъ не находимъ мы буквы ѣ въ текстахъ изъ Лит. Метр., изданныхъ въ Арх. Югозап. Россіи ч. VII т. 2 (с. 1—9, 20—23 и др.); въ книгѣ Переписей также изъ Лит. Метр. (напеч. тамъ же) ѣ является весьма рѣдко: всеѣ р. ед. 25, иногдѣ 26, сѣи 27. Любопытно, что уже въ Полоц. грам. 1265 г. (Р. Л. А. № 25a и 25b) буква є почти совершенно вытѣснила букву ѣ, тоже повторяется и въ позднѣйшихъ полоцкихъ грамотахъ; такъ въ грам. 1478 (Р. Л. А. № 265) букву ѣ находимъ только въ себѣ дат. ед., моиѣ, мѣсяца, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ вм. ѣ — є: мещанѣ, гнєвъ, вєснє, обєю, городє и т. д. Нельзя пропустить молчаніемъ того обстоятельства, что и среди великор. памятниковъ XVI—XVII вѣковъ можно встрѣтить, хотя и рѣдко, такіе, которые почти совсѣмъ не употребляютъ буквы ѣ: такъ въ Челобитной Русина Ракова, помѣщенной въ слѣдственномъ дѣлѣ объ убіеніи Царевича Димитрія (СГр. и Д. II, 121—122), буквы ѣ мы совсѣмъ не находимъ.

Бѣглый обзоръ приведенныхъ выше особенностей

древнерусскихъ памятниковъ указываетъ, что при изслѣдованіи судьбы звука *ѣ* въ исторіи русскаго языка не слѣдуетъ ограничиваться лишь данными современныхъ живыхъ русскихъ говоровъ и нарѣчій, что значеніе свидѣтельствъ, представляемыхъ письменными памятниками, не можетъ быть подорвано опасеніемъ, не имѣемъ ли мы въ чередованіи буквъ є и ѣ одно лишь графическое явленіе, ибо, какъ это ясно изъ предыдущаго, въ цѣломъ рядѣ памятниковъ чередованіе это стоитъ въ очевидной зависимости отъ явленій живаго языка (напр. замѣна *е* черезъ *ѣ* передъ слѣдующею мягкою согласною): что поэтому историческое изслѣдованіе о звукѣ *ѣ* въ русскомъ языкѣ должно начинаться точнымъ и внимательнымъ разборомъ данныхъ, извлеченныхъ изъ возможно болѣе обширнаго круга памятниковъ. Для цѣли, которую я преслѣдую въ настоящемъ изслѣдованіи, достаточно и тѣхъ общихъ указаній, которыя сдѣланы на предшествующихъ страницахъ: мнѣ нельзя задаваться болѣе широкими задачами изъ опасенія отвлечься отъ главнаго предмета изслѣдованія, исторіи звуковъ *е* и *о* въ русскомъ языкѣ. Объ измѣненіи звука *ѣ* въ исторіи русскаго языка я скажу въ слѣдующей главѣ, а здѣсь сдѣлаю лишь краткое извлеченіе изъ вышеперечисленныхъ графическихъ явленій, указавъ на связь и зависимость ихъ отъ явленій языка.

Памятники не смѣшивающія є и ѣ ясно указываютъ на такія нарѣчія, въ которыхъ звуки *е* и *ѣ* различались не качествомъ звука, а тѣмъ, что *е* было монофтонгомъ, а *ѣ* дифтонгомъ, при чемъ, конечно, нельзя точно рѣшить, какъ именно звучалъ этотъ дифтонгъ, какъ *іе* съ преобладаніемъ первой или второй части, какъ ȷе или даже какъ *ȷе*. Что самое качество *е* въ звукахъ изображаемыхъ буквою є и въ звукахъ изображаемыхъ буквою ѣ не могло вліять на различіе этихъ звуковъ на письмѣ видно изъ того, что буквою є изображались самые разнообразные оттѣнки звуковъ ряда *е*, а именно ӗ (въ конечномъ открытомъ слогѣ), е' (въ по-

ложенія передъ слѣдующею небною согласною), ŏ и др.

Памятники употребляющіе ѣ вм. є передъ слѣдующею мягкою согласною принадлежатъ такимъ говорамъ, въ которыхъ древній звукъ *ѣ* уже не звучалъ какъ дифтонгъ. Утративъ первую часть свою, дифтонгическое сочетаніе *іе* въ однихъ нарѣчіяхъ русскаго языка измѣнилось въ $е^1$ независимо отъ качества *е* въ первоначальномъ дифтонгѣ (это было $е^1$ передъ пёбной согласной, $е^a$ въ остальныхъ случаяхъ), въ другихъ нарѣчіяхъ *іе* совпало со звукомъ *е* первоначальнымъ, принимая окраску $е^1$ и $е^a$ въ зависимости отъ слѣдующей согласной или положенія въ открытомъ конечномъ слогѣ. Я думаю, что буква ѣ могла быть принята за постоянное изображеніе звука $е^1$ въ памятникахъ тѣхъ именно нарѣчій, гдѣ книжному употребленію буквы ѣ всюду соотвѣтствовалъ звукъ $е^1$, т. е. гдѣ $іе^1$ и $іе^a$ совпали въ монофтонгѣ $е^1$; вслѣдствіе этого и $е^1$ другаго происхожденія, а именно первоначальное *е* передъ мягкою согласною также стало изображаться черезъ ѣ, напр. въ случаяхъ какъ мѣсть, дѣсѧть, людѣи; въ указанныхъ нарѣчіяхъ въ $е^1$ перешли и первоначальныя ĭ и ŏ въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ подъ вліяніемъ предшествующихъ нёбныхъ согласныхъ; такое $е^1$ точно также изображается черезъ *ѣ* (ср. поповѣ, свободѣнъ, людѣмъ и т. д.). Возможность изображать звукъ *е* въ различныхъ положеніяхъ буквою ѣ, являющеюся въ сущности лишь знаками для одного звука — звука $е^1$, характеризуетъ памятники 2-ой категоріи. Памятники 3-ей категоріи принадлежатъ къ говорамъ сходнымъ съ только что описанными, но отличающимся отъ нихъ тѣмъ, что явленіе перехода ĭ, ŏ въ слогахъ за удареніемъ въ $е^1$ распространилось на переходъ всякаго вообще неударяемаго ŏ въ зависимости отъ предшествующихъ нёбныхъ согласныхъ въ $е^1$; звукъ $е^1$ всякаго происхожденія изображался черезъ ѣ, почему мы въ памятникахъ сюда относящихся находимъ не только вѣсинѣ, ѕѣмлѧ, сѣмь, горожанѣ, дворовѣ, но также вѣсна, вѣдоша, всѣго, сѣло и т. д. Памятники 4-ой ка-

тегорін принадлежатъ тѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, въ которыхъ дифтонги і$е^1$ и і$е^2$ перешли въ монофтонги $е^1$ и $е^2$, буква ѣ стала обозначать такимъ образомъ звуки $е^1$ и $е^2$, звуки находившіе свое изображеніе и въ буквѣ є. Посему буква ѣ не могла получить какого нибудь спеціальнаго значенія (какъ напр. въ памятникахъ 2 и 3 категорій, гдѣ она обозначаетъ исключительно звукъ $е^1$) и такимъ образомъ стала вытѣсняться буквою є при всякомъ положеніи въ словѣ. Говоря о всѣхъ вышеизложенныхъ явленіяхъ, я имѣю въ виду, конечно, не одинъ намекъ на существованіе ихъ, намекъ, извлекаемый изъ разсмотрѣнія нашихъ древнихъ памятниковъ, но и то обстоятельство, что явленія эти ясно отразились въ современныхъ русскихъ говорахъ. Тѣмъ не менѣе указанія памятниковъ представляются мнѣ чрезвычайно цѣнными: въ цѣпи, соединяющей современныя явленія языка съ явленіями языка общерусскаго, оказывается соединительное, намъ извѣстное звено. Дѣйствительно, благодаря памятникамъ, мы сразу получаемъ возможность говорить: 1) о явленіяхъ, состоявшихъ въ измѣненіи дифт. сочетаній і$е^1$ и і$е^2$ въ $е^1$, а діалектически въ $е^1$ и $е^2$, 2) о явленіи перехода звуковъ ŏ и ĭ въ слогахъ за удареніемъ въ $е^1$, 3) о явленіи перехода неударяемаго ŏ въ $е^1$ въ серединѣ слова. Разсмотрѣнію этихъ явленій и посвящены слѣдующія главы.

Глава 12-ая.

Объ измѣненіи дифтонгическихъ сочетаній іе[1] и іе[a] въ монофтонги въ нарѣчіяхъ восточнорусскихъ.

Нарѣчія общерусскаго языка различались между собою между прочимъ тѣмъ, что въ дифт. сочетаніяхъ *іе* въ однихъ изъ нихъ получалъ перевѣсъ первый элементъ, въ другихъ второй. Такъ въ большей части западнорусскихъ нарѣчій дифтонгъ *іе* звучалъ съ перевѣсомъ перваго элемента, ср. судьбу *іе* въ этихъ нарѣчіяхъ и переходъ его въ *і* въ малорусскомъ. Тоже замѣчалось и въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ восточнорусскихъ, представлявшихъ усиленіе элемента *і* въ дифт. сочетаніи *іе*, между тѣмъ какъ другія нарѣчія усиливали элементъ *е*. Весьма трудно согласовать первоначальную группировку восточнорусскихъ нарѣчій съ современною, но по отношенію къ судьбѣ сочетанія *іе* можно съ увѣренностію сказать, что сѣвернорусскіе говоры отличались отъ южнорусскихъ тѣмъ, что, подобно западнорусскому нарѣчію, дали перевѣсъ элементу *і*; южнорусскіе говоры, а также значительная часть говоровъ, выдѣлившихся въ бѣлорусскую группу, дали перевѣсъ второй части дифт. сочетанія — элементу *е*. Впрочемъ въ бѣлорусской группѣ есть и такіе говоры, которые сходились по отношенію къ судьбѣ *іе* съ говорами сѣвернорусскими, причемъ любопытно сравнить древнее колебаніе ѐе и іѐ, наблюдавшееся въ говорахъ, легшихъ въ основаніе бѣлорусскаго нарѣчія, съ современнымъ колебаніемъ между произношеніемъ ѐе и іѐ въ тѣхъ бѣлорусскихъ говорахъ,

которые до сихъ поръ сохранили эти дифтонги (ср. выше гл.). Надо думать, что еще въ общерусскомъ языкѣ были извѣстны условія, при которыхъ дифтонгъ *ie* измѣнялся въ монофтонгъ. А именно въ сочетаніи ie' элементъ e' въ неударяемомъ слогѣ могъ ассимилироваться предшествующему элементу *i*, отсюда монофтонгъ *i* черезъ посредство *ii*. Указаніе на такое измѣненіе вижу въ общерусскомъ *i* въ словахъ какъ dit'á (общевеликор. и бѣлор. дитя́, дзiця́, общемалор. дытя), siedieti, sižu (общевеликор. и бѣлор. сидеть, сижу, общемалор. сыдíты, древнерус. москов. сидѣти 1434 СГр. и Д. № 55, 1456 № 79) вм. diet'a, siedieti, siežu; тѣ́же корни подъ удареніемъ представляютъ въ общерусскомъ языкѣ *ie*: ср. общевеликор. и бѣлор. дети, сесть, малор. дíты, сíсты. Въ малор. сы́дэнь, великор. си́днемъ ударяемое *i* замѣнило *i* неударяемое, ср. малор. сыднэ́м сыдíты; такой же случай въ великор. ди́тятко. Звукъ *i* вм. *ie* въ общерус. svidietel' имѣетъ такое же происхожденіе, ср. великорус. свидетель, малор. свыдíтэль, которымъ соотвѣтствуетъ древнерусское съвѣдѣтель. Въ положеніи въ неударяемомъ слогѣ, слѣдующемъ за удареніемъ, вѣроятно, наблюдался такой же переходъ дифтонга ie' въ *i*: общерусскія повѣ́дѣти, свѣ́дѣти переходили по указанному выше закону въ свѣдити, повѣдити. На свѣдити указываютъ частыя въ древнихъ памятникахъ формы свѣдитель, свѣдительствовати: мы находимъ ихъ въ галицко-волынскихъ и въ восточнорусскихъ рукописяхъ; гласная и заимствованная изъ формъ неопредѣленнаго наклоненія замѣняла ударяемое *ѣ* въ отглагольномъ существительномъ; повѣдити можно встрѣтить въ памятникахъ не знающихъ замѣны *ѣ* черезъ *и*, напр. въ бѣлор. Уставѣ о волокахъ; изъ формы неопредѣленнаго наклоненія звукъ *и* переносился въ формы причастія на *-лъ*: повѣдилъ въ Лит. Метр. АЮЗР. I № 31, 39, также въ грам. Жигимонта 1510 г. (тамъ же № 57) и др. Звукъ *i* въ древнер. старииший вм. старѣйший явился вмѣсто *ѣ* при тѣхъ же условіяхъ что въ дитя́, повѣдити, удареніе ле-

жало на *а* (ста́рѣйшій при старѣ́йшій, какъ ста́рый при стары́й): ср. въ памятникахъ не смѣшивающихъ звуковъ *ѣ* и *і* формы какъ старишии москов. 1496 СГр. и Д. № 128, старишиⁿствѣ 1433 № 50 (удареніе на конечномъ слогѣ), старишимъ 1484 № 119 и т. д. Думаю, что *і* въ нынича москов. 1433 № 50, 1434 № 53, нонича (отсюда ныньче, ноньче) можетъ имѣть такое же происхожденіе.—Конечно, іе¹ продолжало сохраняться неизмѣненнымъ въ слогахъ неударяемыхъ въ большинствѣ случаевъ; на сохраненіе его вліяли формы, гдѣ іе¹ было защищено отъ перехода въ монофтонгъ удареніемъ. Самое же явленіе измѣненія е¹ въ *і* въ сочетаніи іе¹ надо ставить въ связь съ вліяніемъ, которое должна была при этомъ оказывать слѣдующая нёбная согласная.

Дифтонгическое сочетаніе іе² въ общерусскомъ языкѣ не измѣнялось въ монофтонгъ. Совершенно отдѣльно слѣдуетъ разсматривать судьбу этого сочетанія въ словѣ цѣловати; здѣсь неударяемое іе² въ положеніи послѣ звука *ц*, за которымъ, какъ мы знаемъ, слѣдовалъ передъ твердыми согласными звукъ *о*, замѣнявшій въ такомъ положеніи звукъ ряда *е*—*ӧ*, переходило въ *о*, ассимилируясь, повидимому, еще въ общерусскомъ языкѣ звуку *о* слѣдующаго слога (*ло*): colovati. На то, что это слово существовало въ такомъ видѣ уже въ общерусскомъ языкѣ указываютъ съ одной стороны діалект. галиц. цюловаты (Головац.), при чемъ общемалор. форма цілуваты заимствуетъ *і*=*іе* (*ѣ*) изъ формы наст. врем. цілую; съ другой стороны — древніе памятники восточнорусскаго нарѣчія: во многихъ изъ нихъ, не смѣшивающихъ є и ѣ, находимъ тѣмъ не менѣе написанія целовати, целованіе, напр. москов. гр. 1371 СГр. и Д. № 31, 1388 № 33, 1405 № 38, 1448 № 69 и мн. др., при этомъ це слѣдуетъ читать какъ цо, что видно изъ памятниковъ какъ позд. копія Дог. 1402 СГр. и Д. цолованью, цолуй, 1591 цоловать СГр. и Д. II, 122, цолованью 121, 111, 1568 новгор. цолованью АЮ. № 289; изъ болѣе раннихъ можно указать на Полоц. гр. 1399 цоловати Р. Л. А. № 122.

Современные восточнорусскіе говоры не акающіе сохраняютъ *цо* въ этомъ словѣ, при чемъ самое обстоятельство соотвѣтствія въ нихъ звука *о* общеславянскому и первоначальному *ѣ* послѣ *ц* не находитъ объясненія въ спеціально-великорусскихъ законахъ, а сопоставленное со свидѣтельствами древневеликор. и древнебѣлор. (полоцкихъ) памятниковъ ясно указываютъ на то, что причину замѣны *цѣ* черезъ *цо* слѣдуетъ искать еще въ общерусскомъ языкѣ: ср. роман. и пошех. цолуетъ, ярослав. цолуй, молож. цолуетъ, чѐлуетъ, олон. цѐловалъ, поцѐлую, цѐлуй (съ новымъ переносомъ ударенія), сибир. петропав. солуй Даль LXI. Современныя москов. цаловать, поцалуй возводятся также къ формамъ цоловать, поцолуй, такъ какъ неударяемое *цѣ* (или *це*) не перешло бы въ этомъ говорѣ въ *ца*, а сохранилось бы какъ *це*[1] (ср. цена, целковый).

И такъ восточнорусское нарѣчіе получило изъ общерусскаго языка дифтонгическія сочетанія іеª и іе¹, первое въ положеніи передъ твердой согласной и въ конечномъ открытомъ слогѣ, второе въ положеніи передъ небной согласной, при чемъ въ неударяемомъ слогѣ іе¹, согласно предыдущему, уступало мѣсто звуку *і* и могло съ нимъ чередоваться подъ вліяніемъ звуковой аналогіи. Дальнѣйшее измѣненіе этихъ сочетаній принадлежитъ уже эпохѣ, слѣдовавшей за распаденіемъ восточнорусскаго нарѣчія на отдѣльные говоры, но причина этихъ измѣненій лежитъ въ явленіяхъ общихъ всей группѣ восточнорусскихъ говоровъ. Въ слѣдующей главѣ я укажу на особый характеръ, полученный удареніемъ въ восточнорусскомъ нарѣчіи: въ общемъ измѣненіе ударенія состояло въ экспираторномъ усиленіи ударяемыхъ слоговъ и экспираторномъ ослабленіи слоговъ неударяемыхъ. Вслѣдствіе этого дифтонгическія сочетанія общерусскаго языка получили стремленіе измѣняться въ монофтонги: подъ удареніемъ — въ зависимости отъ экспираторнаго усиленія одного элемента дифтонгическаго сочетанія насчетъ другаго и слѣдующаго за тѣмъ погло-

щенія одного изъ нихъ другимъ, внѣ ударенія — въ зависимости отъ ослабленія экспираторной силы, употреблявшейся раньше на произношеніе двухъ звуковъ, а теперь едва достаточной для яснаго произнесенія одного. При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что звуки *е* сохраняли свой небный характеръ только подъ удареніемъ и въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ ударяемому, въ другомъ же положеніи они переходили въ гортаннонёбныя звуки *e*, которыя я обозначаю буквой ė (подробнѣе объ этомъ см. въ слѣд. главѣ).

Въ восточнорусскихъ говорахъ по отношенію къ измѣненію дифтонгическихъ сочетаній ie^a и ie^i слѣдуетъ различать три главныя группы.

Въ первой группѣ, группѣ A, ie^a и ie^i черезъ посредство i^e´ въ слогахъ ударяемыхъ и непосредственно предшествующихъ ударенію измѣнялись въ e^i (ve^{i}ra, ve^{i}nik, na stole^i, se^{i}kú, le^{i}niv); въ прочихъ же слогахъ названныя дифтонгическія сочетанія переходили въ ė закрытое (tėsnotá, vidėl, me^{i}stė).

Во второй группѣ, группѣ B, ie^a и ie^i въ слогѣ ударяемомъ измѣнились въ e^a и e^i черезъ посредство i̯e^a и i̯e^i, въ слогѣ предшествующемъ ударенію въ e^i и наконецъ въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ въ ė закр. (ve^{a}ra, na stole^a; ve^{i}nik; se^{i}kú, le^{i}niv, tėsnota, vidėl, na me^{i}stė).

Въ третьей группѣ C ie^a и ie^i подъ удареніемъ, также какъ во второй, измѣнились въ e^a и e^i; въ слогѣ передъ удареніемъ они также перешли въ e^a и e^i, при чемъ e^a измѣнялось затѣмъ въ *a*, также какъ o^a измѣнилось въ *a* (ve^{a}ra, na stole^a, ve^{i}nik; se^{a}kú откуда сяку́, le^{i}niv); въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ ie^i измѣняется въ ė (bėliznа́), а ie^a въ однихъ говорахъ въ ä, откуда *a* (täsnota, откуда тяснота́, vidäl, откуда видял, na me^{i}stä, откуда на мѣстя), въ другихъ говорахъ въ ė (tėsnota, vidėl, na me^{i}stė). Въ слѣдующихъ главахъ я еще нѣсколько разъ возвращусь къ опредѣленію звуковъ, замѣнившихъ въ восточнорусскихъ говорахъ дифтонгиче-

скія сочетанія ѣ. Посему оговариваюсь, что предлагаемое въ этой главѣ опредѣленіе ихъ не полно и не точно.

Къ группѣ А отношу говоры сѣвернорусскіе и примыкавшіе къ нимъ раньше нѣкоторые изъ полоцкихъ говоровъ. Древнѣйшія указанія на переходъ іеª и іе¹ безразлично въ звукъ е¹ (ѐ въ неудар. и ударенію предшествовавшихъ слогахъ) находимъ уже въ памятникахъ XIII в.: буква ѣ, получивъ значеніе звука е¹, стала обозначать и первоначальное е¹, употребляясь вмѣсто є. Опредѣлить точно, какіе изъ современныхъ говоровъ восходятъ къ группѣ А, весьма затруднительно, вслѣдствіе того, что звукъ е¹ ударяемый передъ твердою согласною съ теченіемъ времени въ большинствѣ говоровъ этой группы измѣнился въ еª: такимъ образомъ первонач. говоры группы А совпали по отношенію къ измѣненію іеª въ іе¹ съ говорами группы В. Въ главѣ 13 будетъ указано на происхожденіе новаго звука еª въ общевосточнорусскую эпоху; онъ являлся вм. ударяемаго е¹, потерявшаго свою нёбность, такъ какъ ударяемое е¹ передъ отвердѣвшей согласной измѣнялось въ еª во всѣхъ восточнорусскихъ говорахъ. Такимъ образомъ въ одномъ рядѣ словъ въ говорахъ группы А наблюдалось чередованіе ударяемаго звука еª (восходящаго къ первонач. е¹) передъ твердой (отвердѣвшей) согласной съ ударяемымъ е¹ передъ мягкою согласною и неударяемыми е¹, ѐ передъ твердой и мягкой согласной (напр. веªрба—ве¹рбѣ, наглеªц—нагле¹ца́, купеªц—нѣмѐц); въ другомъ же рядѣ словъ такого чередованія не было, а именно тамъ, гдѣ звукъ е¹ не первоначальный и восходитъ къ ѣ (ме¹ра—ме¹рѐ, траве¹—сла́вѐ). Понятно, почему вмѣсто е¹ въ ме¹ра, ле¹с, се¹но, не¹т и т. д., въ которыхъ е¹ стоитъ передъ исконнотвердыми согласными, могъ являться звукъ еª (меªра но ме¹рѐ, леªс но ле¹са́); точно также являлось еª вм. е¹ въ конечномъ открытомъ слогѣ слова (травеª, женеª но сла́вѐ, ба́нѐ). Отсюда видно, что группа А распалась на группу говоровъ Аа, сохранявшихъ звукъ ударяемое е¹ изъ *іе* передъ твердыми согласными и въ от-

крытомъ конечномъ слогѣ, и на группу говоровъ Ab, измѣнившихъ такое е^i въ е^a. Къ группѣ Ab принадлежитъ большинство современныхъ сѣвернорусскихъ говоровъ: такъ въ симбирской, ярославской, новгородской, вологодской, олонецкой (напр. въ Вырозерѣ, также въ Пудож. у.), архангельской губерніяхъ есть говоры, гдѣ слова хлѣбъ, сѣно, мнѣ, на столѣ, невѣста, бѣдный и т. д. произносятся съ е^a, не отличаясь такимъ образомъ отъ московскаго и вообще южновеликорусскаго, а также бѣлорусскаго произношенія. Къ группѣ Aa относится, вѣроятно, также не малое число говоровъ вологодской, новгородской, ярославской и др. губерній; но такъ какъ о произношеніи звука *е* открытомъ или закрытомъ по записямъ судить нельзя, непосредственныя же наблюденія изслѣдователей мало останавливались на этой чертѣ вокализма, то сказать что нибудь достовѣрное о степени распространенности говоровъ Aa пока нельзя. Могу впрочемъ, основываясь на моихъ личныхъ наблюденіяхъ, отмѣтить сохраненіе ударяемаго е^i передъ твердою согласною въ рядѣ говоровъ Петрозаводскаго, Повѣнецкаго и Пудожскаго уѣздовъ Олон. губ., въ которыхъ я весьма ясно слышалъ: заре^{i}заў, сгоре^{i}ло, неве^{i}ста, ле^{i}сомъ, де^{i}лать, те^{i}сто, не^{i}ту, ле^{i}то, самоцве^{i}тный, ле^{i}шый, целове^{i}к, хле^{i}б, не^{i}т, е^{i}с (ѣстъ), мне^i, дворе^i и т. д. Кромѣ того, я слышалъ въ Кирилловскомъ у. Новгородск. губ. хле^{i}б. Что такое же произношеніе существуетъ мѣстами и въ Ярославской губерніи, видно, между прочимъ, изъ полученнаго на вопросъ програмы г. Якушкина отвѣта изъ Покровоситской волости Моложск. у.: „въ словахъ мѣлъ, сѣра, вѣсъ, дѣло буква *е* произносится какъ *е* въ словахъ день, мель, весь, а не какъ буква *ѣ*, слѣдовательно, звукъ *е* приближается къ *и*“.—Весьма важнымъ указаніемъ для различенія говоровъ обѣихъ группъ Aa и Ab является чередованіе въ нихъ ударяемаго е^i (изъ *ѣ*), а въ говорахъ Ab и е^a (изъ е^i, которое изъ *ѣ*), со звукомъ *i* ударяемымъ. Думаю, что такое *i* развилось непосредственно изъ i^e, которое, какъ указано выше, явля-

ется посредствующею ступенью между *іе* и современнымъ сѣверновеликор. е': звукъ іᵉ, непосредственно изъ *іе*, переходилъ въ *і* при условіяхъ благопріятствовавшихъ возобладанію болѣе нёбнаго звука, въ е' при условіяхъ обратныхъ. Дѣйствительно, большинство говоровъ представляетъ *і* вм. первонач. *ѣ* въ положеніи именно между нёбными согласными, развивая е' (или еᵃ) въ положеніи передъ согласными твердыми или въ конечномъ открытомъ слогѣ. Впрочемъ, въ настоящее время нельзя указать ни одного говора, въ которомъ была бы строго проведена замѣна *ѣ*—черезъ е' (еᵃ) въ положеніи не передъ нёбными согласными, черезъ *і* передъ согласными нёбными: многіе говоры представляютъ *і* вм. *ѣ* и передъ твердыми согласными, а во всѣхъ говорахъ можно найти е' вм. *ѣ* передъ согласными нёбными. Это зависитъ частью отъ взаимнаго другъ на друга вліянія различныхъ говоровъ, частью же отъ дѣйствія другихъ сопровождающихъ условій, не достаточно еще выясненныхъ. Звукъ *і* ударяемое изъ *ѣ* встрѣчается, вѣроятно, на всемъ пространствѣ сѣвернорусскаго языка, хотя впрочемъ въ акающихъ говорахъ Саратовской, а также въ нѣкоторыхъ говорахъ Ярославской и Владимірской, вѣроятно и другихъ губерній, чередованія звуковъ е (изъ *ѣ*) и *і* не наблюдается. Такъ Колосовъ, побывавшій во Влад. и Ярослав губ., на с. 13 своего отчета говоритъ, что ни въ той, ни въ другой онъ не слышалъ *и* вм. *ѣ* (очевидно ударяемаго) ни въ окончаніяхъ именъ и мѣстоименій, ни въ корняхъ словъ. Тотъ же изслѣдователь отмѣчаетъ весьма рѣдкимъ чередованіе *е* съ *и* (изъ *ѣ*) въ Новгородской губерніи. Есть основаніе утверждать, что во многихъ говорахъ Молож. у. Ярослав. губ. нѣтъ смѣны ударяемаго *е* (изъ *ѣ*) на *и*. Многіе говоры сѣверной (напр. Шуньга) и восточной части Олонецк. губ., а въ особенности Пудож. у., а также, повидимому, и Архангельской губерніи не имѣютъ совсѣмъ ударяемаго *и* вм. *ѣ*: отдѣльно стоятъ въ нихъ слова јисть, појисть, гдѣ условія для возникновенія *і* вм. іᵉ были особенно благопріят-

ны. Слѣдуетъ однако замѣтить, что и во Владимірской и въ Ярославской губерніяхъ, даже въ томъ же Молож. уѣздѣ есть говоры, представляющіе весьма часто *і* вмѣсто *ѣ*. — Какъ указано выше, между сѣверновеликорусскими говорами есть такіе, въ которыхъ ударяемое *і* замѣняетъ *ѣ* только передъ слѣдующею мягкою согласною: мы находимъ ихъ въ губерн. Ярославской (ср. говоръ описанный Тихвинскимъ въ Р. Ф. В. 1890 г. № 3), Вологодской, Олонецкой (строго выдерживается указанное чередованіе на Вырозерѣ Петрозав. у.), Вятской и др. Но и въ нихъ попадаются отдѣльные случаи съ *і* вм. *ѣ* передъ твердыми согласными, что можетъ указывать на бо̀льшую распространенность такого *і* изъ і[е] въ древности. Рядомъ съ этими говорами существуютъ другіе болѣе рѣдкіе говоры, въ которыхъ *і* вм. *ѣ* встрѣчается какъ явленіе обыкновенное и передъ твердыми согласными: въ Волочкѣ Твер. губ. отмѣчены Далемъ (XLVII) лито, викъ, мисто, въ Вологодской губ. находимъ: сирымъ, свитъ, витру, вистоцьки, снигу, билу, особенно часто въ Вельскомъ у.: бидная, чвитъ, совитъ, гнивно, диўки, мидная, наихали, тило, витры, прогниватцё и т. д.; въ Пошех. у. мѣстами говорятъ: хлибъ, грихъ, викъ, лисъ, дивка, дило, сино, сдилаю; въ западной части Олонецкой губ. слышно: лисъ, вслидъ, сиў, хлибъ, дидъ, хливъ, невиска, миўко, согриў, ливый, сила, одила, сино, рипа, јихать, клиточка, целовика, повидаў, захотила, витрышки (напр. Прич. Барсова I, 34); гди, везди, зди, на двори, на рѣки, в поўни, отъ зими и т. д.; въ Каргопольскомъ уѣздѣ Колосовъ (Замѣтки I, 187) указываетъ на дило, нитъ. При изслѣдованіи о распространенности звука *і* изъ *ѣ* слѣдуетъ обратить вниманіе на то, чередуется ли онъ передъ твердою согласною съ е[а] или съ е[і]: можно предполагать, что говоры, вытѣснившіе звукъ е[і] передъ твердыми согласными звукомъ е[а], не допускаютъ замѣны первонач. *ѣ* звукомъ *і* передъ этими согласными, но не имѣю въ своемъ распоряженіи достаточнаго для такого утвержденія матеріала. Неударяе-

мыя ie^a и ie^1 въ говорахъ группы А измѣнились, какъ сказано выше, въ слогѣ передъ удареніемъ въ e^1, въ прочихъ же слогахъ въ ė закрытое: несомнѣнно, что посредствующимъ звукомъ было i^e, и, можетъ быть, слѣдуетъ допустить фонетическое измѣненіе всякаго неударяемаго i^e въ *i*, при чемъ e^1 и ė закр. являлись вм. *i* подъ вліяніемъ звука *e* въ слогѣ ударяемомъ: rika, sławi измѣнялось въ re^{1}ka, sławė подъ вліяніемъ re^{1}ku (re^{a}ku), trave^1 (trave^a). Въ современныхъ говорахъ *i* вм. неудар. *ѣ* весьма обычно въ однихъ (напр. въ вельскихъ цвитноё, на дилу́, стиной, росчвитала, олонецкихъ: въ се́ребри, на де́реви, на мѣсти, въ доми, бижать, ливорукого и др.), ограничено въ своемъ употребленіи въ другихъ (напр. неудар. *i* вм. *ѣ* является въ ярославскомъ говорѣ описанномъ Тихвинскимъ только передъ нёбной согласной), совершенно отсутствуетъ въ третьихъ.

Чередованіе *i* и *ѣ*, замѣчаемое въ современныхъ сѣвернорусскихъ говорахъ, весьма древнее, но оно не древнѣе той эпохи, въ которую *ѣ* утратилъ характеръ дифтонга. Съ современнымъ сѣвернымъ *i* въ хлибъ, рипа нельзя сопоставлять и вм. ѣ въ древнѣйшихъ памятникахъ новгородскаго письма, принадлежащихъ такому времени, когда *ѣ* звучало еще, конечно, какъ дифтонгическое сочетаніе. Дѣйствительно, какъ это было указано въ началѣ 11-й гл., и вм. ѣ, встрѣчающееся въ древнихъ памятникахъ, лишь приблизительно изображаетъ церковное произношеніе буквы ѣ нашими предками: произнося *ѣ* не какъ дифтонгъ, а какъ монофтонгъ e^1, они, путая съ этимъ искусственнымъ произношеніемъ свое живое (*ѣ* какъ *ie*), смѣшивали e^1 съ *i* и писали и вм. ѣ. Съ современнымъ *i* вм. *ѣ* можетъ быть сопоставлено лишь то и, которое мы съ XIV в. находимъ въ памятникахъ русскаго происхожденія. Укажу на нѣсколько такихъ памятниковъ.

Въ риси XIV в. изд. въ Р. Д. П: кижить 49, дитинскꙑи 111, кълицꙋ 3 л. мн. 33, кроми 2, к дружини 103, ко рти 55, Перенигъ 11 и т. д.; что вообще въ этой

рукописи буква ѣ обозначала въ рядѣ словъ звукъ і (изъ ѣ) видно изъ употребленія ея для обозначенія звука і первоначальнаго: вѣру 12, до Ригѣ 267, далѣ 269, кралѣ 117, видилѣ 165 и т. д. Въ Ипат. сп. лѣтописи XV в. находимъ: подиливѣ 318, гусиница 123 (и можетъ быть явилось еще въ общер. яз. въ этомъ словѣ), о грисѣхъ 396, ӡѣри 263, види 330, надоби 311, 317, крѣпци 485, с писньми 403, и вин. мн. (вм. ѣ) 216, 301, 302, двори 299, иѣлӡи 418 и др.; звукъ і вообще можетъ обозначаться здѣсь буквою ѣ: миоӡѣ 421, 424, далѣ 425, послалѣ 431, радѣ 461, пожьглѣ 468, клобуцѣ им. мн. 455, ѣ вин. ед. 313, 590, всеѣ дат. ед. 310, 383, учинилѣ 546, Индриковѣ, Рюриковѣ дат. ед. 278, 478, своеѣ дат. ед. 389, на лодьѣ Рускоѣ 423, ко святоѣ Богородици 604, цвѣтъ 522, истѣньную 418, ѣздѣли 454, Хрѣстоса 534 и др. Въ Нов. лѣтпси по Арх. сп. XV в.: у клитѣ 86, недилю 88, медвидь 108, иӡбигоша 338, обонижью 334, ӡаричанъ 355, увидивѣ 13, прииховше 19, дитького 387, шистомъ 65 (на ѣ указываетъ и соврем. московск. шестъ), проскипомъ 107, митутѣ 349, поколивѣ 351, ориховець 347, Кирилу 335, 336, сгори 365, в городки 347; буква ѣ употребляется здѣсь и для обозначенія звука і не изъ первонач. іе: окороиѣши 19, видѣши 20, мьстѣть 84, хотѣмъ 384, в роӡмѣрьи 380, имѣса 2 л. пов. 24, на иѣхъ 413, дѣдѣму 331, беӡ вѣстѣ 394, дѣтмѣ 370, былѣ 350, побилѣ 355, послалѣ 360, дверѣ 28, коневѣ дат. ед. 12 и т. д. Въ Нов. лѣтпси по Арх. сп. XVI—XVII в.: недили 79, тима 65, свита 118, повисіли 117, мисте 117, повицілли 77, бѣлки лишей 122, дви сабли 118, на стулі 118, на Москви 113, в Новигороди 119, ӡгори 3 аор. 23, теліги 118, невирно 119, пилѣ молебны 118, билому 118, сина, беӡъ отмины 119, ціло 116, ликую 120, поихалъ 121, велилѣ 113, горіло 117, предилѣ 118; ѣ обозначаетъ не только новое і изъ ѣ, но также звукъ і первоначальный, напр. рѣӡнечему 113, анхіманрѣтъ 113, протѣвъ 117, сторонивѣ 114, ѣздѣлъ 101, 118, вѣшерьскому 116 и др. Въ Сбор. XVI в: быв. Нов.

Соф. биб. № 1448, изъ котораго издана Палея А. Поповымъ (Книга бытія неба и земли), находимъ: сиверѣ 2, синдиемь 4, мисть 41, писнеписецъ 57, симени 75, имии 84, висть 92, члвиче 68, человицы 67, восхоти 3 аор. 37 и др. Изъ небольшихъ по объему памятниковъ, представляющихъ и вм. ѣ, отмѣчу напр. дв. гр. XIV в. изд. въ АЮ. № 71, XIX: в рицки, дитемъ, на писку, соки, дв. гр. изъ Собр. Мух. № 14: по сили, возли, подли, по серетки, гори мѣс. ед., ср. тамъ же ѣ вм. и: оурѣчѣще, рѣпѣщи, вѣкѣ, Закл. 1349 Собр. Мух. № 19: на костькови гори, николи дат., старости, двин. гр. XIV в. АЮ. № 110, I: викъ, на голови, кути мѣс. ед., на гори, островки, ѣ вм. и: вѣнѣ, володѣтѣ, дѣтѣ, рѣпѣще, онѣкѣі, нов. гр. ок. 1360: острови, увидаются, обима, АЮ. № 71, Сбор. Чудова мон. XIV в. № 20: не годи, раздили, осинить, описнокъ Щепкинъ Биб. мат. с. XV, XVII; гр. 1588 АЮ. № 251: хлибъ, миру, ср. тамъ же Спирѣдоновъ, гр. 1586: семъ миръ АЮ. № 184, гр. 1576: литникъ АЮ. № 248, гр. 1563: владить АЮ. № 244, гр. 1562: клить, заговинia АЮ. № 243, разд. 1541: подилили, дити, синьми, сикерилм, синникъ, передиликати, на дилу АЮ. № 265, отказная Обонеж. пятины 1678, приписка попа Ивана Трофимова: мисто, велиньюи рядомъ: книгамъ, въ сѣхъ книгахъ. Въ гр. 1505 АЮ. № 145 нѣтъ случаевъ, гдѣ и стояло бы вмѣсто ѣ, но случаи обратнаго употребленія ѣ вм. и указываютъ на переходъ дифтонгическаго сочетанія ѣ въ і: нѣвы, Трофѣмъ, половѣны, Васѣлейко; тоже видимъ въ Нов. рядной XV в. Собр. Мух. № 15: мѣкитины, двѣ кортѣ, клѣментиевы, по мѣтрѣевы, грѣгорью, на новѣкѣ, грѣвне, на Вѣшерѣ, в березнѣкѣ, дѣтѣ, клѣнъ, клѣна (вм. клина). Изъ примѣровъ, гдѣ ѣ стоитъ вм. и, особенное вниманіе обращаютъ на себя тѣ, гдѣ въ предшествующемъ слогѣ стоитъ ѣ: обозначивъ въ этомъ слогѣ звукъ і буквою ѣ, писецъ весьма естественно обозначалъ тою же буквою звукъ і въ слѣдующемъ слогѣ.

Къ группѣ В, замѣняющей дифт. сочетаніе ѣ подъ

удареніемъ звуками e^{a} и e^{i}, въ слогѣ передъ удареніемъ звукомъ e^{i}, а въ прочихъ слогахъ звукомъ ė, принадлежитъ лишь весьма ограниченное число говоровъ. Это, въ связи съ нѣкоторыми явленіями, общими говорами этой группы съ говорами группы C, дѣлаетъ возможнымъ допустить существованіе одной общей группы BC. Въ группѣ BC ударяемыя ie^{a} и ie^{i}, черезъ посредство $ȷe^{a}$ и $ȷe^{i}$, измѣнились въ e^{a} и e^{i}, а также измѣнились эти дифт. сочетанія въ слогѣ передъ удареніемъ; въ слогѣ же не подъ удареніемъ и ударенію не предшествовавшемъ вм. ie^{a} являлось ӓ или ė, вм. ie^{i}—ė. Въ группѣ B звуки ӓ и e^{a} въ положеніи за нёбной согласной измѣнились въ ė и e^{i}. Къ говорамъ B, несомнѣнно, слѣдуетъ относить московское нарѣчіе: въ немъ мы находимъ напр. подъ удареніемъ ve^{a}ra, le^{a}s, se^{a}no, se^{i}ni, $ve^{i}rit^{i}$; na $dvore^{a}$, na $kone^{a}$; въ слогѣ передъ удареніемъ: le^{i}sá (изъ le^{a}sá), be^{i}dá (изъ be^{a}dá), le^{i}niv, $be^{i}lit^{i}$; въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ: bėliznȧ, bėdnata (изъ bӓdnatá), lėsavík (изъ lӓsavík), stávė (можетъ быть изъ stávӓ) и т. д. Такимъ образомъ, хотя мы въ сѣвернор. и московск. находимъ одинъ звукъ въ словахъ какъ бѣдá, лѣсá, рѣкá, стрѣлóк—и это въ противоположность прочимъ южновеликор. говорамъ, гдѣ найдемъ бядá, лясá, рякá, тѣмъ не менѣе e^{i} въ сѣвернорус. словахъ be^{i}dá и т. д. и въ московск. be^{i}da и т. д. различны по происхожденію; въ сѣвернор. e^{i} восходитъ непосредственно къ i^{e} изъ ie^{a}, въ москов. e^{i} стоитъ вмѣсто e^{a} подъ вліяніемъ фонетическаго перехода звука e^{a} въ этомъ говорѣ въ *e* закрытое, восходитъ такимъ образомъ къ тому же звуку, изъ котораго фонетически образовалось *я* въ большинствѣ остальныхъ южновеликорусскихъ говоровъ.—Кромѣ московскаго нарѣчія представляютъ e^{i} (и *г*) въ слогѣ передъ удареніемъ вм. звука *ѣ* и многіе другіе южновеликор. говоры (въ особенности курскіе), но въ нихъ этотъ звукъ не такъ строго выдержанъ и чередуется съ *я*, также какъ при ė въ прочихъ неудар. слогахъ можетъ являться звукъ *я* (фонетич. изъ ӓ): такіе говоры представляются поэтому

смѣшанными, не принадлежа ни къ группѣ B, ни къ группѣ C.

Группа C, какъ указано выше, обнимаетъ говоры, имѣющіе на мѣстѣ звука *ѣ* въ слогахъ ударяемыхъ $е^а$ и $е^i$, въ слогахъ же передъ удареніемъ $е^i$ и *я*: это *я* фонетически развилось изъ $е^а$ и замѣнило подъ вліяніемъ звуковой аналогіи и $е^i$ (изъ $іе^i$) передъ мягкой согласной, ср. напр. ряз. ряка́, бяда́, лянивай (изъ $ле^i$нивый), бяли́ла (изъ $бе^i$лила). Кромѣ рязанскаго говора сюда принадлежатъ и почти всѣ остальные, за исключеніемъ московскаго, южновеликорусскіе говоры, а также говоры бѣлорусскіе. Но по отношенію къ слогамъ неударяемымъ и ударенію не предшествующимъ группа C разбивается на другія двѣ главныя семьи: въ первой изъ нихъ звукъ *ѣ* передъ твердой согласной измѣняется въ ӓ, во второй въ звукъ ė; въ первой изъ этихъ семей звукъ ӓ, явившійся вм. $іе^а$, подъ вліяніемъ предшествующаго нёбнаго звука можетъ діалектически переходить въ ė (явленіе тождественно съ имѣвшимъ мѣсто въ группѣ B), а тамъ гдѣ ӓ сохраняется, оно измѣняется затѣмъ въ *я*. Между этими главными разновидностями существуютъ и другія, въ которыхъ замѣтно или распространеніе звука *я* насчетъ $е^i$, или сохраненіе его лишь при извѣстныхъ условіяхъ; но мы не будемъ о нихъ распространяться, оставляя характеристику отдѣльныхъ южновеликор. и бѣлор. говоровъ до полнаго ознакомленія съ судьбою и другихъ звуковъ въ этихъ говорахъ (см. ниже въ гл.). Я не стану поэтому опредѣлять здѣсь составъ каждой изъ двухъ главныхъ указанныхъ здѣсь семей говоровъ, но отмѣчу лишь случайныхъ представителей ихъ; и такъ съ одной стороны находимъ: тисната, лисови́къ, въ доми, въ ями ряз. (2-ая семья), въ золыти, въ се́рибри орлов., съ другой— лясови́къ, у лѣся, на базаря ворон. (1-ая семья), в городя, на му́равя кур. щигров. и т. д.

Обращаясь къ звукамъ замѣстителямъ древняго *ѣ* въ говорахъ группы B и C, находимъ, что звукъ $е^а$, который подъ удареніемъ соотвѣтствуетъ дифтонг. сочета-

нію іеª, не можетъ быть отождествленъ по происхожденію съ звукомъ еª, который мы при тѣхъ же условіяхъ (въ положеніи не передъ мягкой нёбной согласной) находимъ въ говорахъ группы А: ср. меªсто, леªс какъ въ говорахъ А, такъ и въ говорахъ ВС. Дѣйствительно, еª въ такихъ и подобныхъ словахъ говоровъ А восходитъ къ болѣе древнему е¹, которое изъ іеª черезъ посредство іª; напротивъ тоже еª въ говорахъ ВС восходитъ къ іеª черезъ посредство ʝеª. Но даже е¹ въ случаяхъ какъ пе¹ли, се¹ни, те¹нь нельзя отождествлять по происхожденію въ говорахъ А съ одной, ВС съ другой стороны: е¹ въ говорахъ А восходитъ къ іе¹ черезъ посредство іª, въ говорахъ В къ тому же сочетанію черезъ посредство ʝе¹. Различіе происхожденія сѣвернорусскихъ и южновеликор. еª и е¹ объясняетъ намъ, почему въ явленіяхъ графики памятники напр. Новгорода и Москвы по отношенію къ є и ѣ между собою не сходятся: въ сѣверныхъ памятникахъ ѣ во всѣхъ случаяхъ читается какъ звукъ закрытый е¹, ẻ, поэтому буква ѣ стала обозначать и звукъ е¹ первонач. (напр. нѣсти, вѣликъ), въ памятникахъ московскихъ ѣ читалось то какъ еª, то какъ е¹, и не могло поэтому получить какого нибудь спеціальнаго отъ буквы є значенія. Различіе происхожденія звука е¹ изъ *ѣ* въ сѣвернор. съ одной, южновеликор. и бѣлор. говорахъ съ другой объясняетъ намъ, почему въ первыхъ изъ этихъ говоровъ смѣшиваются звуки е¹ и *і* подъ удареніемъ, тогда какъ въ другихъ подобныхъ смѣшеніе встрѣчается лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ: къ таковымъ, можетъ быть, слѣдуетъ отнести переходъ ʝіе не въ ʝʝе, откуда ʝе, а въ ʝіª не только въ говорахъ А, но и въ говорахъ ВС, ср. раз. ʝиш, ʝисть Будде 201. Непонятно для меня *и* въ ряз. диверь, дивирь; москов. си́верно, ряз. сивера, тульс. си́верца также какъ слова сиверъ, сиверно, обозначающія сѣверный вѣтеръ, въ южновеликор. говоры очевидно проникли съ сѣвера. — Совершенно отдѣльно слѣдуетъ разсматривать діалект. бѣлор. *и* вм. *ѣ*: оно является преимущественно

въ рогачев. и гомел. говорахъ Могил. губ. и указываетъ на то, что нѣкоторыя изъ бѣлор. говоровъ измѣняли *ѣ* также какъ говоры сѣвернорусскіе: ср. сказанное выше объ употребленіи буквы ѣ вм. є въ полоцкихъ памятникахъ сходномъ съ таковымъ же въ памятникахъ новгородскихъ; такъ мы въ говорахъ обоихъ вышеназванныхъ уѣздовъ находимъ: хлиба, побигъ, бигавъ, лисъ, дзидъ, сили, зъили, ня умию; тоже, хотя и рѣже, встрѣчается и въ другихъ говорахъ сосѣднихъ уѣздовъ. Измѣненіе ė, а мѣстами даже е[i] (въ слогѣ передъ ударенiемъ), въ *i* въ южновеликор. говорахъ шло совершенно самостоятельно отъ сходнаго измѣненія, имѣвшаго мѣсто въ говорахъ сѣвернорусскихъ, и я не рѣшился бы сравнивать олонец. *и* въ случаяхъ какъ баби, в городи съ *и* напр. кур. золыти или бѣлор. діалек. въ дорози, баби, у лѣси; дѣйствительно, при *и* неудар. въ олон. мы находимъ и ударяемое *и*: на сторони́, а въ южновеликор. и и бѣлор. только е[a]. Поэтому я вывожу сѣвернорус. неудар. *i* вм. *ѣ* непосредственно изъ і[e] замѣнившаго *іе*, а *i* вм. *ѣ* говоровъ В и С объясняю съ одной стороны какъ слѣдствіе имѣвшаго въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ стремленія къ бо́льшей палатализаціи неударяемыхъ гласныхъ (ср. *ѧ* вм. неуд. *а*), съ другой какъ результатъ вялаго произношенія звука ė.

Звуки е[i], ė закр., е[a], ӓ, явившіеся вмѣсто дифтонг. сочетаній *іе*, могли подвергаться дальше различнымъ измѣненіямъ. На нѣкоторыя изъ нихъ я уже обратилъ вниманіе выше: сюда относится фонетическій переходъ ӓ въ ȧ (звукъ гортаннонёбный и при томъ неясный въ произношеніи), е[a] въ *а*; далѣе измѣненіе ӓ, е[a] въ нѣкоторыхъ говорахъ подъ вліяніемъ предшествующихъ нёбныхъ звуковъ въ ė, е[i]; наконецъ вытѣсненіе діалектически звуковъ е[i] и ė звуками *а* (изъ е[a]) и ȧ (изъ ӓ). Кромѣ того находимъ въ нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ говорахъ звукъ *о* (ё) вмѣсто е[i] въ слогахъ ударяемыхъ и предшествующихъ ударенію (ср. бесёда, полёно; бёда, рёка). Обо всѣхъ этихъ явленіяхъ я буду подробнѣе го-

ворить въ слѣдующихъ главахъ, здѣсь же ограничусь замѣчаніемъ, что первоначальными замѣстителями дифт. сочетаній ѣ во всѣхъ восточнорусскихъ говорахъ были только звуки е^{1}, е^{a}, ѐ и ӑ; въ обще же русскомъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ вм. ѣ являлось і и тоже і, чередуясь съ е^{1}, ѐ, является замѣстителемъ звука ѣ въ одной изъ группъ, на которыя распалось восточнорусское нарѣчіе.

Поэтому считать фонетическую замѣну ѣ черезъ ё древнимъ и общимъ всему восточнорусскому нарѣчію нельзя. Но нефонетически, а подъ вліяніемъ грамматич. аналогіи ѣ дѣйствительно уже очень рано могло вытѣсняться звукомъ ё. Такъ въ говорахъ А и В вліяніе случаевъ се^{1}ло—сёла, ве^{1}ду—вёлъ вызывало при ве^{1}дро́, гне^{1}здо́, се^{1}дло́, зве^{1}зда́ формы вёдра, гнёзда, сёдла, звёзды (при зве^{a}зды); равнымъ образомъ при пріобре^{1}ла́, побе^{1}гла́, цве^{1}ла́ явились формы пріобрёлъ, побёгъ, цвёлъ (можетъ быть и фонетически изъ цвöлъ восходящаго къ цвьлъ). Точно также въ говорахъ С вліяніе случаевъ сяло́—сёло, вяду́—вёлъ вызывало при вядро́, гняздо́, сядло́, звязда́ формы вёдра (бѣлор. вёдры), гнёзда (бѣлор. гнёзды), сёдла, звёзды (при зве^{a}зды), пабёх (тоже бѣлор.), пріобрёлъ. Особый случай перехода ѣ въ ё находимъ въ общевеликор., а также діалектически бѣлорусскихъ формахъ вин. и род. ед. мѣстоименій жен. р.: тоё, всеё, её, одноё, самоё, которымъ въ древнерусск. языкѣ соотвѣтствовали формы тоѣ, еѣ и т. д. Замѣчу, что тоѣ̀, еѣ̀ не могли фонетически измѣниться въ тоё, её, а переходили въ тоје^{a}, јеје^{a} при тоје^{1}, јеје^{1} въ говорахъ группы А: эти формы находимъ въ вят. ее, тое, ряз. на нее́, яе́ р. ед. Будде 50, кур. щигр. тые́ даску́, іие́ вин. ед., всіе́ ноч при всіё ноч Халанскій Р. Ф. В., бѣлор. яе, тае, усее (усеё Лепп. Кар. Обзор 135, јиё Твер. Афан. I № 29). Въ виду этого я думаю, что подобныя формы должны быть прежде всего поставлены въ связь съ краткими формами ей р. и вин. ед. олон., той, всей, самой, одной. Въ нихъ конечный звукъ ѣ отпалъ, оставивъ лишь

въ сокращенномъ видѣ свой первый элементъ. Отпаденіе это не было фонетическимъ и должно быть тождественнымъ съ отпаденіемъ звука *у* въ окончаніи тв. ед. именъ жен. р. (ой вм. ою). Слѣдуетъ именно думать, что вліяніе формъ дат., мѣс. ед. жен. рода какъ доброй, моей вызвало стремленіе сократить форму р. ед. доброѣ, моеѣ: дѣйствительно, въ склоненіи именъ существительныхъ формы р., дат. мѣс. ед. имѣли одинаковое число слоговъ. Такъ явилась форма род. ед. равная по числу слоговъ съ формами дат. и мѣс. ед.; срав. сокращеніе формы тв. ед. въ именахъ сущ., гдѣ она имѣла лишній слогъ противъ всѣхъ падежей ед. числа: горою, но гора, горѣ, горы. Въ результатѣ сокращенія формы горою явилась форма съ неслоговымъ й̆ въ окончаніи: отсюда съ одной стороны горой; съ другой героў и горов (см. выше). Въ результатѣ же сокращенія формы доброjie явилась форма съ неслоговымъ *е* на концѣ: dobroe̯. Это *е* изъ формъ какъ jee̯, toe̯, samoe̯, гдѣ удареніе стояло на корнѣ, переносилось въ формы, гдѣ удареніе падало на окончаніе, т. е. при jee̯, toe̯, samoe̯ явились jejé, tojé, samojé также какъ при jéjѣ, tójѣ, samójѣ существовали jejѣ́, tojѣ́, samojѣ́. Звукъ *е* послѣ *j* долженъ былъ необходимо перейти въ *о*, отсюда jejó, tojó, samojó.

Заключая настоящую главу, укажу еще разъ на новые звуки ряда *е*, получившіеся въ восточнорусскихъ говорахъ въ результатѣ измѣненія дифтонгическихъ сочетаній *ѣ*: это были въ слогахъ ударяемыхъ и предшествующихъ ударенію е' и е", въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ гортаннонёбные звуки, произносившіеся съ слабымъ экспираторнымъ напряженіемъ закр. ѐ и откр. ӗ.

Глава 13-ая.

Новый законъ объ удареніи слова въ восточнорусскомъ нарѣчіи. Гласныя ударяемыя.

Опредѣляя въ предыдущихъ главахъ звуки ряда *о—е* въ общерусскомъ языкѣ, я не касался вопроса объ отношеніи произношенія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ произношенію современныхъ русскихъ гласныхъ. Мнѣ представляется вѣроятнымъ, что общерусскій языкъ не имѣлъ звуковъ *о*, *е*, е[1], ӧ, обозначаемыхъ въ транскрипціи, предложенной Сиверсомъ (Grundzüge der Phonetik[2]), знаками о[2], е[2], е[1], э[2], изъ которыхъ первые три звука соотвѣтствуютъ современнымъ московскимъ *о* удар., *е* удар. не передъ мягкими нёбными и *е* удар. передъ мягкими нёбными звуками, а четвертый звукъ нѣмецкому ӧ въ Völker, французск. eu въ peuple. Я именно думаю, что общерусское *о* было звукомъ открытымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ склоннымъ къ *а* (буду обозначать его черезъ о[а]), общерусское *е* также открытымъ звукомъ и при томъ склоннымъ къ *а* (обознач. ӓ), общерусское е[1] закрытымъ звукомъ, соотвѣтствующимъ открытому ӓ (по терминологіи Bell low-front-narrow), наконецъ общерусское ӧ было звукомъ болѣе открытымъ, чѣмъ указанное франц. eu, нѣмец. ӧ и, вѣроятно, это былъ звукъ по терминологіи Bell обозначаемый low-front-wideroúnt и такъ относящійся къ звуку ӧ, извѣстному въ носовомъ видѣ во франц. un, какъ вообще открытые звуки относятся къ закрытымъ. Впрочемъ въ словахъ заимствованныхъ былъ извѣстенъ въ русскомъ языкѣ и звукъ е[1] (= соврем. *е* въ мерить, день и т. д.), а именно, закрытое *е*, замѣнившее церков-

ныя *е* и *ѣ*, звучало вѣроятно какъ e[1]: вотъ причина, почему онъ передъ твердыми согласными не измѣнялся въ ŏ. Указанный характеръ общерусскихъ звуковъ объясняетъ цѣлый рядъ явленій въ исторіи языка, связанныхъ со звуками *е*—*о*. Такъ открытость и склонность къ *а* звука *о* подтверждается указаніемъ извлекаемымъ изъ передачи въ древнерусскомъ языкѣ греческихъ словъ: съ одной стороны α передается черезъ *о* (напр. грамота, афонасей, пономонарь, монастырь, мокарей, нозарей, огофонъ и др.), съ другой ο передается черезъ *а* (манастырь, парфирей, тимаѳей, соло́манъ, труфанъ, конанъ, ѳеогнастъ, симанъ, малор. тытарь κτίτωρ, крылас κλῆρος). Равнымъ образомъ только предположеніемъ объ исконной склонности общерусскаго звука *о* къ *а* можно объяснить малорусское явленіе, по которому неударяемое *о* переходитъ въ слогѣ передъ слѣдующимъ слогомъ съ ударяемымъ *а* въ *а*: малор. багатъ (уже въ галицко-волынск. памятн. XIII в. Указ. ев. чт. при Гал. ев. 1144 багатъ), гараздъ, гарячій, акаане въ Запискахъ Петра Могилы (Архивъ Югозап. Россіи, ч. 1, т. VII, с. 51). Что въ общерусскомъ языкѣ не было звука e[2] ясно изъ предыдущаго: передъ твердымъ слогомъ мы находимъ здѣсь ŏ, передъ нёбной согласной e[1], а въ конечномъ открытомъ слогѣ ӓ. Существованіе же звука ӓ въ общерусскомъ языкѣ въ указанномъ именно положеніи доказывается явленіями, на которыхъ я остановлюсь подробнѣе въ слѣдующей главѣ: говорю о замѣнѣ звука ӓ въ неударяемыхъ слогахъ звукомъ *а* въ нарѣчіяхъ восточнорусскихъ; кромѣ того, весьма важны отмѣченные уже въ предыдущихъ главахъ случаи перехода ӓ, замѣнившаго ŏ, въ *а* въ серединѣ словъ еще въ общерусскомъ языкѣ (случаи какъ коля́са, слови́сный). При разсмотрѣніи ихъ было между прочимъ указано, что звукъ e[1] передъ отвердѣвшей согласной переходитъ въ *е* открытое, откуда ŏ, такъ какъ *е* открытаго передъ твердыми согласными въ языкѣ не существовало: при этомъ подъ вліяніемъ звука e[1] въ родственныхъ словахъ и образованіяхъ вмѣ-

сто ŏ могло являться опять *e* открытое, переходившее при этомъ въ *a*. Въ виду только что сказаннаго о характерѣ общерусскихъ звуковъ ĕ и e[1], явленіе это должно понимать такъ, что ĕ закрытое (т. е. e[1]), существовавшее только передъ мягкими нёбными согласными, измѣнялось въ ĕ открытое вслѣдъ за потерею этими мягкими согласными своей мягкости и нёбности, звукъ же ĕ открытое переходилъ далѣе въ близкій къ нему звукъ— ŏ открытое склонное къ *a*, ибо не могъ существовать передъ твердыми согласными. Но подъ вліяніемъ родственныхъ словъ и образованій, гдѣ въ соотвѣтствіи этому ŏ открытому являлось ĕ закрытое (e[1]) передъ нёбными согласными, звукъ ŏ могъ замѣняться звукомъ ĕ открытымъ, не переходившимъ уже въ ŏ, а измѣнявшимся въ *a* (со смягченіемъ предшествующей согласной): коле[1]с[1]ный измѣнялось въ колĕсный; отсюда колŏсный, вмѣсто котораго подъ вліяніемъ коле[1]с[1]никъ и др. являлось колăсный, отбуда колясный. Такимъ образомъ въ этомъ явленіи, въ общерусскомъ переходѣ звука *e* въ звукъ *a*, видимъ, между прочимъ, указаніе на то, что въ общерусскомъ языкѣ изъ звуковъ ряда *e* были извѣстны ĕ открыто, ĕ закрытое (e[1]), ŏ склонное къ *a*. Въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ общерусскіе звуки o[a], ŏ склонное къ *a*, ĕ открытое и ĕ закрытое (e[1]) измѣнились въ другіе звуки по причинамъ излагаемымъ въ нижеслѣдующихъ главахъ.

Въ общерусскомъ языкѣ удареніе слова было, вѣроятно, музыкально-экспираторнымъ и, ложась равномѣрно на всѣ части слова, достигало въ одномъ изъ слоговъ слова своего наибольшаго напряженія. Въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ удареніе сдѣлалось экспираторнымъ, потребовало поэтому усиленіе слога и усиленіе это явилось въ ущербъ экспираторному вѣсу другихъ слоговъ: эти слоги стали произноситься съ меньшею энергіею и меньшею силою, чѣмъ въ эпоху общерусскую, такъ какъ экспираторное усиленіе, потребное въ общерусскую эпоху на произношеніе цѣлаго слова, стало въ восточно-

русскомъ необходимымъ для произношенія одного лишь ударяемаго слога. Только непосредственно предшествующій ударенію слогъ не подвергся экспираторному ослабленію, такъ какъ усиленіе потребное для произношенія ударяемаго слога начиналось съ сосѣдняго съ нимъ слога. Вслѣдствіе этого совершенно особую судьбу имѣли въ восточнорусскихъ говорахъ гласныя *е*—*о*: 1) стоящія подъ удареніемъ, 2) находящіяся въ слогѣ предшествующему ударенію, 3) въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ.

Въ настоящей главѣ я остановлюсь на измѣненіи звуковъ *е*—*о* подъ удареніемъ, въ слѣдующей на измѣненіи этихъ звуковъ въ неударяемыхъ слогахъ.

Гласныя *е*—*о* подъ удареніемъ получили, вслѣдствіе послѣдовавшаго при произношеніи ихъ усиленія, бо̀льшую окраску лежащаго въ основаніи ихъ звука: звукъ ä открытый измѣнился въ *е* открытое ($е^2$, $е^a$) и совпалъ такимъ образомъ со звукомъ $е^a$, являвшимся подъ удареніемъ въ говорахъ В и С изъ дифт. сочетанія $іе^a$ (см. главу 12); звукъ ä закрытое измѣнился въ *е* закрытое ($е^1$, $е^i$) и совпалъ поэтому съ $е^i$, явившимся въ говорахъ АВС изъ сочетанія $іе^i$ подъ удар., а въ говорахъ А и изъ сочетанія $іе^a$ (см. предшеств. главу); звукъ $о^a$ перешелъ въ *о* открытое не склонное къ *а* ($о^2$); звукъ ŏ скл. къ *а* также перешелъ въ *о* открытое не склонное къ *а*. Приведу примѣры указанныхъ измѣненій въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ.

Звукъ ä открытое былъ извѣстенъ въ общерусскомъ языкѣ только въ конечномъ открытомъ слогѣ, отсюда подъ удареніемъ въ восточнорусскомъ нарѣчіи *е* открытое: восточнорусск. спите́, дадите́ вм. спитä, дадитä, ср. сѣвернов. спите́, дадите́, бѣлор. спице́, дадзице́, род. ед. мене́, тебе́ вм. менä, тебä, ср. южнов. мине́, тибе́, бѣлор. мяне́, цябе́.

Звукъ ä закрытое, являвшійся только передъ нёбными согласными, подъ удареніемъ перешелъ въ *е* закрытое: восточнорус. день, весь, тестя, ср. современное великор. и бѣлор. произношеніе этихъ словъ.

Звукъ о[a] перешелъ подъ удареніемъ въ *о* открытое воду, пост, жонку, чорный вм. во[a]ду, чо[a]рный и т. д., ср. соврем. великорус. и бѣлорус. произношеніе этихъ словъ.

Звукъ ö склонное къ *а* подъ удареніемъ, можетъ быть черезъ посредство *о* скл. къ *а*, измѣнился въ *о* открытое: восточнор. мёдъ, тёсъ, вёсну, ср. великор. и бѣлор. произношеніе этихъ словъ.

Такимъ образомъ, повторю еще разъ, восточнорусскія нарѣчія получили подъ удареніемъ, подъ вліяніемъ измѣнившагося характера его, гласныя *е* закр. и *е* откр. вм. дифт. сочет. ie[a] и ie[i], а также общерусскихъ гласныхъ ä закр. и ä откр.; гласныя *о* откр.—вм. общерус. *о* и ö склонныхъ къ *а*. Первоначальныя отношенія существовавшія въ общер. языкѣ между гласными ряда *е*—*о* были нарушены, выступили наружу новыя отношенія между новыми гласными, и это имѣло слѣдствіемъ вытѣсненіе однихъ изъ нихъ другими.

Вслѣдствіе перехода ö склон. къ *а* въ *о* откр. и ä закр. въ *е* закр. въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ явилось чередованіе въ положеніи за мягкой согласной между звукомъ *о* откр. передъ твердой согласной и звукомъ *е* закрытымъ передъ мягкой согласной, при чемъ это чередованіе замѣнило чередованіе звуковъ ö скл. къ *а* и ä закр. въ общерусскомъ языкѣ: общер. bärözа—bäräzѣ—восточнор. ber'oza—ber'ezѣ. Но въ общерус. языкѣ указанное чередованіе звуковъ ö и ä закр. зависѣло отъ продолжавшагося въ языкѣ дѣйствія фонетическихъ законовъ о переходѣ ö скл. къ *а* и ä откр. передъ мягкимъ нёбнымъ звукомъ въ ä закр. и о переходѣ ä откр. въ ö откр. передъ твердыми согласными; въ восточнорусскомъ языкѣ чередованіе *о* откр. и *е* закр. имѣло основаніе лишь въ пережитыхъ уже языкомъ фонетическихъ законахъ; вслѣдствіе этого указанное чередованіе легко нарушалось вліяніемъ причинъ нефонетическихъ, а именно дѣйствіемъ граммат. аналогіи. Дѣйствительно, звукъ *о* съ предшествующей мягкой согласной могъ являться какъ

передъ нёбнымъ, такъ и не передъ нёбнымъ звукомъ (ср. еще общерус. ё въ словахъ какъ землёю), звукъ *е* закр. точно также могъ являться какъ передъ нёбными такъ и не передъ нёбными звуками, при чемъ однако въ большинствѣ говоровъ вм. закрытаго *е* въ положеніи передъ твердыми согласными являлось *е* открытое. Понятно поэтому, почему при чередованіи въ грамматическихъ формахъ звуковъ *о* откр. и *е* закр. въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ, звукъ *о*, какъ являвшійся одинаково и передъ твердыми и передъ мягкими согласными, долженъ былъ съ теченіемъ времени вытѣснять звукъ *е* закр. Такъ явились берёза—берёзѣ вм. берěза—берéзѣ, несёмъ—несёте вм. несёмъ—несéте и т. д. На весьма интересныхъ вопросахъ связанныхъ съ распространеніемъ въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ звука ё насчетъ *е* закр. я не могу здѣсь останавливаться въ интересахъ большей сжатости изложенія.

Мы видѣли выше, что въ общерус. языкѣ звукъ ǎ откр. существовалъ только въ конечномъ открытомъ слогѣ словъ (въ серединѣ слова онъ переходилъ передъ твердою согласною въ ŏ скл. къ *a*, передъ мягкою въ ǎ закр.). Но были случаи, гдѣ ǎ открытое возникало и въ серединѣ слова: а именно передъ согласной потерявшей свою мягкость въ общер. языкѣ вм. ǎ закр. являлось ǎ открытое; это ǎ открытое, въ силу дѣйствовавшаго въ языкѣ закона, измѣнялось въ ŏ скл. къ *a*, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сохраняя свой основной звукъ подъ вліяніемъ звука ǎ закр. въ родственныхъ образованіяхъ и переходя при этомъ въ *a*. Въ восточнорусскомъ нарѣчіи звукъ *е* открытое, кромѣ своего происхожденія изъ дифт. сочетанія ie[a], былъ полученъ также лишь въ конечномъ открытомъ слогѣ, но были случаи, гдѣ онъ возникалъ и въ серединѣ слова: а именно передъ согласной потерявшей свою мягкость въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ вм. *е* закр. являлось *е* открытое, которое не подлежало уже дальнѣйшему измѣненію. Такимъ образомъ передъ исконно твердыми согласными или такими, которыя отвер-

дѣли еще въ общерусскомъ языкѣ, мы въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ находимъ въ ударяемомъ слогѣ послѣ мягкой согласной звукъ *о* непосредственно изъ ӧ склон. къ *а*, а передъ согласными, отвердѣвшими уже въ восточнорусскую эпоху, находимъ подъ удареніемъ *е* откр. непосредственно изъ *е* закрытаго. Укажу на рядъ согласныхъ отвердѣвшихъ въ восточнорусскихъ говорахъ и повлекшихъ за своимъ измѣненіемъ переходъ предшествовавшаго имъ *е* закр. въ *е* откр.

Согласная *р* полумягкое въ положеніи передъ гортанными и твердыми губными сохраняетъ свою мягкость напр. въ москов., олон. и др. говорахъ, но она отвердѣла напр. въ кур., частью рязан., а также во многихъ сѣвернор. говорахъ: въ нихъ мы находимъ *е* откр. вм. *е* закр.: зеркало (также въ литер. нарѣчіи), первый (литер.), черпать (литер.), серпъ (литер.) съ *е* откр. ср. московское произношеніе этихъ словъ съ *е* закр. и *р* мягкимъ (или полумягкимъ); стерва (сарат.), церков (ряз. кур.), верхъ (кур.) съ *е* откр. ср. московск. и литерат. произношеніе этихъ словъ съ *е* закр. и *р* мягкимъ. Также является произношеніе червы, ср. петрозав. церьвы.

Согласныя *н* и *р* полумягкія передъ суффиксами -ск- и -ство отвердѣли въ южновеликор. нарѣчіи и во многихъ сѣвернор. говорахъ (напр. арханг., перм., ярослав., каргопол., вытегор.), звукъ *е* закр. передъ ними переходилъ при этомъ въ *е* открытое: деревенской, земской, крещевского, женскому, Бѣлозерскимъ, духовенство, ср. сѣвернор. земьскій, деревеньской, Отаозерьскій и т. д.

Мягкія губныя въ конечномъ слогѣ, сохранявшія свою мягкость въ общерусскомъ языкѣ (въ противоположность полумягкимъ еще тамъ отвердѣвшимъ), отвердѣвали въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ: сем', дреп' (дребь лѣсная чаща), степ' и т. д. переходятъ въ сем (олон., бѣлорус.), дреп (олон.), степ съ *е* откр. Передъ такими отвердѣвшими губными звуками можетъ отвердѣть и *р*: ср. олонец. чер'ф, сер'ф при южновеликор. червы. Губныя передъ мягкими гортанными были въ общерусскомъ

языкѣ полумягкими, каковыми они сохраняются діалектически и до сихъ поръ: щеп'ки, нѣм'ки съ закр. *е*, но въ нѣкоторыхъ южновеликор. и бѣлор. говорахъ губныя въ такомъ положеніи отвердѣвали, въ связи съ чѣмъ предшествующее *е* закр. перешло въ *е* открытое: бѣлор. клепки съ *е* откр. при им. ед. клёпка (Носовичъ), кур. щепки, нѣмки съ открыт. *е*. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи отвердѣли губныя и передъ *л* мягкимъ, при чемъ *е* закр. измѣнилось при этомъ въ *е* откр.: гребля съ *е* откр. Карскій Обзоръ 67. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи отвердѣло, какъ извѣстно, всякое *р*: *е* закрытое измѣнялось передъ нимъ въ *е* открытое: серп, верх, ципер, вепе́р (вепрь), вичерній, серце, чецве́р (изъ четвер'г), сцерци, здзерци, умерли и т. д. съ открытымъ *е*.

Звукъ *ц* въ бѣлорусскомъ, южновеликор., а также во многихъ сѣвернорусскихъ говорахъ отвердѣлъ, въ связи съ этимъ вм. *е* закр. передъ *ц* находимъ *е* открытое (новое *ц* мягкое изъ *т* мягкаго сохранилось въ бѣлор. мягкимъ): великор. и бѣлор. купец, отец, бѣлор. яла́вец, балване́ц, каре́ц, ср. сѣвернор. купець, молодець при купечь и т. д. Также отвердѣло *ц*, замѣнившее первоначальныя *чс*, *дс*, *тс*: нѣмецкій, грецкій, половецкой съ *е* открытымъ передъ *ц*. Звукъ *р* передъ отвердѣвшимъ *ц* діалектически также теряетъ свою мягкость, а предшествующее ему *е* закр. переходитъ въ *е* откр.: діалект. южновеликор. серцо съ *е* откр., ср. серьцё съ *ц* мягкимъ въ сѣвернорусскихъ говорахъ и серьца съ *ц* твердымъ въ ряз. Будде 244; равнымъ образомъ отвердѣвало *н* передъ отвердѣвшимъ *ц*: южновеликорус. полотенцо съ *е* откр., при сѣвернор. полотеньцё съ *ц* мягкимъ, ряз. платеньца съ *ц* твердымъ Будде 241. Звуки *р* и *н* отвердѣваютъ какъ передъ твердыми зубными въ нерусскихъ словахъ, напр. Пенза съ *е* откр. ср. въ грам. 1694 г.: Пеньзу, Пеньзы АКал. II, 626, и соврем. пеньзенскій съ *е* закр., такъ и передъ отвердѣвшими зубными въ русскихъ словахъ: кромѣ указаннаго отвердѣнія передъ *ц*, находимъ напр. олонец. діалек. женщына съ *е* откр.

передъ *н* отвердѣвшимъ подъ вліяніемъ отвердѣнія слѣдующаго за нимъ *щ*.

Звукъ *ч* передъ *н* измѣняется діалектически въ *ш*, которое въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ твердо какъ всякое *ш*: *е* закр. переходитъ при этомъ въ *е* откр.; поэтому передъ такимъ новымъ *ш* находимъ *е* откр., а не ё изъ ӧ (ср. главу): великор. конешно, сердешный, огурешный, подвѣнешный; но передъ мягкимъ *н* такое *ш*, какъ и первонач. *ш*, *ж*, остается мягкимъ, поэтому грешневый съ *е* закр.

Діалектически сохранялись въ русскомъ языкѣ мягкими звуки *ж* и *ш* и послѣ перехода ӧ въ *о* (ё): въ эту позднѣйшую эпоху часть говоровъ, сохранившихъ мягкія *ж* и *ш*, измѣнили ихъ въ *ж* и *ш* твердыя. Звукъ *е* закр. переходилъ при этомъ въ *е* откр., тогда какъ въ говорахъ, гдѣ *ж* и *ш* отвердѣли до измѣненія ӧ въ *о*, ӓ закр., какъ мы видѣли, измѣнялось въ ӧ черезъ посредство ӓ откр. Такъ мы находимъ въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ адзежа, пякеш съ *е* открытымъ передъ отвердѣвшими *ж* и *ш* при адзежа, пякеш съ *е* закр. другихъ говоровъ; также находимъ въ великор. говорахъ стежка, смежный, въ перемежку, дешево, переже съ *е* откр.; головешка съ *е* откр. явилось изъ головеш'ка съ *е* закр. въ говорахъ, получившихъ твердыя *ж* и *ш* въ эпоху, слѣдовавшую за измѣненіемъ ӓ закр. въ *е*; между тѣмъ головёшка, непосредственно изъ головӧшка, возникло въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ *ж* и *ш* отвердѣли до указаннаго перехода ӧ въ *о*, ср. великор. стёжка, перёже (волог.), дёшево и т. д. Замѣтимъ бѣлор. лепёшка при лепешка (Носовичъ).—Въ общерусскую эпоху чередованіе звуковъ ӧ скл. къ *а* (передъ твердыми согласными) съ ӓ закр. (передъ мягкими согласными) въ родственныхъ словахъ могло вызывать стремленіе вытѣснить звукъ ӧ звукомъ болѣе близкимъ къ ӓ закрытому: вм. ӧ скл. къ *а* являлось ӓ открытое, которое переходило въ *а* въ силу того, что иначе звукъ ӓ въ положеніи передъ твердой согласной снова перешелъ бы въ ӧ скл. къ *а*. Въ восточно-

русскую эпоху видимъ сходное явленіе: звукъ *о*, смягчающій предшествующую согласную, чередуясь въ словахъ родственныхъ съ *е* закр., могъ вытѣсняться звукомъ болѣе близкимъ къ *е* закр., а именно *е* открытымъ, которое уже не подлежало дальнѣйшему измѣненію. Восточнорусское явленіе было гораздо распространеннѣе, чѣмъ тождественное явленіе общерусскаго языка, и это объясняется, конечно, прежде всего бо̀льшею отдаленностью другъ отъ друга чередовавшихся звуковъ *о* и *е* закр. и яснѣе выступавшею необходимостью сблизить звуки, подлежавшіе въ родственныхъ словахъ и грамматическихъ образованіяхъ чередованію. Укажу на нѣсколько случаевъ вытѣсненія звука *о* откр. звукомъ *е* откр.

Мы видѣли выше, что слова ješčo, užo (*о* изъ ö подъ вліяніемъ предшествующихъ согласныхъ) могли въ общерусскомъ языкѣ замѣняться формами ješčä, užä съ открытымъ ä подъ вліяніемъ ješčä, užä съ ä закрытымъ въ сочетаніяхъ какъ ješčäne, užäli и т. д., отсюда далѣе ješča, uža, ср. приведенныя выше древнерусскія ещя, ащя, иашата, совр. тамб. ищá, нижег. ишша Кирѣев. I, 35, 37 и т. д. Такому общерусскому явленію восточнорусскія нарѣчія противупоставляютъ тождественное по своему началу явленіе: формы уже, еще съ *е* закр. въ сочетаніяхъ ужели, ещене вліяли на появленіе формъ уже, еще съ *е* откр. вм. ужо, ещо: ср. великор. и бѣлор. уже, еще съ откр. *е* при ужо, ещо представляющихся общерусскою формою этихъ словъ. Также явилось *е* открытое вм. *о* въ цѣломъ рядѣ словъ: ёлка подъ вліяніемъ ель съ *е* закр. переходило въ елка съ *е* откр., которое мы находимъ въ бѣлор.: выше мы видѣли, какъ въ болѣе древнюю эпоху языка вм. jolka подъ вліяніемъ jäl съ ä закр. явилось jalka съ ä откр., откуда далѣе jalka, ср. соврем. малор. ялка; ряз. и кур. щигр. плетка съ *е* откр. стоитъ вм. плётка подъ вліяніемъ плеть. Вмѣсто чостный (чосно сарат.), ремённый, ремёшки находимъ честный, раменный (бѣлорус. Ром. 357), ремешки подъ вліяніемъ честь, ремень; *е* откр. въ моленный, обыкно-

венный, незабвенный, смиренный, кременны (бѣлор.) стоитъ вм. ё подъ вліяніемъ закрытаго *е* въ словахъ моленье, смиренье, кремень и т. д.; точно также степенный имѣетъ *е* откр. вм. ё подъ вліяніемъ степень, степеньство (откуда фонетически степенство); изъ такихъ словъ *е* открытое проникало и въ слова казенный, современный, здоровенный. Бѣлор. діал. цемны съ *е* откр. подъ вліяніемъ цемь стоитъ вм. цёмны, великор. царевна вм. царёвна подъ вліяніемъ царевичъ; слова служебный, лѣчебный, учебный имѣютъ *е* откр. вм. *о* подъ вліяніемъ формъ служебникъ, лѣчебникъ, учебникъ съ *е* закр. При словахъ ребёнокъ, жеребёнокъ, дѣтёнышъ въ языкѣ были извѣстны слова ребеня (ср. малор. рэбэня), жеребеня, дѣтеня: *е* закр. этихъ словъ вліяло на вытѣсненіе звука ё звукомъ *е* откр., почему явились формы: бѣлор. жарабенок, олон. дѣтенышка, жеребеночек, раз. рябенокъ съ *е* откр. Твер. сѣде́ука (Даль XLIII) имѣетъ откр. *е* вм. ё формы сѣдёлка подъ вліяніемъ образованій какъ сѣдельный; думаю, что уже въ общерусск. языкѣ была форма сѣдалка вм. сѣдӓлка съ откр. ӓ, которое изъ сѣдёлка подъ вліяніемъ сѣдельный; сѣдялка передавало свое *я* въ форму сѣдяльный (олон.). Слова ступёнки олон., опёнки великорус. слѣдуетъ возводить къ общерусскимъ формамъ съ ӧ: ё вытѣснялось въ нихъ звукомъ *е* откр. подъ вліяніемъ словъ ступень, пень: олон. ступенка, бѣлор. апенка; еще болѣе сказалось вліяніе этихъ словъ при образованіи формъ ступеньки великорус., опеньки, пiдпеньки малор.; дверка стоитъ вм. двёрка подъ вліяніемъ дверь. Въ спряженіи глаголовъ личныя окончанія разнообразно вліяли на предшествующую гласную *е*; фонетически подъ удареніемъ въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ являлись: 2 л. ёш, еш', 3 л. е́ (несе́, бере́), еть съ *е* закр., ёт, 1 л. мн. ёмъ, 2 л. мн. ете съ *е* закр. Въ однихъ говорахъ ё изъ формъ 2 л. и 3 л. ед., 1 л. мн. переносилось и въ форму 2 л. мн., ср. москов. берёш, берёт, берём, берёте; въ другихъ говорахъ ё изъ формъ 2 л. ед. и 1 л. мн. переносилось вмѣсто *е* закр.

въ формы 3 л. ед. и 2 л. мн.: смол. берёш, берётъ, берём, берёте. Въ нѣкоторыхъ говорахъ звукъ *е* закр. во 2 и 3 л. ед. и 2 л. мн. вліядъ на замѣну звука ё 1 л. мн. звукомъ *е* открытымъ: бѣлор. идзеш, идзеть, идзете, а потому и идзем, нясем, вязем, жанем съ *е* откр.; въ ряз. говорѣ діалектически подъ вліяніемъ идеть, идете возникли идеш, идем съ *е* откр. Будде 123; тоже и въ другихъ южновеликор. говорахъ Курской, Орловской и Воронежской губерній. Въ одномъ изъ говоровъ олонецкихъ, а именно въ Пудож., употребляются формы какъ кладéш, разсѣкéш, пойдéш, сѣкéм, въ 3 л. ед. является при этомъ ет съ *е* откр.: пьетъ, вретъ, берет, потекет, впадет: такое распространеніе звука *е* насчетъ *о* въ этомъ говорѣ объясняется тѣмъ, что въ немъ долго держалось *т* мягкое въ окончаніи 3 ед. (ет' съ *е* закр.); я не слышалъ *т* мягкаго въ 3 л. ед. въ современныхъ олонецкихъ говорахъ, но въ такъ называемомъ Заонежьѣ (сѣверозап. ч. Петрозав. у.) -уть и -ють являются обыкновенными окончаніями; впрочемъ Рыбниковъ IV, 276 приводитъ форму 3 ед. ведеть. По указанію Даля XLV формы какъ ведеш, ведемъ являются и въ другихъ сѣверно-русскихъ говорахъ. Отдѣльно должны быть разсматриваемы окончанія -ёшся, -ётця съ *е* откр.: оно могло получиться здѣсь вмѣсто *е* закрытаго подъ вліяніемъ отвердѣнія слѣдующей согласной.

Въ слѣдующихъ главахъ я укажу, въ силу какого закона въ слогахъ передъ удареніемъ вмѣсто звука ӧ явился діалектически звукъ *е* закрытый: вліяніе такого *е* закр., а также *е* закр. исконнаго передъ нёбной согласной имѣло слѣдствіемъ вытѣсненіе въ цѣломъ рядѣ случаевъ ударяемаго ё звукомъ *е* открытымъ. Такъ слова весна, веснѣ съ *е* закр. вызывали вéсну вин. ед. съ *е* открытымъ вмѣсто вёсну, ср. вéсну ряз. Будде 50; тепло́ съ *е* закр. вліяло на появленіе *е* открытаго вм. ё въ тéпло олонец., далеко́ съ *е* закр.—на появленіе *е* открытаго вмѣсто ё въ далéка ряз. Будде 49, 50, далéко олонец., ярослав. Замѣтки Колосова II, 10; I, 79; село́

съ *е* закр. на появленіе *е* откр. въ се́ла олон. вм. сёла. Точно также бѣлор. прынéсла, прынéсло стоятъ вм. прынесла, прынесло́ съ *е* закр. вслѣдствіе переноса ударенія; кур. новооскол. принéс Обзор Колосова 79 имѣетъ *е* откр. вм. ё подъ вліяніемъ принеслá, принеслú съ *е* закр. Слова чешет, брешеш стоятъ вм. чошет, брёшеш подъ вліяніемъ *е* закр. въ чешý, брехáть. Отрицательная частица *не*, получая на себѣ удареніе, звучитъ съ *е* закр. передъ нёбными, съ *е* откр. передъ твердыми согласными: великор. и бѣлор. нé хотя, нéнависть, нéмочь, нéдруг и др. имѣютъ гласную *е* откр., явившуюся на почвѣ восточнорусской, въ общерусскомъ языкѣ nädrug или измѣнялось фонетически въ nödrug или же подъ вліяніемъ ä закр. въ nätäl'ь, nämil, näl'ub и т. д. сохраняло ä открытое отъ перехода въ ö и измѣнялось поэтому въ n'adrug. Подъ вліяніемъ такихъ словъ представляетъ не вм. нё и нéводъ, хотя впрочемъ на послѣднюю форму оказала, можетъ быть, вліяніе форма неведъ (олонец.).

Кромѣ вышеуказанныхъ случаевъ находимъ діалектически въ великор. и бѣлор. *е* откр. вм. ё въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ и формахъ, при чемъ происхожденіе *е* и причина смѣны имъ звука ё не ясны: таково напр. *е* откр. въ студéной олон., зялéный ряз. Будде 50, колéную вытег. (Обзор Колосова 79), калéнѣ стрѣлы нижег. (Кирѣев. I, 37, можетъ быть подъ вліяніемъ *е* закр. въ каленý стрѣлý Кир. 17); таково же *е* въ ряз. катéл Будде 50 (м. б. подъ вліяніемъ кателóк), вярéвка ряз. (м. б. при верёвка было веревька подъ вліяніемъ вервь), авéсца подъ вліяніемъ авесец вм. авёсца, пес олон., нелеккая вм. нелёгкая Обзор Колосова 79 и т. д.

Сначала діалектически, а потомъ и во всѣхъ говорахъ восточнорусскихъ звукъ *е* закр. въ словахъ заимствованныхъ изъ языка церковнаго замѣнился звукомъ *е* открытымъ. Такая замѣна зависѣла отъ того общаго закона восточнорусскаго языка, по которому за *е* закрытымъ слѣдуетъ нёбный звукъ; отсутствіе нёбнаго звука за *е* закр. имѣло слѣдствіемъ переходъ закр. *е* въ *е* от-

крытое. На то, что въ древнихъ восточнорусскихъ говорахъ церковное *е* продолжало и послѣ измѣненій, происшедшихъ въ звукахъ ряда *е*, звучать какъ *е* закрытое, указываютъ памятники: во многихъ изъ нихъ, гдѣ буква ѣ изображаетъ звукъ *е* закр. и гдѣ поэтому ѣ пишется вмѣсто е въ слогѣ, за которымъ слѣдуетъ мягкая согласная, находимъ написанія какъ дрѣва, крѣстъ, урѣсъ, прѣдъ (Нов. лѣтпсь Синод.), срѣду, Грѣкы, трѣбуєши (Ипат.), прѣдъ (Гр. 1229 сп. А, Дух. Клим. XIII в.), Грѣкъ, Грѣкы (Нов. Арх. сп. XV в.), ср. *і* вм. такого закрытаго *е*: Грикъ Нов. Арх. сп. XV в., кристъ Олонец. обвод. 1391 г. въ сп. XVI в. и т. д. Новое *е* открытое, смѣнившее закрытое *е*, находимъ въ современныхъ великор. и бѣлор. небо, до нéбушки, левъ, крестъ, вредъ, среду, пещера, скверна, жертва, хребетъ, дерзкій, мерзость и т. д.

И такъ звукъ *е* закр. подъ удареніемъ въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ восходитъ: 1) къ дифт. сочетанію ie[1], а діалектически и къ сочетанію ie[a] въ положеніи не передъ нёбными звуками, 2) къ общерусскому ӗ закрытому передъ нёбными звуками. Звукъ *е* откр. подъ удареніемъ восходитъ: 1) къ дифт. сочетанію ie[a] діалектически, 2) діалектически къ звуку *е* закр. (изъ ie[1]) потерявшему свою нёбность, 3) къ звуку *е* закрыт. (изъ ӗ закр.) потерявшему свою нёбность передъ отвердѣвшей согласной, 4) къ звуку *е* закр. (общер. *е* закр.) въ церковныхъ словахъ потерявшему свою нёбность передъ твердой согласной, 5) къ общерусскому ӗ открытому въ конечномъ открытомъ слогѣ и наконецъ въ 6) *е* откр. замѣняетъ ё передъ твердой согласной подъ вліяніемъ звука *е* закр. въ родственныхъ образованіяхъ.

Въ заключеніе этой главы и въ видѣ приложенія къ ней приведу нѣкоторыя указанія древнихъ памятниковъ на переходъ звука ӧ скл. къ *а* въ *о* открытое, не ограничиваясь при этомъ случаями, гдѣ *о* является вмѣсто ӧ въ силу указанныхъ выше условій, т. е. положе-

нія его подъ удареніемъ, ибо ŏ, какъ мы увидимъ дальше, замѣнилось различными оттѣнками звука *о* при всякомъ положеніи въ словѣ. Судя по памятникамъ, переходъ ŏ въ *о* слѣдуетъ отнести къ началу XIII в. Правда, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ XI в. находимъ букву *о* на мѣстѣ буквы *е*, но я увѣренъ, что всѣ такіе случаи должны быть признаны описками: поновою въ Нов. Тріоди постной XI в. (Пам. Срез. 151) при понавлю (sic), понавоу я вслѣдъ за Ягичемъ (Крит. Замѣтки 39) признаю опискою и не рѣшаюсь сопоставлять съ великор. и малор. понёва при понява; тоже скажу о написаніяхъ неприклонюнъ въ Минеѣ служ. XI в. Тип. биб. № 221 л. 37а и принюсъши вм. принесъши въ Сент. Минеѣ 1095 изд. Ягича с. 160, ср. принось *προσάγων* въ Тип. Минеѣ XII—XIII в. № 195 (изд. Ягича с. 230, пр. 1). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ буква о, стоящая вмѣсто е, изображаетъ не звукъ *о* смягчающій предшествующую согласную, а тотъ же звукъ *о* въ положеніи послѣ твердой согласной, при чемъ чередованіе *о* съ *е* нефонетическое. Сюда принадлежитъ напр. *о* въ словѣ черосъ, которое въ такой формѣ вм. чересъ находимъ въ Усп. Минеѣ XII в. № 175 (18) л. 131b, въ Прологѣ 1383 г. (Соболевскій Очерки стр. 130), въ Поуч. архіеп. Ильи Новгор. въ Сбор. XV в. Р. М. № 2515 (изд. Павловымъ въ Ж. М. Н. П.): буква о обозначаетъ звукъ *о* за твердымъ *р*, заимствованный изъ формъ крозѣ, скрозь, ср. съ одной стороны діалект. малор. керез, съ другой діалект. великор. скрезь, при чемъ *к* въ керез заимствовано изъ формы крозѣ, а *е* въ скрезь изъ формы черезъ. Въ рокоша Ев. 1092 (южнор.) л. 117b, року Холм. ев. XIV в. (Очерки Соболевскаго 29) видимъ глагольныя формы образованныя отъ основы рок-, чередовавшейся во многихъ образованіяхъ съ основою рек-. Привожу примѣры, гдѣ буква о въ памятникахъ XIII и слѣд. вѣковъ изображаетъ звукъ *о* смягчающій предшествующую согласную и явившійся фонетически вмѣсто звука ŏ. Въ число ихъ я не помѣщаю указанныхъ выше въ главѣ 8,

такъ какъ *о* замѣняетъ въ нихъ ӧ по причинамъ нефонетическимъ, но вмѣстѣ съ другими указываю и на случаи, гдѣ буквою о изображается звукъ *о*, замѣнившій звукъ ӧ не первоначальный, а происшедшій изъ ӓ откр., явившагося вм. ӓ закр. передъ отвердѣвшею согласною.

Древнѣйшій мнѣ извѣстный примѣръ это пресплолъ (переплёлъ) въ припискѣ къ Минеѣ XI в. № 221 л. 16а, затрудняюсь однако опредѣлить точнѣе, къ какому времени она относится (Срезневскій въ Древ. Пам.[2] с. 29: „позже приписано"). Далѣе находимъ: Мил. ев. 1215 г. езоро 89d, рпсь XIV в. изд. въ Рус. Дост. II: берестовымъ 46, Прологъ 1383: берозозолъ (Соболевскій Очерки 130), Нов. ев. XIV в.: серобро (Лекціи Собол.[2] с. 61), двинскія гр. XIV в.: притеробы АЮ. № 71, II, Нов. рядная XIV в.: озора АЮ. № 257, I, Прологъ 1356 Нов. иромъ (Лекціи Собол. 61), Дух. 1356: блюдо великое серебрено СГр. и Д. № 26 (ср. серебрено тамъ же); Сильв. сб. XIV в. въ Ж. Б. и Гл.: ологъ, Псков. стих. 1422: серобро (Образцы Др. письм. II), Псков. лѣтпсь XV в. серобря 18, погровъ 22, попероkъ 29, Домострой въ сп. XVI в.: дерово изд. Забѣлина 107. Въ позднѣйшихъ памятникахъ находимъ: починокъ новосолки гр. 1612 АКал. II, 719, бѣлозорскаго Лит. Метр. Арх. Юз. Россіи ч. VII, т. 2, с. 33. Въ състрами, читаемъ въ Дух. ок. 1486 СГр. и Д. № 122 два раза вмѣсто съ сестрами, видимъ обозначеніе звука ё черезъ ъ вм. о. Въ молодожникъ 1654 АЮ. № 319, I, молодожника, молодожникомъ 1612 АКал. I, 435 буква о обозначаетъ ё изъ ӧ новаго происхожденія передъ отвердѣвшею согласною.

Разсматривая приведенныя выше написанія, нельзя не замѣтить, что въ бо́льшей части ихъ буква о обозначаетъ звукъ ё въ слогахъ слѣдующихъ за слогомъ съ е или съ о: въ слогѣ, слѣдующемъ за слогомъ съ е, писецъ ощущалъ неудобство обозначать одной буквой е въ двухъ сосѣднихъ слогахъ такіе два различные звука какъ *е* закр. и *о* откр. и обозначалъ поэтому звукъ *о* послѣ мягкой согласной буквою о; въ слогѣ, слѣдующемъ

за слогомъ съ о, обозначеніе звука *о*, несмягчающаго предшествующей согласной, буквою о вызывало обозначеніе тою же буквою о звука *о*, смягчающаго предшествующую согласную. Вообще же звукъ *о* за мягкой согласной обозначался и продолжаетъ обозначаться въ нашемъ письмѣ буквою е, и при томъ какъ то *о*, которое восходитъ къ первонач. звуку *е*, такъ и то *о*, которое по той или другой причинѣ получало передъ собою мягкія согласныя: такъ легонькє, толькє въ сп. Домостроя XVI в. изд. Заб. слѣдуетъ читать легонькё, толькё, при чемъ кё вм. ко — это явленіе, характеризующее многіе сѣверно и южновеликор. говоры. Въ бѣлорусскихъ памятникахъ XVI—XVII в. находимъ обозначеніе звука ё черезъ іо, вѣроятно, подъ вліяніемъ польской графики: весіолъ Сб. XVII в. Карскій Р. Ф. В. 1890 № 2; тоже *іо* въ печатныхъ и писанныхъ произведеніяхъ XVIII в.: троетіосу, фліоромъ, ковіоръ и т. д.

Глава 14-ая.

Измѣненіе неударяемыхъ гласныхъ е—о въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ.

Настоящая глава разбивается на два отдѣла: въ первомъ я буду говорить о судьбѣ *е—о* въ слогахъ непосредственно предшествующихъ ударенію, во второмъ о судьбѣ тѣхъ же звуковъ въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ.

Новый законъ объ удареніи, усиливъ экспираторный вѣсъ ударяемаго слога, ослабилъ произношеніе неударяемыхъ слоговъ словъ. Но экспираторное усиленіе ударяемаго слога было настолько значительно, что отразилось и на вѣсѣ предшествующаго ему слога: а именно, этотъ слогъ не могъ ослабиться, языкъ избѣгъ слишкомъ рѣзкаго перехода отъ слабаго слога къ слогу ударяемому и сохранилъ за предшествующимъ непосредственно ударенію слогомъ тотъ самый экспираторный вѣсъ, съ которымъ онъ былъ полученъ въ общерусскомъ языкѣ. Вслѣдствіе этого въ такомъ слогѣ въ восточнорусскую эпоху сохранились тѣ самыя гласныя въ ихъ различныхъ оттѣнкахъ, которыя были здѣсь въ эпоху общерусскую. Въ слогахъ ударяемыхъ гласныя *е—о* подверглись значительнымъ измѣненіямъ, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, въ слогахъ неударяемыхъ измѣ-

ненія ихъ были еще значительнѣе, какъ мы сейчасъ увидимъ; въ слогахъ же непосредственно предшествующихъ ударенію гласныя *е—о* въ восточнорусскую эпоху не измѣнялись. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что дифт. сочетанія *ѣ* перешли и здѣсь въ монофтонги, но не въ *е* закр. и откр., какъ въ слогахъ ударяемыхъ, а въ звуки ä̆: въ говорахъ группы А ie^{1} и ie^{a} измѣнились въ ä̆ закр., въ говорахъ группы В видимъ тоже, хотя, какъ было указано въ главѣ 12-ой и будетъ подробнѣе объяснено ниже, ä̆ закрытое изъ ie^{a} можетъ быть явилось вм. ä̆ открытаго; въ говорахъ группы С ie^{a} измѣнилось въ ä̆ откр., а ie^{1} въ ä̆ закр. Такимъ образомъ въ главѣ 12-ой должны быть сдѣланы дополненія въ томъ смыслѣ, что монофтонги *е* изъ *ѣ* въ слогахъ ударяемыхъ и слогахъ предшествующихъ ударенію не были между собою вполнѣ тождественны: подъ удареніемъ являлись восточнорусскіе звуки *е* закр. и откр., передъ удареніемъ общерусскіе звуки ä̆ закр. и откр. Такъ явились напр. произношенія: ABC lăniv съ ä̆ закр., dălił съ ä̆ закр., AB răká, lăsá, pasók съ ä̆ закр., С тѣ же слова съ ä̆ откр. Въ слогѣ передъ удареніемъ звукъ ö скл. къ *а* измѣнился въ *о* скл. къ *а*, но не въ *о* открытое, какъ въ слогѣ ударяемомъ: s'o^{a}ló, n'o^{a}su. Безъ измѣненій остались въ слогѣ передъ удареніемъ звуки — *о* скл. къ *а*: vo^{a}dá, ko^{a}róva (общер. ko^{a}ro^{a}va) и ä̆ закр.: năsi, vălél (*е* закр. въ А, откр. въ ВС). Звуки *о* скл. къ *а*, ä̆ закр. и ä̆ откр. подверглись дальнѣйшему измѣненію уже въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ восточнорусскаго языка, и о судьбѣ ихъ въ этихъ нарѣчіяхъ скажемъ дальше.

Прочіе неударяемые слоги теряли вслѣдствіе новаго закона объ удареніи въ восточнор. языкѣ значительную часть своего экспираторнаго вѣса; гласныя *е—о* въ этихъ слогахъ становились короче (разумѣю подъ этимъ терминомъ отношеніе не количественное) гласныхъ въ положеніи подъ удареніемъ, а также гласныхъ въ слогѣ предшествующемъ ударенію: они стремились даже къ полному исчезновенію изъ живой рѣчи при благопріят-

ныхъ для того условіяхъ. Звуки ряда *а—е—о* въ такихъ слогахъ подверглись при этомъ своеобразному измѣненію: гортанные звуки *а*, *о* скл. къ *а*, нёбныя ŏ скл. къ *а*, ǎ откр., ǎ закр., теряя при указанномъ ослабленіи неудар. слоговъ свои типическія звуковыя черты, измѣнялись въ гласныя гортаннонёбныя: эти гласныя, какъ можно видѣть изъ явленій родственныхъ языковъ (Sievers Grundzüge[3] 151), больше, чѣмъ гласныя другаго мѣста образованія, способны къ редукціи и даже къ полной потерѣ слоговаго характера и исчезновенію изъ произношенія. Вслѣдъ за Сиверсомъ обозначаю такія гортаннонёбныя гласныя буквами съ точкою надъ ними. Такимъ образомъ гласная *а* переходила въ ȧ; гласная *о* скл. къ *а* въ ȯ открытое; гласная ǎ закр. въ ė закр.; наконецъ гласная ǎ откр. и ŏ скл. къ *а* измѣнились въ ȧ и ȯ. Общимъ явленіемъ, дѣйствовавшимъ при такомъ измѣненіи гласныхъ, было — потеря мелкихъ оттѣнковъ гласнаго звука, такъ какъ языкъ въ такомъ положеніи могъ различать только основной звукъ гласнаго, смѣшивая всякія звуковыя оттѣнки. Въ измѣненіи гласныхъ ударяемыхъ и неударяемыхъ замѣчается съ одной стороны полная противуположность явленій: звукъ ударяемый усиливался, неударяемый ослаблялся; усиливающійся звукъ выдвигалъ яснѣе основную свою окраску, ослабившійся переходилъ въ звукъ другаго мѣста образованія. Но съ другой стороны, какъ подъ удареніемъ гласныя теряли различные ихъ отличавшіе мелкіе оттѣнки и переходили въ звуки съ болѣе чисто выраженнымъ основнымъ характеромъ (*о* откр., *е* откр., *е* закр.), такъ точно въ слогахъ потерявшихъ экспираторную силу могли различаться звуки лишь наиболѣе простые: ȧ, ȯ откр. и ė закр.—Замѣчу, что дифт. сочетанія *ѣ* въ положеніи не подъ удареніемъ и въ слогѣ несосѣднемъ ударяемому переходили, какъ указано въ главѣ 12-ой, въ гортаннонёбные звуки ряда *е*; при этомъ ie[1] во всѣхъ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ измѣнилось въ ė закр., а ie[2] въ однихъ изъ нихъ въ ė закр., въ другихъ въ ė откр.;

это ė откр. въ говорахъ В и частью С переходило затѣмъ въ ė закрытое подъ вліяніемъ предшествующей нёбной согласной, въ другихъ говорахъ С звукъ ė откр. измѣняясь съ теченіемъ времени въ ȧ. Приведу примѣры вновь образовавшихся въ восточнорусскую эпоху гортаннонёбныхъ звуковъ.

Звукъ ȧ изъ *a*: płákȧli, stȧrikú, siłȧ; výn'ȧti, t'ȧgoᵃtá, bán'ȧ. Звукъ ȧ изъ ӓ откр. извѣстнаго въ конечномъ открытомъ слогѣ: nesít'a, dvor'ȧn'a.

Звукъ ȯ откр. изъ *o* св. къ *a*: sało, ókȯło, górȯd, gȯłoᵃvá. Звукъ ȯ откр. изъ ӧ скл. къ *a*: pól'ȯ, óz'ȯrȯ, dén'ȯg, z'ȯrnoᵃvój.

Звукъ ė откр. діалект. изъ ieᵃ: tėsnoᵃtá, v górȯdė, vidėł.

Звукъ ė закр. изъ общерус. ӓ закр.: párėn', ósėn', zėl'oᵃná. Звукъ ė закр. изъ дифт. сочетанія ie': lėsniká, vidėt'. Звукъ ė закр. діалек. изъ ieᵃ: tėsnoᵃtá, v górodė, vidėł.

Изъ предыдущаго видно, что въ неударяемыхъ слогахъ вообще выдерживалось тоже отношеніе нёбныхъ и ненёбныхъ звуковъ, которое изъ общерусскаго языка перешло въ слоги ударяемыя. Звуки ӓ закр. и ė закр. только въ говорахъ А, гдѣ они замѣнили дифт. сочетанія ieᵃ, могли встрѣтиться передъ твердыми согласными, а ė закр. въ конечномъ открытомъ слогѣ; въ другихъ же говорахъ они были извѣстны только передъ нёбными согласными. Я думаю, что въ этихъ послѣднихъ говорахъ звукъ ė закр. (изъ ӓ закр. или изъ ie') передъ отвердѣвшей нёбной согласной терялъ свою нёбность и переходилъ въ ė открытое: такъ вм. pódlȧcá съ ӓ закр. являлось pódlȧcá съ ȧ откр. послѣ отвердѣнія звука *ц*; вм. ӓ закр. въ na vӓrxu являлось ӓ открытое; также измѣнилось въ ė откр. ė закрытое въ словахъ какъ mółódėc, koᵃrmílėc и др., въ vósėm послѣ отвердѣнія *m* и т. д. Но мнѣ представляется весьма вѣроятнымъ, что и въ говорахъ получившихъ ӓ закр. и ė закр. передъ ненёбными, эти закрытыя гласныя становились открытыми, какъ

скоро за ними слѣдующая мягкая согласпая отвердѣвала. Указать на положительные случаи изъ такихъ говоровъ очень трудно, ибо въ большинствѣ имѣло мѣсто новое явленіе — переходъ въ закрытое ѐ даже звуковъ а̀ и ò (о чемъ въ слѣдующей главѣ), но тѣмъ не менѣе я думаю, что сѣвернорусскіе говоры, сохраняющіе *а* и *о* въ неудар. слогахъ послѣ нёбныхъ согласныхъ безъ изизмѣненія, при отвердѣніи мягкой согласной измѣняютъ предшествующее ѐ закр. въ ѐ откр.: во́сѐм съ ѐ откр. вм. ѐ откр. и т. п.

Глава 15-ая.

О вліяніи нёбныхъ согласныхъ на гласныя а—о. Слогъ передъ удареніемъ.

Явленія, о которыхъ я буду говорить въ этой и слѣдующихъ главахъ, имѣли мѣсто въ восточнорусскомъ языкѣ до его распаденія на тѣ самостоятельныя группы говоровъ, которыя теперь продолжаютъ обособленную жизнь. Тѣмъ не менѣе они принадлежатъ не всѣмъ восточнорусскимъ говорамъ, а лишь нѣкоторымъ изъ нихъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ діалектическими явленіями общаго восточнаго русскаго языка, при чемъ группировка говоровъ отразившихъ или не отразившихъ этихъ явленій была въ ту эпоху иная, чѣмъ теперь. Въ одной обширной группѣ говоровъ, которую обозначимъ буквою β, гласныя *а* и *о* подверглись различнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ предшествующихъ нёбныхъ согласныхъ, въ другой, которую обозначимъ буквою α, такого вліянія не замѣчалось. Замѣчу при этомъ, что чистыхъ говоровъ α почти нѣтъ: всѣ они въ извѣстной степени представляютъ явленія говоровъ β; ниже я укажу на существенныя черты отличающія говоры α отъ говоровъ β. Дѣленіе α и β не соотвѣтствуетъ дѣленію ABC, предложенному выше при изслѣдованіи судьбы звука *ѣ*; изъ говоровъ A многіе принадлежатъ къ группѣ α, другіе къ группѣ β; тоже по отношенію къ группѣ C; но группа B совмѣщается вся въ группѣ β. Равнымъ образомъ не соотвѣтствуетъ дѣленіе α и β современной группировкѣ восточнорусскихъ говоровъ: въ сѣвернор. и южновеликор. группахъ есть говоры α и β.

Вліяніе нёбныхъ согласныхъ въ говорахъ β на слѣдующія гласныя *а* и *о* состояло въ томъ, что эти гласныя получали нёбную окраску. Для измѣненія *а* и *о* въ гласныя нёбныя было безразлично, какая за ними слѣдовала согласная, вся сила была въ предшествующей нёбной согласной. При этомъ общимъ для говоровъ β я считаю переходъ *а* и *о* ударяемыхъ въ ӓ откр. и ӧ откр., *а* и *о* склон. къ *а* въ слогахъ передъ удареніемъ въ ӓ закр., а̇ и о̇ въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ въ ѐ закрытое. Такое различіе въ закрытости и открытости новыхъ замѣстителей звуковъ *о* и *а* объясняю себѣ тѣмъ, что гласную ударяемую предшествующій нёбный звукъ могъ лишь частію къ себѣ приблизить, почему она, получивъ нёбную окраску, все таки оставалась открытой; неударяемая же гласная подъ вліяніемъ предшествующаго нёбнаго звука становилась къ нему еще ближе, для чего, теряя свою открытость, измѣнялась въ ӓ или ѐ закрытыя. Въ говорахъ β не принадлежащихъ къ группѣ А и измѣнившихъ поэтому іе̊ въ слогѣ передъ удареніемъ въ ӓ открытое, это ӓ въ силу указаннаго закона становилось закрытымъ, ассимилируясь предшествующей нёбной согласной.

Открытыя ӓ и ӧ ударяемыя въ большинствѣ говоровъ, послѣ того какъ прекратилось ассимилирующее вліяніе предшествующихъ нёбныхъ согласныхъ, обращались опять въ *а* и *о*: отсюда чистыя *а* и *о* въ современныхъ говорахъ, восходящихъ къ говорамъ β. Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно въ довольно многочисленныхъ сѣвернорусскихъ говорахъ, а также въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ, ӓ открытое черезъ посредство ӓ закрытаго измѣнилось въ *е* закрытое въ положеніи именно въ слогѣ, за которымъ также слѣдуетъ нёбная согласная или гласная, гораздо рѣже находимъ *е* открытое вм. ӓ откр. передъ твердой согласной: сюда относятся говоры, представляющіе произношеніе зеть, кнезь, отворей, отвичеть и т. д. О появленіи удар. *е* закр. на мѣстѣ ӓ откр. я буду говорить въ одной изъ слѣдующихъ

главъ, посвященныхъ явленіямъ имѣвшимъ мѣсто въ отдѣльныхъ восточнорусскихъ говорахъ. Здѣсь же приведу примѣры для звуковъ ӓ закр. и ė закр. вм. *а*, *о* скл. къ *а* и ȧ, ȯ изъ всей массы говоровъ группы β.

Сначала остановлюсь на случаяхъ съ ӓ закр., замѣнившимъ гласныя *а* и *о* скл. къ *а* въ слогѣ передъ удареніемъ, а въ говорахъ В и С также ӓ открытое изъ іе[a] въ слогѣ передъ удареніемъ. Замѣчу, что въ древнихъ памятникахъ сѣвернорусскаго письма такое ӓ закрытое изображалось, между прочимъ, буквою ѣ. Приведу примѣры.

Звукъ ӓ закр. вмѣсто *о* скл. къ *а*. Уже въ памятникѣ XIII в., а именно въ первыхъ двухъ частяхъ Синод. сп. Новгородской 1-ой лѣтписи находимъ: к нѣму 1а, всѣго 42б, сервбра 114а, вѣдоша 63б, 117а, погрѣбоша 75а, 98а, вывѣдоша 28а, 31б, всѣславъ 3б, тоже въ гр. 1229 (А): всѣмоу, въ гр. 1265 № 1: всѣго, всѣму, двин. гр. XIV в.: сѣло, сѣла АЮ. № 71, X, дв. гр. XIV—XV в.: полъсѣма АКал. I № 149, VI, полоц. гр. XV в.: всѣму Р. Л. А. № 280, полоц. гр. 1475 г.: всѣму, всѣго Р. Л. А. № 263: всѣго, сѣло чит. всӓго, сӓло съ закр. ӓ вм. всёго, сёло съ ё скл. къ *а*. Въ соврем. сѣвернорус. говорахъ находимъ: олонец. летають, перо, горевать, несла, всему, село, жена, своево, моево, вчерась, ему, ены, ево, еɣо, ноцевать и т. д. съ *е* закр. замѣнившимъ ӓ закр., но рядомъ и даже нерѣдко одни и тѣ же лица говорятъ пёро, сёстра, ёны, ноцёвать и т. д. Такое же *е* закр., частью еще распространеннѣе, слышится въ арханг., новгор., ярославл., владим. и другихъ губерніяхъ. Вотъ почему изслѣдователи, останавливаясь на случаяхъ, гдѣ вм. литер. *е* находимъ въ сѣвернорусскихъ говорахъ ё, говорятъ: „переходъ *е* въ ё совершается часто, при чемъ въ одномъ говорѣ замѣчается больше такихъ случаевъ, въ другомъ меньше; въ одномъ — одни случаи, въ другомъ — другіе“ (Колосовъ Замѣтки II, 36), „въ вятскомъ краѣ ё слышится гораздо рѣже,

чѣмъ напр. въ новгородскомъ“ (тамъ же I, 66) и т. п. Такое *е* закр. можетъ измѣняться затѣмъ въ *і* (о явленіяхъ сюда относящихся скажу подробнѣе дальше), напр. мы находимъ повиду, силу сольвыч. (Зам. Кол. II, 36), бирутъ кол. (Якуш. 546), далико нижег. (Кирѣев. II, 14), колисо порох. псков., записло́, силитатцё, чилу, во тимномъ лису вельс. (Этн. сб. V); въ этомъ послѣднемъ говорѣ, судя по записямъ, звукъ ё совсѣмъ неизвѣстенъ въ слогѣ передъ удареніемъ (*о* послѣ *ж* находимъ впрочемъ въ словѣ обжонити).—Въ московск. говорѣ южновеликор. нарѣчія всякое *о* скл. къ *а* послѣ нёбной согласной смѣнилось на *е* закр. (вм. ѧ закр.) въ слогѣ передъ удареніемъ: веду, несу, весела́, весна́, темно́, ср. съ этимъ переходъ *о* скл. къ *а* послѣ твердой согласной въ *а* (вада́); послѣ отвердѣвшихъ шипящихъ *ж* и *ш* находимъ тоже *е* закр., напр. жена, шестой, не жана, шастой: очевидно, что *ж* и *ш* не успѣли еще отвердѣть въ такомъ положеніи во время дѣйствія разбираемаго нами закона.—Въ прочихъ южновеликор. и въ бѣлорусскихъ говорахъ мы не находимъ такого послѣдовательнаго проведенія закона объ измѣненіи *о* скл. къ *а* въ *е* закр. (откуда далѣе *і*) какъ въ москов. говорѣ: при *і* вм. первонач. *о* скл. къ *а* находимъ и *я* (смѣшанные говоры α, β); впрочемъ въ нѣкоторыхъ изъ южновеликор. говоровъ *і* довольно послѣдовательно. Въ курск. обоян. находимъ систра, мидами, всиго, тирима́, литала, сиго, тила́, па бидрамъ, слизами, чиломъ, лихка́, полузирна́, пивчина́, начива́ть и т. д., гораздо рѣже: сястрою, зилялу́, маяму, яму, мядовай, нясуть, вязуть, вядуть, жана, сястры и т. д. (Этн. Сб. V), въ кур. судж. иго́ при яго́, сваиго́, на лиду́, привила́, забрила́, слизали, литая, вичиво́, формы съ *я* гораздо чаще; орлов. малоарх. пиро, систра, свила, повила, отпирла, въ погрибихъ, но рядомъ хотя и рѣже сяму, бяруть (пѣсни запис. Якушкинымъ). Во многихъ южновеликор. говорахъ такое *і* встрѣчается лишь въ спорадическихъ случаяхъ: чиγо́, чиво́ ряз. михайлов., прон. Будде 30, елец. иво при яво Якуш. 597.

Въ бѣлор. нарѣчіи также находимъ опять таки лишь въ единичныхъ случаяхъ: чибо́ты лепп. витеб. Кар. 48, ина, инѣ, яго роман. могил. Кар. Р. Ф. В. 1892 № 4, также витеб. висна́, приписла́, мидо́вого, орш. зимина́ (Кар. ib.), литанць (Кар. Обз. 48) и т. д. Впрочемъ ниже мы еще разъ вернемся къ этимъ звукамъ *i*.

Звукъ ӓ закр. вм. *а*: такое ӓ находимъ какъ передъ твердой такъ и передъ мягкой согласной, между тѣмъ какъ ӓ закр. вм. *о* скл. къ *а* извѣстно только передъ твердой согласной, ибо самое *о* скл. къ *а* существовало лишь въ этомъ положеніи. Такое ӓ (пиш. є и ѣ) находимъ уже въ стар. памятникахъ.

Лавр. лѣтопись иꙁсславл 50, Ряз. гр. 1483: єсаүныхъ, цєрєвиүємъ Собр. Гр. и Д. I № 116, моск. копія съ дух. 1402 № 36: рєꙁани, дух. 1486 № 122: богоєвлєнскоє, єкимовскоє, свєщєнники, свєщєнникомъ, дух. ок. 1503 № 131: тєжолаꙗ, двин. 1536: тєга͡єса Бѣл. № 9, гр. до 1491: рєбинү АЮ. № 7, 1554: шєрапомъ АЮ. № 150, 1570: дєсєтина АЮ. № 158, 1557: дєсєтина АЮ. № 228, 1594: дєвєтнадцать АЮ. № 216, II, ряз. 1679 дѣсүкъ, 1681 октєбра (Будде 16, 17), актъ 1591: витєговскоко СГр. и Д. II, 115, 1667: ꙁаєвитцо inf. Ак. II, 811, 1642 казан. тритүєти, лошєдєй, лошєдахъ АКал. II, 462, 1650: октєбра АКал. II, 430, Домострой изд. Забѣлина горєүо 157, вєѕигою 162 (при вꙗѕигою 163), Кон. сп. Домостроя: по пѣти 111, плєсаніє 13, лошєдємъ 94, лошєдми 103, Арх. сп. Нов. лѣтописи XVI—XVII в.: үүєла 72, рженыє 99, үүєло 72, вєꙁати 100, рєды 70, поүєли 72, приүєщатиса 58, октѣбра 111. Тоже находимъ въ памятникахъ западнорусскаго письма: полоц. 1478: үєсєхъ, прєосвєщєннаго Р. Л. А. № 265, Зап. Рус. Четья Минея 1489: свєтого, свєщєники, свєтитєли, вєꙁати, ꙁавєꙁалъ, свєꙁалъ, потрєсласа, принєла, оүвєдати, Арх. сб. VI, 2: свєтой, помєнүть, кнєгина, пєтнадцать, кнєжати, үєсєхъ, Стат. 1588: присєгнүти, єꙁыкъ, свєтоє, натєгнүти, навєꙁати, кнєгинь, кнєжата, принєла (Карск. Р. Ф. В. 1890

№ 2), Книга переписей полъпста Арх. Юзап. Р. ч. VII, т. 2, с. 28, 1556—68: оглєдати АЮЗР. I № 238, 1415: петнадцатого АЮЗР. I, № 12, Лит. Метр. (рпсь Прав. Сен.), десети, угленувши, завезали, редити, кнегини АЮЗР. I и т. д.

Въ совр. сѣвернор. находимъ *е* закр. (изъ ӓ закр.) вм. *я* въ тѣхъ говорахъ, которые представляютъ *е* закр. и вм. *о* скл. къ *а*: онеж. взела, привезалъ, срежеитсе (Кир. IV, 72 сл.), олон. привезаў, плесать, ребокъ, запрегли, дьечокъ, трести, петьсотъ, гледѣть, мекинна, редитьця, кнезей, свещенникъ, арх. везать, чеща Зам. Кол. II, 42, перм., арх., вол. егненокъ, едро, ечмень, ейцо, емской, енпшница, езвить Зам. Кол., сольвыч. ребой ib., вельс.: есными, поглежу, привезалосё, снела, на мегкой, мегку (Эт. Сб. V), вятск. езыкъ, евился, ирб. угледать Зам. Кол. II, шаф. тресётся Аф. I № 61, осин. крехтитъ Аф. I № 25а, сибир. чесы Даль LX, нижег. лукоян.: чесовня, счесливый, въ редахъ, целя, церицу Даль LVIII, ярослав. еичко, егнёнокъ, редпцца, кнепня, роман. петнаддать, редятся и т. д. Діалект. вм. *е* закр. *і*: вельс. погризѣ, псков. порох. испехонько, проявилси, лукоян. игненокъ.— Въ московск. говорѣ южновеликор. нарѣчія вм. *я* въ слогѣ передъ удареніемъ правильно и постоянно *е* закр.: ейцо, еснѣй, плесать, ребой, чесы, тресу; но послѣ отвердѣвшихъ шипящихъ *ж*, *ш* и послѣ отвердѣвшаго *ц* находимъ *а*: жара, шалунъ, царя, расшатать, рѣже расшетать, шелишь съ *е* закр. (Коршъ Archiv f. Sl. Ph. III, 683): такое *а* вм. болѣе древняго *е* закр. я вывожу изъ удар. слоговъ: жаркій, царь, шаткій, шалость; *е* закр. вм. *о* скл. къ *а* послѣ тѣхъ же согласныхъ не измѣняется, какъ мы видѣли выше, такъ какъ въ удар. слогѣ находится гласная (*о* откр.) неизвѣстная въ слогѣ передъ удареніемъ. — Въ южновеликор. говорахъ находимъ также *е* закр., а вм. *е* закр. (изъ ӓ закр.) чаще звукъ *і*, но онъ проводится въ нихъ далеко не такъ послѣдовательно, какъ *е* закр. вм. *я* въ московск., воронеж.: погледела (Юб. сб. 603), новосил. тул. реды,

часы, часовня, тягло, рябина (Обзор Кол. 128 и слѣд.); кур. обоян. ичмень, поисочки, завизала (Эт. сб. V), кур. судж. плисала, зитьё, спарижоная, чисочикъ, мителица, паисóчикъ, лашидяхъ (Халан. Р. Ф. В.); тоже спорадически и въ другихъ говорахъ: алипой малоарх. орлов., чистёхонька азов., чисы, изыкъ инсар. пенз. Обзор Кол. 111 и пр. Въ ряз. говорѣ такое *i* кажется неизвѣстно, но за то послѣ отвердѣвшихъ *ж* и *ш* находимъ *ы*: жыра, жылѣть, шылишь, лашыдей (Будде 33): отсюда можно заключать, что и послѣ другихъ согласныхъ *i* было распространѣннѣе, чѣмъ теперь; а именно говоры *α* вліяли на вытѣсненіе звука *i* звукомъ *я* (святой, часы), но говоры *β* передали и говорамъ *α* звукъ *ы* въ случаяхъ какъ жыра, жырчѣя и т. д. Въ бѣлор. также находимъ *е* закр. вм. *а* за мягкой согласной, но сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ, также вслѣдствіе вліянія на говоры *β* говоровъ *α*: каледа Мозырь, рубечи́ Волковыскъ, светый, Мин., звезали Слуц. (Кар. Р. Ф. В. 1893 № 1), также *i* вм. *е* закр.: цигáець, обнилá, доглидалá (Карскій тамъ же), калидá Лепп. (Обзор 48), iéцъ, выглиданць (тамъ же 48).

Звукъ ӓ закр. вм. ӓ откр. изъ iеª. Въ говорахъ южновеликор. и бѣлор. въ противуположность сѣвернор. дифт. сочетаніе iеª въ слогѣ передъ удареніемъ перешло въ ӓ откр.; въ говорахъ *β* предшествующія нёбныя согласныя вліяли на измѣненіе ӓ откр. въ ӓ закр. Такъ въ московск. говорѣ находимъ правильно въ соотвѣтствіи звуку *я* прочихъ южновеликор. говоровъ *е* закр. на мѣстѣ *ѣ* въ слогѣ передъ удареніемъ: леса, венокъ, слепой, седой, звезда, река, стена и т. д. съ *е* закр., ср. сядой, ряка, стяна ряз. кур. тул. и т. д. Въ прочихъ южновеликор. говорахъ также находимъ, но далеко не такъ послѣдовательно, такое *е* закр., чередующееся съ *i*: ср. кур. обоян. бидá, снигá, лисá, твиточки, звизда, кур. судж. твитóчик, звиздами, винóк, малоарх. орлов. лиса, по билом свѣту, рикою, двинадцать,ципоч-

ку; тоже спорадически и въ другихъ говорахъ: по указанію Будде 30 слѣпой, нѣмой въ нѣкоторыхъ селахъ Зарайскаго уѣзда произносятся съ *е* близкимъ къ *и*, ср. также смол. бидя́, ирх. видро, инс. писокъ Кол. Обзоръ 111 и др. Въ бѣлорус. также находимъ въ единичныхъ случаяхъ такое *і* вм. ожидаемаго *я*: рыка витеб., бида вилен. (Кар. Р. Ф. В. 1893 № 1), спиваиць Дисн., идя́ли Сѣнн. Могилев., стрыля́ Новогруд. (его же Обзоръ 48, 49).

Произношенію село (сило), плесать (плисать) съ *е* закр. въ говорахъ β противупоставляется произношеніе сёло́, сяло, плясать въ говорахъ α, и также произношеніе стена (стина) съ *е* закр. въ южновеликор. говорахъ нельзя сопоставлять съ произношеніемъ стена (стина) сѣвернорусскихъ говоровъ (такъ какъ здѣсь безразлично и въ говорахъ α и въ говорахъ β вм. ie[a] является *е* закр.), а должно сравнить съ произношеніемъ стяна южновеликор. говоровъ α. Такимъ образомъ въ говорахъ β (южновеликор. и бѣлор.) звукъ *е* закр. въ село, плесать, стена непервоначальный и восходитъ къ звукамъ *о* скл. къ *а*, къ *а* и къ ӑ. Напротивъ звукъ *я* южновеликор. и бѣлор. говоровъ α въ словахъ сяло, плясать, стяна гораздо ближе отражаетъ первоначальные восточнорусскіе звуки: но выводить произношеніе говоровъ β изъ произношенія говоровъ α нельзя; звуки *е* закр. первыхъ, *я* вторыхъ говоровъ восходятъ одинаково къ первоначальнымъ звукамъ *о* скл. къ *а*, *а* и ӑ. Равнымъ образомъ сѣвернор. село съ *е* закр. нельзя выводить изъ сёло: ё въ послѣдней формѣ и *е* закр. въ село говоровъ β одинаково восходятъ къ общему звуку *о* склон. къ *а*.

Глава 16-ая.

Изменение гласныхъ а—о подъ вліяніемъ нёбныхъ согласныхъ въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ.

Въ предыдущей главѣ указано, что въ восточнорусскихъ говорахъ β звуки а̀ и о̀, извѣстные въ языкѣ только въ неударяемыхъ и ударенію предшествующихъ слогахъ, въ положеніи послѣ мягкихъ нёбныхъ согласныхъ переходили въ ѐ закрытое. Аналогично съ этимъ говоры группъ С и В, въ которыхъ іеª перешло въ неудар. слогѣ не въ ѐ закр., а въ ѐ открытое, измѣняли это ѐ открытое въ ѐ закрытое, если вообще представляли черты свойственныя говорамъ β. Приведу примѣры новаго ѐ закр. изъ а̀, о̀ и ѐ открытаго; при этомъ замѣчу, что переходъ этотъ имѣлъ мѣсто и во многихъ говорахъ, сохранившихъ звуки *а*, *о*, *е* откр. въ слогѣ передъ удареніемъ неизмѣненными. Звукъ а̀ восходитъ въ положеніи за твердой согласной къ общерусскому *а*, въ положеніи же за мягкой согласной въ серединѣ слова къ общерусскому *а*, а въ конечномъ открытомъ слогѣ къ общерусскому *а* и къ общерусскому ӓ (послѣднее изъ общеславянскаго *е*). Звукъ о̀ въ положеніи за твердой, а также за мягкой согласной восходитъ къ общерусскому *о* скл. къ *а*; въ положеніи же за мягкой согласной къ общерусскому ӧ скл. къ *а*. Наконецъ звукъ ѐ откр. восходитъ къ первонач. іеª (*ѣ*) въ нѣкоторыхъ изъ говоровъ ВС.

Звукъ ѐ закр. вм. а̀ первонач. послѣ мягкой согласной находимъ во 1) въ открытомъ конеч-

номъ слогѣ: слова время, сѣмя, имя въ говорахъ β перешли въ времѐ, имѐ, сѣмѐ, какъ они и теперь произносятся въ сѣвернор. говорахъ и въ москов., ср. невѣреме гр. до 1491 АЮ. № 7, име, имѣ въ бѣлорус. Сб. XVI—XVII в. Кар. Р. Ф. В. 1890 № 2; глаголы на *-ся* въ говорахъ β измѣняли *ся* на сѐ: такъ мы напр. читаемъ: досталасе, понадобитце, вступлютце въ олонец. гр. 1547 и 1757 г. (Барсовъ, Палеостровъ 140, 134, 120), обвалалосе гр. 1568 АЮ. № 85, объявитце олон. 1690 АКал. II, 812, объявитисе вытегор. 1690 ib. 813; полвитце, попортилосе, придержалсе Домострой изд. Забѣлина 140, 129, 118 и др.: въ бѣлор. сп. Лит. Метр.: уступатисе, въ Стат. 1588: зъехатисе, изшлосе, въ Сб. XVI—XVII в.: возбудисе, мучатьсе, дивовалсе Карскій Р. Ф. В. 1890 № 2 и мн. др. Въ соврем. сѣвернор. находимъ: арх. повалился, показалсе, пришлосе (Словарь Подвысоцкаго), шенк. шатаетсе, подтыкаетсе, перепа́лисе, взбунтовалисе (Кирѣев. I, 77 слѣд.), онежск. полохайсе (Якуш. 672), вымаитсе, догадалисе, обруцелисе (Кирѣев. II, 11 сл.), волог. разлилосе, повидатьсе, проццятисе (И. Хр. Бусл. с. 1583, 1586), подалсе (Сб. свѣд. II, 166), вельс. слуциусе, прощетисе (Этн. сб. V), олон. обвернулосе, догадаласе. Изрѣдка находимъ *се* въ бѣлор.: раскорачесе, выробиласе Обзор Кар. 48, баяласе, давалосе могил. (Календарь Запольс. 1889 г., 129, 130). Что касается южновеликор. и бѣлор. *-си*, то частью такое *си* можетъ восходить къ древнему окончанію -си при -ся, частью же *си* фонетически замѣняетъ *се* съ *е* закр.; послѣднее происхожденіе имѣетъ, вѣроятно, бѣлор. *си* въ попужалиси, жаницися, усѣлиси, сылята́лиси сѣнн. могилев. (Карскій Р. Ф. В. 1893, № 1). Въ совр. раз. *-си*, являющемся и подъ удареніемъ (забралси́, запарси́), слѣдуетъ видѣть отраженіе древней формы *-си*, ибо въ древнемъ говорѣ *си* вм. *ся* нельзя объяснить фонетически; тоже должно сказать напр. о кур. щигров. формахъ гневайси, улюбилси и др.; напротивъ олонец. простилаcи, воротилоси, опиралоси (Обзор Колосова 131) имѣ-

ютъ, думаю, *и* вм. *е* закр. фонетически.—Слово завтра, изъ завтрья, сохраняющееся въ такомъ видѣ въ говорахъ α (вологод. Афан. I № 17а, 52а, великоуст. Зам. Кол. II, 44. арх. Труды Э. О. V, 83, ряз. затря у Будде), въ говорахъ β перешло въ зафтре съ *е* закр., ср. москов. ярослав. (зафтре, взафтре у Тихв. Р. Ф. В. 1890 № 3) произношеніе этого слова; отсюда дальше рязан. зафтри (Будде).—Вѣроятнымъ представляется, что звукъ ȧ, который за нёбными согласными долженъ былъ измѣняться въ ė закр., сохранялся въ граммат. окончаніяхъ безъ измѣненія подъ вліяніемъ конечно звука *а* тѣхъ же окончаній. Тѣмъ не менѣе языкъ представляетъ слѣды и отдѣльные случаи фонетическаго перехода въ ė закр. звука ȧ и въ грам. окончаніяхъ: такъ формы оудержаѥ, поминаѥ въ Записи 1339 г. (Св. и Зам. № 86), спусте 1503 АЮ. № 10 представляютъ, можетъ быть, *е* закр. изъ *я*; таково же было бы происхожденіе *е* закр. въ бж҃твенаѥ писании той же Записи; въ рукописи XIV в. Р. Д. II читаемъ ѕ.є, т. е. шєстаѥ въ значеніи им. ед. ж. р. с. 115, затѣмъ формы р. ед. вѣданье дог. 1445 СГр. и Д. № 61, докончаѥ 1496 № 127, беꙁъ примышлєє, беꙁъ ослушаѥ дог. 1483 № 116, василье ряз. гр. 1520 Писк. № 13. Діалект. братьи шенк. (Кир. I, 80), листьи им. мн. (напр. у Державина) имѣютъ м. б. *и* вм. *я* по той же фонетической причинѣ, напротивъ московск. листья, братья сохраняютъ *а* подъ вліяніемъ удар. *а* въ друзья́, города́ и т. д.

Во 2) находимъ ė закр. вм. ȧ въ конечномъ закрытомъ слогѣ. Такъ уже въ древнихъ памятникахъ: дв. гр. XIV в. паметь Собр. Мух. № 14, 1462—66: судеть АКал. I № 31, 1462—1505: двадцеть, трицеть АКал. I № 52, 1498: тысєщь АКал. I № 31, ок. 1490: ꙁаслышевъ АЮ. № 4, до 1491: тридцеть АЮ. № 7, дух. москов. 1486 № 122: двадцеть, дог. 1389: слышевъ № 35, ряз. гр. 1483: девєтьдесят № 116, 1580: паметь АЮ. № 117, 1587: двадцеть, тридцеть АЮ. № 172, 1581: десеть АЮ. № 181, дух. ок. 1503: чєрвьчєть, копія съ дух. 1504:

паметь, рухледь, ряз. 1676 лошедь, 1677 плошедь (Будде), Письма рус. гос. 1619: десеть, рухледь, принелъ, выслушелъ, выслушекъ I № 14, 1591: унелъ, послышелъ, слышекъ, услышекъ СГр. и Д. II № 60, 1654 (говоръ акающій) принелъ, братьемъ АКал. I № 111, Арх. сп. Нов. л. XVI—XVII в.: поесъ 57, утетъ 99 (удареніе на *у*), Кон. сп. Дом. XVI в.: посѣекъ 78, рухледь 92, лошедь 31; Пол. гр. 1478: паметь Р. Л. А. № 265, Зап. Рус. Чет. М. 1489 паметь, колодезь (Карп. Р. Ф. В.), Лит. Метр. XVI в. декеть, десеть, деветнадцать Арх. Юз. Р. ч. VII, т. 2, внучета, внучетъ у Скорины, Владимировъ 262. — Въ соврем. говорахъ находимъ: арх. двадчеть, двенадчеть, онеж. деветь Кир. IV, 75, перм. арх. вол. віеть, сіеть, заецъ (Зам. Кол. I, 42), шадр. вдругоредь, домовничей 2 пов. (Аф. I № 61), олон. деветь, десеть, тридеветь, у́челъ (Кир. II, 37), вельс. норукодильницеть, сибир. лошедь, двадцеть (Даль LX), ярослав. ми́реть, віеть, сіеть, мисецъ (Тихвинскій), твер. проклетъ Обзоръ Колосова 15. Изъ такого *е* закр. образуется *і*, ср. уже въ Лавр. лѣтписи слышивъ 17, Ипат. слышывъ 466, совр. олонец. слышывъ; также олон. въ неудар. слогахъ пить, напр. петдесе́т пить, нижегор. вдруго́ридь Кир. I, 37.— Въ москов. находимъ правильно *е* закр. лошедь, начелъ, площедь; тоже и въ другихъ южновеликор. и бѣлор. говорахъ: новосил. лошедь, бѣлор. сѣнник., могил. вытресъ, черик. колодзесь Кар. Р. Ф. В. 1893 № 1; чаще вм. *е* закр. *і*: кур. судж. обычій, девить, кур. обоян. мѣсицъ, по́ пансъ, семдиситъ, бѣлор. вынивъ Кар. тамъ же и т. д.

Въ 3) *е* является вм. *а* въ неконечномъ слогѣ послѣ ударенія; въ древнихъ памятникахъ видимъ: Лавр. XIV в. кежеми 182, дв. гр. XIV в. засѣко . ъ Собр. Мух. № 1, дог. до 1486 № 124 и дог. 1481 № 110 тысечю, 1474 тысечахъ № 104, дух. 1486 № 122 засековъ, дух. ов. 1503 свичетыхъ, гр. 1399 (сп. XVI в.) ухожемъ АКал. I, 442, стар. ряз. занели (Будде 183), Арх. сп. XVI— XVII в. Нов. л. вынели 77, гр. 1574 площеди АЮ. № 229,

1594 лошеди АЮ. № 219, I, дог. 1456 (сп. XVI в.) тысесского ААЭ. I № 57, дв. гр. 1527 вылеже' Бѣл. № 47, 1532: ру'ле'ю № 51, 1591: ѿисли, слышели, куретью, ѡбычеемъ СГр. и Д. II № 60, Конш. сп. Дом. пляметуй 59, Дом. въ изд. Заб.—рукоеди, рукокеди 166, 181, тысецкои 171, 1650 купчеи АКал. II, 430, 1654: площеди, присели, дѣелось АКал. I № 111 (говоръ акающій); 1692: братьсми, внучеты АКал. I № 66, II, Письма Р. Г. 1619 любеуи № 14, стерледи № 30, 1620: слушели № 70 и 94, 1622: слышети № 140, 1621: выкшеи № 109, 1688: слышеуи АКал. II, 828. Тоже въ западнорус. пам.: пол. гр. 1478 тисеуа Р. Л. А. № 265, Зап. рус. Четья 1489: ѡбычеи, помнеуи, тисеуника Р. Ф. В., Стат. 1588: бачеты, неходеуи, деело, пямети, Сбор. XVI—XVII в.: видеуи, хотеуи, слышети, месецъ, 1556—1568: пѣнези АЮЗР. I № 238, Лит. Метр. XVI в.: мокеты, хотеуи, тисеуа, теледью и т. д. Въ современныхъ сѣвернорус. говорахъ находимъ: олонец. онеж. деветеро, олон. крупивчетыхъ, на́ пету (Кир. II, 98), вельс. тысечкой (Эти. Сб. V); въ москов. тысеча, площеди, занели. Въ южновелик. и бѣлорус. такое *е* закр. часто смѣняется на *і*: уже въ гр. 1635 памити АКал. II, 690, кур. судж. тысичю, раннія, им. ед., кур. щигр. сеила, веила, кур. обоян. колодизю, раннія им. ед., малинькія им. ед. (изъ -кяя), камними, сеили, за кольими, ди́титка, времичка и т. д. Тоже въ бѣлор. вече́рила (Карскій, Обзор 48), выцинувъ, вынила, усто́нила (онъ же въ Р. Ф. В. 1893 № 1).

Наконецъ въ 4) ѐ закр. вм. а̀ въ слогахъ передъ удареніемъ и съ нимъ не сосѣднихъ видимъ напр. дух. 1486 ерославскомъ СГр. и Д. № 122, 1483 ряз.: съ ерослави' № 116, 1482 моск. въ ерослаʼци № 114, 1556 ерославского АЮ. № 104, 1567 ерославской АЮ. № 162, данная до 1417 вечеславль Собр. Мух. № 26, П. Р. Г. 1619: ерославлю I № 43, 1700: ерослава АК. II, 521, 1650 Шеховскому АКал. II, 430, Зап. Рус. Четья 1489: ерополкъ, пол. гр. 1478 теглицовъ и т. д. Въ соврем. говорахъ: олон. емщико́въ, перм. арх. вол. еровой, ирб.

чесовой, ярославск. месоѣдъ, ерославь, редовой, вельс: петдесятъ; москов. ерославъ, еровой, тежело; спорад. и въ ряз. чесавой, редавой. Чаще такое *е* закр. въ южновеликор. и бѣлор. говорахъ переходитъ въ *i*: кур. судж. дивитярыхъ, ряз. тижалёхынькя, чижало Будде 165, 163, кур. обоян. чижало, иравой, исманóй; тоже въ бѣлорус. идранóя Кар. Обзор 48 (ср. едрынистэ, онъ же въ Р. Ф. В. 1893 № 1), ирового; *i* въ сѣвернор. чижоло ковр. Даль LV, ярослав. (Тихв.) такого же происхожденія.

Звукъ ѐ закр. вм. а̀ непервоначальнаго, а заступившаго мѣсто звука ѧ̈ въ конечномъ открытомъ слогѣ слова находимъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ, на которыхъ остановимся подробнѣе. Формы 1 л. мн. јесмѧ̈ и 2 л. мн. јестѧ̈ имѣли въ древнерусскомъ языкѣ удареніе на конечномъ ѧ̈: поэтому въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ вмѣсто нихъ являлись јесме, јесте съ удар. *е* открытымъ, ср. соврем. бѣлор. дасце, ясце (editis) съ ударенiемъ на *е*. Но въ энклитическомъ употребленіи этихъ формъ ӓ конечное не имѣло на себѣ ударенія и переходило поэтому въ а̀: общевосточнор. јesm'ä, јest'ä сохранились однако только въ говорахъ группы *α*. Мы находимъ есмѧ уже въ XIV в., напр. двин. ряд. изд. въ Св. и Зам. Срез., двин. заклад. изд. въ АКал. II № 126, въ Троицкой рпси XIV в. (Пѣтуховъ 4), въ Ипат. лѣтси с. 580, въ Сузд. лѣтси XV в. (изд. Арх. ком. при Лавр. с. 469), въ копіи XV в. съ Дог. 1381 СГр. и Д. № 32, въ Догов. 1434 №№ 53 и 54, въ Дог. 1447 № 63, въ Данной 1425—62 Собр. Мух. № 37; въ XVI в. форма есмѧ весьма обычна. 2 л. мн. естѧ вм. общерус. энклит. јestä находимъ въ памятникахъ съ XVI в.: болѣе позднее появленіе этой формы въ письменности объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что она вытѣснялась формою неэнклитическаго слова есте́, между тѣмъ какъ при есмя энкл. въ неэнклитическомъ употребленіи кромѣ есме́ могли являться есмы, есмо (бѣлор.). Отмѣчу естѧ въ гр. 1501 Акал. I, 252, 1532 АЮ. № 19,

1556 АКал. I № 41, 1607 АЮ. № 337, Дом. въ части XVII в. изд. Заб. 178 и др.; въ современныхъ былинахъ слышится: охъ вы гой естя олон., нижег. (Кирѣевъ I, 35; II, 90, 92). Въ говорахъ группы β есмя (т. е. jesm'ä) вытѣснялось формою jesmě. Въ виду указанныхъ въ главѣ 11-ой выводовъ, слѣдуетъ читать въ написаніи єсмѣ въ новг. и тихв. гр. букву ѣ какъ *е* закр., ср. 1568 АЮ. № 289, 1640 № 301, II, 1650 № 282, 1661 № 201, 1668 № 290, XIII и др.; въ говорахъ измѣнявшихъ ě въ *i* находимъ 1 л. мн. єсми Дух. нов. 1360—89 АЮ. № 409, I, гр. 1485—1505 АЮ. № 3, 1425—62 Собр. Мух. № 30, 1552—1553 АКал. II, 776, 1585 АЮ. № 183, 1642 АКал. II, 785, 1654 АЮ. № 283, 1686 АКал. II, 778, 1692 АЮ. № 321, III. Совпаденіе въ нѣкоторыхъ говорахъ есми 1 л. мн. (фонетически изъ jesmě, которое изъ jesm'ä) съ есми 1 л. ед. (вм. есмь подъ вліяніемъ еси) вызвало употребленіе формы jesmě (есме, есмѣ), а въ говорахъ α даже формы есмя въ значеніи 1 л. ед., ср. Тихвин. 1675 АЮ. № 404, I и 1684 АЮ. № 276, гдѣ єсмѣ 1 л. ед., Тихв. 1679 єсме 1 л. ед. АЮ. № 399; двин. гр. 1528: ѡступился єсма Бѣл. № 4, 1620 не писалъ єсма П. Р. Г. I № 73; тоже въ 1628 АКал. II, 748, 1612 АЮ. № 395 и др. Форма 2 л. мн. jest'ä (энкл.) также перешла въ jestě въ говорахъ β, ср. єстѣ въ Пол. гр. XV в. Р. Л. А. № 279.—Въ 3 л. ед. общерусская форма jestь измѣнилась фонетически въ jest', откуда jes'; вмѣсто jes' при jesmy, jestä явилось jesä, подъ вліяніемъ будӓ, идӓ, берӓ 3 ед. при беремы, будемы, идете, будете; jesä при jes' вызывало jestä при jest'. Эти jésä, jéstä измѣнялись въ общевосточнорусскомъ языкѣ въ jes'a, jest'a, формы сохранившіяся въ говорахъ α: ср. холмог. у насъ шуба еся Якуш. 653, устюж. и волог. еся Сбор. свѣд. кр. нас. II, 21, 106, валд., бѣлоз., устюж. естя Зам. Кол. I, 26, твер. естя Афан. I, 202. Въ говорахъ β jest'ä измѣнилось въ jestě, ср. твер. и том. есте Обзор Колосова с. 5, олон. есте съ *е* закр. (есь у васъ медвѣди? есте; самоваръ есь?

есте; туда дорога есь? есте); сюда же относится бѣлор. ёсцека (Карскій с. 154); говоры β, измѣнившіе ѐ на *i*, имѣютъ ести, ср. есци въ говорѣ Ситкарей ярославской губ.— Въ 1 л. мн. ч. глаголовъ неархаическаго спряженія также употреблялось изрѣдка окончаніе -ма (общеслав. -me), ср. въ карпатор. говорахъ несеме, хвалиме и т. д. Такъ мы читаемъ въ Синод. Нов. лѣтпси подъ 1216 г. не проливаиме; -ма въ общевосточнор. перешло въ m'a, ср. въ Арх. сп. той же лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ не проливаимѧ (ср. подъ 1228 г. Синод. есме — Арх. есмѧ); въ говорахъ β m'a перешло бы въ mѐ, mi.— Окончаніе 2 л. мн. ч. -tа подъ удареніемъ перешло въ общевосточнор. въ te съ *e* откр., а въ слогѣ неударяемомъ въ t'a, которое и сохраняется въ говорахъ *α*: напр. сѣвернор. олон. прощайтя, извинитя, троньтя, не тянитя, гребитя, оставьтя, спуститя и др.; южновеликор. тамб. выньтя, ступайтя, привизитя, биригётя, ряз. идúтя, найдётя, поѣдитя, натя, тул. бейтя, дѣлаитя (Сборникъ Смирнова с. 179), орлов. ройтя, копайтя, ставьтя, малоарх. станьтя, положьтя (Якушкинъ 537, 486, 549), кур. судж. слухайтя, паиграйтя (Халан. Р. Ф. В. 1889), кур. щигр. не хадúтя, ататкнúтя, атвядúтя, насучитя (Халан. Р. Ф. В. 1881), кур. обоян. баславитя, бранитя, дайтя (Этн. Сб. V), гжат. подитя (Обзор Кол. 61) и т. д.; тоже въ бѣлор. дадзиця, пляцеця, гудзеця, идзеця, черниго в. апускайтя, атходтя Афан. I, 295. Въ говорахъ β t'a перешло въ tè: сѣвернор. и московъ. ходитѐ, бѣгитѐ, несётѐ и т. д.; тоже діалектически и въ бѣлорусскомъ: пасидисе, не бойцисе Кар. Обзор. 46, садзицисе Кар. Р. Ф. В. 1892 № 4, ржев. говорьти Аф. I, 386; выставляемыя Карскимъ въ Обзорѣ формы какъ пляцúце, идзéце съ *e* откр., думаю, произносятся не съ откр., а съ закр. *e*: вообще сомнѣваюсь (вслѣдъ за Брандтомъ) въ существованіи бѣлор. *e* откр. въ неудар. слогѣ. Ипат. хощєтѣ 555, Пол. гр. 1475 вѣдаєтѣ, рачьтѣ, вѣлитѣ, пишєтѣ Р. Л. А. № 263, Пол. гр. XV в. поставлиєтѣ, вѣдаєтѣ, отладитѣ, пишєтѣ Р. Л. А. № 279 представляютъ

ѣ изображающее *е* закр. Если просити Лавр. 30 (да аще ма просити, говоритъ Ольга Древлянамъ) не описка, то и является замѣною *е* закр., замѣною не единичною въ названномъ памятникѣ. Подъ удареніемъ, какъ указано, вм. ѣ явился звукъ *е* открытый, ср. бѣлор. дадзицé, спицé, гудзицé, идзецé, ведзецé, сѣвернор. олонец. беретé, спитé, бранитé, живитé и т. д., ярослав. полетитé, пошех. куритé, рыбин. ѣдитé, спитé, хотитé, бѣлозер. несетé, не продадитé ли, новгор. пропадитé, лежитé и т. д. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ говорахъ *α* вмѣсто удар. *е* можетъ явиться *я* заимствованное изъ формъ съ неударяемымъ окончаніемъ *те*: олон. 2 л. пов. грузитя́.—Окончаніе ѣ въ 3 л. ед. словъ какъ несе, бере, веде подъ удареніемъ еще въ общевосточнорусскомъ яз. перешло въ *е* откр.: бѣлор. пляцé, жанé, псков. несé, пекé, ряз. жывé, кур. щигр. бирé, олон. ведé, уйдé, холмог. идé и т. д. Въ слогѣ неударяемомъ ѣ перешло въ ȧ, которое сохраняется въ говорахъ *α*: бѣлор. будзя, ѣдзя, наѣдзя, сера (Романовъ I, 320), псков. не лѣзя, найдя (Обзор Колосова 61), кур. щигр. будя (Халанскій Р. Ф. В. 1881 № 2, 257), кур. обоян. придя (Этн. Сб. V, 105), ряз. ѣдя, будя, присядя, влѣзя, позатихня, олон. будя, объѣдя, серя. Такое же *я* изъ ѣ видимъ въ положеніи послѣ неслоговаго *ί*: бѣлор. вынимая, пахаджая, зачиная, выбягая, черниг. припѣвая, утякая, кур. щигр. сея̆, патсявая, паливая, кур. судж. грая, маргая, кур. обоян. умѣя, разуя, орлов. указывая, ряз. зная, слѣдуя, кусая, натягивая, олон. воруя, смѣя, вставая (Обзор Колосова 60). Въ говорахъ β звукъ ȧ замѣнился звукомъ ė закр.: сѣвернорус. буде, пріѣде съ ė закр.; съ переходомъ ė въ *ί* находимъ псков. порохов. коли, лѣзи, сѣни, дѣлаи. Чередованіе окончаній *ί* изъ ė и ȧ въ говорахъ *α* вызвало вытѣсненіе окончанія *ί* первоначальнаго звукомъ ȧ: такъ явились бѣлор. кося, ловя, приходя, гавора и др., черниговъ. зробя, кормя, дагоня, кур. щигр. приходя, глядя, ня пустя, ряз. схватя, возя, рубя, насмотря и т. д. Въ бѣлорусскихъ говорахъ можно слышать и ė вмѣсто

первонач. *i* и позднѣйшаго ȧ: шуме, косе, голосе, доре, ходзе. Изъ формъ неударяемыхъ *я* можетъ проникнуть и въ слогъ ударяемый вм. *е* открытаго: ср. кур. судж. мастя́, стружа́ (Халанскій Р. Ф. В. 1889 № 1); отмѣчу еще встрѣченную мною у Якушкина (Сочиненія изд. 1884, с. 182, 577), а имъ записанную въ новгор. уѣздѣ, форму живя 3 ед.— Въ формахъ 3 л. ед. аор. какъ иде, срѣте, сѣде неударяемое конечное ӗ должно было измѣниться въ ȧ, которое и сохранялось въ говорахъ *α*: древнепсков. срѣтѧ, идѧ. Въ говорахъ *β* вм. ȧ видимъ ė закр., которое въ памятникахъ изображается буквою *ѣ*. Ипат. сѣдѣ 521, 594, Нов. Син. л. сѣдѣ 8а, 24а, 116а, седѣ 20а, привезѣ 77б (удареніе было на концѣ, ср. серб. при̏везē), накѣдѣ 111а (серб. на̀ведē), исѣцѣ 116а (серб. и̏зсијече), истопѣ 114б (серб. и̏стопē), Сузд. лѣтсь седѣ 504, Нов. Арх. сп. XV в. срѣтѣ 377. Въ нѣкоторыхъ говорахъ ė замѣнялось звукомъ *i*: поиди 3 аор. Лавр. 45.—Въ зват. ед. ӗ также измѣнилось въ ȧ: совр. бѣлор. дубя Карск. Р. Ф. В. 1892 № 4 с. 231, соколя Сбор. Ром. I, 355, кур. обоян. ко́ня мой (коне вм. коню), въ говорахъ *β* вм. *я* видимъ ė закр. Нов. Синод. оканьнѣ 89а.—Въ формахъ вин. род. ед. дочере, матере, сохранявшихся въ русскомъ языкѣ довольно долго (ср. матере р. ед. гр. 1573 АКал. II, 669), ӗ, имѣя на себѣ удареніе, переходило вѣроятно въ *е* открытое — дочере́ (ср. им. ед. дочи́, тв. ед. дочерью́ олон.); напротивъ въ положеніи въ слогѣ безъ ударенія ӗ измѣнялось въ ȧ: до́черя, ма́теря, ср. въ говорахъ *α*: сваю до́чиря кур. щигр. Хал. Р. Ф. В. 1881 № 1 с. 262, также мцен. матеря, дочеря (приводитъ Колосовъ безъ ударенія въ Обзорѣ 218). Звукъ ȧ изъ неударяемыхъ формъ можетъ переноситься въ формы удар. вмѣсто *е* откр.: орлов. болх. дочеря́, матеря́ (Словарь Даля s. v. мать: я животы всѣ положила на дочеря́, а она вишь какъ почитаетъ матеря́ то); въ говорахъ *β* ȧ измѣнилось въ ė закрытое: матери тул. алекс. (Кирѣев. II, 3: на когожь ты покидаешь свою матери). — Окончаніе ӗ въ им. мн. ч.

словъ на -янӗ, -овӗ, а также словъ какъ бояре, измѣнялось въ общевосточнор. языкѣ въ ȧ, которое и сохраняется говорами α: древяна Лавр. 8. Изъ позднѣйшихъ памятниковъ отмѣчу: Суд. Ив. Вас. сп. Унд. XVI в.: кр҇тьана 61а, Тамож. 1598: устьмошана, мехренжана СГр. и Д. II, 137, 141, гр. 1613 вычегжана АЮ. № 339, V, гр. 1628 Шуяна АКал. II, 748, гр. 1641 Углечана АЮ. № 304, III, гр. 1648 вологжана АКал. II, 808, гр. 1652 и 1684: прихожена АКал. II, 11, 773, гр. 1690 дворана АКал. II, 709, гр. 1697 самарена АКал. II, 536, Дом. въ части XVII в. изд. Забѣл.: поѣжжана 181; бояра находимъ напр. въ гр. 1483 Гос. Древ. I, р. IV № 10, въ дог. 1483 СГр. и Д. № 115, въ копіи съ дог. 1402 № 36, въ копіи съ дог. 1433 № 48, въ копіи съ дог. 1433 № 45, въ гр. 1479 АКал. I № 30, въ сп. XVI в. грамоты 1471 ААЭ. I № 92, въ Суд. Ив. Вас. 156, 69а, въ сп. Домостроя XVII в. изд. Забѣл. 169; также строитела им. мн. Домострой изд. Забѣл. 121 стоитъ фонетически вм. смотрителӗ; -овя вм. -овӗ, напр. татарова у Курбскаго, у Котошихина, въ гр. 1686 АКал. I, 433, въ письмѣ 1619 П. Р. Г. I № 16 и др., на форму дарова указываетъ мѣстн. мн. въ даровахъ Девг. дѣяніе XVII в. (Очерки Пыпина 321); рыболови подъ вліяніемъ словъ на -овӗ измѣнилось въ рыболовӗ (рыболове Лав. 110а), отсюда рыболова гр. 1574 ААЭ. I № 286. Въ соврем. говорахъ находимъ бояря въ олон., нижегор. (напр. Кир. I, 36, II, 93), сибир. (Кирѣев. I, 56) и др. былинахъ; также въ южновеликор. пѣсняхъ, кур. обоян. бояря, пáновя (Этн. Сб. V, 46, 61, 79), кур. судж. баяря, дваряня; татаровя въ арх. былинѣ (Кир. IV, 39), пановя у Кирши Данилова. Вообще же передъ звукомъ ȧ въ окончаніи им. мн. отвердѣли согласныя подъ вліяніемъ твердыхъ согласныхъ въ прочихъ падежахъ мн. ч.: бояръ, боярамъ, боярахъ вызывали бояра вм. бояря: бояра, татара довольно обычны въ памятникахъ XVII в., бóяра находимъ въ совр. былинахъ и пѣсняхъ (напр. вельс. бóера), слова татара и бара отмѣчены въ Грам-

матикѣ Востокова какъ существующія въ живомъ употребленіи; что до бѣлор. баяра, то оно можетъ и фонетически за отвердѣніемъ *р* восходить къ баяря; крестьяня уже въ 1659 АЮ. № 319, III, ср. совр. олон. кресья́на, поѣжжана, сибир. дворяна, мѣщана (Даль LX). Окончаніе -овя также и по той же причинѣ смѣнилось окончаніемъ -ова и при этомъ удареніе переносилось на *а* по образцу словъ ястреба́, города́, паруса́, напр. олон. сынова́, дарова́, сватова́, зятева́, арх. лугова (поля што скатерти, лугова што скачены Труды Э. О. V, 85). Вѣроятны эти слова извѣстны и съ удареніемъ на корнѣ, ср. великор. хозя́ева, хозя́ва. Въ большинствѣ великорус. говоровъ окончаніе -овя замѣнилось окончаніемъ -овья: вліяніе словъ какъ братья, княжья, дружья вызывало сыновья, братовья, друговья, зятевья, татаровья (ср. 1691 татаровьимъ АКал. II, 766, соврем. былин. нижегор. татаровья Кирѣев. II, 92), улановья у Кирши Данилова, ср. общую форму род. мн. на -ей въ склоненіи словъ князья и сыновья — князей и сыновей. Въ говорахъ β окончаніе им. мн. ȁ послѣ нёбныхъ согласныхъ измѣнилось въ ȅ закрытое, которое въ памятникахъ изображается буквою ѣ: Ипат. измалтанѣ, смолнянѣ, полочанѣ, холъмланѣ, галичанѣ, украинанѣ, кыянѣ, дворанѣ, поповѣ, двоpовѣ, сыновѣ, ляховѣ, боярѣ, угрѣ, татарѣ, святителѣ, Нов. Син. лѣтсь кыянѣ 25а, огнищанѣ 118а, рушанѣ 118а, дворанѣ 75б, гр. 1294—1304 пословѣ, рпсь XIV в. Р. Д. II сынѣ, горожанѣ, рижанѣ, гр. 1372 Нов. № 13 и 1373 № 17 пословѣ, Нов. лѣтсь Арх. сп. XV в. полянѣ, кыянѣ, крестианѣ, копорьянѣ, славлянѣ, домовѣ, сыновѣ, разбоевѣ, овощевѣ, боярѣ, Ап. 1307 сновѣ (Очерки Соболев. 120), Лук. ев. 1409 жидовѣ, сынѣ (тамъ же 142), Сузд. лѣтсь XV в. татаровѣ 480, 489, тоже въ дог. 1462 № 89, въ дог. ок. 1451 № 77; риж. гр. 1407 ратманѣ, рижанѣ, полочанѣ, послѣдковѣ Р. Л. А. № 164, тоже въ пол. гр. XV в. № 279; дог. 1446 боярѣ СГр. и Д. № 62 и т. д. Въ говорахъ смѣнившихъ ȅ на *і* видимъ Ипат. крестьяни, израилта-

ми, галичани и т. д., рись XIV в. сñови Рус. Дост. II, 11, 54, 111, Нов. лѣтсь по Арх. сп. словени 4, сынови 29, болри 385, рушани 421, Лавр. словѣни 13, козари 11. Въ соврем. говорахъ находимъ ё, напр. москов. мѣщане, дворяне, баре, новгор. бояре, вельс. боере, отсюда і: олонец. бояри. — Формы род. ед. мена, теба, себа были извѣстны въ русскомъ языкѣ какъ въ энклитическомъ, такъ и въ неэнклитическомъ употребленіи. Имѣя на себѣ удареніе конечное а переходило въ *е* открытое: мене́, тебе́, себе́. Эти формы находимъ какъ въ бѣлор. нарѣчіи: мяне́ и мине́, цябе́ и цибе́, сябе́ и сибе́, такъ и во многихъ южновеликорусскихъ говорахъ: ряз. мине́, тибе́, сибе́, ворон. тебе́ вин. ед. (Афан. I № 676), орлов. мине, тибе, кур. мине́; тоже хотя и рѣже въ сѣверныхъ говорахъ, напр. олон. тобе́, тебе́ („и тебе выучу“ угроза, также у Кир. II, 98), молож. тибе, сибе, псков. тибе, сибе. Въ энклитическомъ употребленіи этихъ мѣстоименій неударяемое а по общему закону измѣнилось въ ä: формы меня, тебя, себя во многихъ южновеликор. (москов., тамб., мѣстами и ряз. миня, мяня, тяя Будде 166), а также въ сѣверновеликор. говорахъ окончательно вытѣснили формы мене́, тебе́, себе́; мы находимъ ихъ и въ псковскихъ говорахъ (мяня, тябя), а мѣстами повидимому и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, ср. въ сказкѣ записанной въ могил. губ. за цябя (Календарь сѣверозап. края 1889 с. 129). Олонец., молож., ярослав. мня также восходитъ къ мна въ энклитическомъ употребленіи (древнерусское мнѣ уже въ Сбор. 1073): срав. южновеликор. у мне, бѣлор. мне, олон. мне (при мене). Энклитическ. теба, себа измѣнялись также съ выпущеніемъ звука *б* въ тея, сея ярослав., нижегор., рядомъ тее молож., гдѣ *е* заимствован изъ формы тебе. Формы меня, тебя становятся обычными съ XV в., ср. мена, теба и тоба въ москов. духовныхъ и договорныхъ того времени, древнѣйшими примѣрами являются тоба въ дух. 1388 СГр. и Д. I № 33, мена въ псков. Прол. 1383 (Очерки Собол. 129). Въ говорахъ β ä изъ а въ названныхъ фор-

махъ мѣстоименій замѣняется звукомъ ê закр., изображавшимся въ памятникахъ буквою ѣ: въ Ипат. тебѣ р. ед. 413; риж. гр. 1407 себѣ род. и вин. Рус. Лив. А. № 164; отсюда вслѣдствіе перехода ê въ i: мéни р. ед. витеб. Карскій 128. — Окончаніе им. вин. ед. ср. рода именъ прилагательныхъ и мѣстоименій -ојӓ въ общевосточнор. языкѣ измѣнилось въ -оя, ср. бѣлор. и южновеликор. добрая, слѣпоя, худоя, такоя, тёплая и т. д., рѣже такое окончаніе встрѣчается въ сѣвернор., ср. отмѣченное Колосовымъ въ Обзорѣ 60 перм. шадр. в теплоя лѣто. Въ говорахъ β јӓ измѣнилось въ јê: сѣвернорус. сильнојê, краснојê, нѣмојê и т. д. Впрочемъ съ одной стороны такое јê можетъ восходить и къ јо̇, замѣнившему јӓ подъ вліяніемъ окончанія *-о* въ именахъ сред. рода, съ другой стороны въ южновеликор. говорахъ β јӓ могло сохранять свое ӓ подъ вліяніемъ ӓ въ окончаніи словъ средняго рода въ слогѣ неударяемомъ.— Точно также двојӓ, тројӓ изъ двоꙗ, троꙗ, ср. троꙗ 1654 (акающ.) АКал. I № 111, кур. обоян. на́ двая (Этн. Сб. V, 63), въ говорахъ β замѣняются формами двојê, тројê москов., сѣвернорус. — Формы срав. степени на ѣꙗ, по общему закону, измѣнили свое окончаніе въ -ѣјӓ, которое находимъ уже въ XIV в.: ев. 1357 (сѣв. Галичъ) легъла, ев. 1358 лжьа, ев. 1393 (моск.) легъла (Лекціи Собол.[2] 76), Сбор. волок. конца XV в. раꙁвѣа, роꙁвѣа (Рус. Ист. биб. VI, 859, 867), Домострой изд. Забѣл. множаи, крѣпъли, древнеряз. гр. 1674—82 старѣа (Будде). Тоже въ соврем. южновеликор. жалчѣя малоарх. Якушкинъ 544, кур. судж. и кур. щигр. паскарея, ряз. ближéя, хýжея, лýчьчея (Будде), діал. бѣлор. халаднѣя (твер. Афан. I № 29); въ сѣверновеликор. находимъ олон. скурія, пошех. скорѣя, бѣлѣя, быстрѣя, у Кирши Данилова хитрѣя, мудренѣя, также *ня* (ср. южновеликор. *-яй* даляй, тишай, при чемъ первое *я*, *а* изъ формъ какъ легча, даля, боля, тиша): устюж. скоряя, добряя (Даль XLIX), ярослав. молож. боляя, скоряя, хитряя, вольняя, смиляя, сольвыч., кунг., перм. ум-

няя, милая, свѣтляя. Въ говорахъ β вм. такого jä, по общему закону, находимъ jė: череп. росляе, кирил. свѣтляе, бѣлоз. мудреняе (Замѣтки Колосова I, 15), карг., вытег. поскоряе, вят. мудреняе (тамъ же 47, 77), олон. прямяе, зляе, грубяе, поливяе при грубіе, свѣжіе, скуріе (разница по говорамъ).—Числит. четыра измѣнилось въ общевосточнор. языкѣ въ чотыр'ä, ср. стар. ряз. цтыра гр. 1678 (Будде), совр. олон. четыря, рыбин. чотыря; въ говорахъ β вм. ä — ė, изображавшееся въ памятникахъ буквою ѣ: цтырѣ Ипат. 506, 564; догов. 1434 № 52 и № 53 цтырѣста, дух. 1472 № 96 цтырѣ, ср. москов. и сѣвернор. четырė, въ говорахъ же гдѣ ė измѣнилось въ i: цтыри Ипат. 475, ср. совр. бѣлор. бобруйск. чатыри (Янчукъ Сбор. свѣд. I, 140).— Звукъ ä въ топерä перешелъ въ ä: топеря олон., онеж., ярослав. (Обзор Колосова 69), теперя кадн., тот. (Зам. Кол. II, 34), таперя новоторж. (Аф. I № 84b), типеря кур. обоян. (Этн. Сб. V, 67); тэпэра въ кобринскомъ говорѣ гродн. губ. (Жив. ст. I, 5; II, 144) также какъ тепера сѣвернomалор. (Грам. Павлов. 100), вѣроятно, заимствованы изъ бѣлорусскаго. Въ говорахъ β вм. ä — ė: арх. тепере, вологод. топере, теперичe (Сб. св. II, 165, 188); также вѣроятно должно читать тєперє 1508 АЮЗР. I, 37.—Здѣсä (ср. ꙁдѣсє 1547 АКал. I № 52, ѕдѣсє 1591 СГр. и Д. № 60, сдѣсе Ипат. 440) фонетически переходитъ въ ꙁдѣсѧ 1591 СГр. и Дог. № 60, 1547 АКал. I № 52, 1619 П. Р. Г. I № 13, ср. совр. олон. здѣся. Въ говорахъ β здѣсė москов. (при здѣсь).

Звукъ ė вм. ȯ изъ общерусскаго *о* скл. къ *а* въ положеніи за мягкими согласными находимъ 1) въ положеніи въ открытомъ конечномъ слогѣ: хочо, кажо, плачо и т. д. перешли въ говорахъ β въ хочė, плачė, поможė, не можė (олонец.); зват. ед. Божо въ говорахъ β звучитъ Божė; слова ср. рода какъ вѣчо, дворищо и др. могли сохранять свое ȯ и въ говорахъ β подъ вліяніемъ вообще окончанія *о* въ именахъ

ср. рода, но были возможны и случаи какъ дворищѐ, вѣчѐ, ср. вѣтѣ, вѣцѣ Новгор. Синод. 80а, 80б, 110б, вѣтѣ Ипат. 436, въ соврем. олон. платьицѐ; также слова на -ьѐ (которое нефонетически вм. общерус. -ья) могли замѣнять свое окончаніе окончаніемъ jѐ: оружьѣ Ипат. 549. Нарѣчія хужо, нижо, вышо и т. д. въ говорахъ β звучатъ хужѐ, нижѐ, вышѐ, кращѐ, лучшѐ москов., крѣпчѐ, бащѐ олон., а съ переходомъ ѐ въ і: прежи Прав. ок. 1453 СМ. № 31, прежи 1462—1505 СМ. № 46, соврем. орлов. выши Якуш. 560, олонец. пущи; что до формъ какъ меньши 1646 АЮ. № 267, болши 1671 АЮ. № 427, 1673 АЮ. № 369, совр. тул. больши, дальши (Сбор. Смирнова 179), больши кур. обоян. (Этн. Сб. V, 41), луччи кур. судж., то можетъ быть онѣ и не восходятъ къ большѐ изъ больпо фонетически, представляясь какими то особенными образованіями срав. степени. Совершенно также вм. опрочо явилось опрочѐ: опроучѣ Сузд. лѣтпсь 491, копія дух. ок. 1410 № 40, дог. ок. 1448 № 70, догов. 1473 № 99, дог. 1482 № 113 и т. д., а съ переходомъ ѐ въ і: опроцы 1435 АЮ. № 409, II; нынѣчо перешло въ говорахъ β въ нынѣчѐ, нынѣчи, последнюю форму находимъ напр. 1607 АЮ. № 337, нинѣчи въ бѣлор. сп. Лит. Метр. I № 22, 1; также явились москов. дюжѐ вм. дюжо, далечѐ вм. далечо. Слова дажо, такъ жо, союзъ -жо (напр. перм. шадр. тыжо, такоёжо, такжо) въ говорахъ β переходили въ дажѐ, такжѐ, -жѐ, ср. риж. 1407 такжѣ, потомъ жѣ, тымжѣ Р. Л. А. № 164, пол. 1475 такжѣ ib. № 263, соврем. бѣлор. яны жи Кар. Р. Ф. В. 1892 № 4. 2) Въ положеніи въ конечномъ закрытомъ слогѣ находимъ ѐ вм. ȯ напр. въ москов. вечѐръ, олон. мужѐмъ, вышѐў; формамъ пашомъ, можотъ, скажошъ говоровъ α въ говорахъ β соотвѣтствуютъ пашѐмъ, можѐт, скажѐш; вм. ѐ является діалект. і, напр. діал. ряз. вечиръ, кучиръ (Будде), кур. судж. дѣвушикъ. Особенно распространено -чикъ вм. -чȯкъ (въ акающихъ говорахъ -чакъ) въ именахъ уменьшительныхъ: такъ при подзатыльничокъ онеж. Якуш. 609, покойни-

човъ ярослав., ножичокъ перм. находимъ платоцикъ, годоцикъ олон., листочикъ, городочикъ пинеж. (Якуш. 587), теремочикъ мезен, (ib. 610), денёцикъ, цясоцикъ волог.; дружочикъ, падарачикъ кур. щигр., чисочикъ кур. судж., бѣлор. званочикъ, падалочикъ, гадочикъ. Не знаю, есть ли въ южновеликор. и бѣлор. говорахъ формы на -чакъ. 3) ѐ вм. ò въ слогѣ слѣдующемъ за ударенiемъ, но не конечномъ: риж. гр. 1407 весьмꙋ Р. Л. А. № 164, пол. 1475 вашьмꙋ № 262, точно также при положоно, насажоно, нéчага, вышатчи акающихъ и окающихъ говоровъ α находимъ въ говорахъ β: вечѐра, по нашѐму, положѐно, нечѐго, вышѐтчи сѣвернорус. и москов., при чемъ вм. ѐ является i напр. въ кур. щигр. кра́шиная, то́чинаи, пазалочинаи, кур. обоян. ве́чира; произношенiе мачиха, кажется, общевеликор. и бѣлорусское. Наконецъ въ 4) находимъ вм. ò звукъ ѐ въ слогѣ передъ ударенiемъ: при олон. твер. пошех. шолуха́, ржев. бѣлор. цалавѣка, новогруд. чаловѣчаскимъ въ говорахъ β является цѐловѣкъ олон., чѐловѣкъ, четырёхъ москов., чѐпуха, шѐлуха сарат. (окающ.), а съ переходомъ ѐ въ i шилкава́я великолуц. (ср. кур. щигр. шалкаво́й), чирнабровыхъ кур. судж., чилавѣка кур. обоян.

Звукъ ѐ вм. ò изъ общерусскаго ŏ послѣ мягкихъ согласныхъ находимъ во 1) въ положенiи въ открытомъ конечномъ слогѣ: формы 3 ед. какъ колŏ, стелŏ въ говорахъ β звучали колѐ, стелѐ, ср. съ переходомъ ѐ въ i псков. коли 3 ед.; слова полŏ, горŏ переходили въ горѐ, полѐ, ср. горѣ въ Нов. син. лѣтси 816, полѣ два раза въ гр. 1229 (А), морѐ я слышалъ въ соврем. олон.; впрочемъ и въ говорахъ β ò въ этихъ словахъ могло удерживаться подъ влiянiемъ окончанiя именъ ср. рода о; слово всŏ въ положенiи безъ ударенiя также измѣнялось въ всѐ, ср. всѣ вм. все въ Новг. Син. лѣтси, а также совр. москов. и сѣвернор. вóвсѐ, тамб. вóвси (Аф. I № 70); слова далŏ, болŏ въ говорахъ β измѣнялись въ далѐ, болѐ, ср. болѣ въ Сузд. лѣтси 484,

въ догов. 1484 № 119, дог. ок. 1451 № 77, дог. 1462 № 88; отсюда и боли Ипат. 209, ср. совр. бѣлор. Лепп. боли Карскій 48. 2) въ положеніи въ конечномъ закрытомъ слогѣ; такъ уже въ древнихъ памятникахъ: цѣрънъ вм. черёнъ Закл. дв. XIV в. АКал. II № 126, I; грам. 1229 (А) людьмъ, погрѣбъ, свободѣнъ, гр. XIV в. дв. детьмъ АЮ. № 71, XII, Нов. служ. XIV в. людѣхъ Рум. Муз. № 339, пол. гр. 1475 перѣдъ Р. Л. А. № 263, 1-ый почеркъ Милятина св. сѣмѣнъ 25с и т. д. Ср. соврем. москов. погрѐбъ, умѐръ, нянѐкъ, денѐгъ, будѐт, лѣзёмъ и т. д. Отсюда съ переходомъ ѐ въ і: малоарх. погрибъ, тамб. денихъ (Афан. I № 70), вельс. лазуривъ, олонец. свѣтилъ (Обзор Кол. 110), кур. обоян. на бирихъ, паѣдимъ, весилъ, тв. ед. морпмъ, выталкимъ, арх. ѣдишь (И. Х. Бус. с. 1578). 3) въ положеніи въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ, но не конечномъ; въ памятникахъ, гдѣ ѣ изображаетъ закрытое е находимъ: грам. 1229 (А) бѣрѣга, дв. гр. XIV—XV в. берѣгу, притерѣбы, притѣрѣбахъ АКал. I № 149, VI, двин. гр. 1504 яковлѣвых Бѣл. № 22; въ соотвѣтствіи съ словами четвёро, озёро, среднёго, ве́сяла adv., берягу, деряву современныхъ окающихъ и акающихъ говоровъ α въ говорахъ β мы находимъ четвѐро, озѐро, дерѐво, берѐгу, весѐло, помёрла (олон.), выдёрнуў, а въ говорахъ измѣнившихъ ѐ на і: сѣмины нижег., вы́мила великолуц., петиро, восьмиро ряз. діал., се́рибра кур. судж., лазоривы, синиму, семиро, на те́стивамъ кур. обоян., бѣлор. ржев. дзерива; 4) въ положеніи въ слогѣ предшествующемъ ударенію, но не сосѣднемъ съ нимъ: въ соотвѣтствіи съ произношеніемъ зёрново́й, мёдовой говоровъ α въ говорахъ β находимъ зѐрновой, мѐдовой.

Звукъ ѐ закр. вм. ѐ откр. за нёбными согласными въ говорахъ несѣвернорусскихъ находимъ въ тѣхъ именно говорахъ β, которые обратили дифт. сочетаніе ie[a] въ ѐ открытое, откуда далѣе въ говорахъ α звукъ а̇. Въ южновеликор. говорахъ по от-

ношенію къ измѣненію ie^а (ѣ) слѣдуетъ различать: 1) говоры обратившіе ie^а въ ê закрытое, 2) говоры обратившіе это дифтонг. сочетаніе въ ė открытое; вотъ среди этихъ послѣднихъ говоры β обратили ė откр. въ ê закр. подъ вліяніемъ предшествующихъ мягкихъ нёбныхъ согласныхъ. Опредѣлить точнѣе эти говоры трудно, вслѣдствіе того, что результатъ измѣненія ė открытаго совпалъ со звукомъ, имѣвшихъ мѣсто въ говорахъ, обратившихъ ie^а прямо въ ê закр. Такъ относительно рязан. *і* въ на мѣсти, въ доми можно навѣрное сказать, что оно восходитъ къ тому ê закр., которое замѣнило непосредственно ie^а; дѣйствительно выводить его изъ ė откр. нельзя, такъ какъ рядомъ видимъ безъ измѣненія ȧ въ положеніи послѣ нёбныхъ согласныхъ (в агароди, но дайтя, будя). Напротивъ москов. ê въ словахъ какъ бабê, силê, в домê можетъ восходить какъ непосредственно къ ie^а (ср. ряз. *і* изъ такого ê), такъ и къ болѣе древнему ė открытому, такъ какъ въ москов. говорѣ ė откр. равно и ȧ переходили въ ê закр. подъ вліяніемъ предшествующихъ нёбныхъ согласныхъ. Наиболѣе достовѣрными случаями перехода ė откр. въ ê закр. слѣдуетъ, думаю, признавать случаи, представляемые тѣми южновеликорус. и бѣлор. говорами въ слогѣ передъ удареніемъ и въ неоткрытомъ конечномъ слогѣ послѣ ударенія, которые имѣютъ въ открытомъ конечномъ неудар. слогѣ звукъ ȧ (*я*) вмѣсто ė: сюда относится напр. кур. обоян., гдѣ при на́ ниба, у лѣся находимъ пасика, видила, викавать.

Въ положеніи послѣ гласныхъ звуки ă и ŏ въ неударяемыхъ слогахъ не измѣнялись въ ȧ и ȯ, какъ они измѣнились въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ (а отсюда ê закр.): такъ слова dumaă, igraă, umѣă сохраняли свое ă какъ въ говорахъ α, такъ и въ говорахъ β, ср. соврем. сѣверновеликор. знаă, думаă, умѣă, поѣжжаă. Но діалектически чередованіе формъ dumaă съ dumajă вм. dumajȧ вызывало вмѣсто dumaă, umѣă— dumaa, umѣa, ср. соврем. олонец. думаа, вѣдаа, дѣлаа,

хлѣбаа, имѣа, умѣа; также явилось *а* въ формахъ срав. степени олон. скурѣа, сильнѣа, мудренѣя. Въ говорахъ β вм. dumaä, umѣä подъ вліяніемъ dumaj, umѣjė могли являться формы dumaė, znaė, umѣė, imѣė съ ė закр., также dumaėtė, znaėmъ и т. д. Такимъ образомъ совр. сѣверновеликор. знаите, баите, слушаите, олон., онеж., арх. могутъ восходить какъ къ znajėte такъ и къ znaėte, замѣнившему znaäte. Звукъ *о* скл. къ *а* въ положеніи послѣ гласныхъ также не измѣнялся въ восточнорусскомъ языкѣ въ ȯ или ȧ: ср. соврем. олонец. троӧк, смѣӧш съ ӧ скл. къ *а*; но вліяніе словъ тројȯк, смѣјȯш въ тѣхъ же или сосѣднихъ говорахъ вызывало тројокъ, смѣјош, копеокъ, скамеокъ олон., въ говорахъ же β подъ вліяніемъ тројėк, смѣјėш явились троėк, смѣėш. Такимъ образомъ сѣверновеликор. баитъ, имѣитъ, копеик и т. д. могутъ восходить какъ къ бајėт, имѣјėт, копѣјėк (вм. бајȯт и т. д.), такъ и къ баėт, имѣėт, копѣėк (вм. баӧт и т. д.).

Въ заключеніе этой главы скажу еще нѣсколько словъ о распространенности и значеніи въ исторіи нашего языка разбираемаго явленія. Мнѣ представляется, что имъ никогда не характеризовались, не характеризуются и теперь группы русскихъ говоровъ: оно не было явленіемъ возникшимъ въ какой нибудь части восточнорусской семьи, а было явленіемъ общимъ для всѣхъ частей этой семьи, сохраняя однако свой діалектическій характеръ. На сѣверѣ, на югѣ и на западѣ появились говоры, въ которыхъ звуки ä, ȧ, ȯ измѣнились въ ä закр., ė въ положеніи послѣ нёбныхъ согласныхъ, но эти говоры не стояли между собою въ родственной связи. Судить въ настоящее время о степени распространенности этого явленія въ древности по тому, какіе именно говоры испытали его дѣйствіе, очень трудно. Такъ при характеристикѣ южновеликор. и бѣлор. говоровъ нельзя упускать изъ виду, что во многихъ изъ нихъ звукъ *і* (вм. ė) замѣнилъ звуки *я* не фонетически, а подъ вліяніемъ звуковой аналогіи: мы увидимъ ниже, что ко-

лебаніе, возникавшее въ акающихъ говорахъ *α* между звукомъ *я* передъ твердой согласной и звукомъ *е* закр., ѐ (*і*) передъ мягкой (сяло—селѣ, нясу—неси, зярнавóй—тирямá), разрѣшалось въ большинствѣ говоровъ вытѣсненіемъ звуковъ *е* закр. и ѐ (*і*) черезъ *я*: сялѣ, няси, тярамá; но во многихъ говорахъ ѐ (*і*) въ начальномъ слогѣ слова, а также въ конечномъ (въ положеніи передъ мягкой согласной въ обоихъ случаяхъ) не вытѣснялось звукомъ *я*, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ колебаніе ѐ (*і*) и *я* въ такомъ положеніи разрѣшалось даже вытѣсненіемъ звука *я* звукомъ *і*: зирнавой, чилавѣкъ, мидавой, весилъ и т. д. Поэтому *і* въ такихъ словахъ и въ такихъ именно говорахъ нельзя сравнивать съ *і* (изъ ѐ) въ тѣхъ же словахъ говоровъ *β*: въ послѣднихъ *і* (ѐ) въ чилавѣкъ замѣнило ѡ фонетически вслѣдствіе вліянія на ѡ предшествующаго *ч*, въ говорахъ же *α* *і* (ѐ) въ чилавѣкъ замѣняло *а* вслѣдствіе того, что въ нихъ въ начальномъ слогѣ неударяемомъ и не сосѣднемъ съ удареніемъ послѣ мягкихъ согласныхъ звукъ *і* стремился сохраняться насчетъ *я*, вытѣснявшаго его въ другомъ положеніи и въ силу этого могъ и самъ замѣнять это *я*. Ближайшее разсмотрѣніе такихъ говоровъ отношу къ слѣдующимъ главамъ, здѣсь же замѣчу, что въ приведенныхъ выше примѣрахъ съ ѐ вм. ѡ, а весьма вѣроятно многіе должны быть вычеркнуты, какъ принадлежащіе говорамъ *α*. Наиболѣе основанія имѣетъ относить къ говорамъ *β* тѣ акающіе говоры, которые и въ слогѣ передъ удареніемъ представляютъ ѐ (*і*) вм. а (а, ѡ): но сѣвернорусскіе говоры ясно доказываютъ, что черты говоровъ *β* можно найти и тамъ, гдѣ въ слогѣ передъ удареніемъ сохраняется ё, *я*. Очевидно въ однихъ говорахъ вліяніе нёбныхъ согласныхъ на измѣненіе слѣдующихъ звуковъ ряда *а*—*о* имѣло мѣсто во всякомъ ударяемомъ и неударяемомъ слогѣ, въ другихъ только неударяемыя и не предшествующія непосредственно ударенію а, ѡ могли подвергнуться этому вліянію: поэтому въ однихъ окающихъ говорахъ мы находимъ при сёло,

нёсу также шолуха́, вечоръ, семёро, въ другихъ рядомъ съ сёло, нёсу шёлуха́, вечёр, семёро; также въ говорахъ акающихъ могли и могутъ быть такіе говоры β, которые при сяло, нясу произносятъ шылуха́, вечир, семиро. Особенное значеніе при опредѣленіи говоровъ β и при различеніи ихъ характерныхъ особенностей отъ позднѣйшихъ явленій говоровъ α имѣетъ судьба конечнаго неударяемаго открытаго слога: говоръ измѣняющій *я* (изъ общер. ѧ, общеслав. *е*) въ конечномъ откр. слогѣ въ ѐ (ɪ) необходимо принадлежитъ къ говорамъ β. Но съ другой стороны есть говоры несомнѣнно принадлежащіе къ говорамъ β и тѣмъ не менѣе представляющіе *я*, а не *ɪ* въ конечномъ открытомъ слогѣ: думаю, что *я* явилось здѣсь подъ вліяніемъ другихъ сосѣднихъ говоровъ α. Замѣчу наконецъ, что среди говоровъ, представляющихъ всѣ типическія особенности говоровъ α, есть такіе, въ которыхъ *я* измѣняется въ *ɪ* лишь послѣ нѣкоторыхъ нёбныхъ согласныхъ. Но ни въ коемъ случаѣ нельзя объяснять *ɪ* вм. *я* во всѣхъ южновеликорусскихъ говорахъ явленіемъ позднѣйшимъ: не говорю уже о томъ, что изслѣдователь встрѣтилъ бы непреодолимыя затрудненія при объясненіи чередованія напр. въ курскомъ обоянскомъ говорѣ произношенія систра, мидами, всиго, палузирна съ сястры, мядовай, вязуть, если бы не предположилъ, что имѣетъ дѣло съ говоромъ смѣшаннымъ, при чемъ въ одномъ изъ легшихъ въ его основаніе говоровъ общевосточнорусск. сёстра, мёдами, всёго съ *о* скл. къ *а* перешли въ сястра, мядами, всяго, а въ другомъ въ сестра, медами, всего и т. д. съ *е* закр. Но среди акающихъ говоровъ есть весьма типическій представитель говоровъ β — это московское нарѣчіе. Въ дальнѣйшихъ главахъ я ближе остановлюсь на характеристикѣ его звуковъ *а—о—е*, а здѣсь укажу лишь на последовательность, съ которой проведенъ въ немъ переходъ *а*, *о* въ слогѣ передъ удареніемъ, а̀, ò въ прочихъ неудар. слогахъ въ *е* и ѐ въ положеніи ихъ послѣ нёбныхъ согласныхъ. Впервые высказано Ѳ. Е. Коршемъ

въ неизданной имъ статьѣ, предназначавшейся къ помѣщенію въ Archiv f. Sl. Ph., что всѣ звуки, изображаемые въ нашемъ письмѣ буквами *а*, *о*, *е*, *ѣ*, звучатъ въ московскомъ нарѣчіи въ неудар. слогѣ въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ какъ *е* закрытое; тамъ же указано, что означенный переходъ звуковъ *о*, *а* не имѣетъ мѣста во многихъ грамматическихъ окончаніяхъ: такъ мы въ москов. говорѣ находимъ звукъ ǒ открытый (на мѣстѣ общевосточнорус. ǒ и ȧ) въ окончаніи им. ед. словъ жен. р. (баня, воля) и ср. рода (поле, горе, т. е. pol'ǒ, gor'ǒ) подъ вліяніемъ окончаній *а*, *о* ударяемыхъ (весна́, село́) и ǒ откр. неудар. (сила, сѣно) въ тѣхъ же формахъ; также въ род. ед. словъ муж. и ср. рода слышится звукъ ǒ открытый (гостя, поля) подъ вліяніемъ окончанія *а* удар. (напр. стола́, ружья́) и ǒ откр. неударяемаго (сѣна, пола) въ формахъ этого же падежа. Кромѣ того, Ѳ. Е. Коршъ замѣтилъ, что частица *же* произносится въ москов. нарѣчіи какъ жǒ съ ǒ открытымъ: тужǒ, такжǒ, он жǒ и т. д.: ǒ въ этой частицѣ не измѣнилось послѣ нѣкогда мягкаго *ж* въ силу, думаю, того, что этому препятствовало лежавшее на немъ второстепенное удареніе. Этому же вліянію ударенія обязаны своимъ сохраненіемъ въ говорахъ β формы меня, тебя, себя: въ москов. нарѣчіи онѣ замѣнили съ одной стороны общевосточнорус. формы мене́, тебе́, себе́ (*е* изъ ǎ удар.), съ другой онѣ же соотвѣтствуютъ общевосточнор. формамъ меня, тебя, себя изъ менȧ, тебȧ, себȧ въ энклитич. употребленіи; поэтому москов. формы вин. и род. личныхъ и возвратнаго мѣстоименія имѣютъ на окончаніи *я* или главное удареніе („отъ меня́ онъ ушелъ") или второстепенное („онъ ушелъ отъ меня"): и въ томъ и въ другомъ случаѣ *я* сохраняло свой звукъ (ǒ откр. или подъ удар. *а*) и не переходило въ *е* закр. Ближайшее опредѣленіе окающихъ и акающихъ говоровъ съ чертами вокализма, свойственными древнимъ говорамъ β, принадлежитъ будущимъ изслѣдователямъ.

Измѣненіе въ ȧ и ė закрытое, которому подверг-

лись новые звуки ȧ, ȯ, а также звуки *о* скл. къ *а* и *а* въ неудар. слогахъ, было единственнымъ явленіемъ, общимъ всему восточнорусскому нарѣчію, но и оно не можетъ быть названо общевосточнорусскимъ явленіемъ, такъ какъ имѣло мѣсто только въ отдѣльныхъ говорахъ его. Остальныя же измѣненія звуковъ *о—а—е* характеризуютъ уже отдѣльныя группы говоровъ, на которыя распалась восточнорусская семья. Въ этихъ явленіяхъ слѣдуетъ различать: 1) явленія характеризующія болѣе мелкія группы древнихъ говоровъ, 2) явленія опредѣлившія различіе между обѣими главными группами, на которыя распалась восточнорусская семья: сѣверновеликорус. съ одной стороны, южновеликор. и бѣлорусскую съ другой. Сначала я разсмотрю явленія перваго рода, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ могли быть древнѣе явленій втораго рода, возникнувъ еще до указаннаго распаденія восточнорусскаго языка; при этомъ однако я въ относящихся сюда главахъ не коснусь тѣхъ позднѣйшихъ явленій, которыя имѣли мѣсто уже въ обособившихся группахъ сѣвернорусской, южновеликор. и бѣлор. Разсмотрѣнію ихъ, равно какъ бѣглой характеристикѣ современныхъ говоровъ, посвящены послѣднія главы этого изслѣдованія.

Глава 17-ая.

О влiянiи нёбныхъ согласныхъ на звуки а—е—о въ древнепсковскомъ говорѣ.

Древнепсковскiй говоръ мы знаемъ благодаря А. Соболевскому, очень удачно сгруппировавшему въ своихъ Очеркахъ изъ исторiи р. яз. ч. 1-ая памятники писанные въ псковской области. Основательная выборка изъ нихъ данныхъ для характеристики языка, сдѣланная Соболевскимъ, даетъ намъ возможность подробнѣе вникнуть въ звуковыя черты этого весьма оригинальнаго говора. Останавливаясь на судьбѣ неудар. *а—о—е* въ положенiи за мягкими согласными, видимъ, что псковскiй говоръ ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ къ говорамъ β: дѣйствительно, мы находимъ въ немъ напр. звукъ а̇ (пишется *я*, ꙗ) послѣ мягкой согласной изъ *ѣ* въ конечномъ открытомъ слогѣ: лютя, мѣстя вм. лютѣ, мѣстѣ; также видимъ а̇ (пишется *я*, ꙗ) послѣ мягкой согласной изъ неудар. ѧ въ конечномъ открытомъ слогѣ: ястя, идя, срѣтя. Тѣмъ не менѣе мы находимъ: во 1) употребленiе буквъ є и ѣ въ серединѣ слова вм. ѧ, ꙗ, во 2) смѣшенiе буквъ є (ѣ) и ѧ (ꙗ) въ конечномъ открытомъ слогѣ. Такимъ образомъ мы должны говорить о какомъ то переходѣ, при какихъ то условiяхъ, звука *я* въ *е* въ серединѣ слова и заключать о какомъ то смѣшенiи звуковъ *я* и *е* въ конечномъ открытомъ слогѣ: опредѣляя ближе условiя, при которыхъ имѣетъ мѣсто указанное смѣшенiе, видимъ, что оно встрѣчается почти исключительно послѣ шипящихъ, мягкихъ *ц* и *с*, а также послѣ j (ꙗ—ѥ); характеризуя же точнѣе терминъ

смѣшенія и принимая во вниманіе, что онъ равносиленъ указанію на то, что въ древнѣйшихъ памятникахъ буквы є, ѣ съ одной стороны, ѧ, ꙗ, и съ другой, выражали одинъ и тотъ же звукъ въ положеніи именно въ конечномъ открытомъ слогѣ и при томъ послѣ указанныхъ выше согласныхъ, выводимъ, что звуки *а*, *о* послѣ *j*, *ц*, *с*, *ж*, *ч*, *ш*, *щ* перешли въ звукъ средній между *а* и между *е*, т. е. въ звукъ *а* скл. къ *е* или въ *е* скл. къ *а*. Въ серединѣ слова нѣтъ смѣшенія буквъ є (ѣ) и ѧ (ꙗ), но есть употребленіе буквъ є (ѣ) вм. ѧ (ꙗ); случаи такого употребленія очень ограниченны: во 1) находимъ є вмѣсто ѧ (ꙗ) послѣ шипящихъ *j* и *с*: гражене, провѣщелъ Парак. 1369 г., сходящеся Тип. пс. XIV в. № 34, сѣюное Лук. ев. 1409, вѣпиюше, излиеною Парак. 1386, обнищеша, всеѣ Тип. пс. XIV в. № 35, стрѣжеху Ап. 1309—1312, 2) послѣ другихъ согласныхъ, но въ положеніи передъ j, шипящими и *с* мягкимъ: пракиѣя, стежа Парак. 1369, внутрьнея им. мн. Прол. 1383, потресеся, смереяся Парак. 1386, исправлеюши, избавлѣющю Тип. пс. XIV в. № 35, 3) въ Парак. 1369, думаю въ видѣ описокъ, еще въ трехъ случаяхъ: клѣтѣ, свѣздете, неувѣдущюю; въ Пс. XIV в. № 35: отѣгтѣша и наконецъ въ Прол. 1383 также вѣроятно въ видѣ описки стѣклѣници. Приведенныя описки, а таковыми я хотѣлъ бы ихъ считать въ виду дальнѣйшихъ моихъ выводовъ, равно какъ пять или шесть случаевъ, гдѣ буква є (ѣ) замѣняетъ ꙗ (ѧ) въ открытомъ конечномъ слогѣ въ положеніи не послѣ *j*, *ц* и т. д. [1]), не могутъ мнѣ помѣшать обобщить оба явленія — переходъ *я* въ *е* въ серединѣ слова и смѣшеніе буквъ є (ѣ) — ѧ (ꙗ) въ конечномъ открытомъ слогѣ — выразившись о нихъ слѣдующимъ образомъ: въ древнепсковскихъ памятникахъ буква ꙗ (ѧ) замѣняется буквою є (ѣ) въ положеніи передъ

[1]) време Пс. XIV в. № 35, врѣмѣ Прол. 1383, делѣ Пс. XIV в. № 35, Лук. ев. 1409, огне р. ед. Пс. XIV в. № 35, коле им. ед. тамъ же.

согласными шипящими, *с*, *ц* мягкими (а также передъ j—и, ю, ѥ), равно и послѣ тѣхъ же согласныхъ; буквы ѧ (ꙗ) смѣшиваются съ є (ѣ) въ конечномъ открытомъ слогѣ въ положеніи послѣ тѣхъ же согласныхъ. Отсюда ясно, что судьба звуковъ *о—а—е* въ древнепсков. говорѣ стояла въ какой то тѣсной связи и зависимости отъ выше перечисленныхъ согласныхъ. Сопоставляя этотъ выводъ съ указаннымъ въ предыдущихъ двухъ главахъ явленіемъ, по которому на звуки *о—а—е* вліяли предшествующія мягкія согласныя, измѣнявшія ихъ въ ė, *е* закрытое въ слогахъ неударяемыхъ, а звуки *о*, *а* подъ удареніемъ въ *е* открытое, видимъ указаніе на какое то особенное свойство мягкихъ *с*, *з*, *ц* и шипящихъ въ древнепсков. говорѣ сравнительно съ прочими мягкими согласными. Такое указаніе подтверждается и другимъ: въ псковскихъ памятникахъ мы находимъ не только смѣшеніе буквъ ч и ц, смѣшеніе обычное въ сѣвернор. нарѣчіяхъ, но также еще смѣшеніе буквъ ш и с, ж и ѕ, щ и ст или сц (послѣднее изрѣдка встрѣчается въ двин. и новгор. памятникахъ): ср. црьнориѕца, очь вм. оць р. мн., дъщіє Пр. 1383 (вм. дъсцѣ), части Паракл. 1386 (вм. чащи), ѕєланиє, подъ ножє, васими, донєши, ношиси 2 л. ед., коѕю, прєбыкаєси, вшю силу, оѕики и т. д. Такая особенность указанныхъ согласныхъ объясняется тѣмъ, что звуки *ч* и *ц* перешли въ средній звукъ, который обозначимъ č очень мягкое, *ш* и *с* въ š очень мягкое, *ж* и *з* въ ž очень мягкое; эти новыя нёбныя согласныя отличались отъ прочихъ согласныхъ мягкихъ своею особенною мягкостью, и вотъ причина, почему они въ противуположность прочимъ мягкимъ согласнымъ могли вліять на измѣненіе звуковъ *а—о—е*, на ассимиляцію ихъ себѣ; тоже вліяніе оказывалъ и звукъ j. Въ силу всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній я думаю, что древнепсковское нарѣчіе, по чертамъ своего вокализма, не принадлежало къ говорамъ β, т. е. звуки *о* и *а* сохранялись въ немъ безъ измѣненія послѣ мягкихъ согласныхъ; но послѣ мягкихъ нёбныхъ j, č маг. (изъ *ч* и *ц*),

ẑ мяг. (изъ *ж* и *з*), ŝ мяг. (изъ *ш* и *с*) звуки *о* и *а*, какъ и въ говорахъ β, ассимилируясь предшествующимъ согласнымъ, переходили въ звуки нёбные; равнымъ образомъ измѣнялись гласныя *о* и *а* въ положеніи между мягкими согласными и мягкими нёбными j, č, ẑ, ŝ. Въ этомъ положеніи, а также послѣ названныхъ согласныхъ, если за ними слѣдовала мягкая согласная, звуки *о*, *а* удар., *о* скл. къ *а*, *а* въ слогѣ передъ удареніемъ, наконецъ ȯ, ȧ въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ переходили въ *е* закр. и ė закр. (въ памятникахъ пишется *е* и ѣ); въ положеніи же передъ твердой согласной, а также въ конечномъ открытомъ слогѣ вм. *о*, *а*, *о* скл. къ *а*, ȯ, ȧ явились подъ вліяніемъ предшествующихъ j, č, ẑ, ŝ звуки *е* откр. и ė откр. (въ памятникахъ обозначаются безразлично буквами є, ѣ, ѥ и ѧ, ꙗ). И такъ древнепсковскій говоръ отличается отъ говоровъ β не только тѣмъ, что въ немъ вліяли на слѣдующія гласныя *а*—*о* только нёбныя согласныя j, č, ẑ, ŝ, но также тѣмъ, что результатомъ такого вліянія (независимо отъ ударенія) являлись звуки *е* и ė закр. только передъ мягкими согласными, *е* и ė открытое при всякомъ другомъ положеніи, между тѣмъ какъ въ говорахъ β всюду (кромѣ ударяемаго слога) и независимо отъ слѣдующей согласной явились звуки *е* и ė закр. въ результатѣ измѣненія *а*—*о* послѣ мягкихъ согласныхъ. Эту особенность псковскаго говора я ставлю въ связь съ тѣмъ, что въ немъ очень рано сказалось стремленіе къ измѣненію въ неудар. слогахъ звуковъ открытыхъ въ еще болѣе открытое *а*; въ результатѣ этого стремленія ė открытое вмѣсто ȧ (изъ перв. *е*) и ie° (ѣ) измѣнилось рано въ *я*: в пусиня, въ треки, на дреки, люти, иди, срѣтя и т. д., звуки же *о* скл. къ *а* и ȯ открытое рано перешли въ *а* и ȧ: Лук. ев. при иване гарбѣ, Прол. 1383: маскву, дьяколамъ тв. ед., Парак. 1386: иоанамь, опалиюма (срдце), Пс. XIV в. № 35: срце колеѕнима, среброа им. ед. (ср. удар. серебро), мала (нарѣчіе) и др. Конечно и новыя *е* откр. и ė откр. перешли бы въ *а*, ȧ, если бы имъ не предшествовали

мягкія нёбныя и j вызвавшія ихъ и сохранявшія ихъ нёбную окраску своимъ вліяніемъ. Приведу примѣры звуковъ *e*, ė закр. и *e*, ѐ откр., смѣнившихъ въ древнепсковск. говорѣ звуки *a*, *o*. Звукъ *e* закр. въ ударяемомъ и въ предшествующемъ ударенію сосѣднемъ съ нимъ слогѣ изъ *a* послѣ мягк. согл. въ положеніи передъ j, š, č, ž: окнищеша, стежа, смиреяся, испракл͡ексши. Звукъ ė закр. изъ *a* въ томъ же положеніи, но въ слогахъ неударяемыхъ и ударенію не предшествующихъ: пракльнии, сходащися им./мн. Звукъ *e* откр. въ ударяемомъ и въ предшествующемъ ударенію сосѣднемъ съ нимъ слогѣ въ положеніи послѣ j, š, č, ž: всекъ, стрѣжеху, из исбытье, слака мое, судье вдовицъ, беззаконния мое им. мн., уста мое, имена свое, срдце ихъ, ѿ лице и т. д., тоже *e* откр. изображается и буквою а (ѧ): ксакъ, слака мое, ср. *e* откр. изъ *o* въ случаяхъ какъ твои бж҃тво, оружие свои, срдце мои, копии твое, има твои, лица твои вин. ед., житие свои, врема мои и т. д., рядомъ срдце мое, има мое и т. д.; точно также находимъ твоиго при твоего чит. tvojègo съ è открытымъ. Звукъ è открытый въ слогахъ неударяемыхъ и ударенію не предшествующихъ въ положеніи послѣ j, š, č, ž заступаетъ мѣсто звука à какъ изъ первоначальнаго *a*, такъ и изъ первоначальнаго ǎ, а также звука ȯ; è откр. вм. à изъ первонач. *a*: terpenjè, vrasenjè р. ед. (пишется терпениа и терпѣние, сїсениа и сїсение), solnčè, son'miščè р. ед. (пишется слнца и слнце, соньмища и соньмище), čaričè, grešničè им. ед. (пиш. царица и царице, грѣшница и грѣшнице), čarstvijè žem'skajè им. мн. (пишется црткиа земьскаа и црткие земьскае), prognašè, narekošè (пиш. прогнаша и прогнаше, нарекоша и нарекоше), razgorevšè, mol'ašè прич. (пиш. разгорѣкся и разгорѣкше, моляся и моляше), также pticèm дат. мн. (пиш. птицамъ и птицѣмъ) и т. д.; è откр. вм. à изъ первонач. ǎ послѣ j (ȷ): развѣя, новея, мързъуая при развые, новые обозначаютъ novejè, raz-

ѵеје съ ѐ откр.; также въ формахъ всемирноя, истлевъшея, безлобивоя, третия *я* слѣдуетъ читать какъ ѐ откр.; равнымъ образомъ въ архиерѣꙗ, при которомъ и архиерѣꙗ; ѐ откр. вм. ȯ изъ общерусскаго *о* послѣ нёбныхъ согласныхъ и ј: такъ должно читать букву *а* (ѧ) въ ср҃ца им. вин., поприща вин., на сп҃сние наша, дионусово капища и т. д., далѣе въ 3 л. ед. живяшя, проглашася (при и вм. проглашаше), въ формахъ им. мн. негодоующа, исправливающа и др., наконецъ въ словахъ плуа, далеуа, тѣмжа, стыя жа (рядомъ плуе, далеуе, -же); въ серединѣ слова находимъ учителямъ тв. ед. (ср. сѣвернорус. соврем. учителёмъ). Въ словахъ каменьꙗ, убьюкиꙗ, пришьствиꙗ, безакониꙗ им. вин. ед. и т. д. ꙗ также обозначаетъ јѐ съ ѐ открытымъ, при чемъ јѐ можетъ восходить какъ къ общерусскому -ја (изъ іјӑ), такъ и къ -јо, которое діалектически еще въ общерусскомъ языкѣ замѣняло ја въ окончаніи им. вин. ед.; также неясно, къ какому звуку общерусскаго языка восходитъ јѐ (пиш. ꙗ) въ тв. ед. какъ дрьколямь, покаяникомь Прол. 1383, къ фонетическому ли ја (изъ іјӑ) или къ замѣнившему его -јо. Относительно употребленія буквъ ѧ и ꙗ для обозначенія звука *е* откр. и ѐ откр., напр. въ случаяхъ какъ лица, ср҃дца (чит. лицé вин. ед., сердцé вин. мн.), замѣчу, что въ единичныхъ случаяхъ таже буква ѧ обозначаетъ открытое *е*, замѣнившее дифт. сочетаніе іеᵃ подъ удареніемъ: при посадницѣ кострома Парак. 1369 чит. костромé съ *е* откр., между тѣмъ какъ въ слогѣ неудар. вм. іеᵃ являются *е*, ѐ откр., измѣнившіяся въ *я* (пишется также ѧ): на мѣстя Прол. 1383, и также въ слогѣ неоткрытомъ передъ твердой согласной: къ кратяхъ (вѣроятно съ удареніемъ на корнѣ), въ кубяхъ Парак. 1369. Предложенное выше объясненіе страннаго смѣшенія буквъ ѧ (ꙗ) и є (ѣ) въ древнепсковскихъ памятникахъ указываетъ, правда, на оригинальныя черты вокализма въ говорѣ древняго Пскова, но онѣ оказываются сходными съ чертами другихъ русскихъ говоровъ: это результатъ своеобразнаго вліянія, которое оказываютъ на слѣдующія

гласныя *а—о* въ нѣкоторыхъ говорахъ всѣ мягкія согласныя, въ древне же псковскомъ только мягкія нёбныя. Я увѣренъ, что въ современныхъ говорахъ можно найти слѣды явленій пережитыхъ древнепсковскимъ говоромъ и не чуждыхъ, вѣроятно, и другимъ говорамъ: думаю, что такими слѣдами слѣдуетъ признать произношеніе какъ женка, черный, кольцé, хорошé, приводимое Далемъ (О нарѣчіяхъ XLV) изъ области сѣверновеликорусскаго языка, ср. древнепсков. licé вин. ед. съ откр. *е*, также усé, мае новогруд. вм. усё, маё (Обзор Карскаго 35, 131), хорошé гомел. (Карскій Р. Ф. В. 1893 № 1) можно сопоставить съ древнепсков. mojé (пиш. моѥ и мои).

Въ слѣдующихъ главахъ мнѣ придется упоминать еще о другихъ звуковыхъ особенностяхъ псковскаго говора.

Глава 18-ая.

О діалектическомъ измѣненіи ӓ откр. изъ а въ е закр. въ восточнорусскомъ нарѣчіи.

Выше въ главѣ 15-ой я указалъ, что въ говорахъ β гласныя *а* и *о* подъ удареніемъ также испытали на себѣ вліяніе предшествующихъ мягкихъ согласныхъ, какъ и гласныя *а* и *о*, а̀ и ȍ въ слогахъ неударяемыхъ: но если въ положеніи безъ ударенія названныя гласныя, ассимилируясь предшествующимъ согласнымъ, переходили въ звуки *е* и ѐ закрытыя, то подъ удареніемъ результатомъ неполной ассимиляціи гласныхъ согласнымъ явились звуки ӓ открытое и ӧ открытое. Въ большинствѣ говоровъ β звукъ ӓ открытое измѣнился опять въ *а*, равнымъ образомъ вм. ӧ открытаго явилось *о* послѣ того, какъ законъ объ ассимиляціи гласныхъ *а*—*о* предшествующимъ мягкимъ согласнымъ прекратилъ свое дѣйствіе. Но въ нѣкоторыхъ говорахъ звукъ ӓ изъ *а* въ положеніи передъ мягкой согласной переходилъ въ *е* закрытое еще во время дѣйствія указаннаго закона, между тѣмъ какъ передъ твердой согласной сохранялось открытое ӓ, переходившее затѣмъ въ *а*. Такъ древнепсковское удар. *е* закрытое изъ *я*, вѣроятно, восходитъ непосредственно къ ӓ, ср. приведенныя въ предыдущей главѣ смєрєася, исправлєєши, избавлѣющю, обнищєша, въпиєше и т. д. Также находимъ *е* въ такомъ положеніи во многихъ современныхъ и древнихъ говорахъ. Приведу сначала нѣсколько примѣровъ изъ памятниковъ: риж. гр. ок. 1300 кнєжо Р. Л. А., риж. гр. 1483: ѡнєти СГр. и Д. № 116, копія съ моск. дух. 1402 № 36: кнєзи мѣс.

ед.; сѣверные памятники: Арх. сп. Нов. лѣтпси XVI—XVII в. снели 96, сп. XVI в. онеж. обводной 1391: вежицкого АК. II № 134, двин. гр. 1536: кежйко^г Бѣл. № 9, гр. 1580: на Кежица АЮ. № 117, гр. 1612: съ карецкие улицы АКат. II, 508, 1568: съ кредкой улици, кледин АЮ. № 289, 1564: кледнямъ АК. I № 111, олон. гр. 1691: крежъ Барсовъ, Палеостровъ 140.

Въ соврем. сѣвернорусскомъ рядъ говоровъ представляетъ звукъ *е* закр. вм. ожидаемаго *я* въ положеніи именно передъ мягкой согласной. Таковы въ особенности многіе говоры арханг. губ., напр. онеж. стрѣцеётъ, пьенича, зетя, взеть, зе́тевьёвъ, срежеитсе, сопинеть, перстнеми, кнезь, оставлеётъ, боерина, кресьенина, пробужеится; также въ другихъ уѣздахъ: деда, деника, дедина (Словарь Подвыс.), ненёкъ (Якушкинъ 672); во многихъ говорахъ вологодской губерніи, напр. вельскій у.: хозеева, кнежой, засвицей, гледя, предено, прощей, валеитцё, родетцё, въ евь, похвалетцё (вм. похваляется), сольвычегод. гулеть, ровнеть, ровней, качей, погоней, начельникъ, тот. деда, ронеть, никол. престь, волог. отворей (Сб. св. II, 103); во многихъ говорахъ олонец. губ., напр. петрозав. замѣченье, песь (пясть), опеть, очищеть, петьдесеть, мецикъ, кнезь, пудож. грезь, стоели, зебнет, цею, седет, розгонеетъ, дейшка (дядюшка), мехче, каргоп. и вытегор. зеть, грезь, поиеть, перекрестесь, взели, повенцелись, натегиваетъ; въ вятской губ. преники, не гленится, завѣцею (Колосовъ), пелить, сіеть, хозеинъ, сче́сье, начельникъ (Даль); перм. зеть, петь, неня, седь, потереть, чей; въ ярославской губ. роман. петь, опеть, неньках, молож. грезь, взеть, прежа (*ж* отвердѣло и въ связи съ этимъ вѣроятно *е* откр., не *е* закр.), натегивать, ярослав. опеть, горечей, пошех. грезь, хозейка, озебнетъ, преники и т. д. Понятно, что изъ сѣверныхъ говоровъ только говоры β имѣютъ такое новое *е* закр., но и между ними многіе представляютъ *я* въ указанномъ положеніи безъ измѣненія. Таковы напр. многіе нижегородскіе, владимірскіе, новгородскіе, симбирскіе говоры.

Южновеликорусскому нарѣчію также не чуждо такое новое *е* закр. вм. *а*, что указываетъ на несомнѣнное существованіе въ этомъ нарѣчіи говоровъ З: такъ Будде 23 указываетъ на діалект. ряз. апе́ть, мечикъ, чей (скоп.), петь, чейникъ (спас.), въ селяхъ, вескій, ганели, деля, ейца, предиво, петиппу, петиро (касим.). Въ кур. шигр. гледючи и тоже въ бѣлор. діал. гледзючи Карскій Р. Ф. В. 1893 № 1 с. 66.

Особое вниманіе обращаютъ на себя случаи, гдѣ *е* откр. находимъ вм. ударяемаго *а* въ положеніи передъ твердой согласной: думаю, что нѣтъ совсѣмъ случаевъ, гдѣ такое *е* фонетически замѣняетъ *я*, т. е. точнѣе, гдѣ *е* откр. замѣнило *ä* откр. изъ *а* удар.: поэтому такое *е* слѣдуетъ объяснять или вліяніемъ какихъ либо родственныхъ словъ, или переносомъ изъ формъ неударяемыхъ или наконецъ переносомъ изъ случаевъ, гдѣ за *я* слѣдовала мягкая согласная. Такъ вельс. снеў вм. снялъ надо объяснять вліяніемъ снели; гренули вм. грянули, гренуть вм. грянуть вельс., озебнуть екатеринб., ср. замерьзнуть олонец. вм. замёрзнуть подъ вліяніемъ формъ гренетъ, озебнешь, замерьзнетъ; также роман. и архаиг. (Аф. II, 44) легу, пошех. седу вм. лягу, сяду подъ вліяніемъ лéгетъ, седемъ, лечь, сѣсть (ср. обратно во многихъ великор. говорахъ сясть подъ вліяніемъ сяду). Форму забрецéло вят. (Обзор Колосова 69) вм. забрячѣло, забрячало (ср. московск. забреньчало) слѣдуетъ прежде всего сопоставить съ ряз. кричѣть, стучѣла, пишшѣлъ, шурштѣла (Будде 31), бѣлор. стучело, застучели лепп. (Обзор Карскаго 35): -ѣть вм. -ять въ неопред. наклон. и производныхъ отъ его основы формахъ заимствовано изъ словъ какъ гремѣть, звенѣть. Непонятно вельское одиело (Эт. Сб. V, 47) вм. одѣяло; также непонятно вельс. пьеныё (ib. 37, 44), но думаю, надо читать пьеныё (о напиткахъ, опьяняющія: на наши питья пьеныё; стаканъ пива, пивовары пьеныё), также съ удар. на окончаніи читаю я вельс. мегку постеленку, на мегкой постеленкѣ. Моложск. велъ вм. вялъ (Обзор Колосова) подъ

вліяніемъ велá, велó и уведáть, увенуть (?). Совершенно непонятно встрѣчающееся въ былинахъ арх., шенкур. цедо вм. чядо (напр. Кир. I, 77); шенк. брекотъ (Кир. II, 69) указываетъ на брекнуть, гдѣ е такого же происхожденія какъ въ указанныхъ выше гренуть, озебнуть.

Восточнорусское діалект. ударяемое о (ё) вм. а (я) нельзя выводить изъ звука ä вм. а указаннаго происхожденія: ё въ великор. трёсъ, запрёгъ, бѣлор. затресъ се Тяп. ев. XVI в. (Карскій) явилось на почвѣ грамматической аналогіи и смѣнило я также какъ въ словѣ пабёх великор. и бѣлор., пріобрёлъ великор. смѣнило е откр.: въ говорахъ β нёсъ—несла неминуемо вызвало при тресла—трёсъ; также въ акающихъ говорахъ α: нёсъ—нясля́ вызвало при трясля́—трёсъ; такимъ образомъ сохраненіе формъ трясъ, запрягъ, напрагъ можно ожидать только въ окающихъ говорахъ α: молож. и пошех. запрягъ. Въ говорахъ акающихъ нёсъ—нясла—несть вызывали далѣе при новомъ трёсъ трясла—тресть ряз. Звукъ ё въ діал. ряз. пётна (Будде 24) вм. пятна обязанъ своимъ происхожденіемъ вліянію сёла при сяло́, вліянію вызвавшему и вёдра, гнёзда вм. вéдра, гнéзда. Въ потрёхывать ё стоитъ вм. я подъ вліяніемъ затёсывать, перелётывать, подёргивать; во многихъ сѣверныхъ говорахъ сохраняется я въ потряхивать, ср. пощалкивать, повартываться: здѣсь я вм. ё подъ вліяніемъ а вм. о въ угащивать, припеваливат, огарчивалъ, ср. звукъ о въ угощу́ и повёрну́. Говоры измѣняющіе удар. я на е закр. между двумя мягкими согласными имѣютъ вм. поляживать—полеживать, ср. олон. полеживать и дорежываться (дорядиться) съ отвердѣвшимъ ж петроз. при поляжываэт пудож. Ряз. діал. пётнадцатый заимствуетъ гласную и удареніе изъ формъ сёмнадцатый, шоснадцатый. Кур. румёнай, орл. руменяц имѣютъ ё и е неясныя для меня по происхожденію.

Глава 19-ая.

О діалектическомъ измѣненіи е закрытаго въ і въ восточнорусскомъ нарѣчіи.

Въ современныхъ восточнорусскихъ говорахъ мы находимъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ звукъ *і* вм. звуковъ *е* удар. закр., *е* закр. въ слогѣ передъ удареніемъ и наконецъ ѣ закрытаго: происхожденіе такихъ *і* въ различныхъ говорахъ различное; при этомъ среди нихъ особенно отличается то *і*, которое въ южновеликор. говорахъ замѣнило ѣ закрытое, отличается не звукомъ и не происхожденіемъ, а временемъ возникновенія. Мнѣ представляется вѣроятнымъ, что *і* вм. *е* и ѣ закр. до распаденія восточнорусскаго нарѣчія являлось только въ сѣверныхъ говорахъ, а потому въ настоящей главѣ я остановлюсь на переходѣ въ *і* звуковъ *е* и ѣ закр. только въ сѣверныхъ древнихъ и современныхъ говорахъ. Дѣйствительно, даже между діал. южновеликор. *і* въ слогѣ передъ удар. вм. *е* (нису, систра) и сѣверновеликор. *і* въ томъ же положеніи нѣтъ связи генетической: москов. говоръ ясно указываетъ на общеюжновеликор. *е* закр. въ говорахъ β.

Во многихъ сѣвернорусскихъ говорахъ имѣлъ мѣсто законъ о переходѣ всякаго *е* закр. (удар. и въ слогѣ передъ удар.) и ѣ закр. (въ слогахъ неударяемыхъ) въ *і*: переходъ этотъ былъ слѣдствіемъ всё той же ассимиляціи гласныхъ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ, о которой мы говорили въ предшествующихъ главахъ, почему мы его встрѣчаемъ только въ говорахъ β,

и при томъ думаю въ тѣхъ именно говорахъ β, которые, согласно указанной въ главѣ 18-ой причинѣ, измѣнили ӓ откр. ударяемое въ *е* закрытое. Короче, среди говоровъ β выдѣлилась группа говоровъ, въ которыхъ законъ объ ассимиляціи гласныхъ ряда *а—е—о* въ извѣстное время сказался съ новой силой: результатомъ его было измѣненіе удар. ӓ откр. въ *е* закр., ӓ закр. въ слогѣ передъ удар. въ *е* закрытое, далѣе измѣненіе звуковъ *е* ударяемаго, а также въ слогѣ передъ удареніемъ, равно и ė закр. въ *і*. При этомъ новое *е* закрытое изъ ӓ откр. и ӓ закр. также могло измѣняться въ *і*, но были говоры, которые сохраняли его безъ измѣненія, превративъ въ *і* лишь первоначальное *е* закр. Первоначальное же *е* закрытое являлось только въ положеніи передъ мягкими согласными, и только въ церковныхъ словахъ также передъ твердыми. Приведу примѣры такого *і* сначала изъ сѣвернор. памятниковъ, а потомъ изъ живыхъ говоровъ современнаго сѣверновеликор. нарѣчія.

Звукъ *і* на мѣстѣ *е* закр. удар. въ положеніи передъ мягкой согласной: Ипат. лѣтпсь висємь (дат. мн. вм. весемъ) 450, в Милници (мельници) 561, коний, князний, сторожий, Нов. лѣтпсь по Арх. сп. XV в. орлиць 343, черниць 354, людий, трий,волостий, церквий, всєхий, Лук. ев. 1409 псков. тритьюи (Очерки Собол. 142), Прологъ 1383 псков. створиниє, Парак. 1369 псков. смьрениюмь, Арх. сп. Нов. лѣтпси XVI—XVII в. дщири 65, сп. XVII в. съ олон. купчей XV в. повѣниццкой АКал. I № 149, IV. Звукъ *і* на мѣстѣ *е* закр. въ слогѣ передъ удар. передъ мягкой согласной: Ипат.: куѕниць (вм. куѕнеци) 558, всемилостиваго 456, Нов. лѣтпсь по Арх. сп. XV в. мертвицехъ 63, грикинѣ 26, Лав. лѣтпсь вилиньи, Пс. XIV в. № 35 псков. седмирицєю, Лук. ев. 1409 гнитаҳуть, климєте, Арх. сп. Нов. лѣтпси XVI—XVII в. сєстрію 118, дв. гр. XIV в. АЮ. № 71, XVIII перивисьщахъ. Звукъ *і* на мѣстѣ *е* въ церковныхъ словахъ: рукопись

XIV в. Р. Д. II прибыстє, прилщлются 3, прнобидить 51, Ипат: приодолѣ 212, приступиша 216, 351, приселику 560, прнобидилъ 269, 308, Нов. лѣтпсь по Арх. сп. XV в. извистью 418, грикинъ 26, отъ грикь 71, отъ грить 347, грицкый 352, Лук. ев. 1409: притъкисши, Сбор. XVI в. быв. Нов. Соф. бпб. № 1448 архагилъ (Кн. бытія н. и з. 67, 72), Пс. XIV в. № 35: придиимь. Звукъ *і* на мѣстѣ ѐ закр. передъ мягкой согласной: Ипат. черноризиць 424, Нов. лѣтпсь по Арх. сп. XV в. дѣтьиниць 119 прим., черноризиць 409, 231 прим., дѣтиниць 360, Орѣховиць 348, Лавр. не ѡриините 2 л. мн. нас. вр. 18, Лук. ев. 1409: вътриняя, внутрьнию. ѡкмлить, Прол. 1383 юманши, радуиться, затворини, идолослужитиль, двин. гр. XIV в. одирнь АЮ. № 71, XIX, дв. гр. XIV в. хмилникахъ Археол. ком. № 17. Звукъ *і* на мѣстѣ ѐ въ открытомъ конечномъ слогѣ (на мѣстѣ первонач. *о*, ъ) и въ серединѣ слова передъ твердой согласной (на мѣстѣ перв. *о*): рись XIV в. Р. Д.: сйоки им. мн. 54, 11, 111 (ср. сйокъ 11), Ипат. четыри, татари, татарови, сторожеви, горожани, крестьяни им. мн. (ср. тамъ же татаръ, двороиъ, сторожевъ), Нов. лѣтпсь по Арх. сп. XV в. словени 4, сынови 29, рушани 421, бояри 385 (ср. тамъ же бояръ 42, словенъ 4, копорьянъ 334), Лавр. лѣтпсь: словени 13, козари 11, 3 ед. аор. поиди 45, 3 л. мн. просити 30. Въ Ипат. коли нар., Лавр. княжи зв. ед. 174b, лучи 75,Užд. лѣтпсь новогородцинъ 483, положинъ 497 *і* стоитъ вм. ѐ, замѣнившаго ъ.

Что касается случаевъ какъ срци мою псков. Тип. пс. XIV в. № 35, то здѣсь, можетъ быть, буквою и выражено церковное, книжное произношеніе слова серьцо, которое въ древнепсков. живомъ говорѣ звучало сердцѐ съ ѐ открытымъ.

Особенно ярко рисуется намъ сѣвернорусскій говоръ β, измѣнившій *е* и ѐ закр. въ *і* въ довольно обширномъ памятникѣ XVI в., по содержанію—копія съ Олонецкой межевой 1391 года (изд. въ АКал. II, № 134):

не смотря на всѣ мои старанія, я не могъ найти его въ Археогр. Комиссіи, гдѣ онъ, какъ видно изъ описи, долженъ храниться, поэтому поневолѣ приходится полагаться на изданіе (замѣчу, что вообще Калачовъ былъ добросовѣстнымъ издателемъ). Говоръ, представляемый этимъ памятникомъ, окончательно вытѣснилъ звуки *е* закр. и ѐ закр. звукомъ *і* и кое въ какихъ случаяхъ встрѣчающаяся буква є или обозначаетъ звукъ ё подъ удареніемъ, или лишь графически сохранился, не замѣнившись буквой и, соотвѣтствовавшей живому произношенію. Такимъ образомъ мы съ одной стороны находимъ здѣсь постоянно *і* вм. древняго *ѣ* и при томъ независимо отъ качества слѣд. согласной: на двори, билого, онигл, колино, мисто, лисү р. ед.; насиүснъ, сикєрной; внѣ ударенія рикой, стрилихү, ко҃ли, о҃єри мѣс. ед. и т. д. Съ другой стороны такому же переходу подвергаются звуки *е*, соотвѣтствующіе первонач. *е*; *і* на мѣстѣ первонач. удар. *е* закр. передъ мягкой согласной: коницъ, күпицкая, күплянозирьскія, түкозирцовъ, тритьяя, сиридиѣмъ; *і* на мѣстѣ *е* закр. въ слогѣ передъ удар. передъ мягкой согласной: мижа, мижовая, кристьянъ, зимля, сиридиѣмъ, чиртижи, кирєзы; *і* на мѣстѣ церковнаго *е* закр.: кристъ; *і* на мѣстѣ ѐ закр. въ неудар. слогѣ передъ мягкой согласной: чиртижи, каминь, каминя, сикирной (р было мягко), полүдинной (и было мягко); *і* на мѣстѣ *е* закр. въ слогѣ передъ удар., замѣнившаго звукъ *о* скл. къ *а* (перв. ö): озирко, озиркá (у Даля озеркó), на зилинóмъ острокү, зилиной островъ, отъ зилиного острова (ср. олонец. зеленóй овёсъ); *і* на мѣстѣ ѐ закр. въ неударяемомъ слогѣ: пойдитъ (ср. бѣлор. удареніе прíдзиць, малор. пíйдэ, олон. пóйдё), Күзимка (при Кузьмá было Кýзьма, оба ударенія въ совр. малор., бѣлор. витеб. Кýзьма Шейнъ 355), озиро, засичины. Измѣненію въ *і* подверглось также новое *е* закр. изъ *я*: крижа вм. крежа изъ кряжа (совр. олон. крежъ), въ слогѣ передъ удар. күплинозирскіе ср. күплянозирьскія (происхожденіе *я* въ въ этомъ словѣ, а также и то, не стоитъ ли оно въ свя-

зи съ прич. куплен, мнѣ не ясно, совр. оффиц. названіе Куцецкое озеро, но погостъ, насколько помню, называется и Куплянскимъ). Буква и въ словахъ плисо и трихъ лишь видимо замѣняетъ звукъ ё: въ плисо *i* стоитъ вм. ѣ, ср. Нов. лѣтпись Синод. на плисѣ 21б и совр. арх. плéсо при плёса им. ед. (діалектич. плеса́), плёсо; трихъ вм. трёхъ, ср. совр. нижегор. трихъ царевичовъ Кир. I 35, явилось подъ вліяніемъ три, ср. всихъ при вси, одни при однихъ и т. д.

Не сомнѣваюсь въ томъ, что и до сихъ поръ можно найти въ сѣвернорусскомъ нарѣчіи говоры со сходною вокализаціею: если *i*, замѣнившее было всякія *е*, ѐ закрытыя, уступало частью мѣсто звукамъ *е*, то въ этомъ сказалось вліяніе сосѣднихъ говоровъ. Такъ въ соврем. говорахъ петрозав. уѣзда я слышалъ въ слогахъ ударяемыхъ двири, двирь, пичка, смирть, тисть, тистя, конщь, кузницъ, дворицъ, кузничьному, словичко, конишно, миньше, диньги, кристикъ, коній (и ко́ній), щилья (вм. щелья), мистичко (Барсовъ Прич. I, 119), деничку (ib. 53); также передъ удареніемъ: нидѣлю, тиби, миня, тимница, мидвѣдь, типерь, охмилило; рѣже *и* вм. *е* закр. передъ твердой согласной, ср. однако случаи какъ тисо́вая кровать, присто́лъ у Гильфердинга 621; *i* вм. *е* закр. изъ *я*: дейшка измѣняется въ дійшка. Въ вытегорск. уѣздѣ Колосовъ отмѣчаетъ: плить вм. плеть, риба́тами и даже ведина́. Въ вельскомъ уѣздѣ вол. губ.: гризилось, мистицко, прилитисцё (т. е. прилетище, ср. прибѣжищё); въ слогѣ передъ удареніемъ и передъ мягкой согласной: вилять, жинѣ, сплитатцё, исцё, пролитеу, полицу, либедушку, нидѣленьки, миня, тибѣ; въ томъ же слогѣ, но передъ твердой согласной: чилу, занисло, сплитатцё, спомиталисё, за бирцату занавису, во тимномъ лису; въ положеніи за удареніемъ: лазуривъ, заутрини, жалуитъ, горюитъ; сольвычегод. потиря, либедь, овичка; безъ ударенія: тичётъ, потиреть, нивистѣ, нидилѣ, повиду, бирутъ, сило; пошех. двирь, пичка, пригризилось, мильница, безъ удар. пишо, систрея, потирать, систрея, рибятъ,

двирей, тичеть, молож. миль, мильница, динь, пирвой, иль, исть (есть), журавиль, безъ удар. ищё, тибя, мини, роман. динь, питля, двирь, безъ удар. ищо, сибя, тибя, миня, нильзя; перм. шадр. шшиль (Аф. I № 93), очинь, ковров. щиль, кадников. питля, либедь, ярослав. гризилось, онеж. ище, миня, симб. княженицкаго Кир. II, 91; въ порохов. псков. окающемъ говорѣ безъ ударенія: колисо, тилѣга, политѣлъ, пикё, побирёгъ, питра питровича, 3 ед. лѣзи, коли, дѣлаи, собир. нивѣста, нидѣля (Даль LX), вят. тибѣ, нивѣста, исю, проѣдитé 2 л. наст.

Въ вышеприводенныхъ примѣрахъ есть многіе такіе, которые представляютъ *і* вм. *е* и ѐ закр. радомъ съ *і* изъ *ѣ*; *і* въ говорахъ, представляющихъ замѣну звуковъ *е* звукомъ *і* подъ удареніемъ, должно быть разсматриваемо отдѣльно отъ того *і*, которое замѣняетъ въ нѣкоторыхъ говорахъ только ѐ закрытое; равнымъ образомъ отдѣльно стоятъ говоры не измѣняющіе *е* закрытаго подъ удареніемъ въ *і*, но представляющіе такую замѣну въ слогѣ передъ удареніемъ. Такимъ образомъ въ сѣверныхъ говорахъ слѣдуетъ различать: 1) такіе случаи, гдѣ въ *і* измѣняется между прочимъ *ѣ* и *е* закр. удар., 2) гдѣ *е* закр. подъ удареніемъ сохраняетъ свой звукъ, но можетъ перейти въ *і* въ слогѣ передъ удареніемъ, 3) гдѣ въ *і* измѣняется только ѐ закр. въ неударяемыхъ слогахъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что между говорами, измѣняющими *е* закр. въ въ *і* въ слогѣ передъ удареніемъ, нѣкоторые допускаютъ такое измѣненіе только передъ мягкой согласной, а другіе также передъ твердою (гдѣ *е* закр. замѣняетъ *а*, *о*): слѣдовательно, здѣсь можно встрѣтить какъ говоры β, такъ и говоры α; тоже относительно говоровъ измѣняющихъ въ *і* звукъ ѐ закрытый. Въ виду этого и признавая переходъ ѐ въ *і* въ говорахъ не представляющихъ перехода *е* закр. въ *і*, а также переходъ въ говорахъ α *е* и ѐ закрытыхъ неударяемыхъ передъ мягкими согласными въ *і* — явленіями позднѣйшими, я еще разъ вернусь къ этимъ именно явленіямъ въ главахъ посвящен-

ныхъ характеристикѣ современныхъ сѣвернор. говоровъ.

Въ южновеликор. и бѣлорусскихъ говорахъ весьма распространенное измѣненіе закр. ѐ, рѣже закр. *е* въ слогѣ передъ удареніемъ, въ *i* — несомнѣнно позднѣйшее явленіе и будетъ поэтому разсмотрѣно ниже. Перехода удар. *е* закр. въ *i* въ этихъ говорахъ почти нѣтъ: исключенія составляли бы случаи какъ дравицъ род. мн., какъ почти повсемѣстно, по указанію Будде 40, говорятъ вм. дравецъ въ рязан. губерніи; дравицъ стояло бы вм. дравиць изъ дравець, но думаю, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ фонет. явленіемъ; форма дравецъ стоитъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ формъ склоненія дрова и по ложной аналогіи могла измѣнить свой звукъ.

Глава 20-ая.

О появленіи новаго е вм. і въ восточнорусскомъ нарѣчіи.

Такое *е* являлось, думаю, въ сѣвернорусскихъ говорахъ, гдѣ, какъ указано въ предыдущихъ главахъ, звукъ *ѣ* (дифт. сочетаніе *іе*) измѣнилось въ *е* закр. Измѣненіе это шло черезъ посредство *і* скл. къ *е*, а результатомъ его было чередованіе звуковъ *е* закр. и *і* въ цѣломъ рядѣ словъ: звуки *і* изъ *і* скл. къ *е* и самое *і* скл. къ *е* смѣнялись такимъ образомъ звукомъ *е* закрытымъ, и это имѣло слѣдствіемъ съ одной стороны возможность чередованія, съ другой смѣну звука *і* первоначальнаго звукомъ *е* закр. Указанія на такой переходъ мы имѣемъ какъ въ памятникахъ, такъ и въ современныхъ сѣвернорусскихъ говорахъ, причемъ весьма естественно, что въ памятникахъ отражающихъ говоры древніе, случаевъ замѣны *і* звуками *е* мы найдемъ больше, чѣмъ въ живомъ современномъ языкѣ: съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, а частію родственныхъ говоровъ съ одной стороны звукъ *і* изъ *ѣ* вытѣснялся звукомъ *е* (напр. мерить подъ вліяніемъ діал. мера съ *е* откр. или мера съ *е* закр. вм. мирить), съ другой стороны звукъ *е* изъ *і* вытѣснялся звукомъ *і*. Въ памятникахъ пишущихъ вм. буквы и букву ѣ, я читаю послѣднюю букву какъ звукъ *е*, если не во всѣхъ, то въ большинствѣ случаевъ: дѣйствительно, не допустивъ подобнаго чтенія, придется предположить, что въ говорѣ писца, употребляющаго ѣ вм. и, всякое *ѣ* измѣнилось фонетически въ *і*; такіе говоры можетъ быть бы

ли, но число ихъ было ограничено; кромѣ того, нерѣдко звукъ *е* закр., замѣнившій звукъ *і*, изображался буквою є: буква эта употреблялась вѣдь для обозначенія какъ древняго, такъ и новаго *е* закрытаго; такимъ образомъ буквы ѣ и є, напр. въ щѣтъ и щєтъ вм. щитъ, несомнѣнно должно читать какъ *е* закрытое.

Особенно часто находимъ ѣ вм. и въ конечномъ открытомъ слогѣ: такъ обыкновенно въ формахъ причастія на лъ: крѧлѣ, оурѧдилѣ, видилѣ рись XIV в. Р. Д. II, дѧлѣ, посѧлѣ, пожьглѣ, учинилѣ Ипат., былѣ, посѧлѣ, побилѣ Нов. лѣтись Арх. сп. XV в., имѣлѣ Лав. 185а, взялѣ гр. XIV в. АЮ. № 257, I, былѣ, взялѣ, цѣлокилѣ, творилѣ и др. въ Доконч. нов. 1373, прикелѣ, велѣлѣ 1372 нов. № 13, подѧклѣ, целокилѣ 1373 № 17, былѣ 1304—1305 № 10, целовлѣ, взялѣ, отимлѣ, порукилѣ док. ок. 1392 и др., ср. написанія какъ не дѧлє Ипат. 583. Тоже въ формахъ им. мн. мнозѣ, рѧдѣ, клобуцѣ, князѣ, городѣ, хрѧмѣ, пискупѣ Ипат., дверѣ Нов. лѣтись Арх. сп. XV в., розвонникѣ док. ок. 1392, дѣтѣ двин. закл. XV в. АК. II, слнозѣ, убьенѣ Сузд. лѣтсь 472, 494, мощѣ Лав. 139а, 140b, викѣ, дѣтѣ, вѣликѣ дв. гр. XIV в. АЮ. № 71, XV; вѣкѣ, дѣтѣ дв. гр. XIV в. АЮ. № 110, I; дат. ед. индрикокѣ, рюрикокѣ Ипат., коникѣ, игорскѣ, кесаревѣ, мужевѣ Нов. Арх. сп. XV в., ср. написанія съ є въ королєвє, медвѣдєвє Ипат. 277, 596; род. ед. безвѣстѣ Нов. Арх. сп. XV в. 394, Ригѣ рукись XIV в. Рус. Д. II, Новгор. Арх. сп. XV вѣка, изгибелѣ, док. ок. 1392, дат. ед. заповѣдѣ Нов. Арх. сп. XV в. 409, им. ед. княгинѣ ib. 370; тв. мн. съ Плесковицѣ Нов. Арх. сп. XV в., 361, лыскарѣ тв. мн. Лав. 131b; дѣтмѣ Нов. Арх. сп. 370; неопред. володѣтѣ дв. гр. XIV в. АЮ. № 110, I, служитѣ, вмѣтлтѣ Нов. Арх. сп. XV в. 36, 42; прич. не идучѣ гр. XIV в. АЮ. № 257, I, едучѣ Нов. Арх. XV в. 380, 2 л. пов. поѣдѣ Ипат. 612 и мн. др. Нельзя не замѣтить, что большая часть примѣровъ представляетъ ѣ вм. звука *і* неударяемаго. Весьма нерѣдко находимъ ѣ вм. и въ серединѣ слова въ слогѣ слѣдующемъ за уда-

раемымъ ѣ или и: ѣздѣли Ипат. 454, ѣздѣлъ 612, ездѣти 560, истѣньнүю 418, Нов. л. Арх. сп. XV в. дѣдѣну 331, видѣши 20, невидѣмую 40, стрѣлѣцп 54, Нов. л. въ сп. XVI—XVII в. ѣздѣлъ 101, 118, дв. гр. XIV в. оурѣчѣщіє, рѣпѣщи Собр. Мух. № 14, дв. гр. XIV в. рѣпѣщє АЮ. № 110, I, дв. гр. XIV в. неривисѣщихъ АЮ. № 71, XVIII, Лавр. по истѣнѣ 132а, ср. написанія съ є вм. ѣ: видєвѣ Ип. 458, домяжирєчь 525, дѣтсцѣ Лав. 24, Арх. сп. XVI—XVII в. Нов. л. Никітєни 100. Наконецъ звукъ е закр. (пишется ѣ и є) находимъ и въ другихъ случаяхъ, но большей части въ ударяемыхъ слогахъ: мьстѣть, на нѣхъ, хотѣмъ, врозмѣрьи Нов. Арх. сп. XV в. 84, 413, 384, 380, цѣтъ и цѣстъ Ипат. 522, рѣзиєуєму, лихимлидрѣтъ, протѣвъ, сторонѣхъ Арх. сп. Нов. лѣтси XVI—XVII в. 113, 117, 114; ѡбѣрвил, дружєною, множєцєю Лавр. 8, 103b, 150а, 182а, съ дружєною, законопрѣступнѣцѣ, идолослужєтєли Прол. 1383 Очерки 130, кадєлницє, свѣтєлника Парак. 1369 Очерки Собол. 126, Спирѣдоновѣ гр. 1588 АЮ. № 251, ѡнѣвѣі дв. гр. XIV в. АЮ. № 110, I; Нов. Арх. сп. лѣтси XV в. свѣнью 88, грѣвнѣ 85, свинѣны 35, приписка къ отказ. Обонеж. 1678 въ сѣхъ кнѣгахъ, кнѣгамъ. Въ большей части памятниковъ, откуда приведены здѣсь примѣры, замѣтна и обратная замѣна буквы ѣ буквою и, но есть и такіе, которые, представляя и и ѣ, не знаютъ употребленія буквы и вм. ѣ; такъ въ Нов. рядной XV в. Собр. Мух. № 15 нѣтъ случаевъ замѣны буквы ѣ буквою и (ѡпроуи стоитъ вм. опроуе съ закр. е), между тѣмъ мы находимъ здѣсь: дѣтѣ, двѣ бортѣ, мѣкитины, клѣмєнтиєвы, дмѣтрѣєви, грѣгорью, на вѣшєрѣ, в бєрєзнѣвѣ, клѣнѣ, клѣна, тоже въ гр. 1505 АЮ. № 145: нѣвы, половѣны, Трофѣмъ, Васѣлєйко. Наконецъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, представляющихъ смѣшеніе ѣ и и въ видѣ замѣны первой буквы второю, находимъ букву є вм. и, между тѣмъ какъ ѣ вм. и при этомъ не встрѣчается: такъ въ Палеѣ 1409 г. читаемъ прєдє 36, жи'вєнє 35b, во второмъ почеркѣ Ми-

лат. ев. пре поути 46а, пре мори 62d, преде 48с, претъ-тю 48b, 59d, 63d, 76d и др.

Въ современныхъ сѣвернорусскихъ говорахъ *е* закр. вм. *i* весьма нерѣдко, при этомъ подъ удареніемъ и передъ слѣдующею твердою согласною *е* закр. оно переходитъ въ *е* откр.: каргоп. уговаривале, олон. села с поселками Рыб. III, 372; никитинечь пудож. Кирѣев. II, 119, хлёбево волог. Сб. св. II, 22, къ невѣстену каргоп., кормилеца ярослав. (Тихв.), естенный перм. (Даль I,II, первое *е* вм. *и* совершенно другаго происхожденія) можно сопоставлять съ древнерусскими написаніями съ *ѣ* (*е*) вм. *и* въ положеніи за слогомъ съ удар. *ѣ* или *и*; олон. лучена при лучина, каленовую (у Гильф. 927), ср. древнер. дружѣна; полевъ тотем. (Обзор Кол. 118), полевка торопец. (Зап. Геог. общ. 1864, II, 137), левень арх., слеваньё, залевать ярославск. (Тихв.), ср. въ Рум. ев. XIV в. № CVII въꙁлѣкаи 57b, пролевають 89c; тоже въ опочевъ олон., почевала ярослав.; ср. еще вехорь олон., онеж. (Сл. Подвыс., Кирѣев. IV, 74), прешить вышег. (ср. прешедши Лавр. 144b). Особенно часто является звукъ *е* вм. *i* передъ звукомъ *р* въ олонецкихъ говорахъ: перъ (гдѣ перъ тамъ и писнь), меръ (весь меръ, по́ меру извѣстно), смерный, мерская станьція, померились, меролюбная, просверня, наберать, умерать, отперать, серота, вытегор. перок, перогомъ, пошех. перок, луж. петерб. перогъ, спомнете, сходемте, въ свѣтлечку (Зап. Г. О. IV) и т. д.

Во всякомъ случаѣ, будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ опредѣлить ближайшимъ образомъ условія, при которыхъ вм. *i* являлся звукъ *е* въ сѣвернорусскихъ говорахъ.

Глава 21-ая.

Появленіе акающихъ и окающихъ говоровъ въ восточнорусскомъ нарѣчіи.

Съ этой главы изслѣдованіе мое переходитъ на изученіе той эпохи жизни русскаго языка, когда въ общевосточнорусской семьѣ образовались обособленныя группы говоровъ, продолжающія и до сихъ поръ свое отдѣльное развитіе. Современныя великорусская и бѣлорусская группы съ одной стороны, южновеликор. и сѣверновеликор. съ другой, образовались изъ одной общей восточнорусской семьи говоровъ, разбившейся въ силу историческихъ причинъ; и при этомъ мнѣ представляется несомнѣннымъ, что южновеликор. группа, теперь связанная съ сѣверновеликор. какъ составная часть великорусской семьи, нѣкогда стояла ближе къ бѣлорусской группѣ, чѣмъ къ группѣ сѣверной. Въ восточнорусской семьѣ выдѣлялись сначала двѣ группы: сѣверная и южная; южная въ свою очередь распадалась на среднерусскую (сюда же относятся и древнѣйшіе южнорусскіе говоры) и западнорусскую группу. Позднѣйшія историческія условія, обособивъ западнорусскую группу, сплотили среднерусскую съ сѣверной, образовавъ одну общую великорусскую группу говоровъ, заключавшихся въ предѣлахъ великорусскаго государства. Явленія, на которыхъ я остановлюсь въ настоящей главѣ, должны быть относимы къ той эпохѣ, когда великорусское государство еще не собралось, когда среднерусскіе говоры все еще продолжали общую жизнь съ западнорусскими говорами, не смотря на то, что политическая жизнь тѣхъ и другихъ

все болѣе обособлялась и готовила въ близкомъ будущемъ сложившійся постепенно, но окончательный разрывъ. Это эпоха XIII вѣка, а XIV вѣкъ долженъ быть признаваемъ началомъ великорусской и бѣлорусской обособленной жизни. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію судьбы звуковъ *о—е—а* въ распавшейся общевосточнорусской семьѣ и образованія группъ акающихъ и окающихъ говоровъ, я въ самыхъ краткихъ словахъ повторю, какіе явились звуки рядовъ *о—е—а* въ результатѣ общевосточной эпохи.

Въ ударяемомъ открытомъ слогѣ являлись: *е* открытое, *о* открытое, *а* — первый звукъ только послѣ мягкихъ согласныхъ, второй и третій послѣ твердыхъ и мягкихъ: при этомъ *а* и *о* послѣ мягкихъ согласныхъ получали, можетъ быть, окраску нёбную, замѣняясь ӓ и ӧ открытыми. Въ ударяемомъ слогѣ передъ твердой согласной являлись: *е* открытое, *о* открытое и *а*, при чемъ *о* откр. и *а* въ нѣкоторыхъ говорахъ измѣнялись въ ӧ и ӓ послѣ мягкихъ согласныхъ. Въ удар. слогѣ передъ мягкой согласной: *е* закрытое, *о* открытое и *а*; въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ *о* откр. и *а* могли замѣняться въ нѣкоторыхъ говорахъ звуками ӓ и ӧ, при чемъ ӓ діалектически переходило въ *е* закрытое; точно также діалектически измѣнялось *е* закр. въ *і* въ удар. слогѣ въ положеніи между мягкими согласными. Въ слогѣ передъ удареніемъ находимъ *а* и *о* скл. къ *а*; въ говорахъ β они измѣнялись въ *е* закрытое въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ; изъ звуковъ *е* въ слогѣ передъ удареніемъ *е* (или ӓ) закрытое является правильно передъ мягкими согласными; въ положеніи же передъ твердыми согласными въ сѣверныхъ говорахъ находимъ *е* закрытое въ соотвѣтствіи съ древнимъ *ѣ*, въ другихъ случаяхъ могло быть *е* (или ӓ) открытое, если это не былъ говоръ β; въ несѣверныхъ говорахъ находимъ e^a (или ӓ) открытое въ соотвѣтствіи какъ древнему *ѣ*, такъ и въ другихъ случаяхъ, если это не были говоры β; наконецъ въ говорахъ β сѣверныхъ и несѣверныхъ передъ

твердой согласной въ слогѣ передъ удареніемъ является правильно и постоянно *е* (ӓ) закрытое. Въ прочихъ неудар. слогахъ находимъ ȧ и ȯ открытыя, которыя въ говорахъ β измѣняются послѣ мягкихъ согласныхъ въ ė закрытое; изъ звуковъ *е* находимъ въ говорахъ β ė закр. передъ твердыми, передъ мягкими согласн. и въ конечномъ открытомъ слогѣ; въ говорахъ *α* ė закрытое является лишь передъ мягкими согласными и лишь діалектически также передъ твердыми и въ конечномъ открытомъ слогѣ въ соотвѣтствіи именно звуку *ѣ*; ė открытое находимъ передъ твердыми согласными и въ открытомъ конечномъ слогѣ вм. звука *е* первон., а діалектически вм. *ѣ*.—Наше изслѣдованіе должно остановиться сначала на измѣненіи открытыхъ звуковъ *а—е—о*, такъ какъ именно ихъ измѣненіе опредѣлило новыя группы акающихъ и окающихъ говоровъ. Дальше мы перейдемъ и на разсмотрѣніе судьбы закрытыхъ звуковъ въ акающихъ и окающихъ говорахъ. И такъ въ общевосточнорусскомъ языкѣ изъ открытыхъ звуковъ были извѣстны *а*, *о* откр. въ слогѣ ударяемомъ, *а*, *о* скл. къ *а* въ слогѣ передъ удареніемъ, ȧ и ȯ открытыя въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ; *ȩ* откр. въ слогѣ ударяемомъ, еᵃ (ӓ) открытое въ слогѣ передъ удареніемъ, ė откр. въ прочихъ неудар. слогахъ; послѣдніе звуки ́еᵃ (ӓ) откр. въ слогѣ передъ удар. и ė откр. были неизвѣстны въ говорахъ β, не употреблявшихъ также звуковъ *а*, *о* откр., ȧ, ȯ откр. въ неударяемыхъ слогахъ въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ; звукъ еᵃ (ӓ) въ слогѣ передъ удареніемъ, являвшійся только передъ твердыми согласными въ сѣверныхъ говорахъ, могъ возникнуть только изъ *е* закр. передъ отвердѣвшей согласной, тогда какъ въ прочихъ говорахъ онъ соотвѣтствовалъ и древнему звуку *ѣ*; наконецъ ė открытое въ сѣверныхъ говорахъ являлось лишь въ открытомъ конечномъ слогѣ (изъ перв. *е*), въ серединѣ же слога ė открытое могло замѣнить *е* закр. передъ отвердѣвшей согласной: между тѣмъ въ несѣверныхъ говорахъ ė открытое въ конечномъ открытомъ сло-

гѣ и въ серединѣ словъ діалектически можетъ восходить и къ древнему звуку *ѣ*.

Звуки *о* скл. къ *а* и *е* скл. къ *а* въ несѣверныхъ говорахъ измѣнились въ *а*, т. е. основной звукъ уступилъ мѣсто звуку, къ которому онъ наиболѣе приближался; замѣчу, что, какъ слѣдуетъ изъ предыдущаго, звуки эти были извѣстны только въ слогѣ передъ удареніемъ; поэтому переходъ ихъ въ *а* нельзя не поставить въ связь съ усиленіемъ, которому подвергались гласныя въ слогѣ передъ удареніемъ, усиленіемъ наиболѣе выдававшимся въ той части гласнаго звука, которая была ближе всего къ ударенію. Этотъ переходъ *о* и *е* скл. къ *а* въ *а* мы и будемъ называть аканіемъ, а говоры, въ которыхъ онъ имѣлъ мѣсто, акающими. Такимъ образомъ въ акающихъ говорахъ слова водá, жонá, нёсý, сёлó, вёснá, корóва, востóкъ съ *о* скл. къ *а* передъ удареніемъ перешли въ вадá, жанá, нясý, сяló, вяснá, карóва, вастóкъ; слова рекá, лесá, местá, в снегý, стрелá и т. д. съ *е* скл. къ *а* перешли въ ряká, лясá, мястá, в снягý, стрялá. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ акающихъ говорахъ β былъ извѣстенъ переходъ *о* скл. къ *а* лишь въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ, такъ какъ въ положеніи ихъ послѣ согласныхъ мягкихъ звуки *о* и *е* скл. къ *а* еще въ предшествующую эпоху измѣнились въ *е* закрытое: вадá, карóва, вастóкъ, но жена, весна, село, несу, река, в снегу съ *е* закрытымъ. И такъ въ слогахъ передъ удареніемъ звуки *о* скл. къ *а* и *а* совпали между собою. Такое же совпаденіе имѣло мѣсто между ò откр. и à въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ: при этомъ общимъ для акающихъ говоровъ является лишь смѣшеніе звуковъ ò и à въ одномъ звукѣ, самый же звукъ, являвшійся въ результатѣ смѣшенія въ различныхъ говорахъ, былъ разный: въ однихъ это было à, въ другихъ ò, въ третьихъ ò или à въ зависимости отъ положенія въ словѣ: такъ въ однихъ говорахъ явились колàс, голàд, сенà; въ другихъ колòс, голòд, сенò съ *о* открытымъ сохранились, но рядомъ явились

ȯ вм. ȧ: вм. пена́, рыба́, выда́л — пенȯ, рыба́, выдȯл. Ближайшее опредѣленіе, въ какихъ говорахъ является ȯ, въ какихъ ȧ, въ какихъ ȯ и ȧ вм. ȯ откр. и ȧ, будетъ сдѣлано ниже: здѣсь ограничусь лишь указаніемъ, что среди акающихъ говоровъ нѣтъ такихъ, которые бы различали въ неудар. слогахъ первоначальные звуки *о* и *а*. Въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ въ говорахъ *α* звуки ȯ и ȧ совпадали въ одномъ звукѣ также какъ въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ; равнымъ образомъ въ говорахъ β ȧ и ȯ, сохранившіяся послѣ мягкихъ согласныхъ въ грамматическихъ окончаніяхъ, звучатъ одинаково какъ ȯ или діалектически какъ ȧ: въ говорахъ *α*—озяро, про́клята, воля, поля съ одинаковыми звуками послѣ согласныхъ *з*, *л*; въ говорахъ β воля, поля также. Среди ȧ или ȯ послѣ мягкихъ согласныхъ въ говорахъ *α* слѣдуетъ отличать ȧ или ȯ изъ болѣе древняго ȧ, которое явилось вм. ė открытаго; мнѣ именно представляется вѣроятнымъ, что ė открытое (извѣстное въ говорахъ *α* какъ сѣверныхъ такъ и несѣверныхъ) еще въ общевосточнорусскомъ языкѣ измѣнилось въ ȧ, причемъ такое измѣненіе нельзя сопоставлять ни съ переходомъ *е* скл. къ *а* въ *а*, ни вообще съ явленіями аканья. Въ сѣверныхъ говорахъ ȧ вм. ė откр. находимъ только въ конечномъ открытомъ слогѣ, гдѣ ė откр. восходитъ къ первоначальному ĭ (общеслав. *е*): дайтя, тата́ровя, есмя, меня; рѣже являлось ė открытое вм. ė закр. передъ отвердѣвшей согласной; отсюда также ȧ: сѣвернорус. двугривянной. Но въ говорахъ несѣверныхъ ė открытое являлось не только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ находимъ его въ сѣверныхъ (A), но также діалектически (нѣкоторые говоры группы С) вмѣсто звука *ѣ* въ положеніи передъ твердой согласной или въ конечномъ открытомъ слогѣ: въ такихъ говорахъ найдемъ не только боя́ря, идя́тя, но также въ говоря, на базаря, видял. Но какъ въ дайтя, идя́тя, тата́ровя, боя́ря, есмя, меня, такъ и въ случаяхъ на мѣстя, въ городя, видалъ звукъ ȧ я считаю звукомъ общерусскимъ, замѣнившимъ

при томъ какъ общевосточнорусское ѐ открытое, такъ и діалектически, но всетаки принадлежащее общевосточнорусской эпохѣ, ѐ откр. вм. ѣ. Понятно, что въ акающихъ говорахъ а̀ указаннаго происхожденія совпадало по звуку съ прочими а̀ и о̀ послѣ мягкихъ согласныхъ.

И такъ въ древнѣйшихъ акающихъ говорахъ отношенія между звуками *а—е—о* были слѣдующія: въ ударяемомъ слогѣ являлись *а*, *о* откр., при чемъ лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ группы β вм. *а* въ положеніи между двумя мягкими согласными являлось *е* закрытое; звукъ *е* откр. передъ твердыми и звукъ *е* закр. передъ мягкими согласными; въ слогѣ передъ удареніемъ являлось только *а* какъ послѣ твердыхъ согласныхъ въ говорахъ группъ α и β, такъ и послѣ мягкихъ въ говорахъ α; въ положеніи только передъ мягкими согласными являлось *е* закрытое въ говорахъ α, между тѣмъ какъ тотъ же звукъ употреблялся и передъ мягкими и передъ твердыми согласными въ говорахъ β; въ прочихъ ударяемыхъ слогахъ являлось а̀ (или о̀) въ говорахъ α послѣ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ, въ говорахъ β только послѣ твердыхъ согласныхъ; звукъ *е* закр. въ говорахъ β являлся какъ въ конечномъ открытомъ слогѣ, такъ и въ положеніи передъ твердыми и передъ мягкими согласными; въ нѣкоторыхъ изъ говоровъ α ѐ закр. встрѣчалось только передъ мягкой согласной; но въ другихъ также въ открытомъ конечномъ слогѣ и передъ твердой согласной, а именно въ соотвѣтствіи первоначальному звуку ѣ.

Такимъ образомъ въ говорахъ β область употребленія звуковъ *а*, а̀ (или о̀) въ неударяемыхъ слогахъ строго отдѣлена отъ области употребленія звуковъ *е*, ѐ закрытыхъ: звуки *а*, а̀ (или о̀) являются въ нихъ только послѣ твердыхъ согласныхъ, а въ конечныхъ слогахъ открытыхъ также послѣ мягкихъ согласныхъ, если это грамматическія окончанія, звуки *е* и ѐ закр. употребляются только послѣ мягкихъ согласныхъ. Въ говорахъ α видимъ чередованіе такихъ звуковъ въ зависимости отъ

положенія передъ твердыми или мягкими согласными: такъ въ слогѣ передъ удареніемъ послѣ мягкихъ согласныхъ звуку *а* передъ слѣдующей твердой согласной соотвѣтствовалъ звукъ *е* закр. передъ слѣдующей мягкой согласной: нясу́—неси́, вясна́—весне́, сяло́—селе́ и т. д.; также рякá—рекé, стрялá—стрелé; въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ послѣ мягкихъ согласныхъ звуку ȧ (или ȯ) передъ твердой согласной соотвѣтствовалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ звукъ ė закр. передъ мягкой согласной: ви́дял—ви́дели, о́зяро—о́зере, лясово́й но лесника́ и др. Указанное чередованіе ȧ (ȯ) съ ė сохранялось во многихъ акающихъ говорахъ, но чередованіе *а* съ *е* закр. очень рано исчезло; звукъ *а* изъ формъ съ слѣдующей твердой согласной проникалъ въ формы съ слѣдующей мягкой согласной: такъ явились вм. реке, стреле, неси, весне, селе — ряке́, стряле́, няси́, вясне́, сяле́ и т. п., а подъ вліяніемъ такихъ случаевъ исчезъ вообще звукъ *е* закр. изъ слога передъ удар.: перемянить. Обратнаго вытѣсненія звука *а* звукомъ *е* закр., думаю, доказать нельзя; никоимъ образомъ не могу допустить, чтобы происхожденіе звука *і* въ акающихъ говорахъ въ словахъ какъ нису, систра, сило было нефонетическое и чтобы этотъ звукъ былъ заимствованъ изъ формъ ниси, систре́, силе́. Равнымъ образомъ распространеніе звука ė закр. насчетъ ȧ (ȯ) въ слогѣ отдѣленномъ отъ ударенія другимъ слогомъ въ говорахъ *α* (случаи какъ чибатарь, чирёхъ, тижало́) не можетъ быть объясняемо какъ результатъ нефонетическаго распространенія звука ė (откуда *і*) насчетъ ȧ (ȯ): *і* явилось здѣсь въ большинствѣ говоровъ *α* подъ вліяніемъ новаго закона, о которомъ я скажу въ слѣдующихъ главахъ. Напротивъ появленіе ȧ вм. ė передъ мягкой согласной въ діалектическихъ дяся́ти́, вы́пяй, деварь, парянь не можетъ имѣть фонетическаго объясненія и обязано вліяніемъ звуковой аналогіи. Вопросъ, когда имѣли мѣсто разсматриваемыя явленія, т. е. совпаденіе звуковъ ȯ и ȧ въ одномъ звукѣ и переходъ *о* скл. въ *а* и *е* скл. къ *а* въ *а* въ несѣверныхъ

говорахъ восточнорусскаго нарѣчія разрѣшается памятниками. Уже въ XIV в. нерѣдко попадаются случаи замѣны буквы о буквою а, при чемъ случаи обратной замѣны въ неудар. слогахъ буквы а буквою о ясно указываютъ какъ на то, что о письма въ рядѣ случаевъ должно было читаться какъ *а*, такъ и на то, что звуки ȯ и ȧ, смѣшавшись, совпали въ одномъ звукѣ. Приведу примѣры смѣшенія буквъ о и а въ памятникахъ акающихъ говоровъ, не отдѣляя случаевъ, гдѣ о и а въ слогахъ передъ удареніемъ слѣдуетъ читать какъ *а*, отъ тѣхъ, гдѣ буквы о и а обозначаютъ въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ звуки ȯ и ȧ. Въ московскихъ духовныхъ XIV в. находимъ брашевам 1356 № 25, брашева 1389 № 34 при брошевую 1328 № 21; растокець при ростовець въ дух. 1328 № 21; тутъ же астафьевское, ср. древнерус. остафей; въ № 26 1356 года (въ ломастны) мѣста стоитъ вмѣсто мѣсто; въ дух. 1389 № 34 при съ шагатью читаемъ съ шаготью. Особенно интересны приводимые въ Левціяхъ Соболевскаго[2] примѣры: изъ ев. 1339 (московской области) кака вм. како, дивьна вм. дивью, въ апустѣвшии земли (запись), говоръ писца носитъ въ себѣ черты говоровъ β, почему мы находимъ наполнину, пишимыхъ, поминаѣ, оудержаѣ, не имати вѣры яти, т. е. ѐ (г) послѣ мягкихъ согласныхъ; ев. 1354: жалаше, всажанъ, въ словахъ вечарехъ, вечараю видимъ ȧ вм. ѐ, *а* вм. *е* закр. подъ вліяніемъ вечаръ (говоръ α), ев. 1393 (говоръ α): прикаснуся, вертаградъ, покланятся, прадающимъ, памятенъ (подъ вліяніемъ помяту), 3 л. ед. лежаша, глаголаша; написанія какъ посогаеть, неновидяхуть, влогають, запода, привязоно, обязонъ и т. п. ясно указываютъ на полное совпаденіе звуковъ *о* и *а*, ȯ и ȧ; Палея 1406 па роду, погарять, но рядомъ задовати; въ копіи съ догов. 1402 № 36 изнава, Фаима[х], дух. 1462 № 86 окорокавъскими, дог. 1483 № 115 растокець, канчалъ, дог. 1483 № 116 (говоръ β, писана должно быть въ Рязани) растовець, брата[м], охматавымъ, са царевичемъ, пашахода, дог. 1473 въ дака[н]чаньи (два раза), мажанско[г],

дог. 1448 № 68 стга род. ед. (два раза), Межев. 1483 № 117 таварховымъ (при токарковъ), вышеголаса, копія съ дог. 1496 № 127 (позд., ряз.) аннаю, никоторою, вин. ед. молоҷшаго, дух. ов. 1486 № 122 горнастаенъ, дан. ов. 1392 нраславль СМ. № 18 (329), слышовъ вм. слышавъ въ копіи дог. 1402, дог. 1428 № 43, 1436 № 58, 1440 № 60 чит. съ о откр. вм. а; ев. 1527 (Соболевскій Лекціи): карабль, нагама, удалѣють, никаго, какошь, каторого, добрая семъ, сердца ваша, онъ не хотѣша, исходящае изъ устъ, рядомъ заподъ, долеуе, Сб. XVI в. Чудова мон. (Лекціи Собол.) арла, саборъ, паповъ, таварырыщи, яго, яму, чюдотворцавъ род. мн., изоовлитихамъ, слова вм. слово, Кон. сп. Домостроя XVI в.: краити, сабакамъ, каму, пасмѣхъ, кармить, волхвованіе, лапатки, самаму, домачадцовъ, дарагіе, нагавицы, радилося, всяму, пакутъ, полтавого (при полтевое), дазираетъ, начовалъ, наровитъ, вырастетъ, высмарѣкати, всякаму, укладяно, саламъ, дѣвакъ, куравъ, сыравъ, доброхотавъ, кручиновата дѣло, полюбовна, какъ пригожа, лихова и т. д., 1603—1604 АКал. II: однарядка, колобакъ, хрѣптовай, келарь жа, на погребенья, онъ жа 272, 276, денягъ 264, 265, 268, 270, за медвѣжья сала 275, вин. ед. общаю 275 (вм. общою подъ вліяніемъ доброю, новою вин. ед.), 1650 (ржев.) АКал. II: Казловъ, на Рожество Христова, Пербога, денягъ, въ нонѣшнямъ, тамъ же пріѣховъ с. 430, 1640 наслежного АКал. II, 578, 1652: заплатину при заплотъ АКал. II, 512, 1653 на нынѣшней жа АКал. II, 752, Запись арт. 1654 АКал. I, 111: каму, таму, однако, каго, дакладу, пюкарыстоватца, тарговыя, завсягда, убыткавъ, подлиннаю вин. ед., люба, безотступна, такжа, изъ насъ жа, Дан. 1661 АК. I с. 457: Микифаръ и рядомъ Пологѣею, съ огородоми, похать, отдовать, выдовалъ, ноемъ, истори; 1697 АКал. I с. 573 перемянилъ; еще находимъ въ грамотахъ помѣщенныхъ въ Актахъ Калачова т. II: 1600 денягъ 461, 1696 новасилскомъ, то наша помѣстья, въ то наша вышеписанное помѣстья, протарми 502, 1699 (смол.), промянилъ, вымянилъ 504, 505,

1653 калуськай 466, 1652 Пятровича 775, 1672: верхнева (верхнево), начевать 822, 1692 а что построена... дворовое строенія 552, 1696 села рожественова, сыну Адинцу 740, 1699 подъ дворища пустое, портнова 553 и т. д., въ сп. Домостроя изд. Забѣлинымъ въ части XVI в.: дадаꙋ, домачатцеꙁ, кр҇таобразно, высмаркати, стояла вм. стояло, такаж вм. также, въ части XVII в.: стала́, ѡбаратива҇, ѡварачеваные, тварогомъ и др.; въ ркпси Забѣлина XVIII в. Сказка о Ерус. Лав. (напеч. И. Хр. Бус.) маладецъ, каня, капіе, завутъ, канцемъ, каво, падумалъ, па отечеству, гаваришъ, изкапать, Ѳеодулавну, въ чистое поля, на даспѣшное ево ожерелья, удалѣя (говоръ β, какъ можно судить изъ тежелѣ, лутчи), Выпись изъ межев. ряз. книгъ 1630 г.: направа, липовай пень, икова куста, переѣховъ болота Пискуновъ № 27 и мн. др. Изъ псковскихъ памятниковъ XIV в. я привелъ случаи, гдѣ буква а стоитъ вмѣсто о въ главѣ 17. Изъ западнорусскихъ рукописей можно привести примѣры съ XV в.: полоцкій договоръ съ Ригою 1478 г.: з абою сторонъ стать, па весиѣ, пасле, да Ильина дня Р. Л. А. № 265, Западнорусск. Четья Минея 1489: карамольное, моланьи, багата, акании, вчарашнии, ласкаво, даже васло (Р. Ф. В. 1889 № 1), Арист. врата XVI в.: здаровьи, даловъ, крававыя, старане, дабыти, галавы, амочивъ, никакова, тамашнїи, жана, полтрятья, крвчата, на тоща ср҇це и др. (Карскій Р. Ф. В. 1892 № 4), Тяп. ев. XVI в.: маланьи, прї нагах (Карскій ib. 183), Гр. акт. кн. XVI в. паруку, парутники, сенажати, Авруцкого (Карскій, 1890 г. № 4) и т. д.

Примѣры изъ современныхъ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ явленій аканья будутъ приведены въ слѣдующихъ главахъ.

Сѣверные говоры восточнорусскаго нарѣчія не измѣняли *о* скл. въ *а* въ *а*, какъ южные и западные, равнымъ образомъ въ нихъ не было совпаденія звуковъ ȯ откр. и ȧ въ одномъ звукѣ ȯ откр. или ȧ. Большинство этихъ говоровъ въ скоромъ времени пережили нѣкото-

рыя общія явленія, состоявшія въ переходѣ *о* скл. къ *а* (въ слогѣ передъ удареніемъ) въ *о*, по большей части закрытое: эти явленія мы называемъ оканіемъ, а сѣвернорусскіе говоры окающими. Впрочемъ еще долго держались, держатся частью и теперь, въ области сѣверновеликор. нарѣчія говоры неокающіе, т. е. сохранявшіе въ слогѣ передъ удареніемъ *о* скл. къ *а*; таковы напр. говоры Петрозав. у. олон. г.: ниже при описаніи отдѣльныхъ сѣвернорусскихъ говоровъ я подробнѣе остановлюсь на представляемыхъ ими звукахъ *о* скл. къ *а*. Совпаденіе въ нѣкоторыхъ окающихъ говорахъ ȯ откр. и ȧ въ ȧ, равно какъ измѣненіе въ другихъ такихъ говорахъ ȧ въ ȯ, принадлежатъ къ діалектическимъ явленіямъ и будутъ потому разсмотрѣны въ слѣд. главахъ.

Однимъ изъ указаній на то, что сѣвернорусское *о* въ слогѣ передъ удареніемъ было нѣкогда склоннымъ къ *а*, я считаю возможность появленія въ окающихъ говорахъ такихъ формъ какъ плóтишь, посóдитъ (рыб. у.), вóленъ, вóлятъ вм. валенъ, валятъ, плóчено (олон. губ. Сарозеро, также Рыб. III, 201); южновеликор. и бѣлор. вóритъ, плóтить, падóритъ легко объясняются при варúть, платúть, падарúть вліяніемъ формъ какъ хóдитъ, носитъ, косить при хадúть, насúть, касúть; подобныя же сѣвернорусскія формы указываютъ на близость къ *а* или на склонность къ *а* звука *о* въ формахъ какъ ходúть, носúть, вóдить и т. д.

Съ переходомъ *о* скл. къ *а* въ *о* въ сѣвернор. говорахъ слѣдуетъ сопоставить прежде всего нерѣдко встрѣчающійся въ слогѣ передъ удареніемъ переходъ въ *о* звука *а*; сюда относится не только *о* вм. *а* въ словахъ заимствованныхъ изъ акающихъ говоровъ (какъ локей муром., локій олон., корета молож. олон., кортина молож., въ календорѣ олон., торелка каргоп. онеж. молож., ломпадка валд. молож.), но также *о* спорадически являющееся вм. *а* въ своихъ русскихъ словахъ: колики вельс., боготырь (при богатырь) олон., зоборъ (денегъ), зобота олон., долёко, трова олон., тровиночка олон. (Зап. Г. О. III,

625), довнёхонько бѣлозер., не зомай олон. (ср. прозвище незомаевъ 1687 Акал. I 352, а также пенз. не зомь Обзор Колосова 65). Въ нѣкоторыхъ говорахъ *о* вм. *а* еще распространеннѣе: въ Лексѣ Петрозав. у., населенной переселенцами изъ Псковской губ., я слышалъ: хвотать, захвотить, кросиво, мохать, колужина, довно, молина, похать, волить и т. д. Такимъ образомъ въ окающихъ говорахъ мы находимъ: въ удар. слогѣ *о* откр. и *а*, при чемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ β *а* въ положеніи между мягкими согласными замѣняется звукомъ *е* закр.; *е* открытое передъ твердыми согласными и въ конечномъ открытомъ слогѣ; *е* закрытое передъ мягкими согласными, а въ соотвѣтствіи древнему *ѣ* діалектически также въ открытомъ конечномъ слогѣ и передъ твердой согласной; въ слогѣ передъ удареніемъ: *а* и *о* въ большинствѣ говоровъ закрытое, при чемъ въ говорахъ β вм. *о*, *а* послѣ мягкихъ согласныхъ является *е* закрытое; такое же *е* закрытое соотвѣтствуетъ древнему *е* передъ мягкой согласной и древнему *ѣ* передъ твердой и мягкой согласными. Въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ находимъ ȧ и ȯ откр., при чемъ въ говорахъ β вмѣсто нихъ въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ ė закр.; ė закр. въ соотвѣтствіи первонач. *е* встрѣчается въ говорахъ α только передъ мягкими согласными, а въ соотвѣтствіи первонач. *ѣ* также передъ твердыми согласными и въ конечномъ открытомъ слогѣ.

Глава 22-ая.

Объ измѣненіи звуковъ а—е—о въ акающихъ говорахъ.

Всѣ южновеликорусскіе и бѣлорусскіе говоры акаютъ, т. е. произносятъ *о* въ слогѣ передъ удареніемъ, а мѣстами и въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ какъ *а*: это ясно указываетъ на тѣсную связь племенъ бѣлорусскихъ съ племенами примкнувшими къ Москвѣ съ юга и запада, и вмѣстѣ съ другими явленіями служитъ доказательствомъ того, что современному дѣленію восточнорусскихъ говоровъ на бѣлорусскіе и великорусскіе, дѣленію сравнительно новому и явившемуся не ранѣе собранія русскихъ земель вокругъ Москвы и Вильны, предшествовало другое дѣленіе ихъ на сѣверные, которые не акали, и на несѣверные (южные и западные), которые стали акать. Послѣдніе говоры въ періодъ отъ распаденія восточнорусской семьи до современной группировки восточнорусскихъ говоровъ успѣли пережить много фонетическихъ явленій, и я остановлюсь здѣсь на тѣхъ измѣненіяхъ звуковъ *а*—*о*—*е*, которыя принадлежатъ именно этому періоду.

Укажу сначала на то, что нѣкоторыя изъ діалектическихъ различій акающихъ говоровъ должно отнести къ эпохѣ предшествовавшей началу аканья, и при томъ одни къ тому времени, когда въ общей восточнорусской семьѣ не были еще разграничены сѣверные говоры отъ несѣверныхъ, другіе ко времени болѣе позднему, когда несѣверные говоры, хотя еще не измѣнили неударяемыхъ *о*, *е* въ *а*, но переживали такія фонетическія явленія,

которыя были неизвѣстны говорамъ сѣвернымъ. Выше я указывалъ уже на тѣ и другія явленія, но здѣсь я разсмотрю ихъ еще разъ.

Ко времени общей жизни сѣверныхъ и несѣверныхъ говоровъ относится переходъ въ той группѣ говоровъ, которую я обозначилъ группою β, звуковъ *о* скл. къ *а*, *а*, *е* скл. къ *а*, ѣ въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ во всѣхъ неударяемыхъ слогахъ въ *е* закрытое (ȯ и ȧ переходили въ *е* закр.). Группа говоровъ β, очевидно, жила обособленною жизнью отъ прочихъ говоровъ, которые обозначаю буквою α, но въ періодъ распаденія восточнорусской семьи на сѣверную и несѣверную половины, часть говоровъ β потянула къ сѣверной, а другая къ несѣверной половинѣ этой семьи. Такимъ образомъ въ акающихъ говорахъ мы можемъ найти древніе говоры β и древніе говоры α: смѣшаться они не могли, ибо закрытое *е*, которое въ говорахъ β соотвѣтствовало ряду гласныхъ *а—е—о* въ говорахъ α послѣ мягкихъ согласныхъ, не переходило въ *а*. Въ измѣненіе сказаннаго выше въ предшествующихъ главахъ, замѣчу, что къ говорамъ β изъ всѣхъ акающихъ говоровъ можетъ быть отнесено только московское нарѣчіе. Такимъ образомъ московское произношеніе сходится съ произношеніемъ другихъ акающихъ говоровъ только по отношенію къ *а—о* за твердыми согласными, напр. вада, нашу, адинъ, москов. го́лȯс, пивȯ, стȯрана́, сто́рȯну (ȯ обозначаетъ открытое ȯ) и діалек. южновеликор. го́лȯс, стȯрана́, сто́рȯну. Въ положеніи же за мягкими согласными находимъ съ одной стороны московск. село́, веду́, река́, светой, чѐлавѣкъ, о́зѐро, бе́рѐгъ, несите̇, съ другой діалект. южновеликор. сяло́, вяду́, ряка́, святой, чалавѣкъ, о́зяро, бе́рягъ, неситя. Звукъ ȯ откр. послѣ мягкихъ согласныхъ является въ москов. нарѣчіи только въ грамматическихъ окончаніяхъ: москов. pol'ȯ, vol'ȯ, ср. южновеликор. діалек. pol'ȧ, vol'ȧ.

Ко времени обособившейся жизни нѣкоторыхъ несѣверныхъ говоровъ, но при томъ предшествовавшему

явленіямъ аканія, относится діалектическое измѣненіе звука *ѣ* въ неударяемыхъ и непредшествовавшихъ ударенію слогахъ въ а̀ (*я*). Большинство несѣверныхъ говоровъ измѣнило *ѣ* въ такомъ положеніи, также какъ говоры сѣверные, въ е̇; но одна изъ группъ несѣверныхъ говоровъ представляетъ вм. е̇ — а̀ въ открытомъ слогѣ и передъ твердыми согласными, которое, конечно, непосредственно изъ *е* открытаго (а это изъ ȷeᵉ). Среди современныхъ акающихъ говоровъ ясно различаются говоры, входившіе въ составъ этой группы, но различаются только по отношенію къ первонач. *ѣ* въ конечномъ открытомъ слогѣ, ибо въ серединѣ словъ е̇ изъ *ѣ* совпало въ своей судьбѣ съ е̇ изъ первонач. *е* (о причинахъ скажемъ ниже). Къ говорамъ измѣнившимъ конечное открытое *ѣ* въ е̇, кромѣ московскаго, стоящаго совершенно особнякомъ, относятся напр. рязанскій (въ доми, въ убори, у навѣсти), тульскій (при дѣли, на мѣсти Сборникъ Смирнова), тамбовскій (въ навози, въ живи Аф. I), орловскій (въ золыти, въ мѣри, во гради Собр. Якушкина) и друг.; также большинство бѣлорусскихъ говоровъ представляетъ такое же *і*. Къ говорамъ измѣнившимъ конечное открытое *ѣ* въ *я* изъ южновеликорусскихъ относятся напр. курскіе (щигр., судж., обоян.), воронежскобобровскій (въ домя, в астрога, в трахтиря Ворон. сб. 1886 г. ч. 1), повидимому кадниковскій тамбов. (вмѣстя Афан. III, 494), вѣроятно и еще нѣкоторые другіе; изъ бѣлорусскихъ нѣкоторые могилевскіе (ср. двѣстя Ром. I, 31), виленскіе (напр. трокскіе ў лѣся, на нéбя Карскій Р. Ф. В. 1889 № 2) относятся къ этой же группѣ акающихъ говоровъ. Слѣдуетъ замѣтить, что являющееся при такомъ *я* окончаніе *і* напр. въ курск. щигр. (при у домя, у кабыля, па кабыля Сборн. Смирнова, па дарошки, на горки, в кормани) заимствовано изъ формъ на первонач. *і*: воли, доли р. дат. мѣс. ед. вызывало дарошки, горки въ тѣхъ же падежахъ, при чемъ *і* было получено фонетически вм. *ы* въ род. ед.; трок. ў кресли можетъ заимствовать *і* изъ формъ какъ ў поли (тамъ же).

Обращаюсь къ разсмотрѣнію фонетическихъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ акающихъ говорахъ южновел. и бѣлорусскихъ; большинство ихъ относится къ говорамъ *а* и среди послѣднихъ создало важныя діалектическія различія.

О совпаденіи звуковъ ò и à въ отдѣльныхъ акающихъ говорахъ. Звукъ à былъ полученъ общевосточнор. языкомъ изъ *а* въ слогахъ неударяемыхъ и ударенію не предшествующихъ, звукъ ò изъ *о* въ такомъ же положеніи. Общимъ началомъ, вызывавшимъ въ акающихъ говорахъ много измѣненій, было стремленіе замѣнять въ неудар. слогахъ различные оттѣнки звука однимъ оттѣнкомъ, различные между собою близкіе звуки однимъ звукомъ. Вслѣдствіе этого звуки ò и à въ отдѣльныхъ говорахъ совпадали между собою въ одномъ звукѣ ò или à. Если не ошибаюсь, только въ московскомъ нарѣчіи всякіе ò и à послѣ согласныхъ совпали въ ò (открытомъ): сѣнò, пѣнò (вм. пѣнà), стòрана́, стòриву́ (вм. стàриву́), роl'ò, vоl'ò (вм. vоl'à) и т. д.; ò и à въ началѣ слова переходятъ въ à: àчути́лсе, àфана́сій. Въ говорахъ *а* видимъ такіе, которые замѣнили à и ò въ серединѣ слова передъ согласной звукомъ ò, въ конечномъ же открытомъ слогѣ звукомъ à, въ началѣ слова также звукомъ à, и такіе, которые при всякомъ положеніи ò и à въ словѣ имѣютъ вм. нихъ à. Къ первымъ говорамъ отношу всѣ тѣ, которые измѣняютъ первонач. *о*, *а* неудар. въ *ы*, таковы тамбовскіе и рядъ бѣлорусскихъ говоровъ витеб., вилен., могил. (быхов., оршан. у.) губ., сохраняя впрочемъ звукъ *а* (перв. *о* и *а*) въ конечномъ открытомъ слогѣ: *ы* я вывожу изъ ò; сюда же относится рядъ бѣлорусскихъ говоровъ, неизмѣнившихъ звуковъ *о*, *а* въ *ы*: таковъ напр. гомельскій говоръ могилевской губерніи; что ò, à звучитъ здѣсь какъ ò, вывожу изъ нерѣдкихъ случаевъ въ записи пѣсней гомел. уѣзда какъ те́ромъ Ром. I, 36, 53, по те́рому 36, у тероми 53, 36, попе́родъ 60, невѣронъ 36, Государо-

вы 184, дорожочка 60, мужомъ 7, 8, пьяницомъ 8, ножочки 99, по гороньцы 18, воронька 2 и т. д. Ко вторымъ говорамъ, представляющимъ вм. ô и á звукъ á, отношу съ одной стороны всѣ тѣ, которые измѣнили *а* въ *і* послѣ мягкихъ согласныхъ, не допуская перехода *а*, *о* въ ы (таковы нѣкоторые витебскіе, а изъ южновеликорус. курскій обоян. судж., орловскіе), съ другой и рядъ другихъ говоровъ: рязанскій (кромѣ касимов. и т. п.), курскіе щигр., ворон. бобров., тульскіе, бѣлор. вилен. трокск., минск. новогруд. и др.

О замѣнѣ звука ê звукомъ á, общей для всѣхъ говоровъ *а*. Выше, въ главѣ 21, я указалъ, что общимъ для говоровъ *а* явленіемъ было вытѣсненіе звука *е* закрытаго звукомъ *а* въ слогѣ передъ удареніемъ. Вытѣсненіе это было слѣдствіемъ только что указаннаго стремленія замѣнять различные звуки и звуковые оттѣнки въ слогахъ неударяемыхъ однимъ какимъ либо звукомъ: чередованіе *е* закр. передъ мягкой согласной и *а* передъ твердой въ цѣломъ рядѣ словъ имѣло слѣдствіемъ полное вытѣсненіе звука *е* закр. передъ удареніемъ звукомъ *а*. Посему различныя діалектическія произношенія нижеслѣдующихъ словъ сводятся къ слѣдующему основному ихъ произношенію: няси, вяди, лятѣть, зялёный, зялѣзо, чарнéцъ, кочаргá, тялёнокъ, нявѣста, дявица, вяликій и т. д. Встрѣчающіеся въ современныхъ акающихъ говорахъ, не знающихъ фонетическаго перехода *я* въ *і* (о которомъ см. ниже), случаи какъ сиребриная, патиряла, зилёному, пасирёдочки, рибáта, звинѣла, чирвоный представляются мнѣ частью заимствованіями изъ другихъ говоровъ, гдѣ *я* измѣнилось въ *і*, частью же звукъ *і* въ нихъ замѣняетъ *я* подъ вліяніемъ *і* въ родственныхъ словахъ, какъ зилёный подъ вліяніемъ зиланá, сиребриная подъ вліяніемъ сирябро, посирёдачки — сирядина и т. д. Говоры, въ которыхъ *ж*, *ш* отвердѣли, повидимому, не измѣняли *же*, *ше* въ *жа*, *ша*, ср. *жы* напр. въ щигр. ажырéльцы.

Звукъ ѐ уступилъ мѣсто звуку а̀ при условіяхъ сходныхъ съ тѣми, которыми сопровождалось измѣненіе е закрытаго въ *а*. А именно тамъ, гдѣ ѐ чередовалось съ а̀ въ формахъ слова, подобно тому тому какъ чередовалось съ *а е* закрытое, оно еще въ общую эпоху жизни акающихъ говоровъ *а* уступило мѣсто звуку а̀, вслѣдствіе чего въ такомъ положеніи всякое вообще ѐ (слѣдовательно и не бывшее въ чередованіи съ а̀) замѣнялось звукомъ а̀. Такое чередованіе ѐ и а̀ могло имѣть мѣсто только передъ различными грамматическими окончаніями, слѣдовательно только въ предпослѣднемъ слогѣ слова: ср. ӧзяро при ӧзѐрѣ, вѐчара при вечѐрѣ и др. Въ силу этого я допускаю, что общимъ для всѣхъ говоровъ *а* является вытѣсненіе звука ѐ звукомъ а̀ въ предпослѣднемъ слогѣ слова, и различныя діалектическія произношенія нижеслѣдующихъ словъ сводятся къ слѣдующему основному для нихъ произношенію: выв́ди (совр. ряз.), на погрябѐ (совр. ряз., ў пограби сѣнн. могил.) и на погрябя (кур. щигр.), девяря (тров. дзевяря, гом. девяри Ром. I, 18), матяри (новогр. мацяры), дочари (гом.), по̀ зями (кур. щигр.), вин. ед. дальняю (гомел.), тв. ед. падваротняю (кур. щигр.) и т. д.

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ предпослѣднемъ слогѣ слова, отдѣленномъ отъ послѣдняго группою согласныхъ, не имѣло мѣста вытѣсненіе звука ѐ звукомъ а̀, или вѣрнѣе такое вытѣсненіе было лишь спорадическимъ или діалектическимъ явленіемъ. Весьма понятно, почему вытѣсненіе ѐ, начавшееся въ случаяхъ какъ озяри, вызяси и распространившееся на случаи какъ девяря, матяри могло задерживаться слѣдующею за ѐ группою согласныхъ: ѐ стояло не въ открытомъ, а закрытомъ слогѣ. Поэтому произношеніе рѣчанька, тоняньклй, сло̀вячко, пѣсяньки, душанька и т. д. я считаю лишь діалектическими (см. ниже).

Въ окончаніи 2 л. мн. ч. наст. вр. на -ѐтя ѐ также не измѣнялось на *я* подъ вліяніемъ ѐ въ 3 л. ед. съ одной стороны, вліянія глаголовъ на -*и* съ другой: будѐте

и даже будите подъ вліяніемъ будеть и ходите, ср. обратно ёнъ ходя подъ вліяніемъ будя.

Кромѣ положенія въ предпослѣднемъ слогѣ слова ѐ измѣнялось въ а̀ въ конечномъ закрытомъ слогѣ передъ твердой согласной. Здѣсь надо различать двѣ группы говоровъ: въ первой ѐ было получено передъ твердой согласной и соотвѣтствовало первонач. ѣ, во второй ѐ могло явиться только передъ отвердѣвшею согласною, что имѣло мѣсто и въ первой группѣ. Эти ѐ изъ ѣ передъ твердой согласной, также какъ передъ отвердѣвшей согласной, измѣнились въ а̀, въ силу того, что языкъ передъ конечной твердой согласной имѣлъ вообще только а̀ послѣ мягкихъ согласныхъ, а не ѐ (вечаръ, деньгъ, веселъ, ѣдямъ, тéрямъ, вывялъ изъ вечоръ и т. д.). Такъ явились въ говорахъ первой группы: видялъ, обидялъ (совр. ряз.), вылязъ въ соотвѣтствіи еще ранѣе получившимъ я въ такихъ словахъ говорамъ второй группы; также явились въ говорахъ первой и второй группы: братяцъ, палецъ, карминяцъ, восямъ (совр. ряз.), пастаялацъ (кур. [illegible]).

Изъ предыдущаго ясно, что звукъ ѐ въ древнѣйшихъ акающихъ говорахъ группы α могъ сохраняться только въ слогахъ передъ удареніемъ, послѣ же ударенія лишь передъ конечной мягкой согласной, а также въ третьемъ отъ конца слогѣ (послѣдніе случаи весьма рѣдки: нá вѐсялѣ).

О діалектическомъ вытѣсненіи звука ѐ звукомъ а̀. Въ нѣкоторыхъ говорахъ область звука а̀ не расширилась надъ областью звука ѐ: такъ въ рязанскомъ видимъ, что ѐ сохраняется въ слогѣ передъ удареніемъ (переходя при этомъ въ і: дисяти, пирявозъ) и въ конечномъ слогѣ словъ передъ мягкой согласной (парень, камень, любитель). Но въ другихъ ѐ и въ такомъ положеніи измѣнялось въ а̀; при этомъ дѣйствовало тоже начало, въ силу котораго имѣло мѣсто указанное выше общее для говоровъ α вытѣсненіе звука ѐ звукомъ а̀;

чередованіе дочѐрь съ дочàри, девѐрь съ дѐвяря и т. п. въ результатѣ повліяло на совершенное вытѣсненіе въ нѣкоторыхъ акающихъ говорахъ звука ѐ въ неудар. слогѣ передъ мягкой согласной и гласной ј. Такъ явились кур. щигр. парянь, деварь, любитяль, выпяй, трѐтяй, гомел. могил. вишапь, черепапь, парань, дочаръ, перстяпь, вывядь, вочань, сѣнн. корань, погибяль, трокск. дзевяр, грошай, персцянь и т. д. Равнымъ образомъ видимъ, что во многихъ говорахъ ȧ вытѣсняетъ ѐ передъ удареніемъ: я думаю, что здѣсь сказалось вліяніе чередованія звука ѐ съ *а* (не ȧ) передъ удареніемъ, имѣвшее мѣсто въ словахъ какъ стѐрягу при старѐгъ, дѐсяти при дясятый, вѐсяла при васёлый. Звукъ *я* заимствовался изъ формъ стярёгъ и т. д. и вызывалъ стярягу́, дясяти́, вясяла́; но общаго закона о вытѣсненіи ѐ передъ удареніемъ звукомъ ȧ ни въ одномъ говорѣ не было. Напротивъ распространенію ȧ насчетъ ѐ въ начальномъ слогѣ слова мѣшалъ законъ, имѣвшій мѣсто въ нѣкоторыхъ акающихъ говорахъ группы *а*, по которому ȧ за начальной мягкой согласной измѣнялось въ ѐ (см. ниже). Такимъ образомъ слѣдуетъ отличать: говоры не представляющіе измѣненія ѐ въ ȧ въ слогѣ передъ удареніемъ, также какъ въ слогѣ послѣ ударенія передъ конечной мягкой согласной — напр. рязанскій; говоры представляющіе ȧ вм. ѐ въ слогѣ за удареніемъ передъ конечной мягкой согласной, но не имѣющіе ȧ вм. ѐ въ слогахъ передъ удареніемъ въ силу только что указаннаго закона — сюда относятся напр. гомел., сѣнн. говоры могилевской губерніи; наконецъ говоры, замѣняющіе ѐ черезъ ȧ какъ передъ конечной мягкой согласной, такъ и въ слогахъ передъ удареніемъ; таковъ напр. кур. щигров. говоръ, гдѣ мы находимъ раштóмъ, жанихóвъ и многіе бѣлорусскіе говоры, напр. трок. вил. губ.: ня мила́, вяляно́, вялянѐньки, развясялѝци, леп. витеб. васелицися, вачеро́мъ, сярабра́ныя, ў царемѣ, сярадзинка, самярыхъ, чаравички, пярсценёчку, на бяражо́чку и т. д., витеб. у. вялянó, жярабокъ, сярадзи двора, вяратенцы, дисней. вил.

у цараму, царамоў, быхов. могил. чацвергá и мн. друг. Слѣдуетъ замѣтить, что въ тѣхъ же говорахъ еще больше случаевъ, гдѣ ė въ указанномъ положеніи сохраняется безъ измѣненія, и это доказываетъ, что замѣна ė звукомъ ȧ въ слогахъ передъ удареніемъ не пріобрѣла значенія общаго фонетическаго явленія, ср. кур. щигр. чирнацý, четвяртáкъ, грибяшки́, зилянá (въ щигр. нѣтъ позднѣйшаго измѣненія ȧ послѣ мягкихъ согласныхъ въ ı̇), трок. биражочкам, нирапё́лкаў, вирацéнкам, чирванцы́ и др. (въ трок. также нѣтъ ı̇ вм. ȧ). Въ приставкѣ пėрė (являвшейся безразлично какъ передъ мягкими, такъ и передъ твердыми согласными) могутъ замѣняться оба ė звуками ȧ, ср. могил. пярасадзи́ў (въ Календарѣ Запол. 1889 с. 129), но чаще замѣняется только второе ė подъ вліяніемъ существовавшихъ и продолжавшихъ свое существованіе случаевъ какъ пėрявозъ, пėрянёсъ: ср. трок. пиранясý, пирасвищý.

Звукъ ė въ слогѣ послѣ ударенія сохранялся, какъ мы видѣли, въ предпослѣднемъ слогѣ, если за нимъ слѣдовала группа согласныхъ. Но въ большинствѣ говоровъ это ė замѣняется въ спорадическихъ случаяхъ черезъ ȧ. Такъ въ рязан. и ему подобныхъ говорахъ вліяніе случаевъ какъ мáтари, сéлязень и т. п., гдѣ *я* замѣнило ė, ср. ė въ матёрь, вызвало рѣчанька, копеячка, но случаи какъ рѣчинька, малинькая гораздо чаще; въ говорахъ, измѣнившихъ ė въ конечномъ неудар. слогѣ передъ мягкой согласной въ ȧ, находимъ также ȧ вм. ė въ указанномъ положеніи: трокск. мамунянька (при мамунинька), ручаньки, харашусяньки, особенно часто въ гомел. и сѣнн.: воротячки, чаравичанькахъ, тонянькой, ручаньку, мáлянька, гораньку, сивянькій, сторублевянькій (случаи какъ казачинька Ром. I, 247 совершенно единичны). Но напр. въ кур. щигр. случай какъ акошачки, при пташичка, белинькимъ, подружиньки, песинки, горинку, высивки — случай единичный.

О нефонетическомъ чередованіи звуковъ ė и ȧ въ конечныхъ открытыхъ слогахъ. Я ука-

залъ выше на измѣненіе звука ѐ въ а̀, сначала измѣненіе общее для всѣхъ акающихъ говоровъ группы *а* (въ положеніи передъ конечнымъ слогомъ въ слогѣ за удареніемъ), потомъ на такое же діалектическое измѣненіе (при указанныхъ выше условіяхъ). Замѣны конечнаго ѐ закр. звукомъ а̀ мы не видѣли и допустить не можемъ. Поэтому остаюсь при предложенномъ выше въ началѣ этой главы объясненіи діалектическаго *я* изъ конечнаго открытаго *ѣ* вм. ѐ другихъ говоровъ: кур. щигр. домя при ряз. доми и т. д. Что звукъ *я* въ щигр. домя нельзя сопоставлять съ *я* въ парянь (ср. ряз. доми но парѐнь, паринь) видно изъ того, что многіе говоры, рѣшительно замѣнившіе ѐ послѣ ударенія передъ конечной мягкой согласной звукомъ а̀, тѣмъ не менѣе имѣютъ ѐ (отбуда *і*) вмѣсто *ѣ* въ конечномъ открытомъ слогѣ: такъ въ гомел. говорѣ при парань, перстань и т. д. видимъ ў Кіеви, на горо́ди, ў доми. Но для рѣшительнаго утвержденія того, что въ акающихъ говорахъ, не измѣнившихъ *я* въ *і*, нѣтъ измѣненія или замѣны конечнаго ѐ черезъ а̀, я укажу на нѣсколько случаевъ кажущейся подобной замѣны. Встрѣчающееся въ нихъ больши (гом.), дальши, больши (тул.) нельзя выводить фонетически изъ больша (кур. щигр. Сборникъ Смирнова), мякча (щигр.), которыя въ свою очередь изъ общерус. больше, мякче: я думаю, что окончаніе *і* вм. *а* явилось подъ вліяніемъ окончанія *-ьй*; тоже окончаніе могло вызвать и другое измѣненіе окончанія *а* въ указанныхъ и подобныхъ указаннымъ формамъ срав. степени, а именно вм. *а* являлось *-ай*, ср. гомел. болай (вм. боля кур. об., пабо́ля кур. судж.), хужай (вм. хужа лепел.), вышай (также ряз. Будде 139 вм. выша кур. об.), крашай (тоже ряз. Будде 177), горшай; сѣвн. лучьчай Ром. I, 38 (при лучьчи тамъ же 38, 11) и т. д. Тул., гом., сѣвн., кур. об. чатыри при чатыря тамб. кад., ряз. слѣдуетъ объяснять вліяніемъ слова три (ср. склоненіе обоихъ числительныхъ). Въ тольки троб., гомел. при толькя щигр., тамб. кад. вижу два слова: тольки вм. древняго

тольки, толики, тольки вм. только, толико, ср. арханг. скольки, стольки. Обратное объясненіе ѐ (і) въ ряз., тул., бѣлор. доми изъ я также неправдоподобно, ибо въ указанныхъ южнов. говорахъ, а также многихъ бѣлорусскихъ, конечное я сохраняется безъ измѣненія и не можетъ фонетически измѣниться въ і: ср. при лен. ў лѣси, ў возп, на явори — дайця, жиция, зват. ед. Божа, им. мн. панови, сватови (Шейнъ № 578), умѣя, хоча, хужа и т. д.

О діалектичоскомъ измѣненіи звука а̀ (ȯ) послѣ начальной мягкой согласной въ ѐ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ группы α мягкія согласныя оказывали на слѣдующія за ними а̀ (или ȯ) тоже вліяніе, что въ говорахъ β; а именно, ассимилируя ихъ себѣ, измѣняли ихъ въ ѐ закрытое, но тогда какъ въ говорахъ β такая способность являлась въ мягкихъ согласныхъ при всякомъ положеніи въ словѣ, въ говорахъ α ее получили мягкія согласныя только въ началѣ слова, гдѣ, очевидно, онѣ произносились съ большею энергіею, чѣмъ въ положеніи за другими слогами. Указанное явленіе позволяетъ раздѣлить акающіе говоры α на такіе, которые сохраняютъ а̀ въ такомъ положеніи безъ измѣненія, и на такіе, которые измѣняютъ его въ ѐ. Къ первымъ принадлежатъ напр. курскіе щигр. говоры, гдѣ имѣемъ: чатырьмá, часавáя, пакавáя, тасавá, тул. чалавѣкъ, касим. цалаэкъ (Даль LXII), бѣлор. лен. чаботками, чатырёмъ, мадуницы и т. д. Ко вторымъ относятся рязанскій, гдѣ говорятъ чилавѣкъ, тижало и чижало, рѐдавóй, чѐсавой, тисавýю и др., также многіе гомельскіе и сѣнненскіе говоры, гдѣ видимъ: чежала, чежалѣй (Ром. I, 129, 82), иковá, ировóго, цисовáя, грибушкомъ и др. Вслѣдствіе указаннаго закона ѐ въ начальномъ слогѣ не можетъ измѣниться въ а̀ въ говорахъ второй группы: поэтому имѣемъ въ ряз. съ переходомъ ѐ въ і пирявозъ, дисяти, чирянокъ, жырябецъ, вичаркомъ, висяло́, бирягй (Будде 11), также въ гомельскомъ, гдѣ ѐ въ слогѣ за ударе-

ніемъ, какъ мы видѣли, измѣняется въ а̀, въ начальномъ слогѣ ѐ сохраняется (и мож. быть переходитъ въ і): зеляна́я, веретенцо, стерагу, берагла, черавичкахъ, тераму, въ сѣнн. верябе́й, пеляну́, зеляна́ и т. д. Относительно гомельскаго и сѣнненскаго говоровъ слѣдуетъ замѣтить, что въ существованіи въ нихъ формъ какъ чалавѣка, часавые, щабятуха, часнакомъ, шалудива и чежала́ (изъ тежала), грибушкомъ, икова нѣтъ противорѣчія: звуки *ч*, *щ*, *ж*, *ш* отзердѣли въ нихъ ранѣе дѣйствія разбираемаго закона о переходѣ а̀ въ ѐ подъ вліяніемъ предшествующей мягкой согласной. Относительно говоровъ первой категоріи надо допустить, что чередованіе въ нихъ произношеній чирнеца́ и чарнеца́, висяло́ и вясяло́ и т. п. могло вызывать случаи какъ чилавѣкъ при и вмѣсто чалавѣкъ: но і въ кур. щигр. чилаве́к я по происхожденію ни въ коемъ случаѣ не могу отождествить съ ряз. і въ этомъ словѣ.

Объ измѣненіи звуковъ *е* и ѐ закрытыхъ въ говорахъ β. Мы видѣли, что эти звуки были получены вмѣсто перв. звуковъ *е*, *а*, *о* послѣ мягкихъ согласныхъ во всякомъ положеніи въ словѣ въ говорахъ группы β: поэтому въ слогѣ передъ удареніемъ *е* закр. безразлично являлось какъ передъ твердой, такъ и передъ мягкой согласной, между тѣмъ какъ подъ удареніемъ закрытое *е* было извѣстно только передъ мягкою согласною. Я думаю, что это обстоятельство имѣло слѣдствіемъ измѣненіе *е* закрытаго передъ твердыми согласными въ болѣе открытый звукъ. Это объяснило бы разницу въ произношеніи звуковъ *е* въ совр. москов. село и селѣ, сестра́ и сестрѣ, несу́ и неси́ и т. д.: древней и первоначальной я считать эту разницу не могу, и пользуясь нѣкоторыми указаніями, я не могу допустить, чтобы она наблюдалась въ московскомъ нарѣчіи повсемѣстно. Мнѣ представляется, что Брандтъ (Лекціи по ис. гр. р. яз. с. 37) вѣрно передаетъ, если не господствующее произношеніе въ московскомъ нарѣчіи, то во всякомъ

случаѣ діалектическое произношеніе, имѣющее мѣсто въ томъ же нарѣчіи, когда говорятъ, что въ словахъ наплету, пѣтухъ, развелась, вѣнца слышатся тѣже звуки въ предпослѣднихъ слогахъ что въ словахъ на плиту́, питухъ, развило́сь, винца́, въ тѣхъ же слогахъ. Во всякомъ случаѣ, есть несомнѣнные случаи, гдѣ московск. *е* закр. произносится какъ *і*: вилки, мизинец, гринки́, чирвяк и т. д. Что до ѐ закрытаго, то переходъ его въ ѐ открытое въ моск. нарѣчіи не наблюдается, поэтому мы напр. въ окончаніи 2 л. мн. *те* слышимъ закрытое ѐ. Но чередованіе его съ *і* представляется обычнымъ: дисяти́, сиреди́на (и сприди́на), виселюсь, питидисити и т. д.: м. б. измѣненію въ *і* способствуетъ положеніе ѐ передъ мягкой согласной.

Объ измѣненіи звука ѐ въ *і* въ говорахъ *а*. Переходу въ *і* во всѣхъ говорахъ *а*, если не ошибаюсь, подверглось ѐ въ конечномъ открытомъ слогѣ: ряз. въ доми, для скати́ни, на рабо́ти, тул. на мѣсти и т. д. Кромѣ того, въ большинствѣ говоровъ *а* измѣнился въ *і* звукъ ѐ въ слогахъ передъ удареніемъ, точнѣе послѣ мягкой согласной въ началѣ слова: переходъ этотъ, имѣвшій мѣсто, какъ въ говорахъ измѣнившихъ звуки *а* и *о* въ такомъ положеніи въ ѐ, такъ и въ тѣхъ, которые подобнаго измѣненія не знаютъ, былъ слѣдствіемъ вліянія согласной на слѣдующую гласную, ассимиляціи второй первой. Въ ряз. находимъ дисяти́, пирярубъ, пиляна́, тижало (непоср. изъ тѐжало), чилавѣкъ (непоср. изъ чѐлавѣкъ); въ курск. щигр. пирявошшачик, тираме́, зиляна́, читвярта́к, въ трок. пиранясу́, пирапёлкаў, зилянюсяньки и т. д. Въ новогрудскомъ, также какъ въ сѣнн., гомел. ѐ въ такомъ положеніи сохраняетъ свой звукъ (но а̀ и ѳ, какъ указано выше, ассимилируясь предшествующей согласной, перешли въ ѐ): новогр. перапе́ч, зеляно́, селяни́на, сѣнн. перянёлушка, пеляну́, верябей, перякину (но также грыбушо́къ, грибушко́мъ), гомел. стерагу, зеляная, берагла, перавязи (но также икова́, ирово́го). Въ нѣкото-

рыхъ акающихъ говорахъ, измѣнившихъ ѐ въ ἱ при указанныхъ выше условіяхъ, звукъ ѐ сохранялся поэтому только въ положеніи передъ конечной мягкой согласной (ибо при всякомъ другомъ вм. ѐ являлось я): вотъ почему въ совр. ряз. звукъ ѐ закр. находимъ только въ словахъ какъ будеть, камень, стюдень, перстень, любитель (Будде 23). Нефонетически, и подъ вліяніемъ аналогіи удержавшееся ѐ закр. во 2 л. мн. формъ какъ будѐте, въ ряз. говорѣ также не переходитъ поэтому въ ἱ.

О спорадическомъ въ діалектахъ измѣненіи звуковъ ѐ и ȧ (ȯ) въ ἱ и ъ. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, тѣсно связанныхъ съ вліяніемъ ударенія, звуки ѐ и ȧ (или діалектически ȯ) подвергались окончательной редукціи, и ирраціональный звукъ, явившійся на ихъ мѣстѣ, могъ при благопріятномъ стеченіи согласныхъ выпадать, вообще же, ассимилируясь предшествующимъ согласнымъ, онъ переходилъ въ ἱ послѣ мягкихъ, въ ъ послѣ твердыхъ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ подобная редукція звуковъ ѐ и ȧ (ȯ) была очень распространена и стояла въ зависимости отъ измѣненія характера ударенія въ словѣ: о замѣнившихъ эти звуки ἱ и ъ я скажу дальше, а здѣсь остановлюсь на спорадическомъ измѣненіи ѐ и ȧ (ȯ) въ ἱ и ъ, встрѣчающемся почти во всѣхъ акающихъ говорахъ. Въ нихъ полная редукція гортаннонёбныхъ ѐ и ȧ (ȯ) имѣла мѣсто при двухъ условіяхъ: съ одной стороны ее вызывало положеніе въ слогѣ за удареніемъ отдѣленномъ отъ слѣдующаго слога группою согласныхъ, съ другой положеніе въ словѣ не получившемъ самостоятельнаго ударенія, употребленномъ слѣдовательно энклитически.

Гласныя ѐ и ȧ (ȯ) сокращались въ слогѣ послѣ ударенія, если за ними слѣдовала группа согласныхъ въ силу того, что слѣдующій за этимъ слогъ, отдѣленный отъ ударяемаго неударяемымъ слогомъ и группою согласныхъ, долженъ былъ получить на себя второстепенное, хотя и незначительное удареніе: появленіе такого второстепен-

наго ударенія, положеніе слога слѣдующаго за удареніемъ между двумя ударяемыми слогами (съ главнымъ и второстепеннымъ удареніемъ) — имѣло слѣдствіемъ полное сокращеніе ѐ и ȁ (ȍ) во многихъ акающихъ говорахъ и переходъ ихъ въ гласныя *ї* и *ъі*. Такъ въ москов. говорѣ находимъ *ї* вм. ѐ въ словахъ какъ милинькій, рѣчинька, пѣсинка, дарожынька, каписчка; *ъі* вм. ȍ: рыбынька, свахынька. Въ прочихъ южновеликор. говорахъ, говорахъ группы *a*, *ї*, являющееся въ подобныхъ словахъ, можетъ восходить какъ къ ѐ, такъ и къ замѣнившему его *я*: кур. щигр. падружиньки, белинькимъ, песинку, малодинькова, милиньким, горинку, ряз. скоп. дру̑жынькя, харошынькяй Будде 158, милинькяй 179, 182, акошычки 182, рубашычьки, рагожычькю 183, дарожынькя 186 (рядомъ акошачьки 186, рѣчаньки 159), бѣлор. трок. мамунинька, гом. казачинька, слезыньки Ром. I, 42, леп. (Дубровки): дзѣвынька Шейнъ № 327, починьку 337, пьянюсиньки 188 (рядомъ зилёнянькій 261, ночаньку 337, дзѣванька 598) и т. д.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что вм. *ъі* діалектически могло явиться *у* вѣроятно изъ ȍ, не изъ ȁ: этотъ переходъ ȍ въ *у* передъ слѣдующими нёбными согласными можетъ представляться своего рода диссимиляціею нёбнаго звука *ъі* и слѣд. нёбныхъ согласныхъ. Такъ мы находимъ кур. обоян. дарожуньки, тешщунькя, падружунькамъ, кур. судж. дарожунькю, бѣлор. трок. ойчунька при ойчанька; ржев. Божунька, ташнёшунька, рѣцуньку (Эт. сб. I), сѣнн. рѣчуньки, мамунька, дзѣвунька, кожуньки, ночуньку, сужунька, дорожуньку, лепел. чалядуньки, рѣчуньку, головуньку, корчомуньки, хустучку, перапёлучку, калядуньку, жонучку. Съ другой стороны діалектически имѣла мѣсто ассимиляція иррац. звука, явившагося на мѣстѣ ȁ (ȍ) слѣдующей нёбной согласной, вслѣдствіе которой вм. ожидаемаго *ъі* находимъ ѐ и *ї*: такъ объясняются гомел. у̑ доменьку Ром. I, 68 при до доминьку, головиньку 95, леп. голоу̑енька Шейнъ № 404, го-

лоўеньки 607, ўдовенька 450, зименька 603, дзѣвечку 98, горѣлечка 99, дзѣвенька 338, славиньку 188.

Обращаюсь къ случаямъ появленія і, ы вм. ѐ, ȍ (ȁ) въ словахъ, удареніе коихъ утрачивается въ разговорной рѣчи. Замѣчу при этомъ, что ѐ и ȍ (ȁ) замѣняютъ при этомъ гласныя *е*, *о*, *а* подъ удареніемъ или въ слогѣ передъ удареніемъ. Такъ *е* закр. въ мѣс. мене, тебе, себе правильно переходитъ въ *я* лишь при самостоятельномъ удареніи на конечномъ слогѣ этихъ словъ: ср. бѣлорус. мяне́, цябе, ржев. маня́, цябя. Но въ энклитическомъ употребленіи находимъ мѐне, мѐня, тѐбе, тѐбя и отсюда съ переходомъ ѐ въ і: мине, тибе, сибе ряз. кур. щигр., трок. (цибе и цябе), леп. (у меня Шейнъ 207, м. б. опечатка), витеб. (миня Шейнъ № 413, 547, м. б. опечатки), ржев. (цибя). Въ концѣ этихъ словъ находимъ подъ удареніемъ *е* и *я* (послѣднее перенесено изъ формъ неударяемыхъ), въ энклитическомъ же употребленіи вмѣсто этихъ звуковъ можетъ быть ѐ (ȁ) измѣнившееся въ і: ср. витеб. у Шейна № 408, ни отдавала мени матка, ни отдаваў мени бацька. Формы яна, яни также могутъ употребляться энклитически и они переходятъ при этомъ въ ина, ини: гом. бѣгла ӣна Ром. I, 181, также вм. ана, ани видимъ ына, ыни: рязан. скоп. а вотъ ыни маи ручьеи, вотъ ыни маи бѣлыји Будде 178; вм. яго, яму нерѣдко въ бѣлорусскомъ ӣго, ӣму. Слово јеšćó переходитъ въ јаšćó: ржев. ящто, леп. ящё, безъ ударенія находимъ јѐšćо, откуда ишшо ряз. Будде 172, кур. щигр. Точно также вм. какъ, такъ находимъ черезъ посредство ка̀к, та̀к кыкъ кур. щигр. (кык будта, кык за мной), тыкъ ржев. (тыкъ свататы Эт. сб. I 250), витеб. Шейнъ № 547, дыкъ гомел. Ром. I, 128, сѣнн. I, 8, 39, леп. напр. Шейнъ № 237, 254, витеб. № 421 и т. д. Вмѣсто кагда́ въ энклитич. употребленіи кыда (кыда будя бить кур. щигр.); хоть, хош измѣняется въ ха̀ть, ха̀ш (ср. ряз. ха̀ш Будде 160), отсюда москов. хыть; вм. што, штобы, штобъ ряз. шта̀, шта̀бы, шта̀бъ Будде 185, 169, 161; вмѣсто ли́ба̀ видимъ либы въ малоарх. орл. говорѣ, гдѣ конечное а̀

не измѣняется въ *ы*, вм. ажно сѣнн. ажны Ром. I, 162. Союзъ *да* постоянно звучитъ въ нѣкоторыхъ говорахъ какъ *ды*, черезъ посредство да́: кур. щигр. муш ды жана, уш ды белая заря, гом. ды лятѣло, дый вм. да и, также леп., витеб., орш., сѣнн. и т. д. Слово якъ (какъ) въ бѣлор. говорахъ, не знающихъ вообще перехода ударяемаго *я* въ *и*, звучитъ икъ гомел. Ром. I, 206, 235, 21, 5 и т. д. (напр. икъ у нашаго попа́, или икъ бѣлая овца, икъ сѣрая вутка). Слово вѣдь измѣняется черезъ посредство вѐдь въ видь кур. щигр. (Сборн. Смирнова 182), витеб. (Шейнъ № 67). Слово на́дòть переходитъ въ надыть ряз. Будде 43; значитъ въ зничитъ черезъ посредство зна́читъ: тул. наступилъ онъ, зничить, на пашу крѣпость (Сб. Смирнова с. 177). Точно также подвергаются измѣненію гласныя въ предлогахъ; въ говорахъ не знающихъ вообще перехода а̀ въ *ы* находимъ кур. щигр. пы ла́вачки, кы дварý, вы залёнамъ саду, ворон. бобр. вы Разани, леп. кы дубочку Шейнъ № 418, вы траву 347, зы пана 219, гомел. сы праваго рукава Ром. I, 235, сы походу 185, дли (и даже ли) того, дли тебе 137, сы Полтавы 12. Предлогъ без звучитъ обыкновенно биз, ряз. бизъ румянъ, бисъ тебе, кур. щигр. бис тучи, биз грому, ср. бязъ вѣтру кур. об., бязъ дѣла леп. Шейнъ 595, витеб. бязъ радин, бязь цепи № 422, 554; также видимъ мижъ собою, промижъ собою гомел. Ром. I, 94, 114. Предлоги передъ, черезъ звучатъ вообще какъ пирад, чираз — чаразъ гом. Ром. I, 53 очень рѣдко. Точно также могутъ измѣняться гласныя предлоговъ въ сложенія ихъ съ словами: пы маненькю, по указанію Будде, находимъ и въ тѣхъ ряз. говорахъ, гдѣ о̀ (а̀) не измѣняется въ *ы*; также въ трок. находимъ прыдрамала (вм. продремала), въ гомел. сылетай Ром. I, 10), сыѣзжай 98, леп. пызбиралися Шейнъ № 219.

Звукъ о̀ въ словѣ хоть измѣняется обыкновенно въ *у* въ бѣлор. говорахъ, ср. *у* въ случаяхъ какъ головуньку, ночунька: худь находимъ лепел., витеб.

Начальное а̀ въ словахъ энклитическихъ измѣняется

въ ȯ открытое и отсюда съ одной стороны jȯ—jȧ, съ другой *і*: такъ понимаю я — появленіе *я* вм. *а* въ воронеж. бобр. ни ян чом, ястаюся, ячутилси, орлов. малоарх. ни ять солнца, ни ять вѣтру, ять галовушки, бобр. грод. я пыталися, я потомъ Шейнъ № 147; и появленіе *и* вм. *а* въ ворон. бобров. иба мне, иддадуть, иб акошка, итправилась, пенз., сарат. (акающ.) ит шабро́въ, ит агня́.

Объ общемъ въ нѣкоторыхъ діалектахъ измѣненіи звуковъ ȧ (ȯ) и ė въ *ъ* и *і*. Выше я указалъ, при какихъ условіяхъ имѣетъ мѣсто спорадическое измѣненіе звуковъ ė и ȧ (ȯ) въ *і* и *ъ*, въ большинствѣ акающихъ говоровъ. Во многихъ изъ нихъ разсматриваемое явленіе получило совершенно особенное и широкое распространеніе. Мнѣ представляется вѣроятнымъ раздѣленіе акающихъ говоровъ *a* на двѣ главныя группы: въ первой изъ нихъ характеръ ударенія, полученный изъ языка общевосточнорусскаго, сохранялся безъ измѣненія; во второй ударяемый слогъ сталъ произноситься съ еще бо́льшею экспираторною силою, при чемъ усиленіе его повлекло за собою ослабленіе всѣхъ остальныхъ слоговъ слова. Въ говорахъ этой группы звуки ȧ, ȯ, ė, сокращаясь, переходили въ ирраціональные звуки, выпадавшіе при благопріятномъ стеченіи согласныхъ, а вообще ассимилировавшіеся предшествующимъ согласнымъ и переходившіе въ *ъ* послѣ твердыхъ, въ *і* послѣ мягкихъ согласныхъ; звукъ *а* въ слогѣ передъ удареніемъ переходилъ въ ȧ, откуда такъ же иррац. звукъ, измѣнявшійся въ *ъ* или *і*. Такимъ образомъ съ одной стороны изъ слога передъ удареніемъ изгнанъ звукъ *а*, на мѣстѣ котораго являлось ȧ (съ дальнѣйшими измѣненіями), съ другой исчезають звуки ȧ (ȯ) и ė въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ, измѣняясь въ *ъ* и *і*. Но при этомъ должно замѣтить, что языкъ все таки допускалъ существованіе звуковъ ȧ (и ė) въ неудар. слогахъ, почему при новомъ *і* или *ъ* мы найдемъ болѣе древніе ė (?) и ȧ (послѣднее вмѣсто первонач. ȧ и вмѣсто *а*). Въ со-

ставъ группы говоровъ, подвергшейся указаннымъ измѣненіямъ, вошли говоры различавшіеся между собою многими звуковыми особенностями; такъ между прочимъ въ этой группѣ нашли мѣсто говоры какъ измѣнившіе первоначальныя ȧ и ȯ въ ȯ, такъ и измѣнившіе ȧ и ȯ въ ȧ (см. выше). Мы имѣемъ возможность различать ихъ среди говоровъ подвергшихся разсматриваемымъ измѣненіямъ: говоры представляющіе ȯ вм. ȧ и ȯ могутъ имѣть вм. ȯ (изъ *а*) въ слогѣ передъ удареніемъ и ȯ (изъ ȯ и ȧ) въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ звукъ *ы*, причемъ въ положеніи за мягкими согласными является *і*; между тѣмъ говоры представляющіе ȧ вм. ȧ и ȯ не измѣняютъ ȧ въ *ы*, въ нихъ мы найдемъ измѣненіе ȧ (изъ *а* и ȧ) только послѣ мягкихъ согласныхъ, причемъ *і*, вѣроятно, непосредственно изъ ė. Разсмотрю отдѣльно говоры, представлявшіе вм. ȧ, ȯ — ȯ, отъ говоровъ представлявшихъ вмѣсто ȧ, ȯ — ȧ.

Въ тамб. говорахъ находимъ *ы* вм. ȯ (изъ перв. ȯ, ȧ) и *і* вм. ė и ȯ (также изъ перв. ȯ, ȧ) и изъ *а* послѣ мягкихъ согласныхъ. Ср. въ сказкахъ, записанныхъ Афанасьевымъ, гываря́тъ, вычатко́мъ, пысматрѣть, зылаты́, хырашенька, вычергу, пыстухи, зыхатѣлъ, сыбири, рыздрана́, пыдглада́ли, прымела́, пы арѣхи, вы арѣшпю, ны зимѣ; этыва, этыму, этый—звука *ы* вм. *а* въ слогѣ передъ удареніемъ не видимъ, я вывожу отсюда, что такое *а* измѣнилось не въ ȯ, а въ ȧ. Послѣ мягкихъ согласныхъ находимъ *і* какъ вмѣсто ȯ, такъ и вмѣсто ȧ (послѣднее только въ слогѣ передъ удареніемъ изъ *а*): стирягётъ, па прежниму, зачили, зачилъ, выризала, дениxъ; нивѣста, вилѣла, унисётъ, жирибецъ.

Въ орлов. малоарх. *ы* является также только вм. ȯ, между тѣмъ какъ *і* вм. ė, вм. ȯ и вм. ȧ (изъ *а*) въ слогѣ передъ удареніемъ: вы полонъ, сымаму́, Быгародицы, быгамольныя (им. ед. ж. р.), пыдъизжая; зо́лыти, горыда, яснывa, царскыва, им. ед. пригрозныя, саборныя, тв. ед. ваенныю; *і* вм. ȯ: погрибъ, конивъ, третьива; *і* вм. ȧ

изъ *а*): пиро, жиной, въ погрибахъ, лиса, повила, иму, аллиной, нидѣли, литѣла, сиредняя, иво, читвертую и т. д.

Въ нѣкоторыхъ рязанскихъ говорахъ касимов., спас., михайл., данк. и даже скоп. уѣздовъ находимъ *ы* вм. ȯ, напр. пырянёкъ, дырагой, пылатеньца, мыладца, мыладой, прыглядѣла, лышадяхъ (Будде с. 31, 174, 162), радыватца, *i* вм. ė зилянóва 162, вм. ȯ восьмиро, вечиръ, кучиръ, вм. ȧ (изъ *а*), чиго, нисёть, типеря, у пичѣ, привизéмъ. Мѣстами является *ы* даже вм. ȧ (изъ *а*), при этомъ конечно черезъ посредство ȯ: касим. гыстúла, сысвáталъ Будде 31.

Въ псков. великолуц. (ст. Успенскаго въ Жив. ст.) находимъ *ы* вм. ȧ: дырагая, зылатая, крысаты, пычявалъ, надѣлыла, сокыла, думыла, свёкырь, лѣсымъ, радысть, судырь; *i* вм. ȯ: вымила, крутящива, дититка, дóчирямъ, шилкавая; вм. ȧ (изъ *а*) въ слогѣ передъ удареніемъ не находимъ ни *ы*, ни *i*.

Въ черниг. діалектически (Якушкинъ, Путевыя замѣтки) *ы* вм. ȯ: вынапель, мыладая, гылубовъ, па горыду, горадымъ; *i* вм. ȯ: семира; *i* вм. ȧ (изъ *а*): нидѣлю, заплитайся.

Особенно много говоровъ сѣверовосточной половины Бѣлоруссіи представляютъ звукъ *ы* вм. ȯ. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бывшаго суражскаго уѣзда находимъ *ы* вм. ȯ: кыласóмъ кыласúста, мылодица, цылували, кылыхала, пыцалую; рыныкъ, ягыдъ, плакыць; *ы* вм. ȯ непосред. изъ ȧ (а это вмѣсто *а*): твыя́, лымаючи, рыняючи, мылыдая, гыспыдахъ, пызыбаю; *i* вм. ȯ: щиботуха, щикатуха, идранистá; *i* вм. ȧ (изъ *а*): ина, литаишь.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ витебскаго уѣзда (Вымно, Усвяты) видимъ *ы* вм. ȯ: зылатымъ, быгамольныю вин. ед., вылачилися, пыдваротница, нымачилися, пывторы, пылзылатога, Госпыди, золыта, плакыти, сорыкъ, вядерками, слонёвыя кось, ярыя им. ед. ж. р.; *ы* вм. ȯ непосредственно изъ ȧ (а это вмѣсто *а*): двыра, сыма пышла, ў ныгахъ, выда, снына, сыбакъ, нирыга, ў клыдахъ, ў стыгахъ, мыкати, кылысомъ, пывтыра, ў гылывахъ,

выгыдаю, вырытá; *i* вм. ȯ: чирадѣйницы, коромысилъ, *i* вм. ȧ (изъ *a*): свитая, ипа, жина, іецъ.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣннен. у. могилев. губ. *ы* вм. ȯ: зыхворала Ром. I, 251, зылатый 219, пымочила 253, мылодого 229, кынопельки 253, мылодзецъ 254, зылотыхъ 213, быродою 254, выгныла 253, тоныкъ 254, я родзилыся 254; *ы* вм. ȯ непоср. изъ ȧ (а это вмѣсто *a*): выпаць, пыплакаць, ны вызѣ, кыза, кызу, пыхываци 220, мылычкá 251, быгатому 238, взрысла, пырваци 254; *i* вм. ȯ: грибушкомъ, цисовая; *i* вм. ȧ (изъ *a*) въ этомъ говорѣ не встрѣчается.

Замѣчу, что вм. *ы* указаннаго происхожденія діалектически является *у*, конечно, непосредственно изъ того же ȯ. Такъ въ особенности часто *у* вм. *ы* въ сѣнн. говорахъ: кумаровъ, пугарѣло 218, дувгоносый 204, жорувъ 211, орѣхува чашка 218, вылувъ 259, жáлубу 261, орѣхувъ, заѣхувъ 268; также въ слогѣ передъ удареніемъ: пупали 251, сподубалася 261. Особенно часто находимъ *уй* вмѣсто *ой* напр. въ формѣ твор. ед. ж. рода; въ противуположность высказаннаго въ главѣ 4-ой, думаю теперь, что *у* въ этомъ случаѣ можно возводить прямо къ ȯ, а въ появленіи его вм. *ы* видѣть результатъ извѣстнаго рода диссимиляціи съ слѣдующимъ неслоговымъ *i*: раз. касим. ёлыцкуй, капытуй, жолтуй, краснуй, тамб. темник. кашуй, мамынькуй, великол. надъ барёзуй, новуй горинки, добруй иржи, орлов. малоарх. палкуй. Спорадически находимъ *у* напр. въ ряз. куго (Обзор Колосовъ), курагодъ (Будде), также кур. судж. (не знающемъ *ы* вм. ȯ) куго, туго, тупор (Халанскій).

Начальное ȧ (ȯ) измѣняется въ ė, откуда съ одной стороны jȧ, напр. бобруйск. ягонь, ягня, съ другой *i*: ряз. кас. игаротъ Будде 165, пенз. игурцы́; вм. начальнаго ȯ находимъ и *ы*: орш. ынбаръ, сѣнн. къ ыгняный рацѣ.

Обращаюсь къ говорамъ, измѣнившимъ ȧ послѣ мягкихъ согласныхъ въ *i*, но сохранившимъ его безъ измѣненія въ положеніи за твердыми согласными.

Въ кур. обоян. видимъ *i* вм. а̀, напр. чилавѣкъ, чирнабровай, викавать, чижала́, мѣсицъ, весилъ, теримъ, девихъ, по́ паисъ, моримъ, хмѣлимъ, семдиситъ, за кольими, вечира, семира, поися, тысичю, сѣили, раніія им. ж. р.; *i* вм. а̀ замѣнившаго *а* въ слогѣ передъ удареніемъ: всиго, мидами, систра, бирига́, синга́, писко́мъ, тирима́ (при тирамѣ́), лижала, завизала, бида, слизами, бирёзу, михка, силизе́нь, ичме́нь и т. д.

Звукъ а̀ послѣ *ж*, *ш*, *ц*, отвердѣвшихъ въ языкѣ, сохраняется поэтому какъ а̀; мы не находимъ здѣсь *ы*, и въ этомъ надо видѣть указаніе, что переходъ а̀ въ *i* послѣ мягкихъ согласныхъ сравнительно новое явленіе: ср. дѣвушакъ, братцавъ, сужанай, ряжанай, арѣшанья, акошачка, тётушакъ, вышалъ; замѣчу, что а̀ послѣ ударенія замѣняется въ кур. об. звукомъ *i* послѣ мягкихъ согласныхъ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ положенія въ открытомъ конечномъ слогѣ.

Въ кур. судж. имѣемъ *i* вм. а̀: чирнабровыхъ, плисуны́, девить, абычій, тысичю, прежнія им. ед. жен. р.; *i* вм. а̀, замѣнившаго *а* въ слогѣ передъ удареніемъ: зитьё, плиса́ла, чисо́чик, пансо́чик, на лиду́, винок, бирёза (и бярёзаю), тирём, забрила́ (но набрялй) и т. д.

Послѣ *ж*, *ш* находимъ *а*: арешанья, сапожачки, надушачки, но также *i*: девушик, старушички, на дарожички, рубашичку. Это указываетъ, можетъ быть, на дольшее сохраненіе мягкости звуковъ *ж* и *ш*. Слѣдуетъ замѣтить, что по указанію Халанскаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто неудар. *а* является *у*: куго, туго, тупо́р, *у* очевидно вм. о̀, почему то замѣнявшаго спорадически а̀. Случаи какъ сыняжа́лася объясняются появленіемъ о̀ въ приставкахъ и предлогахъ (см. выше).

Въ бѣлорусскомъ также нерѣдки говоры представляющіе *i* вм. *я* и не знающіе *ы* вм. а̀ (о̀); но въ нѣкоторыхъ изъ такихъ говоровъ встрѣчаются единичные случаи, гдѣ *ы* вм. а̀, ихъ слѣдуетъ объяснять вліяніемъ сосѣднихъ говоровъ.

Такъ въ ржевск. говорѣ, описанномъ въ 1-мъ вып.

Эт. сб., находимъ вм. ѣ почти постоянно *і*: нирилылá, попілъ, дзерива, мóладзицъ, сéрибра, станимъ, дзенигъ, свадзибку, выпицъ, даволинъ; также вм. ѣ замѣнившаго *а* въ слогѣ передъ удареніемъ: дзиревня, цирнѣцъ, дви-надцать — но вообще *і* вм. ѣ рѣдко въ слогахъ передъ удареніемъ, между тѣмъ какъ послѣ ударенія сохраненіе ѣ послѣ мягкихъ согласныхъ замѣтно лишь въ единичныхъ случаяхъ, какъ выпрягъ, вылижавъ, рóсиляли, тысяцу, серебрянай, имяни. За шипящими безразлично ѣ и *ы* изъ *і*: дзѣтушакъ, нá лашадзь, сужану, вышавъ, при дзѣвушикъ, наложина, ложикъ, нашиму. Звукъ *ы* вм. *а* находимъ только въ натыки, зылатая, дыкажьци.

Тоже въ лепельскомъ говорѣ, о которомъ сужу по пѣснямъ записаннымъ Шейномъ: звукъ ѣ послѣ ударенія постоянно измѣняется за мягкими согласными въ *і* (исключенія совершенно рѣдки, на камяни № 712, трецяго 259, тв. ед. какъ колосьямъ с. 426, вщенямъ № 146): денигъ, вечиръ, церимъ, тысичъ, мѣсицъ, симъ дзесицъ, сериду, попилъ, колодзисю, полимъ тв. ед., дзевиръ, маслиная и т. д.; также находимъ *і* вм. ѣ передъ удареніемъ: грыбушкомъ 435, чирнобривая, миханошу, *і* вм. ѣ замѣнившаго *а*: дзисятого, цисала (чесала), плила, плица (плетя), бида, се витрами, зялинáя, тримя, весила, начиваў, ина, привезинá, поцираў, виснá, лижала, дримала, литали, винка и т. д. За шипящими *ш*, *ж*, *ч* видимъ ѣ и *і*: понапечана, понасычана, сужаны, выгорожанныхъ, нашаму, лечакъ, хочацца и также хочицца, сужинаго, заручины и т. д. Звукъ *ы* вм. ѣ лишь въ единичныхъ случаяхъ: такъ кромѣ словъ на -ычка, -ынька, предлоговъ, нарѣчій, союзовъ находимъ: пѣсиныкъ 191, мѣщаныкъ с. 461, новымъ годымъ с. 496, зъ поросятыми № 766, понадзѣлыкъ 652, дзѣтыкъ 617; молыйца 441, тв. ед. русыю 624, р. ед. милый 441; еще видимъ спрывядливая 410, дывай 766. Въ барылкую 275, горкую горэлкую 275 вм. ожидаемаго *ы* находимъ *у*. Случаи съ *ы* вм. ѣ такъ рѣдки, что ихъ вполнѣ можно признать спорадическими, обязанными вліянію сосѣднихъ говоровъ.

Укажу здѣсь, что въ составъ группы говоровъ, подвергшихъ звуки ȧ, ȯ, ė разбираемымъ измѣненіямъ, вошли какъ тѣ, которые въ предшествующую эпоху распространили звукъ ȧ насчетъ ė (въ слогахъ передъ удареніемъ, а также послѣ ударенія передъ конечной мягкой согласной), такъ и тѣ, въ которыхъ область употребленія звуковъ ė и ȧ была разграничена также, какъ въ древнѣйшихъ говорахъ *α*. Къ первымъ говорамъ слѣдуетъ напр. отнести ржев., гдѣ рядомъ съ указанными случаями перехода ȧ въ *i* до сихъ поръ сохраняется ȧ, замѣнившее сравнительно поздно ė въ случаяхъ какъ дясцины, прибярягли, цацвярикъ, цацвертей, няракинь: поэтому ржев. каминь, селезинь можно объяснять изъ камянь, селезянь, гдѣ *я* замѣнило ė передъ конечной мягкой согласной, ср. выниць вм. выняць. Также леп. говоръ представляетъ произношеніе зялиná (вм. зяляná, а это изъ болѣе древняго зѐляная), вяселицца, сямярыхъ, на біражочку, пярсценёчку, пяреплысць, зяленóго, пярасáду, ни вяселы́ и т. д.; поэтому леп. восинь можно объяснять изъ восянь съ позднѣйшимъ ȧ вм. ė.

Что касается конечнаго открытаго ȧ послѣ мягкихъ согласныхъ, то оно во многихъ говорахъ, измѣнившихъ ȧ послѣ этихъ согласныхъ въ *i*, сохраняется какъ ȧ, ср. сохраненіе ȧ въ конечномъ открытомъ слогѣ въ нѣкоторыхъ говорахъ измѣнившихъ ȧ въ ȯ въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ. Такъ въ кур. обоян. при правильной замѣнѣ ȧ за удареніемъ передъ согласнымъ звукомъ *i* въ конечномъ открытомъ слогѣ находимъ только: прúдя, разуя, гóня, сарвитя, дайтя, пáнавя, типеря, мѣс. ед. у теримя, нá нибя, на кавыля и т. д.; тоже въ кур. судж. баяря, дваряна, слухайтя, стеля, плачя, палехчя, в горадя, на муравя: тоже должно сказать о большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ: лепел. ня тужиця, выпьиця, умѣя, хоча, нездороуя, панова, сватовя, ржев. бласлабиця, изовольця, браниця, мельця, витеб. сваця зв. ед. Шейнъ № 551 и т. д. Встрѣчающееся здѣсь произношеніе луччи кур. судж., чатыри, больши кур. об., боли, выши, лѣпи,

тольки лепел., согласно сказанному выше на с. не-льзя выводить изъ произношенія съ -ȧ. Но въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ говоровъ, а именно въ бѣлорусскихъ, есть случаи замѣны конечнаго открытаго ȧ послѣ мягкой согласной черезъ *i*: въ окончаніи 2 л. мн. -ти вм. -тя звукъ *и* слѣдуетъ, думаю, выводить изъ формъ -тися, -тись, гдѣ *i* замѣнило *я* по общему закону, ср. леп. ня бойцися № 640, ни хвалицися 453, сѣнн. обучайциси Ром. I, 74, ржев. ни дзивуйцися; поэтому находимъ напр. ржев. пажалуйци, гаворьци, давайци, дайци, извольци (и извольця), 2 л. нас. будзици, лепел. снимайци № 595, ни пущайци, ни давайци 599, витеб. придзици ва 548. Что касается ржев. можи Эт. сб. I, 241, то *ы*, вѣроятно, замѣняетъ *а* (леп. можа с. 596) вслѣдствіе энклитическаго употребленія этого слова; пани лепел. зв. ед. № 305 представляется мнѣ опечаткой; можетъ быть иной разъ въ тѣсномъ соединеніи одного слова съ слѣдующимъ конечное *я* перваго слова и можетъ перейти въ *i* или ė открытое, ср. въ Усвятахъ витеб. у.: ярые пцёлка с. 500 (три раза).

О выпаденіи звуковъ ȯ (ȧ) и ė при встрѣчѣ съ плавными согласными и съ гласными. Въ положеніи передъ *р*, *л*, *н*, а также послѣ нихъ звуки ȯ (ȧ), ė въ большинствѣ акающихъ говоровъ могли, вслѣдствіе редукціи и слѣдующаго за тѣмъ пріобрѣтенія плавными согласными слоговаго характера, совершенно исчезать изъ произношенія. Въ слогахъ передъ удареніемъ видимъ исчезновеніе этихъ звуковъ или въ положеніи ихъ въ двухъ рядомъ стоящихъ слогахъ, отдѣленныхъ отъ ударенія третьимъ слогомъ: при этомъ исчезаетъ ȯ (ȧ) и ė во второмъ изъ такихъ слоговъ, что указываетъ на бо́льшую силу предыдущаго слога, можетъ быть вслѣдствіе положенія его въ началѣ слова: рязан. пирвязу, пирнасить, пирсматрю́, пирвярнулась, кур. об. пирвяди, судж. пирбира́я, малоарх. перходили, перломать и т. д. непосредственно изъ пėрėвязу́, пėралама́ть; также

ряз. барнавать, лепел. борноваць № 292; ряз. сарфаны́, малстыря́, кур. об. виртяно, городок. бѣлор. дзирвяну́ю Шейнъ с. 751; въ тамб. липец. выклатилъ ò выпало не послѣ, а передъ плавной; или же названныя гласныя исчезали при плавныхъ передъ слогомъ непосредственно предшествующимъ ударенію: въ этомъ случаѣ изъ обѣихъ неударяемыхъ гласныхъ исчезала гласная третьяго отъ ударенія слога, хотя бы онъ былъ начальнымъ — ясное указаніе, что передъ удареніемъ непосредственно являлось *а* полнаго образованія, а въ предшествующемъ слогѣ ȧ, ė: ср. ряз. платéнца, плавúна, прасяты, заплаийла, тамб. храша́, похраяі́, схранéна, малоарх. три младца, липец. прасёнчика, курск. судж. млатцу́, сѣнн. устновйвъ (вм. установивъ Ром. I, 261), новогр. младзеньку; въ ряз. зардава́лась выпало ȧ послѣ *р*. Въ слогахъ слѣдующихъ за удареніемъ находимъ выпаденіе гласныхъ въ слогѣ непосредственно за нимъ находящемся, если это слогъ предпослѣдній въ словѣ: тамб. казлёпчикъ; если же за удареніемъ слѣдуетъ два слога съ ė или съ ȧ (ȯ), то выпаденію подвергается гласная втораго слога: тамб. нé солно, москов. на́ бержная (Брандтъ Лекціи 39). Въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ слогъ вȯ послѣ ударенія сокращается въ ў: лепел. дзѣўньку, дзѣўнька, ўдоўньку, траўнька, на голоўньки, солоўнька, шоўкоўму; въ хозяиноў гу́мно витеб. Шейнъ № 374 видимъ сокращеніе конечнаго слога вȯ (или вȧ).

Новыя ȧ, ȯ, возникавшія изъ *а* передъ удареніемъ въ акающихъ говорахъ извѣстной группы, также исчезали въ нихъ, ср. указанный выше переходъ такихъ ȧ, ȯ въ ı̇ и ы. Такъ явились въ означенныхъ говорахъ: передъ *р* гразда кур. об., послѣ *р*: варта, карвай, у галвахъ, пирцёлушка, ср. тамъ же вильчають вм. величають. Измѣненію кур. об. га́разда въ гра́зда аналогично ряз. платенца изъ па̇латéнца: ва̇ра̇та́, пе̇ре̇пёлушка перешли въ кур. обоян. въ ва̇рта, пе̇рпёлушка также какъ ряз. ба̇ра̇навать, пе̇ре̇вяди́ въ ба̇рнавать, пе̇рвяди.

Выпаденіе гласныхъ ȧ (ȯ) и ė при другихъ согласныхъ, кромѣ плавныхъ, рѣдко: тамбов. бархту, гварить.

При встрѣчѣ двухъ гласныхъ, изъ которыхъ первая ȧ (ȯ) или ė, — эта первая гласная, сливаясь съ слѣдующей, исчезаетъ въ акающихъ говорахъ: москов. пымать изъ пȧимать, при чемъ *пы* стоитъ вмѣсто *пи* по тому же закону, по которому мы говоримъ: отывана, вызбу, безызьяну; также ряз. пучить, паткусали вм. пȧучить, пȧаткусали, кур. судж. патабрали; тоже въ гомел. пя'дну́, ня'ддамъ, по'тцу, за'дну, пя'ббивала, по'тцвяли, по'тласу, трон. пя'дгаднула, ня на'дну: согласно вышесказаннаго слѣдовало бы писать не за'дну, а з'адну. Въ рязан. ни ддаёть видимъ стяженіе изъ ня итдаёть или ни итдаёть; тоже ржев. витдавацъ. Начальное ȯ (ȧ) послѣ гласной предыдущаго слова также подлежитъ выпаденію: рязан. я'гаро́тъ гаражу́, гомел. дѣтиночка 'къ соколиночка Ром. I, 21 (вм. якъ, икъ), я отъ славы 'тговоруся 107, што 'стаюся 108.

О новыхъ ȯ (ȧ) вмѣсто *i*, *ы*, *y*. Во многихъ акающихъ говорахъ имѣетъ мѣсто переходъ неударяемаго ы въ ȧ въ открытомъ слогѣ конечномъ или серединномъ. Преимущественно находимъ такой переходъ въ слогахъ послѣ ударенія: гомел. ба́раня Ром. I, 212, похажаваютъ, поглядаваютъ, прихлебаваютъ, товарашовъ 63, сѣнн. ва́равала, гомел. за буйнамя вѣтрами, за бѣлами снѣгами, горучами слезми, ржев. баяраня, на камашки (м. камушки), быхов. вымата, кур. об. бѣлами, чорнами; особенно часто -аи вм. -ые: им. мн. сѣраи, добраи, бададатаи кур. об., рубежнаи, желѣзнаи малоарх., дубоваи кур. щигр., добраи, расприкраснаи ржев.; -ба вм. -бы: сѣнн. узявъ ба Ром. I, 204, гом. убивъ ба, пилажъ ба, холостый ба, лепел. яжъ ба Шейнъ № 457, витеб. гдѣжь ба № 138, ряз. взялъ ба, пашолъ ба Будде 44, курск. щигр. штоба, тамб. лип. купилъ ба, великолуц. радъ ба. Въ бала витеб. Кар. Р. Ф. В. 1892 № 4, гомел. бала Ром. I, 231 я вижу замѣну ы неударяемаго (въ энкли-

тикѣ) черезъ а̀. Рѣже встрѣчается замѣна ы черезъ *а* въ слогѣ передъ удареніемъ: гомел. палая 122 (пылаетъ), дожадаци 251, рогачев. цаганс 244 (при цыганъ, цыганку). Въ закрытомъ слогѣ я встрѣтилъ а̀ вм. ы только въ энклитическомъ не́ балъ великолуц., въ прибалъ там. лин.

Въ конечномъ открытомъ слогѣ вм. *ю* находимъ въ нѣкоторыхъ акающихъ говорахъ ја: тул. виставу́я (Сбор. Смирнова 178), кур. щигр. пнуя, наву́я, худу́я, алляпуя, ряз. любуя, другуя, глухуя. Въ бѣлорусскихъ говорахъ, кажется, нѣтъ такого перехода.

Кромѣ того, находимъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ нефонетическое распространеніе звуковъ а̀ (ǒ) насчетъ *і*, *у*, *ы*. Такъ въ 3 л. ед. глаголовъ неударяемое *і* смѣняется на *я*, заимствованное изъ словъ какъ буда, стеля, плача: ср. бѣлорусск. ходя, поса, гаво́ра; не можетъ быть, чтобы гомел. скосе, любе 145, ходе 161, пе любе, не голубе 47 въ Сборникѣ Романова I выражали буквою е звукъ *е*: скосе чит. скоса; также вѣроятно ходешъ 50 чит. ходяшъ, ср. *а* вм. ы во 2 л. ед. слышашь ржевск. (Эт. сб. I, 265) подъ вліяніемъ скажашъ сѣнн. 24, плачашь гом. 80, хочашь трок. 253. Въ глаголахъ на -ить, -илъ *и* замѣняется черезъ *я* подъ вліяніемъ окончаній -ять (въ нѣкоторыхъ говорахъ фонетически вмѣсто ѐть, напр. щигр. видять), -ялъ (изъ -ѐлъ съ откр., а діалектически вмѣсто -ѐлъ съ закр. ѐ): ряз. выпялъ, цолялъ, спорялъ, вымислялъ, вытащшалъ, тул. ѣздялъ, щигр. бросялъ, праглядялъ; въ щигр., гдѣ *я* можетъ замѣнять ѐ передъ конечною мягкою согласною, видимъ караулять, зажарять. Въ вышавши рукава гомел. Ром. I, 185 *а* замѣнило ы подъ вліяніемъ слышавши и т. п.

Появленіе -ять вм. -ють въ гомел. хочать, почитаять, довожаять, поливаять, узнаять, вѣшаять обязано вліянію окончанія -ять глаголовъ ходити, носити; въ трок. находимъ въ 3 мн. прыспѣвая, накладая, распятая.

Замѣну при- черезъ пря- въ лепел. прянису я воды почвы, прявязаў коника къ барози Шейнъ №№ 301,

345 надо объяснять существующимъ въ языкѣ чередованіемъ формъ какъ пиряводъ и паряводъ, сирабро и сярабро. Въ заимствованномъ словѣ зрасую ржев. Эт. сб. I, 268 также видимъ *я* вм. *і* — срису́ю.

О нефонетическомъ вытѣсненіи звука *е* закр. и откр. удар. звукомъ *о* и звука *о* удар. звукомъ *е* откр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ языкъ давалъ предпочтеніе новому чередованію ударяемаго *о* съ неудар. *а* древнему чередованію *о* неудар. (изъ ŏ, а отсюда *а*) съ *е* закр.; вслѣдствіе этого вмѣсто *е* закр. уд. являлось *о*: такъ шасти́ вызвало шость лепел. Шейнъ № 133 вмѣсто шесть. Съ другой стороны чередованіе *е* откр. удар. съ *я* неудар., полученное фонетически въ случаяхъ какъ лѣс—въ лясу́, рѣ́ку—ряка́, снѣ́г—снягá вызывало спорадическое вытѣсненіе ударяемаго ё звукомъ *е* открытымъ: такъ при мяду́, мядо́къ вм. мёдъ является гом. ме́дъ, ме́ду Ром. I, 171, 140, 202, 242 и т. д.

Ударяемое открытое *е*, чередуясь съ *я* неудар. въ конечномъ открытомъ слогѣ, можетъ вытѣсняться звукомъ ё подъ вліяніемъ извѣстнаго въ языкѣ чередованія ё удар. и *я* неудар.: чередованіе какъ будя, ѣдя но берё, везё, которыя вм. бере́ (кур. щигр. бире́), везе́ (бѣлор. напр. гомел. Ром. I, 435) подъ вліяніемъ берёмъ, везёмъ, — вызывало при стойця, бяжы́ця, спи́ця и т. д. въ бѣлорусскихъ говорахъ вм. стоице́ и т. д. произношеніе стоицё, сидзицё леп. Шейнъ № 207 и др.; рядомъ сохраняются фонетическія идете́, везете́ напр. гом. Ром. I, 342. Точно также минё является вмѣсто мине́ при энклитич. миня (меня у Шейна № 547, миня № 408).

Въ прошлыхъ главахъ было указано на случаи, гдѣ *е* откр. удар. замѣняется звукомъ *я* заимствованнымъ изъ слоговъ неударяемыхъ; такъ въ кур. судж. ён стружки стружа́, карабли мастя́, пирилы́ть хо́чя — *а* замѣнило удар. *і* подъ вліяніемъ 3 ед. ходя, ломя, въ падаля вм. пада́ля, ср. набо́ля, — *я* замѣнило ожидаемое ё: древ. болё, далё изъ bolje, dalje.

О нефонетическомъ появленіи ȯ вм. ȧ въ граммат. окончаніяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ акающихъ говоровъ, измѣнившихъ конечное ȯ въ ȧ, это ȧ въ грамм. окончаніяхъ замѣнялось звукомъ ȯ подъ вліяніемъ ударяемаго окончанія *о*. Особенно часто видимъ ȯ вм. фонет. ȧ въ окончаніи им. вин. ср. р. именъ и прилагательныхъ, напр. новогруд. зá моро, сóнцо, весéлё, начúнё, адзéнё (Афан. I), сéрцо, сóнцо, мóро (Карскій Обзоръ 44 изъ сборника Дмитріева), купáлё, зéллё, звáнё (Кар. 44), слоним. чистоё пóлё (Карскій Р. Ф. В. 1893 № 1); тоже въ южнов., напр. бобров. ворон. па паратноё крыльцо, белоё лицо, милоё дитё, вы пязнамоё сяло. Очевидно, языкъ избѣгалъ смѣшенія средняго рода съ женскимъ, что однако имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ акающихъ говорахъ. Замѣна *я* черезъ ё въ другихъ окончаніяхъ какъ дисней. орéцё, гулясцё (Кар. 44), или въ новогруд. трепаталосё, купалосё мнѣ не ясна.

Глава 23-ья.

Объ измѣненіи звуковъ а—о—е въ сѣвернорусскихъ говорахъ.

Въ этой главѣ я изложу нѣкоторыя наблюденія надъ явленіями имѣвшими мѣсто въ сѣвернорусскихъ говорахъ по отдѣленіи отъ нихъ говоровъ акающихъ: они принадлежатъ какъ болѣе древней эпохѣ, слѣдовавшей за указаннымъ отдѣленіемъ, такъ и новѣйшей эпохѣ великорусской. Несомнѣнно, что и въ великорусской семьѣ сѣверные и восточные говоры живутъ обособленно отъ южныхъ и западныхъ: если въ жизни тѣхъ и другихъ есть что общее, то это вліяніе объединившей великорусскую семью Москвы, языкъ которой сталъ языкомъ общерусскимъ.

Къ сѣвернымъ говорамъ принадлежатъ съ одной стороны окающіе говоры, т. е. обратившіе въ слогѣ передъ удареніемъ *о* скл. къ *а* въ *о*, съ другой говоры неокающіе, т. е. сохранившіе въ слогѣ передъ удареніемъ древнее и общевосточнорусское *о* скл. къ *а*. Первые говоры гораздо распространеннѣе вторыхъ, или можетъ быть первые болѣе извѣстны, чѣмъ вторые, типическія особенности которыхъ, не выдѣляясь такъ рѣзко, могли обращать на себя меньшее вниманіе изслѣдователей. Весьма вѣроятно, что къ этимъ вторымъ говорамъ относятся тѣ, о которыхъ иные изслѣдователи выражаются какъ о говорахъ съ умѣреннымъ оканіемъ. Я съ своей стороны, несмотря на совершенно незначительное знакомство мое съ живыми русскими говорами, могу однако указать на то, что говоры сѣверозап. части Олонец.

губ. (петрозав. и часть повѣнецкаго у.) представляютъ *о* скл. къ *а* передъ удареніемъ безъ измѣненія. Я очень ясно слышалъ *о* скл. къ *а* въ словахъ какъ сёстра́, лёгла́, понёсла́, заклёва́ли, жона, отрёхнуу́ся, моя (и маа), лодью, ноцьлегу, ноцьлежникъ, Господь, родители, кораб: записывая сказки въ указанныхъ мѣстностяхъ Олонецкой губ., я былъ принужденъ писать иной разъ нацьлегу, Гаснодь, мядо́вымъ, свая, маа, тварогъ, анаме́дь, анамя́дни, зарабо́тывать, зародъ (ср зородахъ Барсовъ Палеостровъ с. 150) и т. д. Ниже я еще вернусь къ указанной особенности олонецкихъ говоровъ; здѣсь укажу на единичные случаи, извѣстные мнѣ изъ другихъ говоровъ, сохраненія *о* скл. къ *а*, которое передано изслѣдователями черезъ *а*: луж. петерб. губ. альхо́вы Зап. Г. О. IV, 295, слобады 324, полтарасто 332, понаталкаюсь 313, пути дарожки 309, поцалу́ё 301, работать 266; также въ арх. зародъ (Слов. Подвыс., у Якушкина с. 649), арх. шенк. маланьёй Аф. I № 98 (у Подвысоцкаго странное удареніе мала́нья), ладья́ (Подв.), кара́бль (и даже ка́рабля шенк. Кир. I, 77): не сомнѣваюсь, что на основаніи этихъ и другихъ подобныхъ написаній можно заключать о близости звука *о* передъ удареніемъ къ *а* въ нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ говорахъ.

О переходѣ звука *о* въ слогѣ ударяемомъ и передъ удареніемъ въ *о* склонное къ *у* и въ *у*. Звукъ *о* во многихъ сѣверныхъ говорахъ измѣнился въ *о* скл. къ *у*. Такое измѣненіе въ нѣкоторыхъ говорахъ коснулось только неударяемаго *о*, но въ другихъ находимъ *о* скл. къ *у* и подъ удареніемъ; такъ въ говорахъ южной и средней части петрозав. уѣзда находимъ *о* скл. къ *у* въ словахъ какъ комната, по́утора, по́жня, золо́вка, ссоритьця, ночь, про́шли, спро́сить, горку, дому, народъ, помо́ры, со́цкій, окошко, хорошый, кожа, морозить и т. д. Діалектически удар. *о* скл. къ *у* измѣняется въ *у*: петрозав. пу́утора, пу́жня, вулю, докусатъ, куни, двухъ су́тъ, пру́шли, смутратъ, побуремся, эта лод-

ка тупонусая не фасунистая, тружды вм. трожды, готувитця, домуй, пунъ, грубъ, к нучи, кулья, также людъ, вютхая, крюсла (послѣдпія слова произносятся такъ въ пудож. у.), нунь, нуньче петрозав. (Зап. Г. О. III, 612, 614). Въ другихъ говорахъ видимъ напр. арх. бу́льшей сватовецъ, на бульшемъ подарочкѣ, въ широкихъ раздульяхъ (Труды Э. О. V, 91, 92, 94). Что до *уо*, какъ передаютъ вятскій звукъ *о* Даль (ничевуо, спру́осъ, собуолья), тотем. кадниковскій Колосовъ (Замѣтки II, 34: труось, спруосить), то его слѣдуетъ, вѣроятно, читать какъ растянутое долгое *о* скл. къ *у*, ср. такое произношеніе напр. въ лужскомъ (петерб. губ.) говорѣ мо̄с вм. мостъ Зап. Г. О. IV, 248. Въ слогѣ передъ удареніемъ находимъ напр. петрозав. було́то, курманъ, скурѣа, пустеля, удномъ, могута, укошки, мушо́новъ, пудп, на туго, на буяръ, арх. скуряе, муром. самуварчикъ, молож. булото, укошко, роман. гулува, пужалуйте, луж. упять, уснова и т. д.—Появленіе *о* скл. къ *у* и *у* вмѣсто *о* въ слогѣ передъ удареніемъ особенно интересно для насъ послѣ сдѣланнаго выше въ главѣ 21-ой предположенія о переходѣ въ сѣвернор. говорахъ *о* скл. къ *а* въ *о* въ слогѣ передъ удареніемъ: очевидно, дальнѣйшее измѣненіе *о* въ *о* скл. къ *у* и *у* было слѣдствіемъ того же стремленія, которое вызвало потерю звукомъ *о* склонности къ *а*.

Совершенно особо слѣдуетъ разсматривать появленіе *о* скл. къ *у* вм. *о* открытаго въ удар. слогѣ передъ конечнымъ *л*: оно было слѣдствіемъ вліянія этого *л* (или діалектически ў) на предшествующее *о*: ср. такое же *о* въ южновеликор., москов. полъ съ *о* закрытымъ въ противуположность попъ, мостъ, воръ съ *о* открытымъ.

О діалектическомъ измѣненіи о̂ откр. въ а̂ въ сѣвернорусскомъ нарѣчіи. Во многихъ сѣвернорусскихъ говорахъ имѣло мѣсто явленіе сходное съ тѣмъ, которое наблюдается въ большинствѣ южновеликорусскихъ говоровъ, а именно совпаденіе о̂ откр. и а̂

въ одномъ звукѣ à. Въ настоящее время, за недостаткомъ точныхъ, а вѣрнѣе даже какихъ либо наблюденій, трудно опредѣлить границы этого явленія. Весьма вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ говорахъ такой переходъ былъ ограниченъ сопровождавшими его условіями. Такъ діалектически à вм. ó можетъ являться въ конечномъ открытомъ слогѣ. Только допустивъ такой именно переходъ ó въ à, я могу объяснить формы род. ед. на -ова, извѣстныя въ арх., перм., волог., новгор., ярослав., нижегор., костромскомъ говорахъ, ср. ижидёнова, дрянова шенк. Аф. I, № 98, простова шаф. Аф. I, № 68, бѣлокурова солигал. Якуш. 578, билова, свитлова вельс. Эт. сб. V, 24, 27, билова новг. Соч. Якуш. 576, великова, лебедзинова, крѣпкова молож. сит. Эт. сб. I, слѣпова, доброва роман., кривова нижегор. Кир. I, 37, бѣлокурова солигал. Якуш. 578 и т. д. Всякое другое нефонетическое объясненіе ова̀ вм. ово́ оказывается натянутымъ: дѣйствительно, сравненіе съ серб. -ога и указаніе на вліяніе формы род. ед. именъ существ. совершенно неубѣдительно, ибо подъ удареніемъ имѣемъ только -ово́ (діалект. -ого́), а не -ова́. Въ нижегородск. былинной рѣчи (Кир. II, 90) находимъ правда: изъ свова̀ изъ мѣста княженецково, изъ твова̀ изъ высоково терёма̀, но въ этомъ случаѣ на неударяемой гласной à (при энклитическомъ употребленіи своево, твоево) легло второстепенное удареніе. Въ говорахъ измѣнившихъ -ово на -ова каждое ó въ конечномъ открытомъ слогѣ должно было измѣниться въ à, сохраненіе же его напр. въ окончаніи им. вин. ср. рода обязано вліянію удар. окончанія ó; равнымъ образомъ нефонетически удерживалось *о* въ им. ед. батюшко, дядюшко (род. батюшка, дат. дядюшку), фонетически же являлось à: вят. за поясишка (Колосовъ), ярослав. дядюшка при дядюшко. Замѣчу впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ говорахъ *а* нельзя читать какъ à, а вѣроятнѣе какъ ó открытое: таковы напр. говоры молож. сиц. и вельскій, въ которыхъ, какъ увидимъ ниже, конечныя ó и à совпали въ звукѣ ȯ открытомъ. Во многихъ гово-

рахъ видимъ à вм. ó въ слогѣ третьемъ отъ ударенія, за которымъ слѣдуетъ слогъ съ *о*; можетъ быть, à въ такихъ говорахъ замѣняетъ ó и въ другихъ случаяхъ, и только явственнѣе слышится въ положеніи передъ *о*. Такъ въ особенности въ говорѣ ярославск. у., описанномъ Тихвинскимъ (Р. Ф. В. 1890 № 3), ср. хàрошо, гàворить, зàлотой, мàлодой, гàлова, бàронить, кàроводъ, дàрогой, пàлотенцо, устàновить; въ гàродовой находимъ тоже въ четвертомъ отъ ударенія слогѣ, но, вѣроятно, слѣдующій слогъ *ро* произносится ирраціонально (см. ниже); по указанію Тихвинскаго *о* переходитъ въ *а* только при указанныхъ условіяхъ. Тоже находимъ въ другихъ говорахъ, напр. арх. картомá при кортомá, каровáшка при коровáшка (умен. отъ коровай Сл. Подв.); въ зарѣченской сторонѣ муром. у. Колосовъ слышалъ слабодá, залотóй, малоньá (Замѣтки II, 6); въ вят. губ. имъ отмѣчено палторá; въ луж. у. находимъ работáть, шалудивой Зап. Г. О. IV, 266, 271; слова цаловáлъ, цаловáли въ такой формѣ извѣстны во многихъ сѣверныхъ говорахъ, напр. перм. шадр. цаловала Зап. Г. О. II, 412, шенк. у Кирѣева III, 14, арх. цаловать, цаловала Якуш. 644, 610 и др. Наконецъ въ нѣкоторыхъ говорахъ измѣненіе ó въ à можно наблюдать во всѣхъ слогахъ: сюда относятся прежде всего нѣкоторые говоры олонецкой губ., въ которыхъ мы видѣли сохраненіе въ слогѣ передъ удареніемъ *о* скл. къ *а*; съ весьма явственнымъ *а* я слышалъ напр. горадъ, поцаловáў, кучаръ, кучару, нижа (вм. нижо), вышa, тѣмъ нача, лучша, особенно часто денягъ; также въ энклитическомъ аща вм. още (яросл. у Тихв. ошшо); двугрúвянной можетъ поэтому также восходить къ двугривённой; въ луж. у. петерб. губ. находимъ аржаной, аржанецъ. Олонецк. окошацько, ранёшанько также имѣютъ à вм. ò, ср. онеж. ранёшонько. Въ Ильинской волости ярослав. у. кромѣ слабодá, мастовáя, находимъ также, согласно отвѣтовъ на программу, добрава, синява, вин. ед. краснаю, дат. милай, тёплай. Въ шенкурской былинѣ, записанной Ки-

рѣевскимъ I, 77 сл., читаемъ яснава, цёрнава, лѣвава, дремуцява, коровьява; ср. еще перм. шадр. третьява, трёхглававо (Аф. I № 93 и 68). Въ нижег. говорѣ слышится между прочимъ дворъ-атъ, поѣздъ-атъ (Кир. III, 34, 37), надаль (Кир. I, 37); въ былинной рѣчи подъ второстепеннымъ удареніемъ находимъ однымъ духа̀мъ, единымъ духа̀мъ. Я увѣренъ, что всякій, прочтя послѣднія строки, удивится, какъ еще мало сдѣлано основательнаго для изученія живаго русскаго языка.

О діалектическомъ совпаденіи звуковъ а̀ и о̀ откр. въ о откр. Въ противуположность вышеуказаннымъ говорамъ есть такіе, которые измѣнили а̀ и о̀ не въ а̀, а въ о̀: ср. подобное же діалектическое различіе въ южновеликорус. и бѣлорусскихъ говорахъ. Указаніе на такіе говоры вижу въ передачѣ ожидаемаго *а* буквою *о*: валд. кросота́, архан. жолковать, ирбит. соморъ, сопоги, молож. и роман. сопоги, молож., рыбин., перм. пороходъ; олон. зостоялися Зап. Г. О. III, 612, зовопилъ, нижег. чожоло́ вм. тяжоло (Даль LVII); какъ видно, всюду за такимъ о̀ слѣдуетъ *о* въ слогѣ передъ удареніемъ: ср. только что указанное выше обратное появленіе а̀ вм. о̀ въ такомъ же положеніи. Точно также находимъ совпаденіе а̀ и о̀ въ о̀ въ конечномъ открытомъ слогѣ: въ окончаніи им. ед. ж. р. *а* сохраняется подъ вліяніемъ удар. окончанія а́, также напр. въ формахъ род. ед. муж. и ср. рода, но о̀ вм. а̀ находимъ въ цѣломъ рядѣ другихъ окончаній. Такъ вм. фонетическаго -тя, сохраняющагося въ говорахъ, наблюдающихъ различіе между о̀ и а̀, а также въ тѣхъ, которые измѣнили о̀ въ а̀, явилось діалектически -тё: устюж. идитё Якуш. 277, вят. стойтё Кол. Зам. II, 66, ярослав. ходитё, роман. сдайтё, смотритё, встрѣчайтё, пошех. играйтё, ужинайтё, молож. бѣгитё, давайтё, сажайтё, у Ситкарей: станицё, подзицё, дайцё, вологод. боитёсь Сб. св. II, 186 и т. д. Вм. *я* въ 3 л. ед., также сохраняющагося лишь діалектически (олон. будя, поѣдя, луж. то заноё то за-

стоня, вся улочка стоня Зап. Г. О. IV, 353, 304), является ё напр. вят. танё, милуё, діал. ол. будё, пойдё, луж. ѣдё, настанё, зеленѣё, помахиваё. Вмѣсто фонетическихъ -ѣя, -ая въ окончаніи срав. ст. находимъ ѣё, аё: вельс. красивѣё, билаё, любаё, вологод. теплаё, голоднаё, молож. скораё, ражаё, рыб. бѣлѣё, теплѣё, роман. скорѣё, ярослав. вольнѣё, у Ситкарей: полнѣё Э. С. I, 154. Вмѣсто здѣся является здѣсё молож., вм. завтра завтрё великоуст. Вмѣсто -ся слышно въ такихъ говорахъ -сё: ср. уже въ гр. 1667 ҁлєкитцо (неоцред.) АКал. II, 811, 1607: подиатцо АЮ. № 336. Домострой изд. Заб. пригодитцо 86; совр. роман. боитсё, ярослав. проситсё, дожидаласё, вологод. взялсё, нарядилсё, заблудимсё Сб. св. II, 166, 189, 206, тот. битцо (Зам. Кол. II, 45), вельс. молитисё (В. Г. О. 1859 № 2), божиласё, замоциласё, загорилисё, называтцё, проститцё (Эт. сб. V, 45); -сё въ арх. указано Колосовымъ (Замѣтки II, 45), въ олонецкихъ говорахъ извѣстно -со — запечалилсо, кланялсо (Обзор Колосова 131). Звукъ а въ энкл. тебя, себя, тся, себя также замѣняется звукомъ о, молож. у тсё. Им. мн. двоя троя фонетич. вм. troji переходятъ въ двоё, троё олон.; также братья измѣнилось въ бра́тьё молож. (братіё также у Варенцова 157), вм. перья, колья и т. д. явились молож. пе́рьё, ко́льё, стульё, полѣньё, олон. гво́зьё, шенк. костьё Зап. Г. О. II, 424. Формы им. мн. сва́товя, бояря измѣнились въ сватовё, боярё, откуда сватовьё, боярьё, также какъ при и вм. сватовя существовало сватовья.

Изъ всего предыдущаго я вывожу, что многіе сѣвернорусскіе говоры представляютъ въ конечномъ открытомъ слогѣ такое ё, которое фонетически возводится къ *я*; съ другой стороны и *я* въ нѣкоторыхъ говорахъ можетъ восходить къ конечному открытому ё, ср. указанный выше переходъ о въ конечномъ открытомъ слогѣ въ а. Но вѣроятно есть и такіе говоры, которые различаютъ въ конечномъ откр. слогѣ ё и *я*, о и а.

Въ серединныхъ слогахъ *я* также можетъ діалекти-

чески замѣняться звукомъ ё: ср. олон., молож. ястрёбъ, ковров. в три рёда (Обзор Колосова 76), молож. косяшното окошецко (Эт. сб. I, 153).

Объ измѣненіи ô въ ô скл. къ у и въ у въ сѣвернорусскихъ говорахъ. Діалектически ô измѣнилось въ у черезъ посредство ô склоннаго къ у, ср. переходъ звука о въ о скл. къ у и въ у: такъ находимъ у вм. ô склоннаго къ у послѣ губныхъ: муром. Бугородица, олон. мужавельникъ, мугазейнаго (Гильф. 1063), молож. пулотно, пуловикъ, мутылёкъ, рѣже послѣ другихъ согласныхъ: чуловикомъ Лод. поле Зап. Г. О. II, 69, мáчуха луж. петерб. Зап. Г. О. IV, 259, сулощóй сарат. (ср. солóшшой Эт. сб. I, 135); въ муром. сумóварцикъ у стоитъ вм. ô, замѣнившаго â. Особенно часто у вм. ô, черезъ посредство, конечно, о скл. къ у, находимъ въ началѣ слова: олон. удобряэтъ, уборона, угороды, ярослав. утóшлó, установить, укунусъ, в угородѣ (Тихв. 33), молож. удѣяло, угурцы, ярослав. (Ильин. в.) удѣяло, утвори, утойди, утопри, сарат. утнёсля́, утошла́, луж. учутился Зап. Г. О. IV, 359, волог. угурцы (Зам. Кол. II, 34), костр. утъ вм. отъ, удѣяло (Даль LVI), твер. утопри, утвори Эт. сб. I, 180: переходъ ô скл. къ у въ у въ началѣ слова и сохраненіе его послѣ согласныхъ совершенно понятно.

Замѣчу здѣсь, что въ говорахъ, сохранившихъ â отъ перехода въ ô и ô закр. въ началѣ слова, оно могло измѣниться также какъ въ южнов. говорахъ въ ê откр., откуда je, а діалектически и і: екаменѣлъ арханг. онеж. Кир. I, 89, идѣяло ярослав., игурцы́, игу́рчики (подъ вліяніемъ перваго слова) волог.

Твер. палкуй, досадуй, охотуй въ говорѣ не акающемъ (Эт. сб. I) представляютъ также фонетически явившееся у вм. ô закрытаго.

О фонетическомъ измѣненіи ô (â) въ ê закрытое въ говорахъ сѣвернорус. языка. Въ со-

ставѣ сѣвернорусскихъ говоровъ, согласно предыдущаго, находимъ говоры *α*, которые не измѣняютъ звуковъ *о* и *а* въ неудар. слогахъ въ *е* закрытое послѣ мягкихъ согласныхъ и говоры β, въ которыхъ еще въ общерусскую эпоху *о* и *а* въ указанномъ положеніи измѣнились въ *е* закрытое. Въ нѣкоторыхъ изъ сѣвернорус. говоровъ *α*, также какъ діалектически въ южновеликорус. говорахъ, начальныя мягкія согласныя словъ вліяли на измѣненіе слѣдующихъ за ними ȯ и ȧ въ ė закрытое. Такъ вм. чоботарь весьегон. (Эт. сб. I, 176), тяжоло (тяжоло́е луж. Зап. Г. О. IV, 350), чяжоло (чяжело твер. Эт. сб. I, 180), шолково́й луж. Зап. Г. О. IV, 284, человѣкъ (ср. чуловикомъ Лод. поле), рядовой, часовой и т. д. явились чёботарь, рёдовой, шёлковой (шилково́й луж. тамъ же с. 290), чёжоло (чижоло ковров. Даль LV), чёловѣкъ (саратов. окающ. чиловѣкъ), чётырёхъ и др. Ср. въ ярослав. говорѣ описанномъ у Тихвинскаго: чижоло, редово́й, чесовой, месоѣтъ, ерослафь, чёрноглазинькую.

Такой же переходъ ȧ, ȯ въ ė закр. имѣетъ мѣсто послѣ мягкихъ согласныхъ и въ другомъ положеніи. Можетъ быть, я не очень ошибусь сказавъ, что существуютъ говоры, въ которыхъ ȯ (ȧ) измѣняются въ ė передъ удареніемъ послѣ начальныхъ согласныхъ слова, а послѣ ударенія въ положеніи не передъ твердой согласной, т. е. въ положеніи передъ мягкой согласной и въ конечномъ открытомъ слогѣ. Такъ въ томъ же ярослав. говорѣ видимъ переходъ ȧ въ ė въ случаяхъ какъ снеть, висть, мисецъ, мпреть (вм. мѣрять); также иди́тė, пожа́луйтė, приди́тė, жени́тė, глупя́е, больня́е, лу́чче. Если этотъ законъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ говорахъ, то его слѣдуетъ, мнѣ кажется, еще болѣе обобщить, допустивъ фонетическій переходъ ȯ и ȧ въ ė закрытое тамъ, гдѣ не могло имѣть мѣста вліянія на сохраненіе ȯ со стороны *о* въ слогѣ ударяемомъ или передъ удареніемъ: ве́сёл сохраняетъ ё подъ вліяніемъ весёлый, де́рнёмъ 1 л. мн. подъ вліяніемъ везёмъ, по́лё подъ вліяніемъ словъ на -о́, -ё́; за́пёрта подъ вліяніемъ

запёртá, прежнёму подъ вліяніемъ словъ на -óму, вёчоръ подъ вліяніемъ вечóръ, вечорá, но рядомъ вѐсѐло, родителѐвъ (примѣры приведены изъ ярослав. говора описаннаго Тихвинскимъ).—Я увѣренъ, что говоровъ испытавшихъ указанный переходъ ȯ, ȧ въ ѐ закрытое, совершенно аналогичный древнему переходу ȯ, ȧ при тѣхъ же условіяхъ въ ѐ закр. въ общерусскихъ говорахъ β, найдемъ не мало въ области сѣвернорусскаго языка. Такъ въ олонецкой губерніи я слышалъ въ деревняхъ, говоръ которыхъ никоимъ образомъ нельзя почесть говоромъ β (такъ какъ тамъ говорятъ припѐлá, сёлó, ёны, всёго и т. д.) произношеніе ѐ закр. вм. ȯ въ словахъ какъ крѣпче, баще, другоэ, воруэ, вставаэ, большоэ, золотоэ, не може, вышеў, денегъ, вѐчера, дерево, по нашему, вашему, вашего, хозяэва, хозяэв, каменьев, также въ словахъ безъ самостоятельнаго ударенія: ены (при ёны), его (при ёго, ёму); далѣе въ третьемъ слогѣ передъ удареніемъ: целовѣкъ. Иногда даже въ слогѣ передъ удареніемъ наблюдаемъ произношеніе съ *е* закр. вм. ё: росклевали, горевать, вчерась, своего, моего, всему. Такія ѐ и *е* закр. въ сѣвернорусскихъ говорахъ, восходящія фонетически къ болѣе древнимъ ȯ, *о* не могутъ быть безъ натяжки выводимы изъ вліянія сосѣднихъ говоровъ β. Формулируя дѣйствовавшій при этомъ законъ, я допускаю, что во многихъ сѣвернорусскихъ говорахъ звуки ȧ, ȯ (существовавшіе въ неударяемомъ и ударенію не предшествующемъ слогѣ) въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ измѣнились въ ѐ закрытое; ȯ, ȧ сохранились лишь тамъ, гдѣ находились подъ вліяніемъ окончанія и гласной корня, суффикса *а*, *о* (въ слогѣ ударяемомъ и передъ удареніемъ): поэтому напр. въ конечномъ открытомъ слогѣ находимъ вообще ѐ (2 л. мн. тѐ изъ тя, 3 л. ед. ѐ изъ *я*, окончанія ѐ, ѣѐ въ срав. ст.), но въ склоненіи именъ видимъ ȯ, ȧ (полё, воля), ср. сохраненіе ȯ (ȧ) при тѣхъ же условіяхъ въ говорахъ β (москов. идитѐ, глупѣѐ, но pol'ȯ, vol'ȯ); въ цѣломъ рядѣ суффиксовъ ё могло сохранять свой звукъ: хмѣлёнъ ср. умёнъ,

но въ слогахъ передъ ударенiемъ ô исчезало безусловно. Измѣненiе ô въ ê въ цѣломъ рядѣ случаевъ, касавшееся и того ô, которое являлось вмѣсто *о* въ словахъ энклитическихъ, могло вліять на появленiе въ единичныхъ случаяхъ перехода *о* въ слогѣ передъ ударенiемъ въ *е* закр.: ены энклитика вызывала ený вм. ёнý.

О чередованiи звуковъ *е* закр. и *о* въ слогѣ передъ ударенiемъ. Сѣверноруссkie говоры получили чередованiе *е* (ê) закр. и *о* (ô) въ положенiи передъ твердыми и мягкими согласными еще изъ общевосточнорусскаго языка. Во всѣхъ говорахъ удерживалось такое чередованiе въ слогахъ ударяемыхъ; въ нѣкоторыхъ также въ слогахъ передъ ударенiемъ. Такъ находимъ въ ярославскомъ говорѣ, описанномъ у Тихвинскаго: пшоно—пшенисной, тёлушка—телёнокъ, сёло—на селѣ, пёсý—несёшъ, jому—jejё и т. д. Но въ другихъ говорахъ *о* изъ словъ какъ сёло, пёсу распространялось на слова селѣ, несёшъ, почему мы найдемъ въ нихъ не только преобладанiе звука *о* надъ *е* закр. въ формахъ грамматическихъ, ср. нижегор. отвёзи Обзор Кол. 76, олон. и пошех. рёвитъ, лётитъ (подъ вліянiемъ рёву, лётать), олон. щокѣ, косьёвищо (подъ вліянiемъ окосьё), нижег. трёмя (Кир. I, 39 подъ вліянiемъ трёхъ, трёмъ), олон. жонѣ, жонити и т. д., но также въ единичныхъ случаяхъ вытѣсненiе звука *е* звукомъ *о* въ словахъ какъ жолѣзо, вёцóръ вм. вечоръ и др. под.; срав. вытѣсненiе *е* закр. въ слогѣ передъ ударенiемъ звукомъ *а* въ акающихъ говорахъ.

О появленiи звука *е* закрытаго вм. *я* въ слогѣ передъ ударенiемъ въ сѣвернорусскихъ говорахъ группы *а*. Во многихъ говорахъ, сохранившихъ древнее чередованiе звуковъ *о* и *е* закр. въ слогѣ передъ ударенiемъ, звукъ *я* сталъ уступать мѣсто звуку *е* закрытому передъ мягкой согласной: я думаю, это стоитъ въ зависимости отъ близости звуковъ

о откр. и *а*, при чемъ чередованіе, въ которое вступалъ звукъ *о*, естественно переносилось и на звукъ *а*. Такъ явились напр. въ яросл. говорѣ, описанномъ у Тихвинскаго: редйцца, кисйня, сгпёнокъ, едрёной (но ядро), еичко, поглежу, двадцетй, запреги. Звукъ *е* закр. въ этихъ словахъ нельзя сравнивать съ вельскимъ, онежскимъ или, изъ южновеликорус. говоровъ, москоцкимъ *е* закрытымъ въ тѣхъ же словахъ: послѣднее восходитъ къ общевосточнор. *е* закрытому въ говорахъ β и является также передъ твердой согласной (едро, привезать, реды, взела); между тѣмъ ярославское *е* закр. происхожденія новаго и стоитъ въ тѣсной зависимости отъ положенія передъ мягкой согласной, почему рядомъ находимъ взя́ла, ядро́, запрягу́.

О замѣнѣ въ нѣкоторыхъ сѣверпорусскихъ говорахъ группы β звука ѐ закр. въ грамат. окончаніяхъ звукомъ ȯ. Явленіе, о которомъ я буду здѣсь говорить, не фонетическое, а развилось на почвѣ грамматической аналогіи; въ своемъ началѣ оно представляется переносомъ звука ѐ изъ ударяемыхъ окончаній вмѣсто ѐ закрытаго въ окончанія неударяемыя. Такъ еще въ общевосточнорусскую эпоху въ окончаніи им. вин. ср. рода ȯ сохранялось послѣ мягкой согласной подъ вліяніемъ ударяемаго ȯ́: по́лё, вмѣсто а можетъ быть и при фонетическомъ полѐ. Въ позднѣйшую эпоху, когда законъ объ измѣненіи *о* неударяемыхъ въ *е* закрытыя прекратилъ свое дѣйствіе— звукъ ѐ въ говорахъ β въ цѣломъ рядѣ грамматическихъ окончаній уступилъ мѣсто звуку ȯ. Подъ вліяніемъ моё, идётъ, сыновьёвъ, дождёмъ явились доброё, будётъ, зятевьёвъ, затём. Вотъ почему въ вельскихъ и онежскихъ говорахъ, которыя я считаю говорами β на основаніи замѣчаемаго въ нихъ перехода звуковъ *я* (и ё) въ слогахъ передъ удареніемъ и даже въ ударяемыхъ слогахъ въ *е* закр., мы тѣмъ не менѣе находимъ ё въ грамматическихъ окончаніяхъ, а также въ словообразовательныхъ

частяхъ слова. Такъ въ вельскомъ говорѣ (Этн. сбор.) звукъ ѐ извѣстенъ только въ слогахъ послѣ ударенія, точнѣе, только въ грамматическихъ окончаніяхъ и нѣкоторыхъ суффиксахъ, передъ удареніемъ находимъ правильно *е* закр. (въ слезахъ, севодни, моено, зелено, перо, целомъ, цетыре, ср. еще занисло, чилу): красноѐ, лютоѐ, хорошоѐ, кладбищѐ, прибѣжисцѐ, звирисцо, горѐ, зятѐмъ, обыцаѐвъ, кормиличѐмъ, пашово, дремуцѐво, буѐнъ, подруженѐкъ (-ѐкъ вм. -ѐкъ подъ вліяніемъ -окъ). Вліяніе чередованія окончаній горѐ и горѐ, хорошеѐ и хорошоѐ (с. 28) и т. п. вызвало ѐ вм. ѐ и въ окончаніи 2 л. мн., какъ поменитё, ходитѐ, тонцитѐ, жалуйтѐ, въ мѣстоименіи -сѐ вм. сѐ (фонетически изъ ся): загорилисѐ, поконаюсѐ, божиласѐ, называтцѐ, просатцѐ, надиеусѐ и т. д.; также въ окончаніи сравнительной степени: билѧѐ, любяѐ. Точно также въ онежск. говорахъ находимъ: ка́меньѐ, синѐѐ морѐ, именѐмъ, будѐ, поѣдѐтъ, нашѐго и др. рядомъ съ цетыре, сестра и т. д., насмѣялсе, свататься, показалосе.

О діалектическомъ вытѣсненіи звука *е* въ слогѣ передъ удареніемъ звукомъ *о* въ говорахъ β. Мнѣ представляется вѣроятнымъ, что въ нѣкоторыхъ изъ говоровъ β звукъ *о*, проникая изъ формъ съ удареніемъ на этой гласной, вытѣснялъ первоначальный звукъ *е* закр. послѣ того какъ законъ объ измѣненіи *о* и *а* неударяемыхъ въ *е* закр. послѣ мягкихъ согласныхъ прекратилъ свое дѣйствіе. Поэтому существованіе въ какомъ нибудь говорѣ формъ какъ жона, жонити, ёго, сёло́ и т. д. не даетъ еще основанія отрицать принадлежность его къ древней группѣ β, если только другія особенности указываютъ на это. Во всякомъ случаѣ еще слишкомъ мало сдѣлано для изученія русскихъ говоровъ, чтобы можно было сказать опредѣленно, какіе изъ современныхъ намъ говоровъ являются представителями древней группы β, но несомнѣнно и то, что ни въ одномъ сѣвернорусскомъ говорѣ не сохранились ти-

ническія особенности говоровъ β такъ последовательно, какъ въ южновеликорусскомъ говорѣ — московскомъ.

О діалектическомъ измѣненіи конечнаго закрытаго ѐ изъ *ѣ* въ ȯ. Говоры представляющіе вмѣсто ѐ изъ *ѣ* звукъ ȯ (ё) въ конечномъ открытомъ слогѣ принадлежали, какъ я думаю, къ говорамъ β. Въ этихъ говорахъ, согласно предыдущему, ѐ закр. въ грамматическихъ окончаніяхъ вытѣснилось звукомъ ȯ: чередованіе же формъ -тѐ и -тё, -сѐ и -сё, -ѣјѐ и -ѣјо вызвало появленіе при и вмѣсто -јѐ въ формахъ р. ед. ж. р., им. вин. мн. прилаг. всѣхъ родовъ -јȯ. Въ говорахъ же исконно имѣвшихъ окончанія -тя, -ся, -ѣя, чередовавшіяся діалектически вслѣдствіе совпаденія звуковъ ȧ и ȯ съ -тё, -сё, -ѣё, не откуда было явиться чередованію ѐ закр. и ȯ (ȧ) въ конечномъ открытомъ слогѣ и последующему вытѣсненію ѐ закрытаго черезъ -јȯ. Поэтому я считаю вельскій говоръ представителемъ древней группы β, ибо въ немъ находимъ: р. ед. царскоїȯ (В. Г. О. 1859 № 2), горкіё, вострыё, бидныё (Эт. сб. V); им. мн. милыё, цесныё, ровныё, хорошіё, нисціё, добрыё (тамъ же); таковымъ же признаю говоръ Ситкарей (molож. у.): р. ед. сироты горькіё, великіё милосци, съ цужіё дальніё сторонушки, им. мн. милыё брацья, ȯцы ясныё, руки бѣлыё, ронныё, золотыё, голубушки милыё, поля цыстыё и т. д. (Эт. сб. I), ср. въ томъ же говорѣ ѐсци 3 л. ед. (с. 143), ср. въ говорахъ α естя, при чемъ ѐсци восходитъ къ ѐстѐ изъ ѐстӓ. Нахожу вѣроятнымъ думать, что въ говорахъ β, смѣнявшихъ, по указанной выше причинѣ, конечное закрытое ѐ звукомъ ȯ, тоже окончаніе ȯ являлось и вмѣсто конечнаго *i* въ нѣкоторыхъ формахъ: отношу сюда появленіе во 2 л. ед. -шо вм. -ши, при чемъ слѣдуетъ предполагать, что ѐ закр. чередовалось съ *i* (ср. *и* вм. *ѣ* въ вельс., *i* вм. ѐ закр. въ сит. на закаци с. 151). Такъ мы находимъ у Ситкарей идзёшо, поидзёшо, баёшо, сдзѣлаёшо; тоже въ арх. губ., ср. приводимыя въ Тр. Э. О. кн. V, вып. 1, с. 111:

ѣдешо, идешо, дѣлаешо. Причина появленія -jo вм. -jѐ въ род. ед., им. вин. мн. прилаг. и сохраненія -ѐ напр. въ мѣс. ед., дат. ед. именъ совершенно ясна: -jѐ было извѣстно только въ удар. слогѣ, а ѐ въ приведенныхъ формахъ чередовалось съ ударяемыми окончаніями *е* или *і* (изъ *е* закр.). Укажу еще на пошех. и рыбин. злыё собаки, топкіё мѣста, ясныё дни, дубовыё, бѣлыё (прог.).

О діалектическомъ измѣненіи закрытаго звука *е* передъ твердыми согласными въ *е* открытое въ слогѣ передъ удареніемъ. Выше было указано на существовавшее во многихъ сѣвернор. говорахъ чередованіе звуковъ *о* откр. и *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и передъ твердыми согласными съ *е* закр. въ положеніи передъ мягкими согласными: ср. въ ярослав. говорѣ сёло—селѣ, ряды—редицца, олон. вёсна́—веснѣ и т. д. Это самое чередованіе вызвало вмѣсто закрытаго *е* (соотв. церв. *ѣ*) передъ твердыми согласными *е* открытое: такимъ образомъ при рекѣ, гнезде, беде съ *ẹ* закр. въ слогѣ передъ удареніемъ явилось произношеніе река, гнездо, беда съ *е* открытымъ. Появленіе такого *е* открытаго, и начало его — стремленіе провести въ случаи какъ река—реке чередованіе открытыхъ и закрытыхъ звуковъ имѣло слѣдствіемъ смѣшеніе въ нѣкоторыхъ говорахъ звуковыхъ отношеній словъ типа сёстра́—сестрѣ со словами типа река́—реке. Въ этихъ говорахъ съ одной стороны вмѣсто сёстра, пёро, вёсна и т. д. явились сестра, перо, весна съ открытымъ *е*, съ другой вм. река, беда, гнездо явились рёка́, бёда, гнёздо. Произношеніе сестра и т. д. съ открытымъ *е* наблюдается между прочимъ въ говорахъ Олонецкой губерніи, ср. тамъ же: горевать, ноцевать, жены дат. ед., переверну́ў, перо, летают, несла́, росклевали и цр. съ *е* откр. Тамъ же, а также во многихъ другихъ говорахъ, находимъ ё вм. первон. *ѣ* въ слогѣ передъ удареніемъ, ср. вёдро́ олон., новгор., молож. пошех., гнёздо олон., пошех., рёка муром., ярослав., рёку́ ардат. (Э. сб. V 29),

пёсокъ муром., судогод., молож., сарат., пётухъ валд.; молож., пошех., хлёбать олон., роман., ярослав., бёда́ муром., свётло́ олон. (тамъ же съ переносомъ ударенія свётло), ёда́ муром., черепов., ёдобна (и едобна рожь) олон., чолковчё нов. (Даль), цвётовъ ковров. (твётовъ у Колосова), снёжокъ молож. Въ нѣкоторыхъ говорахъ ё вм. *е* откр. ограничилось лишь нѣсколькими словами: такъ въ ярославск. говорѣ, описанномъ у Тихвинскаго, венокъ, река, беда, еда съ *е* откр., но сёку и бёгу, явившіяся при сечошъ, бегі́, съ *е* закр., подъ вліяніемъ пёку—печешъ, вёсу—неси, также вёдро́ подъ вліяніемъ сёло́. Считаю нужнымъ замѣтить, что ё въ рёка, бёда и т. п. нельзя сопоставлять съ *я* въ словахъ рака, бяда акающихъ говоровъ, т. е. выводить рака изъ рёка; *я* въ рака фонетически стоитъ вм. *е* скл. къ *а*, а ё въ рёка́ замѣнило *е* открытое, которое изъ *е* закрытаго, нефонетически. Въ нѣкоторыхъ говорахъ Олонецкой губерніи *е* въ указанныхъ случаяхъ звучитъ настолько открыто, что спорадически слышится даже *я*: въ пляну́.

Объ измѣненіи звуковъ ѐ и ò (à) въ *і* и *ы* въ сѣверорусскихъ говорахъ. Подобное измѣненіе имѣло мѣсто въ единичныхъ случаяхъ во всей области сѣверорусскаго нарѣчія, при чемъ причина и условія измѣненія тѣже, которыя наблюдаются въ говорахъ южновеликорусскихъ. А именно, мы находимъ *і* и *ы* вм. ѐ и ò (à) въ словахъ не имѣющихъ самостоятельнаго въ предложеніи ударенія. Такъ во многихъ говорахъ, не измѣняющихъ ѐ въ *і*, тѣмъ не менѣе находимъ миня, тибя: ср. напр. въ говорѣ Ситкарей миня, тибя, въ ярослав. говорѣ, описанномъ у Тихвинскаго, миня 63; тоже относительно слова що, шшо, онеж. ше, миня. Вмѣсто да въ нѣкоторыхъ говорахъ, напр. въ былинной рѣчи, слышится ды, напр. въ вытегорскомъ уѣздѣ: сына любимого ды и прекраснаго; слово вѣдь звучитъ вить въ нѣкоторыхъ говорахъ, не измѣнившихъ *е* изъ *ѣ* въ *і* и т. д.

Также какъ въ южновеликорусск. видимъ, что ѐ, ὀ послѣ ударенія въ положеніи передъ группой согласныхъ могутъ измѣняться въ *i*, *ы*. Надо понимать и здѣсь это явленіе такъ, что на слѣдующемъ слогѣ, отдѣленномъ отъ ударяемаго слога слогомъ и группою согласныхъ, являлось второстепенное удареніе, при чемъ положеніе ὀ, ѐ въ слогѣ между ударяемымъ и снабженнымъ второстепеннымъ удареніемъ имѣло слѣдствіемъ ослабленіе звука и затѣмъ указанный переходъ въ *ы*, *i*: ср. холмогор. мамынька, симб. березынька, луж. государынька, понизёхинько Зап. Г. О. IV, 312, 313, молож. перехрестычку Обзор Колосова 95. молож. сит. церниньки, подружиньки, серебленинькю, дорожинькѣ, косыньку, малинькёй, нижегор. свахыньку, нерадышенъ (изъ косвен. падежей нерадышина), чарычки, примѣтычки, стрѣлычка, въ колёсычку (Пѣсни Кирѣевскаго), арх. малинькой, рѣчинька.

О діалектическомъ измѣненіи ѐ въ *i* въ сѣвернорусскомъ нарѣчіи. Во многихъ говорахъ ѐ закр. измѣнилось въ *i* одновременно съ измѣненіемъ въ *i* звуковъ *e* закрытыхъ въ слогахъ ударяемыхъ и ударенію непосредственно предшествующихъ: въ говорахъ представляющихъ произношеніе тисть, двири, мидвѣдь, жинѣ, щинёнка естественно ожидать *i* вм. ѐ въ словахъ какъ либидиный, мидвидей, дѣвушинъ (здѣсь *i* изъ ѐ, явившагося вм. ὀ послѣ мягкой согласной *ш* въ говорѣ β) и т. д. О такомъ измѣненіи *e* и ѐ закрытыхъ я говорилъ выше въ главѣ 19-ой: здѣсь я остановлюсь на переходѣ ѐ въ *i* въ такихъ говорахъ, гдѣ онъ не сопровождался измѣненіемъ въ *i* закрытаго *e*. Въ нѣкоторыхъ именно говорахъ, измѣнявшихъ ȧ и ὀ послѣ мягкихъ согласныхъ въ началѣ словъ въ ѐ, первоначальное ѐ послѣ тѣхъ же согласныхъ подвергалось измѣненію въ *i*: такое *i* находимъ въ ярославскомъ говорѣ, описанномъ у Тихвинскаго: нихарошо, сприда, чиредомъ, бирежокъ, ниредали (с. 68), пиремииилъ, ср. сохраненіе ѐ въ сло-

гахъ послѣ ударенія; что же до *і* въ милинькой, бѣлинькой, ранёшинько, то оно стоитъ вм. ѐ по указанной выше причинѣ, ср. тутъ же ы вм. ȍ: кóсыньку. Звукъ ȅ изъ ȁ сохранятся какъ ȅ — месоѣдъ, чесовой, редовой, но также извѣстно чижоло. Таково же происхожденіе *і* напр. въ сарат. чиботарь, читырёхъ, чиловѣкъ.

Объ исчезновеніи звуковъ ȅ, ȍ, ȁ **въ сѣвернорусскихъ говорахъ** можно сказать тоже, что сказано о такомъ явленіи въ южновеликор. и бѣлорусскихъ говорахъ, съ тѣмъ однако различіемъ, что въ окающихъ говорахъ оно встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ акающихъ. Такъ мы находимъ передъ удареніемъ исчезновеніе ȍ въ третьемъ отъ конца слогѣ, напр. сарат. соркоустъ, ширкосинка, понмарёвъ; послѣ ударенія: арх. проволка, шенк. проволкой (Кир. I, 81), арх. ýлчкомъ, переулчкомъ, достантце (Тр. Э. О. V, вып. 1, с. 145, 92). Довольно обычно выпаденіе ȅ въ словахъ кажется, хочется, напр. молож. сит. кацца, нехоцца Эт. С. I, 43, арх. хотче, хотьце (Труды с. 91, 88), влад. переяслав. хотца у Даля LIV.

Діалектическое измѣненіе *е* **закрытаго ударяемаго въ** *ё*. Выше было указано, что въ сѣверныхъ говорахъ звукъ *ѣ* измѣнялся въ *е* закрытое независимо отъ слѣдующей согласной и вообще отъ положенія въ словѣ: такимъ образомъ звукъ *е* закр. оказывался въ цѣломъ рядѣ словъ передъ твердыми согласными, ср. соврем. олонец. хлебъ, сера, мера, сено и т. д. съ *е* закр. Такое *е* закр. измѣнялось въ языкѣ двоякимъ образомъ: съ одной стороны вліяніе случаевъ какъ деле́цъ, купе́цъ, деревенскій, земство и др., гдѣ передъ отвердѣвшими согласными являлось *е* открытое, вызывало измѣненіе *е* закр. передъ исконно твердыми согласными въ *е* открытое, такъ явились сѣверноруск. хлебъ, сера, весъ, дело съ *е* открытымъ; съ другой стороны — и это думаю въ тѣхъ нарѣчіяхъ, въ которыхъ *е* открытое подъ

удареніемъ было вообще мало извѣстно, такъ какъ мягкія согласныя сохраняли въ нихъ свою мягкость,—вліяніе словъ какъ дёнъ при день, стерёгъ при стеречь, лёдъ при ледникъ и т. д. вызывало при полене, телеге, мель и т. д. полёно, телёга, мёлко вмѣсто полено, телега, мелко съ *е* закрытымъ. Такъ явились олон. сусёдъ (при сусѣдъ), арх. посёдка (Подв. подъ словомъ посидка), олон., арх., волог. бесёда, бесёдовать, олон. мёлко, полёно, телёга, телёжный, арх. ёзъ, заёзокъ (при ѣзъ), крёсла, молож. крёсло, олон. сугрёва (Барсовъ Причитанья 117), примёрно, каргоп. свирёный, вытегор. чёлый (вм. цѣлый), псков. блёдый (Колосовъ), псков. твер. медвёдокъ, молож. трёснуть, арх. трёснула (Як. 527), олон. натрёснулась, олон. врёзываетъ; твер. колёчить указываетъ на колёка вм. калѣка; олон. (Викшезеро) съёздишь имѣетъ ё изъ формы 1 л. ед. ёжжу, гдѣ *жж* очевидно отвердѣло (ср. отвердѣніе *шш* въ лёщ, молож. въёжжать также указываетъ на отвердѣніе *жж*, при чемъ ё явилось вм. открытаго *е*, вызваннаго отвердѣніемъ слѣдующихъ согласныхъ). Любопытно еще ё въ мнёшеньки волог. Сб. св. II, 94 вм. мнѣшеньки. Съ такимъ ё вм. *е* закрытаго не имѣетъ, конечно, ничего общаго ни великор. и бѣлор. ё въ словахъ гнёзда, вёдра, пріобрёлъ, ни также ё напр. въ вёшка: вёшка въ сѣверновеликор. говорахъ явилось подъ вліяніемъ вёха́ (нефонет. вм. веха), въ южновеликор. подъ вліяніемъ вяха́ (фонет. вм. вѣха́), а въ говорахъ β вёшка при веха, ср. вёсну при весна́; таково же ё въ поддёвка: ё подъ вліяніемъ неударяемой гласной въ надевать, надёвать, надявать. Напротивъ съ полёно и т. п. вм. полено можно сравнить появленіе ё вм. *е* закрытаго передъ отвердѣвшей согласной въ молож. вёрхъ, перм. шадр. къ вёрху (Аф. I № 93), ярослав. тёркой (Тихв. с. 35), олон. дёржитъ.

Объ измѣненіи звука *е* закрытаго въ слогѣ ударяемомъ и ударенію непосредственно предшествующемъ вслѣдствіе отвердѣнія

слѣдующей согласной. Большинство сѣвернорусск. говоровъ при измѣненіи удар. *е* закр. передъ отвердѣвшей согласной слѣдуетъ общевосточнорусскому закону, по которому вм. *е* закр. являлось *е* откр., сохранявшееся за тѣмъ безъ измѣненія. Но нѣкоторые изъ такихъ говоровъ, въ которыхъ отвердѣніе согласныхъ мягкихъ вообще рѣдко, представляютъ при этомъ оригинальныя измѣненія *е* откр. изъ *е* закр. въ силу того, что языкъ вообще не зналъ *е* откр. удар. передъ твердыми согласными. Такъ съ одной стороны вм. такого *е* открытаго является ё въ силу того, что *е* откр. не было извѣстно подъ удареніемъ передъ твердой согласной: вм. верьхъ находимъ вёрхъ непосредственно изъ верхъ въ молож., а также перм. шадр. (въ вёрху Аф. I № 93), вм. терпкій въ ярослав. говорѣ (у Тихв.) тёрпкой; также являются пошех., молож., олон. дёржитъ, задёржка, ср. московск. держитъ съ *е* откр. Съ другой стороны *е* откр. измѣнялось въ *а*: подобные случаи вообще весьма рѣдки и напоминаютъ измѣненіе ӓ откр. (вм. ӓ закр.) въ *а* въ общерус. языкѣ (въ случаяхъ какъ словяспо, любязно, головяшка); отношу сюда напр. олон. рѣшатчатый вм. рѣшетчатый съ *е* откр. изъ рѣшетьчатый, м. б. также онеж. сарцо. Впрочемъ, слѣдуетъ, можетъ быть, принять при этомъ во вниманіе олонец. произношеніе рѣшото́ почти какъ рѣшато́.

Звукъ *е* закрытый въ слогѣ передъ удареніемъ, вслѣдствіе отвердѣнія слѣдующей за нимъ согласной, также переходитъ въ *е* откр., которое въ большинствѣ говоровъ сохраняется безъ измѣненія, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вм. *е* откр. является ё, ср. измѣненіе въ ё *е* открытаго изъ *ѣ* въ слогѣ передъ удареніемъ: ср. олонец. кочорга́ вм. кочерьга, молож. вёрхушка, олон. яр. дёржать. Что до ё въ лёжать олоп. (напр. у Кир. III, 107), онеж., молож., то оно также, думаю, явилось вм. *е* открытаго изъ *е* закрытаго уже въ позднѣйшую эпоху; иначе непонятно бы было, почему въ нѣкоторыхъ говорахъ при сёло, рёбро является лежать, а не лёжать;

впрочемъ уже въ восточнорусскомъ можно бы ожидать ŏ въ такомъ положеніи, ибо *ж* и *ш* отвердѣли діалектически еще въ ту эпоху. Звукъ ё въ молож. въёжжать непосредственно изъ *е* откр., а это изъ *е* закрытаго передъ отвердѣвшей группой согласныхъ *жж*. Понятно, что въ говорахъ β *е* закрытое въ слогѣ передъ удареніемъ не измѣнялось вслѣдствіе отвердѣнія слѣдующей согласной.

Звукъ ė закр. передъ отвердѣвшей согласной переходитъ въ ė откр., сохранявшееся въ однихъ говорахъ, а въ другихъ измѣнявшееся въ ò: ср. при во́сėмъ, мо́лодėцъ однихъ окающихъ говоровъ олонецкое во́сёмъ.

О нефонетической замѣнѣ ударяемаго *е* откр. въ конечномъ откр. слогѣ звукомъ *о*. Говоры измѣнившіе въ конечномъ с...ѣ а́ въ ò (см. выше) и получившіе поэтому вмѣсто болѣе древнихъ бу́дя, ѣдя, дайтя произношеніе бу́дё, ѣдё, дайтё, могли переносить это ò въ окончанія ударяемыя. Такъ можно объяснить существованіе въ нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ говорахъ назовё, пойдё олон., луж. берё, идё, живё, орё, плывё. Впрочемъ, такое ё въ перечисленныхъ формахъ 3 ед. можетъ быть заимствовано изъ формъ назовётъ, пойдёшь, берёмъ и т. д. Но несомнѣнно, что ё въ формахъ спитё вят., хотитё, дадитё черепов., спитё, хотитё, ѣдитё рыбин., могитё, несетё роман., варитё, куритё, глядитё молож., возьмитё, упадитё ярослав. (у Тихвин. 2 л. мн. нас. вр.) заимствовано изъ неударяемаго окончанія -тё, которое въ свою очередь фонетически явилось вм. -тя. Древнія формы на -те́ сохраняются во многихъ сѣвернорусскихъ говорахъ. Тамъ, гдѣ братья измѣнялось въ братьё, гдѣ вм. перья, колья являлись, вслѣдствіе перехода jа́ въ jò, пе́рьё, ко́льё, слова какъ дружья, княжья могли также замѣнять свои ударяемыя *я* черезъ ё, ср. князьё молож., дружьё (дружіё Варенцовъ 157).

О діалектическомъ появленіи *а* вмѣсто *о* вслѣдствіе переноса ударенія. Выше было ука-

зано, что нѣкоторые говоры Олонецкой губерніи представляютъ: 1) въ слогѣ передъ удареніемъ *о* скл. къ *а* въ соотвѣтствіи другихъ говоровъ, 2) въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ ȧ вм. ȯ. Часть этихъ говоровъ пережила интересное вліяніе сосѣднихъ финновъ (Корела) на удареніе слова: удареніе переносится на первый слогъ слова и при этомъ, какъ я убѣдился, правильно только съ конечнаго слога слова. Слогъ серединный сохраняетъ свое удареніе, — и это различіе объясняется, конечно, тѣмъ, что въ языкѣ были извѣстны случаи чередованія ударенія между первымъ слогомъ и конечнымъ и вовсе неизвѣстно чередованіе между первымъ слогомъ и слогомъ серединнымъ. Такъ мы найдемъ во многихъ говорахъ Олонецкой губерніи: прóшла, пўўтора, кýлачъ, вúно, прúбѣжаў, шóлухой, вáлий, к тúби, пéревезли, пáливай, сѣ́нокосъ, нáкладутъ и т. д., но корóва, полѣ́но, весёлый, устáлый, кобы́ла, горáздо и т. д. Въ говорахъ, гдѣ ȯ измѣнилось въ ȧ и гдѣ передъ удар. является *о* скл. къ *а*, находимъ съ переносомъ ударенія вм. ȧ — *а*, напр. нáцёвать, ця́ловѣкъ, сгáворись, вм. *о* скл. къ *а* или очень открытое *о*: пóпа почти роара, или даже á: тя́пло, я́му, ця́го, вця́рась, всяго, тáперь, áдинъ, жáной, вáзьми, съ тáбой, дáмой, дáци (вм. дочи́), стáроны, сáгрѣть, дáить и т. д. Рядомъ являются и формы: домóй, съ тóбой, тёпло и тепло́ съ откр. *е* (см. выше); чередованіе произношенія тя́пло, вя́зуть, Стя́панъ съ тепло́, везу́ть, Степанъ, гдѣ буква *е* обозначаетъ *е* открытое, повліяло на появленіе при рекá, бедá, мешóк и др. съ *е* открытымъ формъ ря́ка, бя́да, мя́шокъ, хля́бать, пя́тухъ, бя́жать. Такимъ образомъ въ языкѣ развилось стремленіе замѣнять гласныя въ начальномъ слогѣ, получившія на себя удареніе, болѣе открытыми гласными. Такъ вм. *е* закр. явилось *я*, напр. вя́зди, гря́сти, пля́сти, сгря́би, тя́би, тя́перь, вя́ди, мя́ни, мя́ня, свя́зли, жя́ньцовъ и т. д. Замѣчу, что гласная *я*, явившаяся въ формахъ мя́ня, тя́бя, переносилась въ эти же формы при ихъ эклит. употребленіи: не прò табя и не прò маня. Можетъ быть,

есть и другіе говоры, представляющіе вм. *о*, *ё* — *о*, *я*, вслѣдствіе переноса ударенія; такъ екатеринб. *сястрица* имѣетъ *я* очень напоминающее *я* вм. *е* олонецкихъ, такъ называемыхъ ляпающихъ говоровъ.

Въ заключеніе этого изслѣдованія я предполагалъ помѣстить двѣ главы, въ которыхъ должны были быть описаны современные живые русскіе говоры по отношенію къ звуковой сторонѣ ихъ, связанной съ судьбою звуковъ *о* и *е*. Но въ настоящее время недостатокъ матеріала не дозволяетъ мнѣ привести мое предположеніе въ исполненіе. Читатель замѣтилъ, какъ мало я знакомъ съ живыми русскими говорами, уже изъ предшествующихъ страницъ; не рѣшаюсь поэтому выступить въ концѣ изслѣдованія съ случайнымъ и ненадежнымъ матеріаломъ, имѣющимся у меня подъ руками. Скажу больше, я знаю, что выпускаю въ свѣтъ сочиненіе недостаточно продуманное и обработанное. Все что уже сдѣлано по изученію русскаго языка, все что уже напечатано относительно живыхъ его говоровъ, могло бы въ значительной степени освѣтить рядъ вопросовъ, оставшихся у меня не выясненными.

А. Шахматовъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

